Bayerische Staatsbibliothek
<36645294860016

4° Conc. 400 c

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОЧНИКОВЪ

ИСТОРІИ

ПЕРВАГО ВСЕЛЕНСКАГО

Никейскаго Собора.

Сочиненіе
на степень магистра богословія

К. Смирнова.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. Фалькъ. Духовская ул., соб. домъ.
1888.

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать дозволяется. Апрѣля 14 дня 1888 г.

Академіи Ректоръ *Епископъ Христофоръ*.

Bayerische Staatsbibliothek München

Fg1/76/6022

Введеніе.

Первый вселенскій Никейскій соборъ представляетъ собою въ высшей степени крупное, важное и безпримѣрное явленіе въ церковной жизни. Ничего подобнаго ему не было въ церковной исторіи предшествовавшихъ вѣковъ. Если епископскіе соборы были обычнымъ въ христіанской церкви дѣломъ еще съ первыхъ вѣковъ ея историческаго существованія, то тѣ соборы и по своему характеру и по своему составу не имѣли ничего общаго съ соборомъ Никейскимъ. Прежніе епископскіе соборы были прежде всего собраніями если и дозволенными верховною государственною властью, то во всякомъ случаѣ оффиціально не утвержденными ею: государственная власть только терпѣла ихъ, но не принимала въ нихъ активнаго участія. Притомъ соборы первыхъ трехъ вѣковъ были соборы помѣстные; на эти соборы сходились епископы только одной или нѣсколькихъ областей. Наконецъ, эти соборы были не болѣе, какъ совѣщательными собраніями, а не законодательными въ полномъ смыслѣ слова. Положимъ, эти соборы постановляли иногда извѣстныя опредѣленія; но опредѣленія ихъ, имѣя значеніе руководительныхъ началъ для участвовавшихъ въ постановленіи ихъ пастырей и предстоятелей церковныхъ, не были положительными законами. „Въ этомъ дѣлѣ, говоритъ напр. Кипріанъ объ одномъ изъ опредѣленій бывшаго при немъ Карѳагенскаго собора,—въ этомъ дѣлѣ мы никого не принуждаемъ, никому не даемъ закона, потому что всякій предстоятель свободенъ управлять церковію по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу“ [1]). Та или другая мѣстная цер-

[1]) Письмо 59 къ Стефану; по русск. пер. ч. I, стр. 284.

ковъ подчинялась подобнымъ опредѣленіямъ, какъ приговору своихъ пастырей, видя въ немъ, по обѣтованію Христову, внушеніе Духа Святаго [1]). Входя въ церковную практику, опредѣленія эти обращались въ правила мѣстныхъ церквей, но въ правила въ смыслѣ обычаевъ, а не законовъ писанныхъ [2]). Не таковъ былъ соборъ Никейскій. Это было первое открытое, торжественное собраніе епископовъ, собраніе не только дозволенное государственною властію, но оффиціально утвержденное ею. Церковь, еще наканунѣ подвергавшаяся жестокимъ, кровавымъ гоненіямъ Діоклетіана и его соправителей, слѣды которыхъ (гоненій) еще не успѣли сгладиться, здѣсь—на Никейскомъ соборѣ—вступаетъ въ самыя тѣсныя отношенія съ государствомъ: ея интересы являются интересами всего государства, ея вопросы занимаютъ государственную власть не менѣе, если не болѣе—вопросовъ чисто-государственныхъ. Сама государственная власть созываетъ епископовъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ; и представители власти церковной—епископы, которые незадолго предъ тѣмъ являлись преступниками въ глазахъ государства, заслуживавшими терпѣть и, дѣйствительно, терпѣвшими наказанія и пытки, здѣсь являются какъ-бы государственными людьми, отправляющими государственныя обязанности: они пользуются покровительствомъ государства, получаютъ изъ государственнаго казначейства деньги на проѣздъ и содержаніе [3]), а представитель государственной власти—императоръ—объявляетъ себя „сослужителемъ епископовъ" [4]), „епископомъ внѣшнихъ дѣлъ церкви" [5]), принимаетъ живое участіе въ богословскихъ—догматическихъ, обрядовыхъ и дисциплинарныхъ вопросахъ, утверждаетъ опредѣленія епископовъ своею

1) Григорія Неокесарійскаго пр. 8.

2) Василія Великаго пр. 1.

3) Евсевій „Жизнь Константина" кн. 3, гл. 6. Migne. Cursus patr. s. gr. t. 20.

4) Рѣчь Константина Собору. Gelasii Cyziceni hist. conc. Nicaeni lib. II, cap. 7. Migne. ser. gr. t. 85. Дѣян. вселенск. соборовъ т. I, стр. 95.

5) Евсевій. „Жизнь Константина" кн. IV, гл. 24. Migne t. 20.

печатью [1]) и издаетъ ихъ, какъ государственные законы [2]). Здѣсь, такимъ образомъ, фактически религія христіанская признана была религіею государственною и получила значеніе важнаго государственнаго института. Далѣе: Никейскій соборъ былъ соборъ вселенскій, первый вселенскій соборъ. По зову государя собрались епископы не одной какой-либо области, но всѣхъ странъ и народовъ, епископы всего тогдашняго міра, отъ крайнихъ границъ верхней Өиваиды до странъ Готскихъ, отъ Испаніи до Персіи. „Тутъ (на соборѣ) собрались мужи, говоритъ Евсевій, весьма отличные другъ отъ друга не только душею, но и тѣломъ, и страною, и мѣстомъ, и языкомъ и всѣхъ ихъ принялъ одинъ городъ" [3]). Это собраніе, по словамъ того-же Евсевія [4]), походило на то собраніе разнородныхъ племенъ, которое было въ первый день рожденія Христіанской церкви,—въ день первой христіанской Пятидесятницы. Это собраніе было по истинѣ вселенскою церковію, явившеюся здѣсь въ лицѣ своихъ предстоятелей. Наконецъ, соборъ Никейскій является первымъ соборомъ, дѣйствовавшимъ съ значеніемъ общаго законодательнаго органа въ церкви Христіанской. Епископы, являясь на Никейскій соборъ представителями своихъ церквей, принесли съ собой и то церковное преданіе, которое сохранялось въ каждой изъ нихъ (церквей) отъ временъ апостольскихъ: голосъ собора былъ, такимъ образомъ, голосомъ и свидѣтельствомъ всей вселенской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и голосомъ главы церкви—Христа, обѣщавшаго пребывать въ церкви „во вся дни до скончанія вѣка" [5]), и Духа Святаго, пребывающаго въ церкви во вѣкъ [6]). „Признанное единогласно тремя стами святыхъ епископовъ, писалъ императоръ Кон-

1) Ibid. IV. 27.

2) Rufinus histor. ecclesiast. lib. I. c. 5. Migne ser. lat. t. 21. Socrates hist. eccl. lib. I. c. 9. Migne curs. patr. s. gr. t. 67.

3) Евсевій. „Жизнь Константина" кн. III, гл. 6. Migne t. 20.

4) Ibid. III. 8.

5) Мѳ. XXVIII гл. 20 ст.

6) Іоан. XIV гл. 16 ст.

стантинъ Александрійской церкви, есть не что иное, какъ мысль Самого Сына Божія, особенно когда въ умахъ столь великихъ и многихъ мужей присутствовалъ Духъ Святый, Который открылъ имъ Божественную волю [1]). Вслѣдствіе этого, постановленія Никейскаго собора, какъ постановленія всей вселенской церкви, руководимой Духомъ Святымъ, являлись въ качествѣ положительныхъ законовъ, притомъ обязательныхъ не для одной какой-либо помѣстной церкви, но для всей церкви Христовой. Такъ императоръ Константинъ объявилъ отцамъ собора, что всякій противящійся догматамъ вѣры (въ смыслѣ опредѣленій собора), какъ нарушитель опредѣленій Божественныхъ, будетъ наказанъ ссылкою" [2]). Съ этой стороны, т. е. со стороны обязательности Никейскихъ опредѣленій для всѣхъ, современники собора находили прототипъ ему только въ извѣстномъ апостольскомъ соборѣ въ Іерусалимѣ, разсуждавшемъ объ обрѣзаніи и издавшемъ постановленіе о необязательности для христіанъ обрядоваго закона Моисеева. „Такой-то, связанный узами мира, вѣнокъ, говоритъ Евсевій, представляющій въ наше время образъ лика апостольскаго (εἰκόνα χορείας ἀποστολικῆς ταύτην καθ᾽ ἡμᾶς σιστησάμενος), отъ вѣковъ прошлыхъ однимъ только царемъ Константиномъ принесенъ Христу Спасителю, какъ благоприличный даръ за побѣду надъ врагами и мятежниками" [3]).

Будучи такимъ чрезвычайнымъ, безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи христіанской церкви по своему характеру и положенію, соборъ Никейскій былъ явленіемъ выдающимся и по важности тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ онъ занимался, по широтѣ и плодотворности своей дѣятельности. Въ продолженіи первыхъ 3-хъ вѣковъ, по причинѣ жестокихъ гоненій на христіанъ со стороны римской государственной власти, помѣстныя

[1]) Дѣян. т. I. стр. 178. Сократъ. церк. ист. 1. 9. Migne. curs. patr. s. gr. t. 67.

[2]) Созоменъ. Церковн. ист. кн. I. гл. 20. Migne. curs. patr. ser. gr. t. 67.

[3]) Евсевій. „Жизнь Константина" кн. III, гл. 7.

церкви не всегда удобно могли сноситься между собою и повѣрять свои обычаи или рѣшать современные вопросы на основанiи вселенскаго преданія; а потому во многихъ помѣстныхъ церквахъ утвердились разные обычаи, иногда не совсѣмъ согласные съ общимъ церковнымъ преданіемъ. Эти разности въ обычаяхъ заходили иногда такъ далеко, что по поводу ихъ возникали споры и несогласія между помѣстными церквами. Таково напр. было разногласіе между азійскими церквами и всѣми остальными относительно времени празднованія Пасхи. По поводу этого вопроса были споры еще во II-мъ вѣкѣ. Не смотря на различныя попытки къ устраненію несогласія [1]), оно продолжалось и въ III-мъ вѣкѣ и, какъ видно по памятникамъ, оставшимся отъ временъ Никейскаго собора, не устранено было и къ началу IV-го вѣка. Были въ церкви въ то время и другія серьезныя неустройства и волненія. Такъ въ Египтѣ возникъ расколъ Мелетія, довольно сильно волновавшій церковь и производившій большіе безпорядки. Но самое серьезное и опасное волненіе произвелъ въ то время Арій. Аріанское ученіе о тварности Сына Божія въ своихъ дальнѣйшихъ выводахъ вело къ уничтоженію главнаго догмата христіанства—догмата искупленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ низверженію всего христіанства. Это лжеученіе было тѣмъ опаснѣе, что оно вскорѣ послѣ своего появленія получило значительное распространеніе и пріобрѣло себѣ очень многихъ сторонниковъ. „Богохульство распространялось въ церквахъ Египетскихъ и восточныхъ, пишетъ Θеодоритъ, въ каждомъ городѣ и селеніи стали открываться споры и ссоры за божественные догматы. А простой народъ былъ зрителемъ событій и судьею рѣчей, присоединяясь либо къ одной сторонѣ, либо къ другой. Дѣла происходили горькія и достойныя слезъ. Не иноплеменники и враги, какъ было нѣкогда,

[1]) Въ видахъ устраненія несогласія относительно времени празднованія Пасхи еще въ III-мъ вѣкѣ составлены были пасхальныя исчисленія, какъ напр. Діонисіево, Анатоліево, Ипполитово: первое опредѣляло время празднованія Пасхи на 8 лѣтъ, второе—на 19 л., а третіе—на 119 лѣтъ.

осаждали теперь церковь, а единоплеменники, люди, живущіе подъ однимъ кровомъ и пользующіеся одною трапезою, вмѣсто стрѣлъ языкомъ поражали другъ друга, или лучше—члены, составляющіе единое тѣло, вооружались другъ противъ друга" [1]). Нужно было устранить всѣ эти неустройства въ церкви, нужно было на основаніи вселенскаго преданія провѣрить укоренившіеся обычаи, пересмотрѣть мѣстные порядки и правила, надлежащимъ образомъ оцѣнить направленія богословствующей мысли; нужно было осудить одно, утвердить другое, уничтожить разногласія и раздѣленія и дать должное направленіе христіанской жизни и дѣятельности. Никейскій соборъ все это и дѣлаетъ. Какъ высшее судилище, онъ пересматриваетъ обычаи и порядки мѣстныхъ церквей, утверждая одни и запрещая другіе, разрѣшаетъ недоумѣнія и споры дисциплинарные и обрядовые, наконецъ, произноситъ судъ надъ ходомъ богословскаго развитія первыхъ вѣковъ, осуждаетъ уклоненія и заблужденія въ этой области и, точно формулируя православное догматическое ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, завершаетъ одинъ фазисъ богословскаго развитія древней церкви и полагаетъ начало другому. Такъ по вопросамъ церковной дисциплины и управленія соборъ издаетъ 20 правилъ; разрѣшаетъ разногласіе относительно времени празднованія Пасхи и произноситъ судъ надъ расколомъ Мелетія. Но самое важное, самое главное дѣло Никейскаго собора, которое составляетъ его славу и величіе, есть символъ вѣры. Этотъ символъ представляетъ собою изложеніе православнаго ученія о Богѣ Отцѣ и Богѣ Сынѣ, изложеніе въ высшей степени полное и изумительно точное: полное на столько, что, по выраженію св. Аѳанасія Александрійскаго, „этого изложенія довольно и достаточно къ низложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія" [2]); точное,—такъ что никакія усилія аріанской діалек-

[1]) Ѳеодоритъ. Церковн. ист. кн. I, гл. 6. Migne cur. patr. ser. gr. t. 82. lib. I. c. 5.

[2]) Св. Аѳанасія Александрійскаго „посланіе къ Африканскимъ епископамъ". Твор. ч. Ш. стр. 315. Migne curs. patr. t. 26 ser. gr. c. I.

тики не въ состоянiи были перетолковать это изложенiе, и арiанамъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: или принять это изложенiе и согласиться съ православнымъ ученiемъ или вовсе отвергнуть самое изложенiе; принять-же символъ, но не принять православнаго смысла его—было нельзя: tertium non datur. Особенно замѣчательно слово „единосущный"—„ὁμοούσιος", которое внесено въ Никейскiй символъ: оно было лозунгомъ православiя въ Никейскую эпоху, такимъ-же остается и до-нынѣ. Въ этомъ одномъ словѣ были обозначены и рѣшены всѣ тринитарные вопросы; имъ однимъ полагался конецъ и субординацiонизму и монархiанизму (савеллiанизму) во всѣхъ ихъ видахъ, волновавшимъ церковь въ первые вѣка христiанства, и богословская мысль должна была закончить свое блужданiе. Положимъ, и послѣ Никейскаго собора тринитарные споры продолжались съ значительною силою; но продолжались потому только, что не всѣ въ то время понимали полный и глубокiй слыслъ „ὁμοούσιος"; многiе видѣли въ немъ только полемическое средство, не чуждое опасной крайности. А что, дѣйствительно, ὁμοούσιος уничтожало всѣ тринитарные споры, разительнымъ доказательствомъ этого служитъ второй вселенскiй соборъ. Въ опроверженiе всѣхъ ересей по тринитарнымъ вопросамъ онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ подтвердить вѣру Никейскую, подтвердить знаменитое „ὁμοούσιος".

Какъ исключительное, безпримѣрное явленiе съ одной стороны, какъ въ высшей степени важное по своей дѣятельности—съ другой, Никейскiй соборъ заслуживаетъ самаго внимательнаго, серьезнаго и всесторонняго изученiя. Правда, послѣдующая исторiя христiанской церкви (IV—VIII вв.) представляетъ намъ еще нѣсколько соборовъ такого-же рода, какъ Никейскiй, но эти послѣдующiе соборы не ослабляютъ значенiя и интереса собора Никейскаго. Даже болѣе: они увеличиваютъ интересъ собора Никейскаго, потому что онъ былъ типомъ и образцомъ ихъ. Всѣ послѣдующiе вселенскiе соборы составлялись и дѣйствовали подобно собору Ни-

кейскому: всѣ они были открытыми и торжественными собраніями, всѣ составлялись по распоряженію верховной государственной власти и вызывались исключительными обстоятельствами, наконецъ, всѣ обладали правомъ верховнаго законодательнаго органа въ церкви. Слѣдовательно, Никейскій соборъ заслуживаетъ вниманія не только какъ важное само по себѣ явленіе, а и какъ типъ другихъ также важныхъ, чрезвычайныхъ событій въ исторіи христіанской церкви.

Но научность и серьезность всякаго историческаго изслѣдованія требуетъ предварительной обработки источниковъ, какъ основанія и фундамента, на которомъ воздвигается прочное зданіе исторіи. Вопросъ объ источникахъ—это первый основной вопросъ всякаго изслѣдованія, претендующаго на серьезность; отъ правильности и обстоятельности разъясненія источниковъ зависитъ правильность и обстоятельность самыхъ научно-историческихъ построеній и выводовъ. Такое значеніе имѣетъ вопросъ объ источникахъ во всякой исторической области. По отношенію-же къ исторіи перваго вселенскаго собора этотъ вопросъ имѣетъ еще большее значеніе, вслѣдствіе особаго характера самыхъ источниковъ. Большинство сказаній о Никейскомъ соборѣ было писано не съ историческими, а практическими, по преимуществу полемическими цѣлями. Этотъ практическій, въ частности—полемическій характеръ повѣствованій не могъ не отразиться въ нихъ нѣкоторыми чертами, невыгодными въ научно-историческомъ отношеніи. Практическія цѣли заставляли писателей, въ ущербъ полнотѣ повѣствованія, иногда обращать вниманіе на одно, пропуская совсѣмъ другое, передавать ходъ событій не въ дѣйствительной связи и послѣдовательности, а эпизодически, скачками и отрывками. Мало того, практическія цѣли писателей, случалось, имѣли своимъ результатомъ и то, что нѣкоторые факты изъ исторіи собора если не прямо извращались, то передавались односторонне, получали слишкомъ субъективную окраску, сильно увеличивались или крайне уменьшались. Очевидно, пользуясь безъ

всякой критики такими показаніями, легко представить дѣло неполно и неточно, выдвинуть одну сторону въ ущербъ другой, принять за несомнѣнную историческую истину то, что приведено древними писателями только какъ средство для полемическихъ или вообще для практическихъ цѣлей, и такимъ образомъ извратись дѣйствительную исторію. Встрѣчаются даже и такіе случаи, что въ двухъ источникахъ равноавторитетныхъ и имѣющихъ самостоятельное значеніе сообщаются извѣстія о томъ или другомъ эпизодѣ исторіи собора, по видимому, совершенно противоположныя и непримиримыя между собою, а между тѣмъ нѣтъ основаній, относиться съ сомнѣніемъ къ показаніямъ обоихъ источниковъ. Если пользоваться безъ критики такими документами, то придется, при изложеніи исторіи—или принимать показанія только одного какого-нибудь источника, совершенно игнорируя другой,—или сопоставлять рядомъ свѣдѣнія противоположнаго характера изъ двухъ разнородныхъ источниковъ, не пытаясь ихъ согласить или объяснить, или-же выбирать изъ того и другаго источника частныя показанія по произволу, по своему уже напередъ составленному представленію о характерѣ и ходѣ событій и дѣйствій собора, и оставлять безъ вниманія другія показанія, не подходящія подъ это представленіе. Но ясно, что ни тотъ, ни другой, ни третій способъ не удовлетворяютъ строгимъ требованіямъ исторической науки и не ведутъ къ несомнѣнно истинному и полному воспроизведенію дѣйствительности.

Далѣе, извѣстно, что не всѣ древнія повѣствованія о Никейскомъ соборѣ имѣютъ самостоятельное значеніе и не къ каждому изъ нихъ можно относиться, какъ къ источнику первой руки. Большинство повѣствованій о соборѣ относится къ разряду источниковъ второстепенныхъ. Авторы ихъ заимствуютъ свѣдѣнія у очевидцевъ собора и вообще у болѣе раннихъ писателей; но при этомъ часто извѣстія послѣднихъ передаютъ въ парафразѣ и поясняютъ, а иногда пополняютъ новыми свѣдѣніями, полученными изъ другихъ источниковъ, бывшихъ въ ихъ распоряженіи. При-

этомъ древніе писатели рѣдко указываютъ прямо источники, изъ которыхъ они заимствуютъ свѣдѣнія, и рѣдко отдѣляютъ свои самостоятельныя показанія или поясненія отъ заимствованныхъ изъ болѣе древнихъ источниковъ. Вслѣдствіе всего этого иногда можно какую нибудь черту второстепеннаго источника принять за самостоятельное новое показаніе, между тѣмъ какъ эта новая, по видимому, черта представляетъ только парафразъ, поясненіе, иногда даже совершенно произвольное, ни на чемъ не основанное или основанное на случайномъ недоразумѣніи, примышленіе позднѣйшаго писателя къ первоисточнику; иногда-же — на оборотъ — тамъ-то именно, гдѣ не придается никакого значенія второстепенному источнику, у него является совершенно самостоятельное и важное показаніе. При разногласіи одного писателя съ другими можно опять или придать слишкомъ большее значеніе этому разногласію въ такомъ случаѣ, гдѣ оно явилось только вслѣдствіе недоразумѣнія, или—напротивъ, не придать ему никакого значенія тамъ, гдѣ это разногласіе очень существенно. Вообще, при пользованіи второстепенными источниками представляется возможность для множества недоразумѣній и ошибокъ.

Наконецъ, въ ряду древнихъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ много такихъ, которыя представляютъ совершенно новыя, часто очень обширныя свѣдѣнія, неизвѣстныя по источникамъ достовѣрно современнымъ собору и ближайшимъ къ нему по времени. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣствованій прямо выдаютъ себя за второстепенныя, составленныя на основаніи болѣе раннихъ источниковъ, какъ дошедшихъ, такъ и не дошедшихъ до насъ; нѣкоторыя-же, наоборотъ, выдаютъ себя за вполнѣ самостоятельныя и современныя собору, а нѣкоторыя—даже за подлинные акты собора.

Изъ представленнаго очерка общихъ свойствъ источниковъ исторіи Никейскаго собора ясно, что пользоваться этими источниками безъ всякаго изслѣдованія и критики—нельзя: пользуясь ими безъ предварительнаго сравнительнаго изученія ихъ, можно

совсѣмъ извратить исторію собора, извратить до неузнаваемости. Для болѣе точнаго, полнаго и научно-обоснованнаго изложенія исторіи собора, нужно критически разобрать и изслѣдовать самые источники: нужно отдѣлить подлинные документы отъ подложныхъ, достовѣрные отъ недостовѣрныхъ; нужно опредѣлить цѣну и значеніе каждаго источника, показать, насколько можно довѣрять ему, какія свѣдѣнія, передаваемыя имъ, истинны, какія—нѣтъ, какія—самостоятельны, какія—заимствованы; наконецъ, нужно уяснить, какъ каждый изъ древнихъ писателей относится къ описываемому событію и почему одинъ останавливается на такой, а другой—на иной сторонѣ исторіи собора; короче,—для болѣе или менѣе правильнаго и точнаго воспроизведенія исторіи собора необходимы предварительныя критико-библіографическія работы надъ самыми источниками съ цѣлью объясненія и очищенія содержащагося въ нихъ матеріала. Такое критическое обозрѣніе источниковъ для исторіи собора и составляетъ задачу нашего изслѣдованія.

Планъ и порядокъ, въ которомъ мы намѣрены обозрѣвать источники исторіи Никейскаго собора, будетъ обусловливаться съ одной стороны, хронологическою послѣдовательностью въ появленіи источниковъ, съ другой—характеромъ самыхъ писателей и, такъ сказать, номинальнымъ достоинствомъ ихъ произведеній.

Хронологическій порядокъ въ обозрѣніи источниковъ—понятенъ: онъ вызывается самымъ существомъ дѣла. Цѣнность историческаго памятника опредѣляется его близостью къ событію: чѣмъ извѣстное сказаніе по времени ближе къ событію, о которомъ оно говоритъ, тѣмъ оно важнѣе и цѣннѣе. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ источниковъ мы должны сообразоваться съ ихъ близостью къ Никейскому собору и сказанія позднѣйшія повѣрять болѣе ранними. Далѣе, сказанія ближайшія по времени къ описываемому событію—суть сказанія въ большинствѣ случаевъ самостоятельныя, независимыя отъ другихъ сказаній, и чѣмъ они ближе къ

событію, тѣмъ самостоятельнѣе. Наоборотъ, сказанія позднѣйшія являются зависимыми отъ болѣе раннихъ. Другими словами: сказанія современниковъ собора можно назвать свѣтилами самосвѣтящимися, сіяющими своимъ собственнымъ, хотя и не одинаково яркимъ свѣтомъ; между тѣмъ позднѣйшія сказанія—тѣла болѣе или менѣе темныя, почти весь свой свѣтъ получающія отъ сказаній современниковъ. Вслѣдствіе этого современное собору сказаніе мы должны разсматривать независимо отъ другихъ, въ немъ самомъ находить критерій для его оцѣнки, а если и будемъ сличать его, то только съ такимъ-же современнымъ самосвѣтящимся сказаніемъ, тогда какъ разборъ позднѣйшихъ сказаній требуетъ сличенія ихъ со всѣми предыдущими, а слѣдовательно, и знакомства съ этими послѣдними. Въ силу такой-то зависимости позднѣйшихъ сказаній отъ болѣе раннихъ и большей цѣнности послѣднихъ сравнительно съ первыми—необходимо при обозрѣніи источниковъ держаться хронологическаго порядка.

Но держась хронологическаго порядка, мы должны принять въ соображеніе и номинальное достоинство источниковъ. Не всѣ даже и одновременные памятники имѣютъ одинаковое значеніе въ качествѣ источника исторіи того или другаго событія. Оффиціальный напримѣръ документъ заслуживаетъ болѣе довѣрія, чѣмъ запись частнаго лица, хотя-бы и очевидца событія, такъ какъ эта запись можетъ содержать въ себѣ вмѣстѣ съ объективными и субъективные элементы, слѣдовательно, нуждается въ повѣркѣ со стороны оффиціальнаго документа, а потому и въ ряду источниковъ должна занимать низшее мѣсто сравнительно съ послѣднимъ. Далѣе, не всѣ сказанія и частныхъ лицъ (разумѣемъ сказанія приблизительно одновременныя) одинаковы по своему достоинству. Историкъ напр., разсказывая о томъ или другомъ событіи, преслѣдуетъ чисто историческую цѣль и относится къ событію, по возможности, съ объективной точки зрѣнія. Наоборотъ, писатель, преслѣдующій какія-нибудь практическія цѣли, не такъ строго слѣдитъ за объективностью

историческаго разсказа: онъ смотритъ на событіе преимущественно съ своей практической точки зрѣнія. Поэтому разсказъ историка долженъ имѣть большую цѣнность, а слѣдовательно, и занимать высшее мѣсто въ ряду источниковъ, чѣмъ разсказъ писателя не-историка.

Принимая во вниманіе и хронологическую послѣдовательность въ появленіи самыхъ источниковъ и ихъ номинальное достоинство, мы должны раздѣлить источники исторіи Никейскаго собора на слѣдующія группы и въ такомъ порядкѣ должны обозрѣвать ихъ. Первое мѣсто должны занимать оффиціальные документы, составленные на самомъ соборѣ. Для исторіи вселенскихъ соборовъ вообще такими оффиціальными источниками служатъ акты, т. е. протоколы засѣданій, или точныя оффиціальныя записи всего происходившаго на соборѣ. Отъ перваго вселенскаго собора мы не имѣемъ такихъ актовъ, но такъ какъ съ одной стороны—акты отъ другихъ вселенскихъ соборовъ (начиная съ 3-го Ефесскаго) имѣются, съ другой—и первому вселенскому собору приписываются нѣкоторые документы въ качествѣ подлинныхъ актовъ его, то мы въ началѣ своего изслѣдованія должны поставить вопросъ объ актахъ, опредѣлить, существовали-ли когда акты собора и можно-ли признать за подлинные акты тѣ документы, которые выдаются или печатаются подъ этимъ именемъ. Это I-я глава нашего изслѣдованія. Послѣ оффиціальныхъ записей первое мѣсто и по времени и по достоинству занимаютъ сказанія современниковъ и очевидцевъ событія. Мы имѣемъ такія сказанія о Никейскомъ соборѣ отъ Евсевія Кесарійскаго, Аѳанасія Александрійскаго и Евстафія Антіохійскаго. Ни одно изъ этихъ сказаній нельзя назвать строго-историческимъ, потому что всѣ они, не исключая и сказаній Евсевія, этого отца древней исторіи, не болѣе, какъ повѣствованія съ практическимъ характеромъ. Слѣдовательно, сказанія современниковъ собора нельзя подраздѣлять на сказанія историковъ и сказанія писателей не-историковъ; всѣ эти сказанія должны составить одну группу источниковъ, обозрѣніе которыхъ

составитъ II-ю главу нашего изслѣдованія. За сказаніями современниковъ слѣдуютъ сказанія позднѣйшія. Среди авторовъ этихъ сказаній есть и историки и писатели не-историки. Такъ какъ чисто-историческія сказанія преимуществуютъ предъ сказазаніями съ практическимъ характеромъ, то въ III-й главѣ мы изслѣдуемъ рядъ сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ какъ латинскихъ—Руфина и Сульпиція Севера, такъ и греческихъ—Филосторгія, Сократа, Созомена и Ѳеодорита. Наконецъ въ IV-й главѣ мы займемся обозрѣніемъ извѣстій и повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, вышедшихъ изъ-подъ пера писателей не-историковъ, какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ, каковы извѣстія о Никейскомъ соборѣ Епифанія Кипрскаго, анонимное сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „актовъ Никейскаго собора", исторія Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ, слово Григорія, пресвитера Кесарійскаго о 318 отцахъ Никейскихъ, и другія краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ нашего изслѣдованія. Перейдемъ теперь къ самому изслѣдованію.

Глава I-я.

Акты Никейскаго собора.

Выраженіе „акты соборовъ" понимается въ двоякомъ смыслѣ: во 1-хъ подъ именемъ актовъ разумѣются только опредѣленія и постановленія собора, изложенныя письменно и утвержденныя подписями членовъ собора; во 2-хъ подъ актами разумѣются протоколы засѣданій собора, или точныя записи всего происходившаго на соборѣ, со включеніемъ сюда и самыхъ постановленій собора.

Въ существованіи актовъ Никейскаго собора, если разумѣть подъ ними письменно изложенныя опредѣленія и постановленія, скрѣпленныя подписями присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ, нельзя сомнѣваться. За существованіе такихъ актовъ ручается единогласное свидѣтельство всѣхъ древнихъ писателей и историковъ. Такъ Аѳанасій Александрійскій—очевидецъ и участникъ Никейскаго собора—неоднократно свидѣтельствуетъ, что собравшіеся въ Никеѣ епископы вѣру, полученную отъ отцовъ, предали памяти письменно (ὑπέμνησαν γράψαντες)[1]) и что подъ изложеніемъ вѣры подписались не только православные, но и большинство аріанствующихъ епископовъ. „Когда изложеніе сіе (т. е. Никейскій символъ) подписано было всѣми, то и Евсевіевы приверженцы подписались къ тѣмъ реченіямъ (ἐκ τῆς οὐσίας, ὁμοούσιος)[2]). Другой очевидецъ и участникъ Никейскаго собора—Евсевій Кесарійскій также свидѣтельствуетъ, что постановленія собора (изложеніе вѣры и опредѣленіе о Пасхѣ) были утверждены подпискою каждаго изъ присутствовавшихъ“[3]). Тоже самое свидѣтельствуетъ и Сократъ въ своей церковной исторіи[4]). Подлинный экземпляръ этихъ актовъ съ подписями всѣхъ епископовъ хранился, несомнѣнно, въ государственномъ архивѣ, какъ государственный документъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Созоменъ. „Говорятъ, пишетъ онъ, что Евсевій, Никомидійскій епископъ, и Ѳеогнисъ Никейскій, подкупивъ того, кому царь ввѣрилъ для

[1]) Аѳанасій Александрійскій. Окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіи. Твор. ч. I. стр. 412. Migne curs patr. t. 25 col. 356, также: посланіе объ опредѣленіяхъ Никейск. соб. Твор. ч. I. стр. 340. Migne t. 25. c. 20 col. 452, посланіе къ африканск. епископамъ. Тв. ч. III. стр. 320. Migne. t. 26. col. 1037; о соборахъ, ч. III. стр. 110—111. Migne t. 26. col. 689.

[2]) Аѳанасій Александрійскій. Посланіе объ опред. Никейскаго соб. Твор. ч. I. стр. 314. Migne t. 25. col. 427, также стр. 336 col. 454. и мн. др.

[3]) Евсевій. „Жизнь Константина“ кн. III. гл. 14.

[4]) Сократъ. 1, 8, гдѣ онъ говоритъ, что Евсевій Кесарійскій сначала колебался принять изложенную въ Никеѣ вѣру, но потомъ вмѣстѣ съ другими подписалъ ее: слѣдовательно, подпись была всеобщею; и I кн. гл. 13,—гдѣ онъ свидѣтельствуетъ, что епископы написали и каноны.

храненія акты Никейскаго собора, изгладили въ нихъ свои подписи и стали открыто утверждать, что Сына не должно признавать единосущнымъ Отцу“ [1]). Но этого подлиннаго экземпляра актовъ Никейскихъ до насъ не сохранилось. Можетъ быть, его уничтожили аріане во время господства надъ православными въ царствованіе императора Констанція и особенно Валента, чтобы стереть слѣды своего лицемѣрія; а можетъ быть, этотъ экземпляръ погибъ и безъ участія аріанъ, какъ погибаютъ и многіе архивные документы. Вѣроятнѣе, впрочемъ, первое предположеніе. Аріане, какъ видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства Созомена, имѣли чрезъ своихъ единомышленниковъ доступъ въ государственный архивъ, въ которомъ хранился и экземпляръ Никейскихъ актовъ.

Не сохранилось до насъ и полной копіи съ Никейскихъ актовъ. Мы владѣемъ только отрывками этихъ актовъ, именно:

[1]) Созоменъ, кн. II, гл. 21.—Противъ нашего утвержденія существованія актовъ (въ смыслѣ опредѣленій) Никейскаго собора и особенно списковъ епископовъ говоритъ, по видимому, неопредѣленность показанія участниковъ собора о числѣ епископовъ, бывшихъ на соборѣ. О числѣ епископовъ участники собора говорятъ только приблизительно и притомъ не всѣ согласно опредѣляютъ эту приблизительную цифру. Такъ Евсевій Кесарійскій говоритъ, что епископовъ на соборѣ было болѣе 250 („Жизнь Константина“ кн. III. гл. 8). Аѳанасій Александрійскій опредѣляетъ число епископовъ приблизительно въ 300 („болѣе или менѣе 300“. Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. Тв. ч. I. стр. 313. Migne t. 25. col. 428). Евстаѳій Антіохійскій также неопредѣленно говоритъ, что на Никейскомъ соборѣ собралось около 270 епископовъ и при этомъ дѣлаетъ такое характерное замѣчаніе: „говорю „около“, пишетъ Евстаѳій, „потому что по многочисленности собравшихся не могу съ точностью опредѣлить число ихъ, да при томъ я и не изслѣдовалъ этого съ особенною заботливостью“ (Θеодоритъ. Церк. ист. кн. I. гл. 8. Migne t. 82. cap. 7). Эти приблизительныя опредѣленія количества епископовъ приводятъ, по видимому, къ той мысли, что актовъ или, по крайней мѣрѣ, списковъ епископовъ не было. Если-бы были списки, то легко было-бы опредѣлить число епископовъ и для этого не требовалось-бы „особенной заботливости“. Но это только по видимому. Изъ этихъ неопредѣленныхъ показаній о числѣ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, можно заключить только о томъ, что упомянутые участники собора не поинтересовались пересчитать членовъ собора—своихъ соучастниковъ—даже и по подписямъ. Другого-же вывода сдѣлать нельзя.

символомъ вѣры съ анаѳематствованіемъ на Арія и 20 канонами; но не имѣемъ опредѣленія (самаго текста) о Пасхѣ, о мелетіанахъ и списка епископовъ, что несомнѣнно было въ подлинномъ экземплярѣ актовъ Никейскихъ [1]). Положимъ, мы имѣемъ нѣсколько экземпляровъ списковъ епископовъ; но всѣ эти списки позднѣйшаго происхожденія. Подписи епископовъ въ этихъ спискахъ расположены по провинціямъ, начиная съ Египта, а не по заслугамъ и достоинству самыхъ епископовъ и ихъ каѳедръ. Между тѣмъ въ подлинныхъ актахъ порядокъ подписей опредѣлялся, вѣроятно, достоинствомъ епископовъ и ихъ каѳедръ. По крайней мѣрѣ, Сократъ перечисляетъ имена собравшихся въ Никеѣ епископовъ не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они перечисляются въ существующихъ нынѣ спискахъ. По свидѣтельству Сократа, подписи идутъ въ такомъ порядкѣ: „Осія, епископъ Кордубскій изъ Испаніи...., Витонъ и Викентій—римскіе пресвитеры, Александръ Египетскій, Евстаѳій, епископъ великой Антіохіи, Макарій Іерусалимскій, Гарпократіонъ, епископъ Кинополиса...“ [2]); тогда какъ по существующимъ спискамъ вслѣдъ за Осіею Кордубскимъ и римскими пресвитерами идутъ всѣ епископы Египта и Ливіи, потомъ Палестины, Финикіи, Сиріи и т. д. [3]). А нужно замѣтить, что Сократъ перечисляетъ имена епископовъ по сборнику св. Аѳанасія Александрійскаго, который (сборникъ), вѣроятно, былъ спискомъ съ подлиннаго экземпляра актовъ Никейскихъ. Равнымъ образомъ имѣется и опредѣленіе о Пасхѣ; оно находится напр. въ арабскихъ каноническихъ коллекціяхъ; подобное опредѣленіе о Пасхѣ нашелъ въ одномъ греческомъ манускриптѣ кардиналъ Питра и издалъ его въ своемъ трудѣ „Spicilegium soles-

[1]) Это видно изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ Аѳанасія Александрійскаго, Евсевія Кесарійскаго, Сократа и Созомена.

[2]) Сократъ кн. I. гл. 13.

[3]) См. списки епископовъ: Mansi sacr. Conc. t. II. col. 692—702; Pitra. spicil. solesm. 1852. t. I, p. 515—516; Pitra. Analecta sacra cpicilegio solesmensi 1883. t. IV. p. 459—464.

mense“ [1]). Но дѣйствительно-ли эти документы [2]) представляютъ точную копію Никейскаго опредѣленія, сказать положительно нельзя. Итакъ, повторяемъ, мы не имѣемъ подлиннаго и полнаго экземпляра актовъ Никейскихъ и владѣемъ только отрывками ихъ, хотя, конечно, сущность и не дошедшихъ до насъ опредѣленій собора намъ извѣстна изъ свидѣтельства какъ оффиціальныхъ документовъ—грамотъ и посланій императора и собора, такъ и древнихъ писателей.

Здѣсь самъ собою напрашивается вопросъ (рѣшеніе котораго между прочимъ можетъ служить и доказательствомъ высказанныхъ нами мыслей), какъ православные допустили потерю актовъ (въ смыслѣ опредѣленій) Никейскихъ? Что аріане при покровительствѣ нѣкоторыхъ императоровъ, особенно Констанція и Валента, имѣли возможность уничтожить подлинный экземпляръ Никейскихъ актовъ,—это понятно. Но какъ православные не позаботились сохранить точной копіи съ этого документа, дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—трудно. Здѣсь можно сдѣлать только нѣкоторыя болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Вотъ они. Опредѣленія Никейскаго собора всѣми православными епископами, присутствовавшими и неприсутствовавшими на соборѣ, признаны были за непреложныя; всѣ были убѣждены въ ихъ истинности и готовы были твердо стоять за нихъ. Но принимая Никейскія опредѣленія, большинство епископовъ не считало нужнымъ, кажется, позаботиться о самомъ текстѣ опредѣленій; не считало нужнымъ снять съ этихъ опредѣленій точныя копіи и распространить ихъ по своимъ епархіямъ. По крайней мѣрѣ такъ отнеслась большая часть епископовъ къ тѣмъ опредѣленіямъ собора, которыя не представляли собою особенно живаго интереса для ихъ мѣстныхъ церквей и не измѣняли существовавшаго тамъ строя. Напр. за-

[1]) T. IV. col. 541.

[2]) Точнѣе: который-нибудь одинъ изъ этихъ документовъ; такъ-какъ они не буквально сходны между собою. Арабское опредѣленіе составляетъ, кажется, передѣлку документа, который опубликовалъ кардиналъ Питра.

падные епископы, которыхъ мало касались аріанскіе споры IV вѣка, хотя приняли Никейскій символъ, можетъ быть, взяли и копіи съ него, но нисколько не заботились о введеніи его въ церковное употребленіе. Вотъ что говоритъ въ своемъ сочиненіи „De synodis“ Иларій Пуатьескій—человѣкъ высокообразованный для своего времени: „Свидѣтельствуюсь Богомъ неба и земли, я никогда не слыхалъ ни того, ни другаго ихъ этихъ выраженій (ex substantia et consubstantialem), но мыслилъ всегда согласно съ ними. Возрожденный въ св. крещеніи и даже пробывъ нѣсколько лѣтъ епископомъ, я однако-же услышалъ вѣру Никейскую (текстъ символа) лишь тогда, когда меня отправили въ изгнаніе (fidem Nicaenam nunquam, nisi exulaturus audivi) [1]. Изъ этого свидѣтельства ясно, что Никейскій символъ на западѣ не имѣлъ никакого распространенія. Но если такъ относились епископы къ символу, этому важнѣйшему опредѣленію собора, имѣющему отношеніе ко всему христіанскому міру, такъ какъ оно касается сущности христіанской догматики, то что сказать о другихъ опредѣленіяхъ, которыя касались только обрядовой стороны и имѣли только мѣстный интересъ, каково напр. опредѣленіе о Пасхѣ, касающееся только азійскихъ церквей (потому что другія церкви и ранѣе соблюдали тотъ обычай, который утвержденъ соборомъ), или опредѣленіе о мелетіанахъ, касающееся только Египта? Текстъ этихъ опредѣленій, вѣроятно, вовсе не получилъ распространенія, или—если и былъ распространенъ, то только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти опредѣленія имѣли особое значеніе и живой интересъ. Для доказательства нашей мысли можно указать на посланіе Никейскаго собора къ церкви Александрійской и прочимъ церквамъ Египетскимъ [2]. Въ этомъ посланіи очень подробно и обстоятельно (хотя не текстуально) излагается опредѣленіе собора

[1]) Hilarius. De sinodis. Migne curs. patr. ser. lat. t. 10. c. 91. col. 944—945.

[2]) Посланіе это можно читать у Сократа въ церковной исторіи кн. I. гл. 9; у Θеодор. церк. ист. кн. I. гл. 9. Migne c. 8. Gelas Cyzic. hist. conc. Nic. lib. II. c. 33. „Дѣянія“ т. I. стр. 186.

о Мелетіи и мелетіанахъ, между тѣмъ о постановленіи касательно празднованія Пасхи сдѣлано только краткое замѣчаніе. Почему такая разница? Исключительно потому, что въ Египтѣ интересовались рѣшеніемъ Мелетіева дѣла и нуждались въ этомъ рѣшеніи, но не нуждались въ рѣшеніи собора о Пасхѣ. Если-же такъ относились къ тексту опредѣленій Никейскихъ церковь Александрійская и прочія церкви Египетскія, гдѣ Никейскій соборъ съ самаго начала уважался гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстныхъ церквахъ, потому что онъ былъ, можно сказать, созданіемъ Александрійской церкви, то, несомнѣнно, въ этихъ послѣднихъ о текстѣ Никейскихъ опредѣленій заботились еще менѣе. Что-же касается подписей епископовъ, то ими не интересовались даже и такіе образованные и ревностные сторонники Никейскаго собора, каковъ былъ напр. Евстаѳій Антіохійскій [1]). Изъ сказаннаго видно, что въ Никейскую эпоху не всѣ православные епископы интересовались самымъ текстомъ Никейскихъ опредѣленій и что полныя и точныя копіи съ подлиннаго экземпляра Никейскихъ опредѣленій, вѣроятно, сняли очень немногіе епископы, такіе, для которыхъ Никейскій соборъ составлялъ сущность и цѣль жизни, каковъ напр. былъ Аѳанасій Александрійскій; большинство-же ограничилось копировкой тѣхъ только опредѣленій, которыя имѣли прямое отношеніе къ ихъ мѣстнымъ церквамъ; а если сдѣлали копіи и съ другихъ постановленій, то не особенно ревностно охраняли ихъ. Такое отношеніе къ тексту Никейскихъ опредѣленій обусловливалось, можетъ быть, и тѣмъ обстоятельствомъ, что православные во время самого собора не предвидѣли предстоящаго господодства аріанъ и, надѣясь на сохраненіе подлиннаго экземпляра въ государственномъ архивѣ, считали излишнимъ копировать и не интересующія ихъ опредѣленія, а особенно—подписи епископовъ, какъ имѣющія только формальное и временное значеніе. Въ результатѣ такого отношенія православныхъ къ Никей-

[1]) Слова его приведены выше,—стр. 18, примѣчаніе.

скимъ опредѣленіямъ получилось то, что полныхъ экземпляровъ этихъ опредѣленій было очень мало. Количество-же копій съ отдѣльныхъ постановленій опредѣлялось важностью и значеніемъ этихъ послѣднихъ (постановленій), а также количествомъ тѣхъ мѣстностей, которыя интересовались этими постановленіями. Такъ символъ (съ приложеніемъ анаѳематствованія на Арія), какъ самое существенное и важное опредѣленіе собора, распространился, конечно, въ очень многихъ экземплярахъ и сохранялся съ особенною заботливостью, потомучто отъ точности выраженій зависѣлъ самый смыслъ его. Вѣроятно, также широкое распространеніе получили каноническія постановленія собора, такъ какъ они, касаясь церковнаго благочинія и управленія, имѣли отношеніе ко всѣмъ церквамъ. Наоборотъ, опредѣленія о Пасхѣ и мелетіанахъ, имѣющія только мѣстный интересъ, и списокъ епископскихъ подписей, какъ имѣющій одно формальное значеніе, несомнѣнно, существовали въ очень немногихъ экземплярахъ. При такомъ положеніи дѣлъ, аріане, во время своего продолжительнаго господствованія въ царствованіе Констанція и Валента, легко могли уничтожить какъ полные экземпляры Никейскихъ актовъ, такъ и копіи съ отдѣльныхъ опредѣленій, которыя (копіи) существовали въ небольшомъ количествѣ, а равнымъ образомъ и списки епископовъ, особенно послѣдніе, такъ какъ въ нихъ были подписи аріанскихъ епископовъ, свидѣтельствующія о лицемѣріи аріанъ и измѣнѣ ихъ своимъ убѣжденіямъ. Конечно, говоря такъ, мы вовсе не думаемъ утверждать, что аріане уничтожили безусловно всѣ полные экземпляры Никейскихъ опредѣленій, или въ частности—уничтожили всѣ копіи съ опредѣленій о Пасхѣ и мелетіанахъ, а также копіи съ подписей епископовъ. Несомнѣнно, нѣкоторые экземпляры остались и существовали даже въ V вѣкѣ, какъ это видно изъ свидѣтельства Сократа о синодикѣ Аѳанасія [1]). Мы утверждаемъ только то, что большую часть списковъ

[1]) Сократъ. 1. 13.

Никейскихъ опредѣленій аріане уничтожили и этихъ списковъ осталось такъ мало [1]), что имъ легко было совершенно погибнуть отъ разныхъ случайностей. Наоборотъ, догматическія и каноническія опредѣленія собора, какъ наиболѣе распространенныя и тщательнѣе сохраняемыя, не могли быть уничтожены, хотя аріане, вѣроятно, болѣе желали уничтожить ихъ, особенно первыя, чѣмъ всѣ остальныя [2]). Выводъ изъ сказаннаго получается такой: акты Никейскаго собора, если разумѣть подъ ними опредѣленія, скрѣпленныя подписями епископовъ, существовали несомнѣнно; но въ полномъ видѣ они до насъ не дошли. До насъ дошли только отрывки ихъ, сохранившіеся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей церковныхъ и другихъ памятникахъ древности.

Мы разсмотрѣли вопросъ о существованіи актовъ Никейскаго собора, если понимать подъ актами опредѣленія собора, и рѣшили этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Теперь разсмотримъ вопросъ объ актахъ Никейскихъ въ смыслѣ протоколовъ засѣданій собора, или точныхъ записей всего происходившаго на соборѣ.

Актовъ Никейскаго собора, если понимать подъ ними про-

[1]) Во времена Сократа, можетъ быть, былъ только одинъ полный экземпляръ Никейскихъ актовъ—синодикъ Аѳанасія, потому что къ нему только одному отсылаетъ Сократъ своихъ читателей.

[2]) Противъ нашего мнѣнія объ уничтоженіи аріанами полныхъ экземпляровъ Никейскихъ опредѣленій говоритъ, по видимому, то обстоятельство, что церковь не обличала аріанъ въ уничтоженіи Никейскихъ опредѣленій. Но такое молчаніе церкви не должно казаться особенно страннымъ. Православные въ Никейскую эпоху, какъ мы говорили, мало заботились о самомъ текстѣ опредѣленій; а потому и уничтоженіе текста не могло надѣлать много шуму. Большинство православныхъ, вѣроятно, и не замѣтило того, что подлинный текстъ опредѣленій пропадаетъ. Съ другой стороны есть слѣды и обличеній. Такъ въ подложномъ посланіи Аѳанасія къ папѣ Марку (Migne curs. patrol. gr. ser. t. 28, col. 1445—1446) говорится о сожженіи аріанами 70 главъ Никейскихъ; въ предисловіи къ арабскимъ канонамъ также говорится о сожженіи аріанами протоколовъ засѣданій и самыхъ опредѣленій Никейскаго собора (Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 1065—1066). Положимъ, эти свидѣтельства не заслуживаютъ довѣрія сами по себѣ, но нельзя-ли считать ихъ отголосками (хотя и далеко нечистыми) дѣйствительнаго обличенія церковію аріанъ?...

токолы соборныхъ засѣданій, до насъ не дошло не только въ цѣломъ видѣ, но и въ отрывкахъ. Вѣроятно, такихъ актовъ никогда и не существовало. Есть нѣсколько свидѣтельствъ о существованіи актовъ Никейскаго собора и актовъ очень обширныхъ. Такъ Лжеисидоръ въ предисловіи къ своему собранію каноновъ говоритъ, что акты Никейскаго собора, какъ узналъ онъ будто отъ восточныхъ епископовъ, были объемистѣе, чѣмъ 4 евангелія. На Флорентійскомъ соборѣ одинъ защитникъ папства утверждалъ, между прочимъ, будто-бы еще Аѳанасій Великій спрашивалъ отъ папы Юлія неповрежденнаго списка актовъ Никейскаго собора, жалуясь, что всѣ списки восточные извращены аріанами [1]. Въ предисловіи къ арабскому собранію церковныхъ правилъ (открыт. въ XVI в.) говорится, что акты Никейскаго собора въ свое время писаны были, что они по обширности своей составляли 40 или даже болѣе книгъ и распространены были повсюду. „Отцы входили въ состязаніе съ еретиками и лицемѣрами, читаемъ въ предисловіи къ арабскому сборнику каноновъ, въ которомъ описывается и исторія Никейскаго собора,—и это собраніе продолжалось 3 года, пока еретики не принуждены были устами исповѣдать истину (а что у нихъ было на сердцѣ и въ душѣ, объ этомъ знаетъ одинъ только Богъ). Пренія съ еретиками и противниками вѣры были всѣ записаны; также записано было и то, о чемъ отцы между собою говорили и разсуждали,—и все это составляетъ 40 книгъ. Мнѣнія же отдѣльныхъ отцовъ, ихъ рѣчи и исповѣданія вѣры были изданы въ особыхъ 15 книгахъ, которыя носятъ названіе „апостольскихъ“ и сохраняются въ церковныхъ библіотекахъ; каноны же и постановленія были собраны отдѣльно въ 3 книгахъ“ [2]. Таково свидѣтельство арабскаго предисловія. Издатель арабскихъ каноновъ—Abraamus Ecchelensis

[1] Hefele. Concilien-geschichte. Band. I. s. 282. Zw. Auf. I. 1873. Также „Исторія первыхъ 3-хъ вселенскихъ соборовъ“ Еп. Іоанна, стр. 26—27 въ примѣч.

[2] Mansi. sacr. conc. coll. t. II. col. 1063.

—въ подтвержденіе арабскаго свидѣтельства о существованіи актовъ проводитъ и другія свидѣтельства—Евтихія, патріарха Александрійскаго, и Абухарка Абассида, магометанскаго писателя. Первый въ своей хроникѣ, упоминая о Никейскомъ соборѣ, между прочимъ говоритъ: „составлено было для Константина 40 книгъ, которыя содержали въ себѣ постановленія и законы". Другой—во второй части своей апологіи замѣчаетъ: „Никейцы утвердили для Константина вѣру, а также 40 книгъ, которыя назвали канонами" [1]). Ссылается на акты Никейскаго собора и Вальсамонъ (XII в.) [2]). Есть свидѣтельства о существованіи актовъ Никейскаго собора и изъ болѣе древнихъ временъ. Такъ Григорій, пресвитеръ Кесарійскій, въ своемъ словѣ о 318 отцахъ Никейскихъ неоднократно упоминаетъ „о томѣ соборномъ" (τόμος συνοδικός) [3]) и даже прямо о существованіи актовъ Никейскаго собора, которые сохранялись во дворцѣ [4]). Геласій Кизическій, писатель конца V вѣка, въ предисловіи (praefatio) къ своей исторіи Никейскаго собора говоритъ, что онъ въ молодости, когда еще жилъ въ домѣ отца, нашелъ одну древнюю книгу, принадлежащую Далматію, архіепископу Кизическому, написанную на пергаментѣ, въ которой заключалось все, что было говорено, сдѣлано и постановлено на соборѣ. Эта книга была такъ велика, что онъ, не смотря на все свое стараніе, не могъ запомнить ея содержаніе: по обширности своего содержанія она была подобна неизмѣримому морю" [5]). Анонимный повѣствователь о Никейскомъ соборѣ также упоминаетъ объ актахъ Никейскихъ, причемъ указываетъ и писателя актовъ—какого-то Александра [6]). Бл. Іеронимъ очень ясно говоритъ, что онъ читалъ акты Никейскаго

[1]) Mansi sacr. conc. col. t. II. col. 1063.

[2]) Толкованіе на 1-е правило Антіохійскаго собора.

[3]) Combefesis. Novum auctarium. Paris. 1648. t. II. col. 552, 560.

[4]) Ibid. 557.

[5]) Gelasii Cyzicen. Hist. conc. Nic. Migne t. 85 gr. ser. col. 1193.

[6]) Τὰ πραχθέντα. Combefesis. Novum auctarium t. II. col. 584.

собора [1]). Упоминаетъ объ актахъ Никейскихъ Созоменъ [2]), а Сократъ цитируетъ книгу св. Аѳанасія подъ заглавіемъ „Συνοδικός“, въ которой между прочимъ находился полный списокъ всѣхъ епископовъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ [3]). Какъ на свидѣтельство о существованіи актовъ Никейскихъ, указываютъ на подложное посланіе Аѳанасія къ папѣ Марку, гдѣ Аѳанасій говоритъ, что аріане сожгли 70 гл. Никейскаго собора [4]); а Бароній находитъ указаніе на акты Никейскаго собора въ посланіи св. Аѳанасія о соборахъ (de synodis) [5]). На основаніи приведенныхъ свидѣтельствъ высказываются за существованіе актовъ и нѣкоторые новѣйшіе ученые. Такъ существованіе Никейскихъ актовъ очень настойчиво отстаиваетъ французскій ученый Ревилью (Revillout) [6]). За существованіе актовъ высказался и русскій ученый, профессоръ Лашкаревъ, въ своихъ статьяхъ „изъ чтеній по церковному праву“, напечатанныхъ въ журналѣ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ за 1886 годъ. „Не сохранилось до насъ, говоритъ профессоръ Лашкаревъ, актовъ Никейскаго собора, хотя въ свое время они существовали несомнѣнно“ [7]),—и потомъ приводитъ въ доказательство своей мысли указанныя нами свидѣтельства Созомена, Вальсамона и Геласія Кизическаго.—Итакъ есть свидѣтельства въ пользу существованія актовъ Никейскихъ, есть и защитники ихъ существованія изъ новѣйшихъ ученыхъ. Но древнія свидѣтельства въ дѣйствительности не могутъ имѣть большаго значенія въ рѣшеніи вопроса о существованіи актовъ (протоколовъ), такъ-какъ одни изъ этихъ свидѣтельствъ говорятъ объ актахъ въ смыслѣ опредѣленій, су-

[1]) Hieronym. Dialog adv. Lucif. Migne s. l. t. XXIII, col. 174.
[2]) Созоменъ II. 21. Слова Созомена приведены выше, стр. 17—18.
[3]) Сократъ I. 13.
[4]) Migne curs. patr. gr. ser. t. 28, col. 1445—1446.
[5]) Baronii annales ad an. 325. c. 62. t. IV.
[6]) Concile de Nicée 1873. Paris. Concile de Nicée. Nouvelle série de documents. 1881. Paris.
[7]) Октябрь. стр. 210.

ществованіе которыхъ нельзя отвергать, другія—не имѣютъ цѣны, какъ подложныя или слишкомъ позднія. Такъ свидѣтельство псевдо-Аѳанасіева посланія къ Марку, какъ принадлежащаго къ числу произведеній несомнѣнно подложныхъ (spuria), не заслуживаетъ никакого довѣрія. Притомъ въ этомъ посланіи говорится только о сожженіи аріанами „какихъ-то главъ Никейскаго собора“; а главы (capitula) не то-же, что протоколы соборныхъ засѣданій. Относительно синодика Аѳанасія, цитируемаго Сократомъ, нужно замѣтить, что этотъ синодикъ содержалъ въ себѣ списокъ Никейскихъ отцовъ, а, можетъ быть, и опредѣленія собора, ибо Аѳанасій, какъ ревностный и горячій защитникъ Никейскаго собора, вѣроятно, постарался пріобрѣсти полный экземпляръ Никейскихъ постановленій; но нѣтъ никакихъ основаній видѣть въ этомъ синодикѣ экземпляръ протоколовъ соборныхъ засѣданій. Что-же касается Баронія, который, на основаніи сочиненій Аѳанасія, утверждаетъ существованіе актовъ Никейскихъ, то онъ просто введенъ былъ въ заблужденіе латинскимъ переводомъ того мѣста изъ посланія Аѳанасія „о соборахъ“, которое онъ цитируетъ. Въ латинскомъ переводѣ, дѣйствительно, есть слово „акты“ (acta) [1]), но это слово нужно понимать въ смыслѣ опредѣленій, постановленій собора, какъ это ясно видно изъ греческаго подлинника [2]). Свидѣтельства Іеронима и Созомена опять говорятъ не объ актахъ въ смыслѣ протоколовъ, а только объ актахъ въ смыслѣ опредѣленій, скрѣпленныхъ подписями епископовъ [3]). Точно также и свидѣтельства анонимнаго писателя и

[1]) „Quod si (hac de causa) synoda opus est extant Patrum acta“. (De synodis c. 6. col. 690. Migne t. 26).

[2]) „Εἰ δὲ καὶ συνόδῳ χρεία (περὶ τούτου) ἔστι τὰ τῶν πατέρων· καὶ τούτου γὰρ οὐκ ἠμέλησαν οἱ ἐν Νικαίᾳ συνελθόντες· ἀλλὰ καὶ ἔγραψαν (οὕτω) καλῶς“ (Ibid. col. 689. ч. Ш. стр. 110—111).

[3]) Свидѣтельство Созомена мы уже приводили, а свидѣтельсство Бл. Іеронима читается такъ: „Legamus acta et nomina episcoporum sinodi Nicoenae et hos quos supra diximus fuisse susceptos, subscripsisse homousion, inter ceteros reperiemus“.

Григорія Кесарійскаго подтверждаютъ существованіе только актовъ въ смыслѣ опредѣленій, а не протоколовъ; за правильность такого пониманія ручается контекстъ. Притомъ свидѣтельства этихъ писателей, какъ довольно позднихъ и далеко неавторитетныхъ, не могутъ имѣть большаго значенія въ вопросѣ о существованіи актовъ Никейскихъ. Болѣе опредѣленнымъ и рѣшительнымъ является свидѣтельство Геласія Кизическаго: книга Далматія, которую онъ читалъ въ молодости, вполнѣ подходитъ къ актамъ. Равнымъ образомъ и его исторія Никейскаго собора, въ которой онъ помѣстилъ выдержки изъ книги Далматія, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, какъ напр. въ изложеніи споровъ языческихъ философовъ съ епископами, напоминаетъ акты. Мы не будемъ теперь разбирать свидѣтельства Геласія: это завело-бы насъ слишкомъ далеко; мы разберемъ это свидѣтельство ниже (въ IV главѣ), когда будемъ говорить о Геласіи и его исторіи, какъ источникѣ исторіи Никейскаго собора. Теперь-же только замѣтимъ, что свидѣтельство Геласія не можетъ имѣть значенія, потому что оно не заслуживаетъ довѣрія. Что касается Вальсамона, то послѣдній имѣлъ подъ руками ничто иное, какъ исторію Геласія Кизическаго, извѣстную прежде подъ именемъ „актовъ Никейскаго собора". Остаются арабскія свидѣтельства о существованіи актовъ Никейскихъ. Но эти свидѣтельства не подтверждаются никакими достовѣрными историческими показаніями. Притомъ самые арабскіе каноны, въ предисловіи къ которымъ говорится о существованіи актовъ Никейскаго собора, своею явною подложностью даютъ должную оцѣнку и показанію предисловія: если предисловіе обладаетъ такою-же степенью вѣроятности, какъ и самые арабскіе каноны (а это несомнѣнно такъ), то незачѣмъ и разбирать показаніе предисловія. Вѣроятно, мысль о существованіи актовъ Никейскаго собора и актовъ громадныхъ явилась у арабовъ и вообще у жителей дальняго востока вслѣдствіе ихъ неправильнаго представленія о соборѣ. По восточному преданію, Никейскій соборъ продолжался 3 года; присутствовало

на немъ около 2000 епископовъ. Такое представленіе о Никейскомъ соборѣ возбуждало живую фантазію араба приписывать Никейскому собору громадные акта: если отъ другихъ вселенскихъ соборовъ, соборовъ очень незначительныхъ въ сравненіи съ Никейскимъ (конечно, по арабскому представленію) и по продолжительности и по количеству участниковъ, остались большіе акты,— то отъ Никейскаго собора должны остаться гораздо большіе акты. И вотъ арабская фантазія, можетъ быть, поддерживаемая какими-либо недостовѣрными свидѣтельствами, въ родѣ свидѣтельства Геласія Кизическаго, или неправильнымъ пониманіемъ нѣкоторыхъ выраженій отцовъ церкви, упоминавшихъ о соборѣ, создаетъ громадные акты Никейскаго собора. Отсюда понятно, какое значеніе мы должны придавать арабскому свидѣтельству о существованіи актовъ. Свидѣтельство Лжеисидора также не заслуживаетъ никакого довѣрія не только какъ очень позднее, но и какъ вышедшее отъ лица, слишкомъ безцеремонно обращавшагося со всѣми древними документами и ихъ показаніями, лица, не задумывавшагося вымыслить какое-угодно свидѣтельство въ пользу своего мнѣнія. Наконецъ, что касается ссылки папскаго защитника на Флорентійскомъ соборѣ на св. Аѳанасія въ пользу существованія актовъ, то здѣсь допущена не болѣе, какъ жалкая ошибка, если только не злонамѣренная ложь: ни въ какомъ изъ своихъ писемъ Аѳанасій не спрашивалъ Римскаго папу объ актахъ Никейскаго собора. Итакъ всѣ свидѣтельства о существованіи Никейскихъ актовъ не могутъ имѣть значенія; а вслѣдствіе этого теряютъ свой кредитъ и мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о существованіи Никейскихъ актовъ, какъ основанныя на этихъ свидѣтельствахъ.

Наоборотъ, въ пользу противоположной мысли, т. е. что актовъ Никейскаго собора никогда не существовало, можно привести довольно серьезныя основанія. Прежде всего за вѣрность этой мысли ручается глубокое молчаніе о Никейскихъ актахъ всѣхъ достовѣрныхъ древнихъ церковныхъ писателей и историковъ.

Ни одинъ изъ нихъ не упомянулъ объ актахъ, ни одинъ не зналъ ихъ и не пользовался ими. Но такое молчаніе было-бы положительно невѣроятно, если-бы Никейскіе акты въ свое время были писаны: это былъ-бы фактъ единственный въ своемъ родѣ. Древніе писатели, любившіе дѣлать замѣчанія о всѣхъ произведеніяхъ, даже маловажныхъ, и приводить изъ нихъ значительныя выдержки въ своихъ сочиненіяхъ, не пропустили-бы безъ замѣчанія такой важный историческій документъ, какъ акты Никейскаго собора; особенно не пропустили-бы безъ замѣчанія писатели, оставившіе повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Такое положеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что нѣкоторые древніе писатели, писавшіе о Никейскомъ соборѣ, имѣли и поводы упомянуть объ этихъ актахъ. Такъ напр. къ св. Аѳанасію Александрійскому другъ его обращается съ просьбою—описать дѣянія Никейскаго собора. Аѳанасій описываетъ дѣянія и въ концѣ посланія замѣчаетъ: „я описалъ тебѣ, припомнивъ, сколько могъ, что было сдѣлано на соборѣ“ [1]). Если-бы существовали акты, то съ одной стороны, другу Аѳанасія не нужно было-бы обращаться къ послѣднему съ просьбою описать то, что было сдѣлано на соборѣ: онъ объ этомъ лучше могъ бы узнать изъ подробныхъ актовъ; съ другой стороны, и Аѳанасій не сталъ-бы только „припоминать“, что сдѣлано на соборѣ, а прямо бы сдѣлалъ нужныя выдержки изъ актовъ, или же указалъ бы своему другу на акты, какъ на источникъ, изъ котораго можно получить свѣдѣнія о соборѣ. Имѣлъ поводъ упомянуть объ актахъ и Сократъ. Онъ, упоминая въ своей исторіи объ актахъ Савина Македонянина, утверждаетъ, что эти акты не заслуживаютъ довѣрія и въ доказательство своей мысли аппелируетъ къ повѣствованію Евсевія Кесарійскаго. Такъ, приведя значительную выдержку изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ (кн. III. гл. 13—14) о дѣятельности Никейскаго

[1]) Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. Твор. ч. I, стр. 360. Migne curs. patrol. t. 25. col. 476.

собора и его опредѣленіяхъ, Сократъ продолжаетъ: „такія письменныя сказанія оставилъ намъ Евсевій объ этомъ событіи; и мы не неумѣстно воспользовались ими; но смотря на нихъ, какъ на свидѣтельство, внесли ихъ для того, чтобы въ случаѣ чьихъ-либо обвиненій собора Никейскаго касательно вѣры, не обращать на нихъ вниманія и не вѣрить Савину Македонянину“ [1]). Но, несомнѣнно, Сократъ и въ опроверженіе мнѣній Савина и въ доказательство важности собора Никейскаго обратился бы къ актамъ собора, какъ болѣе подробному и обстоятельному изложенію соборныхъ дѣяній, если бы такіе существовали, а не къ сочиненію Евсевія, въ которомъ очень мало говорится о внутренней дѣятельности собора, тѣмъ болѣе, что въ противовѣсъ актамъ невѣрнымъ „искаженнымъ“, каковы акты Савина, всего и естественнѣе было выставить акты вѣрные, подлинные. Наконецъ, въ пользу несуществованія актовъ Никейскаго собора рѣшительно говоритъ то обстоятельство, что и отъ втораго вселенскаго собора не осталось актовъ (въ смыслѣ протоколовъ). Несуществованіе-же въ настоящее время актовъ втораго вселенскаго собора прямо говоритъ за то, что такихъ актовъ никогда и не было. Второй вселенскій соборъ былъ въ очень мирное время (сравнительно съ временемъ перваго вселенскаго собора) и нѣтъ никакихъ основаній предположить, чтобы кто-нибудь уничтожилъ акты этого собора, какое предположеніе высказываютъ относительно актовъ Никейскаго собора. Но нельзя допустить, чтобы второй вселенскій соборъ вывелъ изъ употребленія то, что признано было полезнымъ на первомъ вселенскомъ соборѣ, т. е. запись протоколовъ. Второй вселенскій соборъ слѣдовалъ первому, и если-бы на Никейскомъ соборѣ записаны были протоколы засѣданій, то тоже самое сдѣлано было-бы и на Константинопольскомъ. Очевидно, такимъ образомъ, что на Никейскомъ соборѣ акты не были писаны.

Мы, насколько могли, показали, что актовъ Никейскаго

[1]) Сократъ I. 8.

собора, въ смыслѣ опредѣленій, въ полномъ видѣ до насъ не дошло; а актовъ, въ смыслѣ протоколовъ соборныхъ засѣданій, никогда не существовало. Но есть цѣлые сборники и отдѣльные документы, которые носятъ громкое названіе актовъ, или дѣяній Никейскаго собора. Таковы извѣстныя изданія „дѣяній соборовъ“, въ томъ числѣ и перваго Никейскаго, на разныхъ языкахъ—греческомъ, латинскомъ и русскомъ, недавно изданные „коптскіе тексты Никейскаго собора“ и „сирскіе акты“; таковы-же давно извѣстныя сочиненія: „преніе Аѳанасія Александрійскаго съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ“, анонимное сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „актовъ Никейскаго собора“, и протоколы споровъ языческихъ философовъ съ православными епископами, помѣщенные въ исторіи Геласія Кизическаго. Поэтому мы должны разсмотрѣть всѣ эти документы и рѣшить вопросъ, могутъ-ли они быть признаны за акты Никейскаго собора. Къ обозрѣнію указанныхъ документовъ мы теперь и перейдемъ.

Сборники соборныхъ дѣяній.

Существующія изданія соборныхъ дѣяній на греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ напр. Labbei et Cossartii (1671) Paris, Harduini (1715) Parisiis, Mansi (1759) Florentiae, и другія, а также „дѣянія вселенскихъ соборовъ“, изданныя въ русскомъ переводѣ при Казанской Духовной Академіи (1859 г. Казань), содержатъ акты, или дѣянія только другихъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, отъ которыхъ остались подлинныя записи всего происходившаго на соборѣ, а не перваго (а также и не втораго) вселенскаго собора. По отношенію же къ первому вселенскому собору перечисленныя нами изданія соборныхъ дѣяній—ничто иное, какъ сборники разныхъ документовъ, относящихся къ Никейскому собору и его дѣятельности, и нѣкоторыхъ повѣствованій объ этомъ соборѣ, какъ подлинныхъ, достовѣрныхъ, такъ и недостовѣрныхъ, подложныхъ, извлеченныхъ

издателями соборныхъ дѣяній изъ произведеній древнихъ писателей и церковныхъ историковъ, изъ каноническихъ коллекцій, а также изъ рукописей и фрагментовъ, открытыхъ въ разное время [1]. Представляя собою только сборникъ извлеченій изъ древнихъ произведеній и изъ вновь открытыхъ памятниковъ, притомъ сборникъ, составленный сравнительно въ очень позднее время, эти „дѣянія“ не могутъ считаться не только за акты Никейскаго собора, но даже не могутъ имѣть мѣста и среди самостоятельныхъ источниковъ исторіи собора. Эти дѣянія, представляя сводъ документовъ (хотя и не всѣхъ), могутъ служить только

[1]) Вотъ содержаніе самого полнаго изданія соборныхъ дѣяній Манси: 1. Письмо Александра, епископа Александрійскаго, къ соименному ему Александру, епископу Константинопольскому (извл. изъ церк. ист. Θеодорита I. 5. Migne с. 4); 2. Другое посланіе епископа Александра къ каθолической церкви (церк. ист. Сокр. 1. 6. Gelasii Cyzis. Hist. conc. Nic. lib. II. c. 3. Migne t. 85). 3. Рѣчь императора Константина на Никейскомъ соборѣ о мирѣ (Евсевій „Жизнь Константина“). 4. Рѣчь Евстаθія Антіохійскаго на Никейскомъ соборѣ (Gregorii presbyteri oratio. Combefesis t. II. col. 555). 5. Изложеніе вѣры, или символъ Никейскій въ нѣсколькихъ редакціяхъ (редакціи эти извлечены изъ разныхъ древнихъ манускриптовъ, изъ сочиненій церковныхъ писателей (изъ посланія св. Аθанасія къ Іовіану) и церковныхъ историковъ (Руфина, Сократа, Θеодорита). 6. Каноны Никейскіе въ нѣсколькихъ редакціяхъ и двѣ редакціи списка отцовъ, бывшихъ на соборѣ (извлечены изъ манускриптовъ, каноническихъ коллекцій и древнихъ писателей (напр. Руфина, Геласія Кизическаго). 7. Арабскій парафразъ Никейскихъ каноновъ (изъ изданія соборныхъ дѣяній Гардуина). 8. Письмо отцовъ Никейскаго собора къ папѣ Силивестру и отвѣтъ этого послѣдняго въ двухъ редакціяхъ (изъ Ватиканской библіотеки и другихъ). 9. Покаянная грамота Евсевія Никомидійскаго и Θеогниса Никейскаго (Сократъ 1. 14). 10. Посланіе Никейскаго собора къ церкви Александрійской и прочимъ церквамъ Египетскимъ (Θеодоритъ 1. 9. Migne с. 8. Сократъ 1. 9. Gelas. Cyz. II. 33). 11. Посланіе императора Константина послѣ Никейскаго собора ко всѣмъ церквамъ (Евсевій „Жизнь Константина“ III. 16—18; Gelas. Cyz. II. c. 36). 12. Его-же посланіе къ церкви Александрійской (Сократъ I. 9). 13. Его-же посланіе ко всѣмъ епископамъ и народамъ (Сократъ I. 6; Gel. Cyz. II. 36). 14. Его-же посланіе къ церкви Никомидійской противъ Евсевія и Θеогниса (Θеодоритъ 1. 20. Migne lib. 1. с. 19; Gelas. Cyz. III. c. 2). Далѣе въ изданіи Манси помѣщаются краткія сказанія, или замѣтки о Никейскомъ соборѣ: а) изъ синодской книжки, б) изъ письма Фотія къ Михаилу, князю Болгаріи, или изъ сочиненія о семи вселенскихъ соборахъ, с) изъ синоптическаго разсказа Нила, митрополита Родосскаго, или изъ сочи-

пособіемъ для занимающагося исторіей Никейскаго собора [1]). Поэтому и подробное обозрѣніе этихъ дѣяній выходитъ за предѣлы нашей задачи, тѣмъ болѣе, что почти со всѣми документами, помѣщенными въ „дѣяніяхъ“, мы встрѣтимся при обозрѣніи источниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, какъ къ пособію, мы впослѣдствіи будемъ обращаться къ дѣяніямъ. Теперь же остановимъ свое вниманіе только на двухъ документахъ, съ которыми мы не встрѣтимся при обозрѣніи повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, именно—на письмѣ епископовъ Никейскихъ къ папѣ Силивестру и отвѣтѣ послѣдняго собору и на спискахъ епископовъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ и подписавшихся подъ его опредѣленіями.

Посланіе Никейскаго собора къ папѣ Силивестру и от-

ленія о вселенскихъ соборахъ и наконецъ, d) изъ анонимнаго повѣствованія о 6 соборахъ. Послѣ этихъ краткихъ сказаній въ изданіи Манси приводится исторія Геласія Кизическаго въ полномъ видѣ (за исключеніемъ, впрочемъ, конца, который находится еще въ рукописи), а также арабскіе каноны и постановленія въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Вотъ содержаніе дѣяній по изданію Манси. Русское изданіе „дѣяній“ гораздо короче: въ немъ нѣтъ арабскихъ каноновъ и постановленій, а равнымъ образомъ и всѣхъ другихъ несомнѣнно неподлинныхъ документовъ; символъ и каноны приведены въ одной редакціи; изъ исторіи Геласія Кизическаго сдѣланы только нѣкоторыя извлеченія; списокъ отцовъ представленъ въ одной редакціи и то очень неполной: перечислены только нѣкоторые болѣе извѣстные епископы, о присутствіи которыхъ на соборѣ говорятъ древніе писатели или церковное преданіе.

[1]) Какъ о пособіи, о дѣяніяхъ нужно замѣтить, что не всѣ документы приводятся въ нихъ по болѣе древнимъ и болѣе исправнымъ редакціямъ. Напр. посланіе Евсевія Кесарійскаго къ паствѣ, какъ въ латинскомъ изданіи Манси, такъ и въ русскомъ изданіи Казанской Духовной Академіи—приводится по редакціи, сохраненной Геласіемъ Кизическимъ; между тѣмъ лучшею редакціею этого посланія считается редакція, сохраненная въ приложеніи къ посланію св. Аѳанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (А. П. Лебедевъ „Вселенскіе соборы IV и V вв“. стр. 31 прим.). Еще примѣръ. Болѣе древнею и точною редакціею Никейскаго символа считается редакція, сохраненная въ томъ-же приложеніи къ посланію Аѳанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (ibid. стр. 26—27); но ни въ изданіи Манси, ни въ русскомъ изданіи Никейскій символъ по этой редакціи не приводится. Подобныхъ примѣровъ можно-бы привести довольно много.

вѣтъ послѣдняго собору [1]). Въ заголовкѣ письма Никейскаго собора къ папѣ Силивестру стоятъ имена Осіи Кордубскаго, Макарія Іерусалимскаго, Виктора и Викентія, римскихъ пресвитеровъ и легатовъ папы Силивестра. Поименованныя лица отъ имени 318 отцовъ Никейскихъ просятъ этимъ письмомъ папу Силивестра утвердить опредѣленія Никейскія. Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо Силивестръ утверждаетъ всѣ опредѣленія, исправляя только постановленіе отцовъ о времени празднованія Пасхи. Вотъ содержаніе писемъ.

Оба эти письма никакъ нельзя признать подлинными: они явно подложныя, апокрифическія. Доказательства слѣдующія: 1) Стиль этихъ писемъ чисто варварскій и до крайности непонятный [2]): онъ напоминаетъ средніе вѣка, а не начало IV вѣка, когда писали языкомъ чистымъ и изысканнымъ. 2) Какъ показываетъ дата, письмо Никейскаго собора было написано и отправлено папѣ Силивестру въ 13-е іюльскихъ календъ, т. е. 19 іюня; очевидно, здѣсь предполагается, что къ 19 іюня всѣ разсужденія собора были окончены. Но это едвали такъ. По указанію Евномія, епископа Никомидійскаго, читавшаго на Халкидонскомъ соборѣ Никейскій символъ (дѣяніе 2-е), 19 число іюня (9 день мѣсяца Дасія, или 13 іюльскихъ календъ) представляется временемъ составленія только символа вѣры. Другія же опредѣленія составлены были послѣ, можетъ быть, только 25 іюля, когда наступило двадцатилѣтіе императора Константина [3]), а можетъ быть, и еще позднѣе, такъ какъ соборъ продолжался до 25 Августа, какъ показываетъ замѣтка изъ кодекса, принадлежащаго Аттику,

[1]) Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 719—720. Письмо это въ первый разъ издано Суріемъ (Surio), нашедшимъ его въ древней Колоньской книгѣ (ex vetusto libro Coloniensi); находится это письмо также въ рукописныхъ кодексахъ кресконіанской коллекціи (cresconianae collectionis), но здѣсь крайне испорчено.

[2]) Ceillier. Hist. gener. des autr. sacr. et eccles. ed. 1861. t. III. p. 446.

[3]) Евсевій. „Жизнь Константина“ III. 15.

епископу Константинопольскому [1]). Слѣдовательно, соборъ не могъ 19 іюня сообщить папѣ Силивестру о всѣхъ своихъ опредѣленіяхъ. 3) Павлинъ и Юліанъ называются въ письмѣ собора „summi consules“; такой титулъ никогда не давался консуламъ [2]). 4) Въ отвѣтномъ письмѣ Никейскому собору Силивестръ указываетъ на Викторина, который доказалъ неправильность пасхальнаго цикла, утвержденаго отцами. Но Викторинъ сталъ извѣстенъ только послѣ смерти Силивестра [3]). 5) Хронологическая дата отвѣтнаго письма заразъ представляетъ нѣсколько ошибокъ. Письмо написано было въ 8-е Ноябрьскихъ календъ, т. е. 27 Октября, а получено въ 4-е Февральскихъ идъ, т. е. 10 Января, въ 7-е консульство Константина и въ 4-е цезаря Констанція. Здѣсь предполагается, что соборъ продолжался и въ 326 году (7-е консульство Констинтина началось съ 326 г.); но, по сказанію Евсевія [4]) и другихъ историковъ, соборъ кончился въ 325 г. Притомъ въ 326 году, въ 7-е консульство Константина, было 1-е, а не 4-е консульство Констанція [5]). 6) Соборъ, упоминаемый въ отвѣтномъ письмѣ, который будто былъ собранъ папою Силивестромъ изъ епископовъ Рима и Италіи для утвержденія Никейскихъ постановленій, вовсе неизвѣстенъ древности. Стараются доказать, что это есть тотъ Римскій соборъ изъ 275 епископовъ, происходившій въ присутствіи императора Константина, который въ латинскихъ изданіяхъ соборныхъ дѣяній помѣщается, обыкновенно, послѣ Никейскаго [6]). Но былъ-ли дѣйствительно такой соборъ, въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Прежде всего императоръ Константинъ не былъ въ Римѣ въ 325 году [7]). Далѣе: столь многолюдный соборъ (изъ 275 епископовъ) и столь

1) Baronii annales ad an. 325, c. 8. t. IV.
2) Ceillier. Hist. gen. t. III. p. 446.
3) Ibid.
4) Евсевій „Жизнь Константина“ III. 15.
5) Замѣтка издателя. Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 720.
6) Въ изданіи Манси t. II. col. 1081—1084.
7) Ceillier. Hist. gen. t. III. p. 446.

важный по предмету своихъ разсужденій (утвержденіе Никейскихъ постановленій) ни подъ какимъ видомъ не былъ бы забытъ св. Аѳанасіемъ, Иларіемъ и др. писателями, оставившими намъ исторію соборовъ своего времени. Изъ сказаннаго получается прямой выводъ, что оба письма—собора Никейскаго папѣ Силивестру и Силивестра собору—подложныя и не могутъ служить источниками исторіи Никейскаго собора. Оба эти письма ничто иное, какъ грубая, невѣжественная фальсификація какого-нибудь средневѣковаго ультрамонтана, желавшаго возвеличить папскую власть и показать великое значеніе папы даже во времена перваго вселенскаго собора [1]).

Списки епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ [2]). Мы уже говорили выше, что епископы, бывшіе на Никейскомъ соборѣ, подписались подъ его опредѣленія. Списокъ этихъ подписей вмѣстѣ съ самыми опредѣленіями хранился, какъ оффиціальный документъ, въ государственномъ архивѣ, но до насъ не дошелъ. До насъ дошли уже позднѣйшіе списки, въ которыхъ епископы, между прочимъ, перечисляются не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они подписывались на Никейскомъ соборѣ. Въ изданіи соборныхъ дѣяній Манси приведены два такіе списка епископовъ. Списки эти, какъ сознаются сами издатели ихъ и изслѣдователи, крайне испорчены и нѣтъ никакой возможности возстановить ихъ въ ихъ подлинномъ видѣ. Такая порча списковъ вполнѣ естественна. Собственныя имена лицъ, названіе мѣстъ и каѳедръ всего легче подвергаются порчѣ. Какъ скоро переписчикъ или вслѣдствіе описки или вслѣдствіе недосмотра допустилъ ошибку въ имени лица

1) Въ изданіи Манси (col. 721—722) помѣщается еще экземпляръ отвѣтнаго письма папы Силивестра собору. Этотъ второй экземпляръ, нечуждый тѣхъ грубыхъ ошибокъ и анахронизмовъ, которыми изобилуетъ первый, нами разсмотрѣнный, обладаетъ еще и новыми. Такъ въ немъ говорится, что Никейскій соборъ осудилъ и Фотина; но Фотинъ съ своею ересью явился уже послѣ Никейскаго собора.

2) Mansi sacr. conc. coll. t. II. col. 692—702.

или названіи мѣста, эта ошибка остается, получаетъ значеніе истины и порождаетъ ошибки въ дальнѣйшихъ копіяхъ, потомучто ошибка въ собственномъ имени труднѣе замѣчается: не всякій усмотритъ ее, а тѣмъ болѣе не всякій, какъ слѣдуетъ, можетъ исправить ее. Были и другія причины появленія ошибокъ въ спискахъ епископовъ. Извѣстно, что завоеванія арабовъ и турокъ въ VII—XV вв. были такъ опустошительны, что многіе цвѣтущіе города и мѣстности превратились въ пустыни и стали неизвѣстны потомству. Встрѣчаясь съ названіями такихъ мѣстъ и городовъ, переписчики недоумѣвали и, сомнѣваясь въ исправности оригинала, сами исправляли его: вмѣсто названія несуществующаго и неизвѣстнаго въ ихъ время города они вписывали созвучное названіе другаго города. Тоже самое могло случиться и съ собственными именами лицъ. Встрѣчаясь съ именами иностранными, переписчики, съ цѣлью помочь дѣлу, замѣняли эти незнакомыя имена созвучными отечественными и имъ понятными. Благодаря такимъ передѣлкамъ въ спискахъ встрѣчаются замѣчательные курьезы. При дальнѣйшемъ списываніи и переписываніи эти ошибки не только не исправлялись, но въ силу вышеуказанныхъ причинъ еще болѣе увеличивались, такъ что положительно невозможно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время возстановить подлинный списокъ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ. Многіе ученые пытались примирить разногласія въ спискахъ епископовъ и посредствомъ сличенія и критики ихъ составить списокъ болѣе близкій къ подлинному. Но эти труды ученыхъ, не имѣвшіе подъ собой твердой опредѣленной почвы, не должны были привести и дѣйствительно не привели ни къ какому результату. Списки разныхъ ученыхъ издателей, составленные на основаніи разбора и сличенія древнихъ списковъ, такъ же много разнятся между собой, какъ и древніе списки. Вслѣдствіе такой испорченности списки епископовъ не могутъ имѣть важнаго значенія и на основаніи только ихъ нельзя приходить къ какимъ-либо новымъ выводамъ и заключеніямъ; нельзя напр. рѣшительно утверждать

присутствіе какого-либо епископа на томъ основаніи, что имя его значится въ спискахъ; равнымъ образомъ нельзя и отрицать это присутствіе въ силу того, что въ спискахъ имени этого лица не находится. Впрочемъ, говоря о неисправности списковъ епископовъ, мы не думаемъ отнимать у нихъ всякое значеніе. Въ случаяхъ сомнительныхъ, напр. при разногласіи двухъ равноавторитетныхъ писателей, можно обращаться къ этимъ спискамъ и смотрѣть на ихъ показанія, какъ на рѣшающія разногласіе. Этими замѣчаніями мы покончимъ обозрѣніе соборныхъ дѣяній и перейдемъ къ обозрѣнію другихъ документовъ, которые не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ называются актами Никейскаго собора.

Коптскіе тексты Никейскаго собора.

Изданіе коптскихъ фрагментовъ, относящихся къ Никейскому собору, было начато еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Ученый археологъ Георгъ Цега (Zoega), датскій консулъ въ Римѣ, умершій въ 1809 году, открылъ въ коптскомъ манускриптѣ Боржіанскаго музея 4 фрагмента, приписываемые Никейскому собору, и издалъ ихъ въ своемъ „Catalogus codicum copticorum manuscriptorum musei Borgiani“ съ латинскимъ переводомъ; причемъ онъ сдѣлалъ нѣкоторыя поясненія относительно текста, обставилъ его примѣчаніями и сносками; особенно старательно изучены имъ были подписи епископовъ собора. Такъ какъ каталогъ Цеги скоро сдѣлался библіографической рѣдкостью, —экземпляры его сохранились только въ большихъ библіотекахъ и весьма рѣдко встрѣчались въ продажѣ,—то предпринято было новое изданіе коптскихъ фрагментовъ, обнародованныхъ Цегою. Это дѣло взялъ на себя Ленорманъ. Онъ издалъ коптскіе фрагменты сначала въ 19 томѣ „Memoires des inscriptiones et Belles-lettres“, а потомъ въ I т. „Spicilegium solesmense“ 1852, гдѣ онъ предпослалъ фрагментамъ введеніе на латинскомъ языкѣ и

снабдилъ ихъ новымъ латинскимъ переводомъ. Коптскій манускриптъ, обнародованный Цегою, а потомъ вновь изданный Ленорманомъ, состоитъ изъ 4 фрагментовъ: первый фрагментъ начинается съ 19 листа и кончается 26; второй фрагментъ имѣетъ только два листа—47-й и 48-й; третій фрагментъ—четыре листа—69—72; наконецъ четвертый фрагментъ состоитъ изъ 4-хъ ненумерованныхъ листовъ.

Продолжателемъ дѣла Цеги и Ленормана по открытію и изданію коптскихъ текстовъ Никейскаго собора явился французскій ученый, извѣстный спеціалистъ въ области позднѣйшихъ формацій Египетскаго языка, Э. Ревилью, адъюнктъ-консерваторъ Египетскаго Луврскаго музея. Въ 1873 году онъ издалъ въ своемъ сочиненіи „Le Concile de Nicée, d'apres les textes coptes. Première série de documents. Paris"—два большіе фрагмента на коптскомъ языкѣ о Никейскомъ соборѣ, открытые имъ въ папирусахъ Туринской библіотеки. Одинъ изъ этихъ фрагментовъ догматическаго содержанія, или какъ называется коптами: „томъ о вѣрѣ православной"; другой фрагментъ нравственнаго содержанія и озаглавивается: „гномы св. собора". Изъ сравненія Туринскихъ фрагментовъ съ Боржіанскими, обнародованными Цегою, открывается, говоритъ Ревилью, что эти двѣ серіи фрагментовъ—ничто иное, какъ два коптскіе перевода одного и того-же, вѣроятно, греческаго оригинала, потомучто эти двѣ редакціи, совершенно тождественныя по сущности, много разнятся между собою по формѣ и синонимическимъ выраженіямъ, которыя встрѣчаются въ нихъ. По содержанію своему первый фрагментъ Ревилью пополняетъ второй фрагментъ, изданный Цегою, а обширный второй фрагментъ Ревилью, заключающій въ себѣ гномы собора, составляетъ продолженіе третьяго фрагмента Цеги (Цега имѣлъ подъ руками и издалъ только заглавіе и первую страницу гномовъ). Въ 1881 г. Ревилью въ своемъ сочиненіи „Le concile de Nicée, d' apres les textes coptes et les diverses collections canoniques. Paris. 1881."

—издалъ новые фрагменты на коптскомъ языкѣ, относящіеся къ Никейскому собору, которые онъ нашелъ въ Боржіанскомъ музеѣ. Эти послѣдніе Боржіанскіе фрагменты составляютъ прямое дополненіе и продолженіе фрагментовъ, обнародованныхъ Цегою. Одни изъ текстовъ, вновь открытыхъ Ревилью, слѣдуютъ непосредственнно послѣ втораго фрагмента Цеги, т. е. послѣ листа 48: они заключаютъ въ себѣ листы съ 49 по 64; другая серія текстовъ примыкаетъ непосредственно къ третьему фрагменту Цеги: начинается съ 73 листа и оканчивается листомъ 84. Конецъ послѣдней серіи текстовъ представляетъ собою неполный переводъ разсужденія о гномахъ, полный текстъ которыхъ представляетъ фрагментъ Туринской библіотеки. Соединяя вновь открытые фрагменты Боржіанскаго музея, говоритъ Ревилью, съ фрагментами, открытыми Цегою, и пополняя пробѣлы тѣхъ и другихъ Туринскими фрагментами, какъ представляющими собою только другую редакцію, или другой переводъ одного и того-же оригинала, можно будетъ возстановить манускриптъ почти въ цѣломъ видѣ. Вотъ содержаніе его [1]).

Сначала съ листа 19-го идетъ символъ вѣры со словъ: „отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта" и анаѳематствованіе на Арія. Отличіе символа коптскаго отъ символа, несомнѣнно принадлежащаго Никейскому собору, состоитъ только въ слѣдующемъ: вмѣсто слова „страдавшаго" стоитъ слово „умершаго" (mortuus est); предъ словами: „въ Духа Святаго" прибавлено слово: „вѣруемъ" (et credimus in Spiritum Sanctum). Въ анаѳематствованіи синонимическія понятія: „преложимъ и измѣняемъ" выражены однимъ словомъ: „измѣняемъ" (лат. „mutabilem", фр. qu'il change [2]).

[1]) Для большей ясности и раздѣльности мы будемъ передавать содержаніе Боржіанскаго и Туринскаго манускриптовъ отдѣльно и въ такомъ порядкѣ: въ текстѣ мы будемъ передавать содержаніе манускрипта Боржіанскаго, какъ наиболѣе полнаго, а въ примѣчаніи будемъ отмѣчать особенности Туринскаго манускрипта.

[2]) Pitra. Spicilegium solesmense 1852 t. I. pag. 513—514. Rerillout. Le concile de Nicée. 1881. p. 4—5. Dissertation critique.—Въ Туринскомъ манускриптѣ находится весь символъ въ полномъ видѣ. Различіе его отъ подлиннаго въ слѣ-

Затѣмъ идутъ такія анаѳематствованія, какихъ не находится при символѣ Никейскомъ: подвергаются анаѳемѣ—Савеллій, Фотинъ, Павелъ Самосатскій, Валентинъ и Маркіонъ [1]). За анаѳематствованіями слѣдуетъ списокъ отцовъ, бывшихъ на соборѣ; приэтомъ прежде чисто номинальнаго перечня отцовъ представлена въ полномъ видѣ форма подписи Осіи Кордубскаго и папскихъ легатовъ. Епископы перечисляются по провинціямъ; самыя провинціи расположены въ географическомъ порядкѣ по отношенію къ Египту; такъ послѣ Египта и къ нему принадлежащей Ливіи здѣсь слѣдуютъ: Палестина, Финикія, двѣ Сиріи, Аравія, Месопотамія, Киликія, Каппадокія, двѣ Арменіи, два Понта, Пафлагонія, Галатія, Асія, Лидія, Фригія, Писидія, Ликія и Памфилія. На Памфиліи прерывается коптскій фрагментъ Боржіанскаго музея. Послѣдній листъ перваго фрагмента Цеги носитъ № 26 и далѣе нѣтъ нумерованныхъ листовъ до 47. Такимъ образомъ, если отнести 4 ненумерованные листа, составляющіе 4-й фрагментъ Цеги, къ концу, то будетъ пробѣлъ въ 20 листовъ. Но эти четыре ненумерованные листа, въ которыхъ помѣщаются 6 первыхъ Никейскихъ канововъ (впрочемъ неполныхъ: недостаетъ начала перваго и конца послѣдняго) вѣроятнѣе всего должно помѣстить между 26 и 47 нумерованными листами. Помѣщая 4 ненумерованные листа въ двадцати-листовой пробѣлъ, мы такимъ образомъ будемъ имѣть пробѣлъ уже только въ 16 листовъ, въ которыхъ должны заключаться недостающія подписи епископовъ и недостающіе каноны. Чрезъ сравненіе имѣющихся въ коптскомъ манускриптѣ подписей епископовъ и канововъ съ латинскимъ изданіемъ списка епископовъ и канововъ, можно приблизительно опредѣлить, сколько листовъ коптскаго письма должны занимать

дующемъ: послѣ слова „воплотившагося" недостаетъ слова „и вочеловѣчившагося"; послѣ слова „страдавшаго" прибавлено „умершаго". Въ анаѳематствованіи—выраженія: „существа и сущности" замѣнены однимъ словомъ „сущности" (essence); пропущены слова: „что Сынъ созданъ"; къ понятію „церковь" прибавленъ эпитетъ „апостольская".

[1]) Ibid.

недостающія подписи епископовъ и каноны. Часть коптскаго списка подписей епископовъ, которою мы владѣемъ и которая кончается Памфиліей, занимаетъ въ манускриптѣ 5 листовъ; эта-же часть списка епископовъ въ лат. изданіи соборныхъ дѣяній Гардуина занимаетъ 181 строку; слѣдовательно, 36 строкъ латинскаго изданія равняются одному листу коптскаго манускрипта. Подписи, недостающія въ коптскомъ текстѣ, занимаютъ 87 строкъ въ латинскомъ изданіи; слѣдовательно, въ коптскомъ манускриптѣ они заняли-бы около 2½ листовъ. Шесть первыхъ каноновъ занимаютъ въ коптскомъ текстѣ 4 листа, въ латинскомъ изданіи Гардуина они занимаютъ 89 строкъ; то есть 22 строки латинскаго изданія равняются одному листу коптскаго манускрипта; каноны, недостающіе въ коптскомъ текстѣ, занимаютъ 221 строку въ латинскомъ изданіи; слѣдовательно, въ коптскомъ манускриптѣ они заняли-бы 10 листовъ. Такимъ образомъ недостающіе каноны и подписи епископовъ заняли-бы всего 12½ листовъ коптскаго письма. Присоединяя къ нимъ 4 ненумерованныхъ листа, содержащихъ первые 6 каноновъ, мы получаемъ 16½ листовъ; слѣдовательно, изъ двадцати-листоваго пробѣла остается только 3½ листа, содержаніе которыхъ намъ неизвѣстно. На листахъ 47 и слѣдующихъ помѣщается конецъ символа со словъ: „отъ Котораго произошло все, что на небѣ и на землѣ“—съ нѣкоторыми варіаціями; ученіе о Духѣ Святомъ выражено здѣсь полнѣе, чѣмъ въ символѣ несомнѣнно Никейскомъ: здѣсь указано на отношеніе Духа Святаго къ Отцу: „вѣруемъ въ Духа Святаго животворящаго, Который исходитъ отъ Отца“. Съ нѣкоторыми-же варіаціями и дополненіями сравнительно съ Никейскимъ передается и анаѳематствованіе на Арія. Далѣе идутъ анаѳематствованія на Савеллія и Фотина[1]), сходныя съ тѣми, которыя находятся въ первомъ фрагментѣ. За анаѳематствованіями слѣдуютъ раскры-

[1]) Подобныя анаѳематствованія есть и въ Туринскомъ манускриптѣ. См. Le concile de Nicée. Revillout 1873; также: „Никейскій соборъ по коптскимъ текстамъ“ Ал. П. Лебедева. Чтенія въ общ. люб. д. пр. 1875 г. III.

тіе и изъясненіе догматовъ о святой Троицѣ, о воплощеніи и Божествѣ Святаго Духа, а потомъ общительныя письма, то есть такія, которыми епископы выражали свое согласіе по вопросамъ вѣры другъ съ другомъ или соборными опредѣленіями. Таково письмо св. Павлина, которое существуетъ и на греческомъ языкѣ въ концѣ посланія Александрійскаго собора исповѣдниковъ (362 г.) къ Антіохійцамъ [1]), и письмо св. Епифанія. На 64 листѣ коптскій Боржіанскій манускриптъ прерывается; слѣдующій нумерованный листъ есть уже 69-й; слѣдовательно является пробѣлъ въ 4 листа. Содержаніе этихъ недостающихъ 4 листовъ составляютъ, вѣроятно, также общительныя письма, потомучто и далѣе на листахъ 69 и 70 помѣщается общительное же письмо архіепископа Руфина или Руфиніана. Очевидно, въ коптскомъ манускриптѣ помѣщена была цѣлая серія писемъ, изъ которой мы владѣемъ только двумя первыми и однимъ послѣднимъ. Послѣ общительныхъ писемъ на концѣ 70 листа помѣщается мистическое размышленіе о числѣ отцовъ Никейскаго собора—о присутствіи между 318 отцами 319-го участника собора—Св. Духа. Съ листа 71 и до конца манускрипта идутъ гномы, или трактатъ, касающійся морали и поведенія христіанъ. Впрочемъ, здѣсь не всѣ правила нравственнаго характера, есть много положеній и чисто догматическихъ. Гномы эти, или сентенціи состоятъ изъ общихъ отрывочныхъ положеній, безъ всякой связи и послѣдовательности. Передадимъ нѣкоторыя сентенціи [2]). Вотъ сентенціи догматическаго содержанія: „Благъ Богъ Отецъ, благъ Христосъ и Онъ Богъ, Благъ Святый Духъ... Богъ не имѣетъ начала, не имѣетъ конца въ своемъ Божествѣ, потомучто Богъ есть начало и конецъ

[1]) Аѳанасія „посланіе къ Антіохійцамъ". Твор. Аѳан. ч. III. стр. 197—198. Migne t. 26. col. 809.

[2]) Такъ какъ въ Боржіанскомъ манускриптѣ трактатъ о гномахъ почти буквально сходенъ съ такимъ-же трактатомъ Туринскаго манускрипта и такъ какъ съ другой стороны, по мнѣнію Ревилью (Le Concile de Nicée 1881. p. 3), Туринскій текстъ есть болѣе древній и чистый и въ то-же время болѣе полный, то мы будемъ передавать содержаніе гномовъ по Туринскому манускрипту.

всего". Такимъ-же общимъ характеромъ отличаются и сентенціи чисто нравственнаго свойства. Вотъ что говорятъ эти сентенціи: „Кто хочетъ повиноваться Богу, тотъ долженъ слушаться и Его повелѣній. Человѣкъ этотъ будетъ посѣщать церковь. Тотъ, кто не спѣшитъ въ церковь, небрежетъ о своемъ спасеніи". Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ наставленій и предписаній женщинѣ, потомъ мужчинѣ и наконецъ дѣвѣ; далѣе слѣдуетъ множество предписаній и правилъ самого разнообразнаго и часто неопредѣленнаго характера; такъ есть правила о приступающихъ къ евхаристіи, о благотвореніи, о спасеніи души; приэтомъ предписанія часто повторяются, если не по буквѣ, то по содержанію [1]). Гномами заканчиваются коптскіе манускрипты.

Мы передали содержаніе коптскихъ текстовъ какъ по Боржіанскому, такъ и по Туринскому манускриптамъ. Теперь изложимъ взлядъ на нихъ ихъ издателя и защитника Эженя Ревилью [2]).

Ревилью признаетъ важное церковно-историческое значеніе за коптскими фрагментами. Прежде всего онъ старается доказать ихъ глубокую древность характеромъ Туринскаго манускрипта, откуда извлечена одна редакція этихъ актовъ. Коллекція Туринскихъ папирусовъ, говоритъ Ревилью, въ сущности составляетъ цѣлую отдѣльную библіотеку, которая образовалась въ одно время [3]). Между начальными листами Туринскихъ папирусовъ находится очень интересный для насъ актъ; вотъ самый актъ буквально:... „даръ, по обѣту сдѣланный одною женою. Господь Богъ знаетъ ихъ имена. Она положила его въ этомъ мѣстѣ св. Іоанна Предтечи ради спасенія своей души и своего покойнаго мужа, своихъ дѣтей и всего своего рода, въ ихъ имя, чтобы Господь и Іоаннъ Креститель благословили ихъ, ихъ наслѣдни-

[1]) Le Concile de Nicée 1873. Подробно содержаніе гномовъ передано у Ал. П. Лебедева „Никейскій соборъ по коптскимъ текстамъ". Чтен. въ общ. люб. дух. просвѣщ. 1875. Ш.

[2]) Мы будемъ приводить взглядъ одного Ревилью, потомучто взгляды предыдущихъ издателей коптскихъ текстовъ неопредѣленны.

[3]) Le Concile de Nicée. 1873. p. 8.

ковъ и весь ихъ домъ благословеніемъ Авраама, Исаака и Іакова. Въ мирѣ. Аминь“. Мы здѣсь, разсуждаетъ Ревилью, имѣемъ дѣло съ даромъ, вѣроятно, книгъ, которыя и составили нашу библіотеку, съ даромъ, сдѣланнымъ богатою вдовою Египтянкой изъ Θиваиды вслѣдствіе обѣта ея мужа [1]. Но какъ даръ, эта коллекція книгъ, конечно, сохранялась въ томъ видѣ, въ какомъ была пожертвована, то есть въ эту коллекцію послѣ ея пожертвованія не вносили никакихъ документовъ; слѣдовательно, всѣ документы, въ ней находящіеся, относятся ко времени ея первоначальнаго образованія и пожертвованія въ мартиріонъ св. Іоанна Крестителя. Самое пожертвованіе было сдѣлано не позднѣе конца святительствованія св. Кирилла Александрійскаго [2]; составлена-же была эта коллекція, какъ можно заключать изъ самыхъ папирусовъ, теперь Туринскихъ, ранѣе. Такъ Кириллъ Александрійскій, сочиненія котораго распространены были по всему востоку или, лучше сказать, по всему христіанскому міру, почти совсѣмъ не фигурируетъ въ коптскихъ манускриптахъ, какъ и прочіе его знаменитые современники. Напротивъ, дядя его Θеофилъ, этотъ воинственный архіепископъ Александрійскій, столь знаменитый въ свое время, но мало извѣстный теперь, если выключить его споры съ Іоанномъ Златоустомъ, находится представленнымъ очень ярко: мы встрѣчаемъ здѣсь очень многія его проповѣди. Въ большей части этихъ документовъ имя Θеофила встрѣчается безъ эпитета „μακάριος“, который прилагался, обыкновенно, къ именамъ епископовъ уже умершихъ: знакъ, что проповѣди Θеофила еще при его жизни вошли въ составъ библіотеки. Съ другой стороны, и сочиненія Іоанна Златоуста, которыя также встрѣчаются въ Туринскихъ папирусахъ, не обозначены именемъ Златоуста: опять, несомнѣнно, потому, что и этотъ святитель былъ еще живъ въ то время и неудобно было такой хвалеб-

[1] Le Concile de Nicée 1873. p. 9—10.
[2] Le Concile de Nicée 1881. p. 112.

ный эпитетъ прилагать къ имени лица еще живаго [1]). Во всякомъ случаѣ съ полною увѣренностью можно утверждать, что Туринская коллекція окончательно составлена не позднѣе первой половины V вѣка, вскорѣ послѣ 3-го вселенскаго собора [2]). Слѣдовательно, никакъ не позднѣе этого времени явились и фрагменты, относящіеся къ Никейскому собору. А такъ какъ Туринскіе и Боржіанскіе фрагменты о Никейскомъ соборѣ представляютъ ничто иное, какъ два перевода одного и того-же оригинала, то заключеніе о древности Туринскихъ коллекцій простирается и на фрагменты Боржіанскіе, если не по ихъ образованію, то, по крайней мѣрѣ, по ихъ содержанію.

Утвердивъ древность коптскихъ фрагментовъ о Никейскомъ соборѣ по ихъ образованію, Ревилью переходитъ къ вопросу объ ихъ происхожденіи, или точнѣе: о происхожденіи греческаго оригинала этихъ фрагментовъ—и рѣшаетъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: коптскіе тексты есть коптскій переводъ подлинныхъ актовъ Александрійскаго собора исповѣдниковъ (362 г.), воспроизведшаго и обнародовавшаго акты собора Никейскаго. Содержаніе коптскихъ текстовъ, по мнѣнію Ревилью, вполнѣ согласно съ извѣстіями современниковъ и церковныхъ историковъ о дѣятельности Александрійскаго собора 362 г. Какъ извѣстно, говоритъ Ревилью, Никейскій соборъ, немного спустя послѣ своего обнародованія, былъ оставленъ и забытъ всѣми, даже большею частію тѣхъ, которые подписались подъ его опредѣленія, и самимъ императоромъ, который созвалъ соборъ и торжественно утвердилъ его опредѣленія. Императоръ Константинъ, осудившій Арія и отправившій его въ ссылку, вскорѣ возвратилъ его и такъ сталъ къ

[1]) Le Concile de Nicée 1873. p. 8—9.

[2]) Le Concile de Nicée 1881. p. 112. Въ первомъ своемъ сочиненіи (Le Concile de Nicée. 1873) Ревилью рѣшительно относитъ окончательное образованіе Туринской коллекціи къ началу святительствованія Кирилла (p. 9). Въ другомъ-же сочиненіи (Le Concile de Nicée. 1881) онъ выражается не совсѣмъ опредѣленно: относитъ образованіе коллекціи то къ серединѣ, то даже къ концу святительствованія Кирилла.

нему благосклоненъ, что требовалъ отъ Константинопольскаго епископа принять Арія въ церковное общеніе. Такую-же благосклонность оказалъ Константинъ и мелетіанамъ и, по наговорамъ послѣднихъ, удалилъ съ Александрійской каѳедры св. Аѳанасія. Реакція противъ Никейскаго собора еще болѣе усилилась при сынѣ Константина Великаго—Констанціи. Къ концу царствованія Констанція аріане, пользуясь явнымъ покровительствомъ императора, достигли полнаго господства надъ православными. Они, изгоняя православныхъ епископовъ, заняли всѣ главныя епископскія каѳедры. Немногіе исповѣдники, какъ напр. Либерій, Осія, Астерій, Евсевій Версельскій, Люциферъ Каларитскій, которые осмѣливались вступать въ борьбу съ аріанами, подвергались высылкѣ изъ своего отечества въ самые крайніе предѣлы римской имперіи: Галлы были ссылаемы въ Египетъ, Египтяне—въ Галлію. Что касается до св. Аѳанасія, то онъ, принужденный скрываться отъ преслѣдованія аріанъ, долгое время жилъ въ неизвѣстномъ для всѣхъ убѣжищѣ. При такомъ господствѣ аріанъ соборъ Никейскій былъ повсемѣстно забытъ. Его акты, сожженные аріанами, пропали. Во многихъ провинціяхъ не знали Никейскаго символа даже по имени. Взамѣнъ Никейскаго собора аріане почти каждый годъ составляли свои соборы, часто очень большіе по количеству епископовъ. Но въ этихъ соборахъ, гдѣ символы противорѣчили символамъ, опредѣленія—опредѣленіямъ, анаѳематствованія—анаѳематствованіямъ, не было ничего устойчиваго, укрѣпленнаго вселенскимъ преданіемъ. Такія нестроенія вызывали въ защитникахъ православія сознаніе необходимости возстановить вѣру отцовъ. Эта вѣра, освященная вселенскимъ преданіемъ, которую всѣ церкви, разъединенныя одна отъ другой во время гоненій, сохраняли, какъ драгоцѣнный залогъ единства, была вѣра, утвержденная на Никейскомъ соборѣ. Нужно было, слѣдовательно, возвратиться къ вѣрѣ Никейской, къ Никейскому символу, который содержитъ истинную вѣру отцовъ и котораго достаточно для уясненія всѣхъ вопросовъ вѣры и опроверженія всѣхъ ересей; а для этого нужно

было возстановить и обнародовать самые акты Никейскаго собора. Защитники православія ожидали только благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы произвести это возстановленіе. Такія благопріятныя обстоятельства наступили при императорѣ Юліанѣ. Юліанъ, вступивъ на престолъ, объявилъ амнистію всѣмъ пострадавшимъ за религіозныя убѣжденія, въ томъ числѣ и православнымъ епископамъ. Воспользовавшись этою свободою, православные епископы, прославившіеся своимъ исповѣдничествомъ, между которыми выдавались Евсевій Версельскій и Люциферъ Каларитскій, во главѣ съ св. Аѳанасіемъ, составили въ 362 году въ Александріи соборъ. Возстановить текстъ Никейскаго символа, утвердить его въ томъ видѣ, въ какомъ нѣкогда подписали его отъ имени своихъ церквей епископы, изъ которыхъ многіе впали въ заблужденіе, и присоединить къ нему толкованіе для разрѣшенія новыхъ вопросовъ, выступившихъ на очередь къ тому времени,—такова была цѣль св. Аѳанасія и таково было дѣло славнаго собора исповѣдниковъ 362 года. Въ этомъ согласны извѣстія всѣхъ современниковъ и церковныхъ историковъ. Такъ Сократъ и Созоменъ говорятъ намъ, что Александрійскій соборъ составленъ для подтвержденія догматовъ церкви чрезъ возстановленіе Никейскихъ опредѣленій „ἐπὶ βεβαιώσει τῶν ἐν Νικαίᾳ δοξάντων“. А современный біографъ Евсевія Версельскаго говоритъ о дѣятельности исповѣдниковъ, бывшихъ на Александрійскомъ соборѣ: „утвердили вѣру Никейскую, чтобы ненарушимо сохранялась“ (confirmaverunt fidem Nicaeni concilii, ut inviolabiter conservaretur) [1]). И это не было только утвержденіе Никейскихъ опредѣленій, но возстановленіе и обнародованіе самыхъ актовъ Никейскаго собора. Эта новая редакція Никейскихъ актовъ и замѣнила собою первоначальную, уничтоженную аріанами. Вотъ почему Сократъ, когда писалъ исторію Никейскаго собора и желалъ указать епископовъ, участвовавшихъ на этомъ соборѣ, обращался

[1]) Le concile de Nicée. 1881. p. 10.

не къ первоначальнымъ актамъ Никейскимъ, а къ Аѳанасіеву синодику, который одинъ только, по его словамъ, содержалъ имена епископовъ въ цѣлости (ὧν εἰς πλῆρες τα ὀνόματα κεῖται ἐν τῷ Συνοδικῷ 'Αθανασίου τοῦ 'Αλεξανδρείας ἐπισκόπου).—Впрочемъ возстановленіе Никейскихъ актовъ было не совсѣмъ текстуальное. Къ символу Никейскому и анаѳематствованіямъ на Арія присоединены были анаѳематствованія на нѣкоторыхъ другихъ еретиковъ, изъ которыхъ одни хотя и были извѣстны Никейскому собору, но не были прямо осуждены послѣднимъ, потомучто Никейскій соборъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду Арія, а другіе и не были извѣстны Никейскому собору, какъ явившіеся послѣ него. Такъ присоединены были анаѳематствованія на Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, Аполлинарія и др. На Александрійскомъ же соборѣ сдѣланы были, на основаніи Никейскаго символа, изъясненія догматовъ о воплощеніи, о Божествѣ Св. Духа и др., о которыхъ (догматахъ) въ то время возбуждались вопросы и происходили споры. Объ этихъ изъясненіяхъ Александрійскаго собора говорятъ Сократъ, Созоменъ, Руфинъ, біографъ Евсевія Версельскаго и посланіе къ Антіохійцамъ [1]). Но съ другой стороны исповѣдниками сдѣланы были и намѣренныя опущенія изъ актовъ Никейскихъ. Исповѣдники руководились не научными цѣлями, а чисто практическими; они имѣли въ виду не текстуальное воспроизведеніе записей Никейскаго собора, а борьбу съ ересями и язычествомъ. Поэтому они и воспроизводили изъ актовъ Никейскихъ только то, въ чемъ была прямая, насущная потребность. Нужно было воспроизвести Никейскій символъ, какъ наилучшее орудіе противъ всѣхъ ересей,—исповѣдники его и воспроизвели, а для болѣе вѣскаго, такъ сказать, нагляднаго доказательства его истинности и его согласія съ вселенскимъ преданіемъ, воспроизвели и списокъ епископовъ, подъ нимъ подписавшихся. Двадцать дисциплинарныхъ правилъ, изданныхъ на Ни-

[1]) Le concile de Nicée 1881. p. 112.

кейскомъ соборѣ, могли служить могущественнымъ орудіемъ противъ возрождавшагося при Юліанѣ отступникѣ политеизма; исповѣдники воспроизвели и 20 правилъ. Но то, въ чемъ не было особенной нужны и что не вполнѣ подходило къ обстоятельствамъ времени, было опущено исповѣдниками. Такъ опущены были самые протоколы соборныхъ засѣданій. А эти протоколы, какъ свидѣтельствуетъ Геласій Кизическій, были очень обширны. Свидѣтельство Геласія объ обширности Никейскихъ актовъ вполнѣ согласно и съ здравымъ разсужденіемъ: если оффиціальные акты соборовъ Ефесскаго (3 всел.) и Халкидонскаго (4 всел.) наполняютъ собою цѣлые фоліанты, то дѣло Никейскаго собора должно быть громадно, потомучто этотъ соборъ продолжался долѣе Ефесскаго и Халкидонскаго. Кромѣ протоколовъ соборныхъ засѣданій опущены были исповѣдниками и нѣкоторыя соборныя постановленія. Такъ изъ свидѣтельствъ церковныхъ историковъ и писателей мы знаемъ, что Никейскій соборъ сдѣлалъ постановленіе о древнихъ схизматикахъ Египта—мелетіанахъ: они допущены были къ общенію съ православными. Между тѣмъ этого постановленія нѣтъ въ Никейскихъ актахъ по Александрійской редакціи: оно было опущено исповѣдниками и опущено потому, что мелетіане послѣ Никейскаго собора соединились съ евсевіанами и полуаріанами и вели ожесточенную борьбу противъ преемника Александра Александрійскаго—Аѳанасія. Извѣстно также, что Никейскій соборъ сдѣлалъ постановленіе о времени празднованія Пасхи. Но и это постановленіе не было возстановлено Александрійцами, потомучто во времена собора исповѣдниковъ не было уже разногласія по этому вопросу: всѣ церкви, не исключая даже и сирскихъ, приняли соборное постановленіе о времени празднованія Пасхи. Вѣроятно, опущены были исповѣдниками и многія другія постановленія Никейскаго собора. Конечно, нельзя точно опредѣлить, что именно было опущено, такъ какъ древность несогласна сама съ собою въ опредѣленіи первоначальнаго количества постановленій и правилъ, изданныхъ на Никейскомъ соборѣ. Одни, какъ

напр. 6-й Карѳагенскій соборъ, говорятъ намъ о 20 правилахъ, другіе, напр. Руфинъ,—о 22 правилахъ, иные, св. Аѳанасій въ письмѣ къ Марку,—о 70, а нѣкоторые—еще о бо̀льшемъ числѣ правилъ. Во всякомъ случаѣ, изъ разныхъ свидѣтельствъ древности можно видѣть, что Никейскій соборъ, кромѣ опредѣленія о Пасхѣ и мелетіанахъ, сдѣлалъ много и другихъ постановленій, которыхъ нѣтъ среди 20 Никейскихъ каноновъ. Такъ папы Юлій (IV в.) и Левъ (V в.), бл. Августинъ, Амвросій Медіоланскій, бл. Іеронимъ, Созоменъ и др. свидѣтельствуютъ о такихъ постановленіяхъ Никейскихъ, которыхъ мы не имѣемъ въ настоящее время. Очевидно, эти постановленія опущены были исповѣдниками, какъ не имѣющія насущной потребности, какъ не представляющія собою прямаго практическаго интереса. Такова была дѣятельность Александрійскаго собора исповѣдниковъ 362 г. Коптскіе фрагменты какъ нельзя болѣе подходятъ подъ эту дѣятельность собора. Текстуально воспроизведенный Никейскій символъ и анаѳематствованіе на Арія съ присоединеніемъ анаѳематствованій на Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, Валентина и Маркіона указываютъ именно на Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, какъ на своего автора. Списокъ епископовъ, расположенныхъ по провинціямъ, которыя въ свою очередь распредѣлены въ географическомъ порядкѣ по отношенію къ Египту, также говоритъ о своемъ происхожденіи изъ Египта. Наконецъ, изъясненія догматовъ о Троицѣ, воплощеніи, Божествѣ Св. Духа и общительныя письма, помѣщенныя въ коптскихъ фрагментахъ, снова ведутъ насъ къ Александрійскому собору. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ можно положительно утверждать, что коптскіе фрагменты суть акты Александрійскаго собора исповѣдниковъ. Но они въ то-же время суть и акты собора Никейскаго. Выдѣливъ изъ актовъ Александрійскаго собора спицифически ему принадлежащее, какъ-то: анаѳематствованіе на Савеллія, Фотина и др. еретиковъ, кромѣ Арія, разъясненія догматовъ о Троицѣ, воплощеніи, Божествѣ св. Духа, также общительныя письма, мы

получимъ акты собора Никейскаго и акты, нужно замѣтить, очень важные. Первоначальные акты Никейскаго собора рѣшительно всѣ были уничтожены аріанами и до насъ прямо отъ Никейскаго собора не дошло ничего: все, чѣмъ мы владѣемъ отъ этого собора и что ему приписываемъ, дошло до насъ чрезъ соборъ Александрійскій. Этимъ только объясняется неполнота имѣющихся у насъ Никейскихъ опредѣленій; эта-же неполнота вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и доказательствомъ того, что мы имѣемъ Никейскія дѣянія не въ первоначальной, а въ Александрійской редакціи. Слѣдовательно, имѣя въ коптскихъ фрагментахъ подлинные акты Александрійскаго собора исповѣдниковъ, мы, можно сказать, владѣемъ и подлинными актами собора Никейскаго или, по крайней мѣрѣ, тою редакціею этихъ актовъ, которая только и могла до насъ сохраниться и которая замѣнила собою первоначальную. Вотъ почему копты на фрагментахъ и озаглавили акты Александрійскаго собора: „соборъ Никейскій“.—Но кромѣ этого коптскіе фрагменты важны и по другой причинѣ. Благодаря счастливой случайности, они полнѣе, чѣмъ редакціи Никейскихъ актовъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ: они сохранили намъ, кромѣ догматическихъ и дисциплинарныхъ, еще моральныя постановленія Никейскаго собора, или гномы, которыхъ нѣтъ въ другихъ спискахъ [1]). Показаніе коптскихъ фрагментовъ о трехчастномъ со-

[1]) Взглядъ свой на гномы Ревилью высказалъ пока очень неопредѣленно. Въ сочиненіи 1873 г.: „Le concile de Nicée“ онъ положительно склоняется въ пользу принадлежности гномовъ Никейскому собору (р. 5). Въ другомъ своемъ сочиненіи: „Le concile de Nicée“ 1881. онъ относительно гномовъ не говоритъ ничего положительнаго. По его мнѣнію, гномы не принадлежатъ собственно къ актамъ Александрійскаго собора: Александрійскій соборъ гномами не занимался; ихъ присоединилъ къ Александрійскимъ актамъ переписчикъ. Вотъ собственныя слова Ревилью: „общительными письмами оканчиваются акты собора исповѣдниковъ. Но переписчикъ прибавилъ къ нимъ мистическое размышленіе о числѣ отцовъ Никейскихъ и переписалъ гномы („Le copiste transcrit le traite des gnomes“. р. 13). Откуда взялъ переписчикъ гномы? Съ чего онъ списалъ ихъ? Ревилью на эти вопросы не отвѣчаетъ. По нашему мнѣнію, смыслъ приведенныхъ словъ Ревилью, если сопоставить ихъ съ предыдущими мыслями его о гномахъ и дѣятельности Александрійскаго собора, долженъ быть такой: Алек-

ставѣ актовъ Никейскаго собора согласуется и со свидѣтельствами древности. Такъ Геласій Кизическій утверждаетъ, что кромѣ протоколовъ засѣданій акты Никейскаго собора состояли изъ 3-хъ частей: догматической, которая заключала въ себѣ символъ и анаѳематизмы, дисциплинарной, касающейся церковнаго благочинія, которая резюмировалась въ канонахъ, или правилахъ (изъ нихъ только 20 дошли до насъ въ своей первоначальной, подлинной формѣ), и нравственной которая состояла изъ правилъ жизни христіанской. Двѣ послѣднія части составлены по неотступной просьбѣ Константина, послѣ того, какъ кончились разсужденія о вѣрѣ. Итакъ коптскіе фрагменты, представляя экземпляръ Александрійскихъ актовъ, имѣютъ особенную важность для Никейскаго собора, такъ какъ они сохранили болѣе дѣяній отъ этого собора, чѣмъ сколько сохранилось отъ него чрезъ оффиціальныя редакціи актовъ, изданныхъ на Александрійскомъ соборѣ. Вотъ взглядъ Ревилью на открытые имъ коптскіе фрагменты о Никейскомъ соборѣ.

Не нужно много внимательности, чтобы видѣть, что почтенный издатель коптскихъ текстовъ слишкомъ увлекся своей находкой. Его сужденія крайне поспѣшны и произвольны, его аргументація слишкомъ слаба. Онъ подтасовываетъ историческіе факты, съ свидѣтельствами древности обращается по своему произволу: опускаетъ изъ виду крупные факты и останавливается на мелочахъ,

сандрійскій соборъ не воспроизвелъ гномы, хотя они и составляли часть Никейскихъ актовъ, потомучто въ нихъ (гномахъ) не было особенной потребности. Но переписчикъ, можетъ быть, потому, что придавалъ гномамъ особенно важное значеніе, а можетъ быть потому, что заботился о полнотѣ воспроизведенія Никейскихъ дѣяній, самъ приписалъ къ Александрійскимъ актамъ гномы. Откуда-же онъ ихъ заимствовалъ? Оттуда-же, откуда заимствованы и другія Никейскія постановленія, воспроизведенныя на Александрійскомъ соборѣ, т. е. изъ преданія очевидцевъ и участниковъ Никейскаго собора, преданія, которое было представлено на Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, можетъ быть, даже въ видѣ записи. Съ этой-то записи, вѣроятно, переписчикъ и списалъ гномы, которые не были воспроизведены, по отсутствію нужды въ нихъ, соборомъ. Слѣдовательно, гномы хотя и не обнародованы соборомъ Александрійскимъ, все-же они подлинныя Никейскія постановленія.—Такъ представляемъ мы себѣ взглядъ Ревилью.

игнорируетъ прямыя и достовѣрныя свидѣтельства и приводитъ косвенныя или незаслуживающія никакого довѣрія; притомъ нѣкоторыя свидѣтельства онъ произвольно усѣкаетъ, другія—расширяетъ. Вообще всюду у него сквозитъ предвзятая тенденція. Но чтобы не быть голословными, обратимся къ частному разбору сужденій Ревилью о значеніи и важности открытыхъ имъ коптскихъ фрагментовъ о Никейскомъ соборѣ.

Прежде всего считаемъ нужнымъ нѣсколько поправить показаніе Ревилью о самыхъ Туринскихъ папирусахъ (а равно и о Боржіанскомъ манускриптѣ), изъ характера которыхъ онъ выводитъ заключеніе о древности коптскихъ фрагментовъ, относящихся къ Никейскому собору. По мнѣнію Ревилью, Туринскіе папирусы, представлявшіе изъ себя связное цѣлое, образовались въ первой половинѣ V вѣка, а въ концѣ святительствованія Кирилла Александрійскаго уже положены были въ библіотеку мартиріона св. Іоанна Крестителя, гдѣ они и сохранялись въ первоначальномъ своемъ видѣ. Мы не имѣемъ полнаго и удовлетворительнаго описанія Туринскихъ папирусовъ, которое необходимо для болѣе основательнаго опроверженія мнѣнія Ревилью. Но уже и то, что мы знаемъ о содержаніи этихъ папирусовъ, не позволяетъ согласиться съ мнѣніемъ французскаго ученаго: а) въ I Туринскомъ коптскомъ папирусѣ среди другихъ сказаній помѣщается разсказъ о дѣвѣ Евдоксіи, сестрѣ Константина Великаго, которая въ 365 году по воскресеніи Христовомъ путешествуетъ въ Іерусалимъ и проситъ своего брата, возвратившагося изъ побѣдоноснаго похода на Персовъ, поднять гоненіе на іудеевъ и принудить ихъ креститься; слѣдовательно, по этому разсказу Константинъ Великій въ 365 году представляется еще въ живыхъ: такой анахронизмъ трудно (хотя, конечно, не невозможно...) допустить въ писателѣ начала V в. ѣ). Въ VII папирусѣ Туринской коллекціи очень много бесѣдъ св. Іоанна Златоуста. Это обиліе бесѣдъ Іоанна Златоуста въ Египетской коллекціи первой половины V в. очень подозрительно. Какъ извѣстно, Ѳеофилъ

Александрійскій, а за нимъ и другіе Египтяне очень недружественно относились къ Златоусту; даже въ 417 году въ Александріи отказались внести его имя въ диптихи. Между тѣмъ, если согласиться съ Ревилью, то выйдетъ, что къ 444 г. бесѣды Златоуста въ Египтѣ получили уже широкое распространеніе, нашли здѣсь глубокихъ почитателей, переведены были на коптскій языкъ и вошли въ большомъ количествѣ въ составъ сборника. Все это если и не совсѣмъ невѣроятно, то очень подозрительно. с). Въ Туринской коллекціи есть нѣсколько отрывковъ, относящихся къ собору Ефесскому, изъ которыхъ одинъ, по мнѣнію Ревилью [1]), составляетъ часть слова, произнесеннаго на самомъ соборѣ на другой день Рождества Христова пресвитеромъ Виѳлеемскимъ—Филиппомъ. Если согласиться въ данномъ случаѣ съ Ревилью, то отрывокъ слова будетъ говорить прямо противъ древности папируса: въ 444 году, конечно, должны были знать, что Ефесскій соборъ до 26-го декабря или 7 января не продолжался. Но въ текстѣ отрывка ясны только слѣдующія фразы: „сегодня второй день праздновать намъ Спасителю нашему, когда сей великій соборъ собрался бороться... Несторій... вѣра сего великаго православнаго собора... [послу]шаемъ(?) Филиппа, пресвитера св. града Виѳлеема, который свидѣтельствуетъ объ этомъ, говоря"... Дальнѣйшее не ясно. О пресвитерѣ Филиппѣ († 455), ученикѣ бл. Іеронима, говоритъ Геннадій [2]); но зачѣмъ современнику св. Кирилла потребовалось свидѣтельство объ Ефесскомъ соборѣ лица еще живаго и мало авторитетнаго? Не тогда ли папирусъ былъ писанъ, когда Филиппъ считался уже древнимъ писателемъ?.. d). Въ IV папирусѣ находится подложное житіе св. Аѳанасія Александрійскаго. Можно догадываться, что это житіе сходно съ арабскимъ житіемъ Аѳанасія Великаго [3]); а арабское житіе почти сло-

[1]) Le Concile de Nicée 1881. p. 112—113.
[2]) Cave. Historia litter. script. eccles. t. II. p. 280. Genevae. 1705.
[3]) Migne. Curs. patr. ser gr. t. 25.

во въ слово переведено съ одной южно-коптской рукописи, отрывки которой сохранились въ Боржіанской коллекціи. Эта рукопись была очень значительна по объему, называлась она „исторіею церкви“ (очевидно Александрійской); разсказъ въ ней несомнѣнно обнималъ время правленія св. Кирилла, потомучто на стр. 163—170 этой рукописи очень подробно говорится о поводѣ къ написанію и о назначеніи книгъ св. Кирилла противъ Юліана (на этомъ рукопись обрывается), а можетъ быть, продолжался и далѣе. Но такъ какъ Туринская коллекція въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представляетъ дублеты Боржіанской, напр. въ постановленіяхъ, приписываемыхъ Никейскому собору, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, если и подложное житіе Аѳанасія и нѣкоторыя другія историческія сказанія, находящіяся въ Туринскихъ папирусахъ, окажутся главами изъ „исторіи церкви“, написанной несомнѣнно послѣ 444 года [1]). Сказаннаго нами достаточно для того, чтобы усомниться въ увѣреніи Ревилью, что Туринскіе папирусы были положены въ библіотеку мартиріона св. Іоанна Крестителя въ концѣ святительствованія св. Кирилла Александрійскаго, а образовались еще ранѣе. Съ вѣроятностью можно относить образованіе Туринскихъ папирусовъ къ гораздо позднему времени... Конечно, позднѣйшее образованіе Туринской коллекціи въ ея цѣломъ видѣ не говоритъ еще за несомнѣнно позднее происхожденіе частей ея, въ томъ числѣ и фрагментовъ, относящихся къ Никейскому собору, но за то не можетъ и ручаться за ихъ глубокую древность. Пойдемъ далѣе.

Желая видѣть въ коптскихъ фрагментахъ подлинные акты Никейскаго собора и не находя возможности признать ихъ вышедшими прямо отъ этого собора, такъ какъ въ нихъ есть указанія на такія историческія событія, которыя имѣли мѣ-

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о Туринскихъ папирусахъ находятся въ статьѣ профес. Болотова „Житіе бл. Афу, епископа Пемджсскаго“. Христ. чт. 1886 г. мартъ—апрѣль. стр. 336—343. Изъ этой статьи и мы заимствовали свои свѣдѣнія.

сто послѣ Никейскаго собора, Ревилью относитъ коптскіе фрагменты къ Александрійскому собору исповѣдниковъ 362 года, но относитъ такъ, что они не теряютъ своего значенія и для собора Никейскаго: Александрійскому собору онъ приписываетъ реставрированіе Никейскихъ актовъ, совершенно уничтоженныхъ въ первоначальномъ своемъ видѣ аріанами, вслѣдствіе чего александрійская редакція Никейскихъ опредѣленій получаетъ у него значеніе первоначальной, подлинной редакціи. Нельзя отказать Ревилью въ находчивости, но не болѣе: признать же за истинныя его мнѣнія не позволяетъ историческая правда. Что Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, во главѣ съ св. Аѳанасіемъ и подъ предсѣдательствомъ этого послѣдняго, подтвердилъ догматическія опредѣленія Никейскаго собора и указалъ на Никейскій символъ, какъ на вполнѣ достаточное изложеніе вѣры, дѣлающее излишнимъ всякое другое изложеніе, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Объ этомъ говоритъ посланіе св. Аѳанасія къ Антіохійцамъ: „Умоляемъ васъ, пишетъ Аѳанасій, не выставлять на видъ ничего иного, кромѣ Никейскихъ опредѣленій“ [1]). Объ этомъ же свидѣтельствуютъ церковные историки Сократъ [2]) и Созоменъ [3]). Вѣрно также и то, что соборъ исповѣдниковъ анаѳематствовалъ нѣкоторыя еретическія мнѣнія, о которыхъ не упоминалъ соборъ Никейскій, и разрѣшалъ на основаніи Никейскаго символа нѣкоторые новые догматическіе вопросы. Св. Аѳанасій въ посланіи къ Антіохійцамъ отъ лица Александрійскаго собора предъявляетъ такіе требованія всѣмъ желающимъ быть въ мирѣ и единеніи съ православными: „ничего не требуйте отъ нихъ (т. е. отъ оставившихъ аріанство) больше, а только чтобы предали анаѳемѣ аріанскую ересь и исповѣдали вѣру, св. отцами исповѣданную въ Никеѣ; предали также анаѳемѣ утверждающихъ, что Духъ святый есть тварь и отдѣленъ отъ сущности Христовой“... и далѣе: „всѣми да будутъ

[1]) „Посланіе къ Антіохійцамъ“. Твор. Аѳан. ч. III. стр. 188—189.
[2]) Церковн. истор. кн. III. гл. 6.
[3]) Церковн. истор. кн. V гл. 12.

преданы анаѳемѣ нечестіе Савеллія и Павла Самосатскаго, безуміе Валентина и Василида и безразсудство манихеевъ" [1]). Эти требованія показываютъ, что соборъ Александрійскій сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія какъ къ догматическимъ опредѣленіямъ Никейскаго собора (напр. о Божествѣ св. Духа), такъ и къ анаѳематизмамъ. Въ другомъ мѣстѣ того-же посланія къ Антіохійцамъ Аѳанасій, указавъ нѣкоторые догматическіе вопросы, возбуждавшіе въ то время споры, какъ-то: о выраженіяхъ: сущность и ипостась, о Божествѣ св. Духа и Его единосущіи съ Отцомъ и Сыномъ, о воплощеніи и вочеловѣченіи Слова,—продолжаетъ: „и мы оставшіеся въ Александріи..., хотя не должно было спрашивать ни о чемъ, кромѣ Никейскаго собора, и не терпѣть спорныхъ реченій, однако же ради мира и чтобы не отвергнуть желающихъ вѣровать право, предлагали имъ сіи вопросы и что они исповѣдали, то изложили кратко" [2]). По свидѣтельству Сократа [3]), соборъ исповѣдниковъ разсуждалъ о существѣ св. Духа, о Божествѣ и человѣчествѣ Іисуса Христа—противъ Аполлинарія, хотя послѣдній и не назывался по имени, о различіи терминовъ: сущность и ипостась. Тоже говоритъ и Созоменъ [4]). Но отсюда еще никакъ нельзя заключать, что Александрійскій соборъ исповѣдниковъ реставрировалъ и обнародовалъ Никейскіе акты. О такой дѣятельности собора исповѣдниковъ никто не говоритъ. Слова Сократа [5]) и Созомена [6]) объ отцахъ Александрійскаго собора, что они (отцы) подтвердили Никейскія опредѣленія, и слова біографа Евсевія Версельскаго: „утвердили вѣру собора Никейскаго, чтобы она ненарушимо сохранялась", приводимыя Ревилью, говорятъ только о подтвержденіи Александрійскими отцами Никейскихъ опредѣленій, о засвидѣтельствованіи

[1]) „Посланіе къ Антіохійцамъ". Тв. ч. III. стр. 190.
[2]) Ibid. Тв. ч. III. стр. 195—196.
[3]) Церковн. ист. кн. III гл. 7.
[4]) Церковн. ист. кн. V. гл. 12.
[5]) Церковн. ист. кн. III гл. 6.
[6]) Церковн. ист. кн. V. гл. 12.

ихъ (опредѣленій) значенія и важности, что въ то время было нужно, такъ какъ аріане и полуаріане на своихъ многочисленныхъ соборахъ, составлявшихся послѣ Никейскаго, старались ослабить значеніе Никейскихъ опредѣленій и замѣнить ихъ своими, вновь составленными; но ничего не говорятъ о редактированіи и обнародованіи самого текста Никейскихъ опредѣленій.

Въ доказательство того, что Никейскіе акты воспроизведены Александрійскимъ соборомъ исповѣдниковъ и что мы имѣемъ воспроизведенные, а не первоначальные акты, Ревилью указываетъ на неполноту Никейскихъ опредѣленій, извѣстныхъ намъ. Но это доказательство французскаго ученаго съ одной стороны слишкомъ не твердо и само нуждается въ стороннихъ подтвержденіяхъ, а съ другой—и не достигаетъ цѣли, т. е. не можетъ подтверждать то, къ подтвержденію чего оно назначается. Прежде всего мы не думаемъ, что Никейскихъ опредѣленій въ дѣйствительности было больше, чѣмъ сколько мы знаемъ ихъ теперь. Ссылка Ревилью на Геласіеву исторію не можетъ убѣдить насъ въ противномъ. Геласій не заслуживаетъ такого довѣрія, чтобы можно было опираться на него, какъ на авторитетъ; онъ самъ нуждается въ подтвержденіи со стороны писателей болѣе достовѣрныхъ и современныхъ собору. Равнымъ образомъ не слишкомъ убѣдительны и собственныя соображенія французскаго ученаго. По его мнѣнію, дѣянія Никейскаго собора должны быть громадны, потомучто этотъ соборъ продолжался больше, чѣмъ Ефесскій и Халкидонскій. Но откуда Ревилью знаетъ, что Никейскій соборъ былъ продолжителенъ? По несомнѣнно достовѣрнымъ историческимъ даннымъ можно заключать, что соборъ Никейскій продолжался никакъ не болѣе 3 мѣсяцевъ, если взять въ разсчетъ и предварительныя совѣщанія епископовъ и пиршества послѣ собора. Всѣ даты относительно времени собора колеблются только между 20 мая и 25 августа [1]); далѣе же этихъ крайнихъ пунктовъ даты не захо-

[1]) Крайній пунктъ начала собора указываетъ Сократъ (церкв. ист. I.

дятъ. Правда, анонимный повѣтсвователь о Никейскомъ соборѣ [1]) и Геласій Кизическій [2]) утверждаютъ, что Никейскій соборъ продолжался $3^1/_2$ года; но эти показанія просто басня и на нихъ, вопреки достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, нельзя основывать своихъ соображеній. Не болѣе тверды и дальнѣйшіе аргументы Ревилью въ пользу большаго количества Никейскихъ опредѣленій, въ частности—каноновъ, чѣмъ сколько мы имѣемъ ихъ теперь. Совершенно справедливо, что Руфинъ насчитываетъ не 20, а 22 правила Никейскаго собора. Но это произошло оттого, что Руфинъ дѣлитъ нѣкоторыя правила на два, а не оттого, что онъ указываетъ другія правила, не имѣющіяся въ числѣ извѣстныхъ 20. Показаніе Аѳанасіева посланія къ Марку, какъ подложнаго, не имѣетъ значенія. Также мало помогаютъ Ревилью и другія древнія свидѣтельства, на которыя онъ ссылается для подтвержденія своихъ положеній. У нѣкоторыхъ древнихъ писателей, дѣйствительно, можно найти указанія на такія постановленія Никейскаго собора, которыхъ нѣтъ (по крайней мѣрѣ въ буквальномъ видѣ) въ числѣ извѣстныхъ 20 каноновъ. Мы не думаемъ отвергать этихъ свидѣтельствъ; но всѣ они нисколько не говорятъ за большое количество Никейскихъ каноновъ, чѣмъ сколько мы имѣемъ ихъ теперь. Всѣ постановленія, сверхъ 20 правилъ, какія приписываются Никейскому собору, на основаніи нѣкоторыхъ древнихъ свидѣтельствъ, представляютъ собою выводъ изъ дѣйствій собора или извѣстныхъ намъ каноновъ или, наконецъ, простое недоразумѣніе. Въ правилахъ излагается только результатъ соборныхъ разсужденій, выраженный кратко, безъ подробностей и разъясненій. Притомъ не все, о чемъ разсуждалъ и что рѣшалъ соборъ, помѣщалось въ правилахъ. Вслѣдствіе этого въ соборныхъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ можно находить много такого, чего не видно въ правилахъ, выводить

14), а окончанія—кодексъ, принадлежащій Аттику, епископу Константинопольскому (Baron. annal. t. IV. ad an 325. c. 8.).

[1]) „Τα πραχθέντα εν Νικαίᾳ". Combefesis. Nov. auct. t. II. col. 584.

[2]) Gel. Cyzic. Histor. conc. Nic. l. II. c. 36. col. 1341. Migne t. 85 ser. gr.

такія рѣшенія собора, о которыхъ правила не говорятъ ничего. Далѣе: изъ самыхъ правилъ можно дѣлать такіе выводы, которые буквально не находятся въ нихъ (правилахъ), и эти выводы выдаютъ иногда за соборныя постановленія. Наконецъ, въ древности правила нѣкоторыхъ соборовъ иногда соединялись вмѣстѣ и извѣстны были подъ именемъ постановленій котораго-нибудь одного изъ нихъ. Напр. почти во всѣхъ западныхъ коллекціяхъ правила собора Сардикійскаго соединялись съ правилами собора Никейскаго и обращались подъ именемъ постановленій одного послѣдняго. Въ результатѣ всего этого и выходило то, что нѣкоторые древніе писатели указывали, какъ на Никейскія, на такія постановленія, которыхъ соборъ Никейскій въ дѣйствительности не издавалъ. Сказанное вообще о древнихъ свидѣтельствахъ приложимо и къ тѣмъ изъ нихъ (свидѣтельствъ), на которыя указываетъ Ревилью. Такъ папы Юлій (IV в.) [1]) и Левъ (V в.) [2]) въ своихъ посланіяхъ, дѣйствительно, ссылаются на неизвѣстное намъ правило Никейскихъ отцовъ, чтобы дѣянія и постановленія однихъ соборовъ были разсматриваемы другими, ме́ньшихъ—бо́льшими. Но это указываемое папами правило не болѣе, какъ выводъ изъ дѣйствій Никейскаго собора, который своими рѣшеніями подтвердилъ опредѣленія однихъ соборовъ, напр. Александрійскаго 321 и 324 гг., и отвергъ опредѣленія другихъ, напр. аріанскаго, бывшаго въ Виѳиніи въ 323 г. Бл. Августинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ [3]) цитуетъ Никейскій декретъ, запрещающій поставлять къ церкви епископа, когда при этой церкви живъ еще прежній епископъ. Буквально такого постановленія нѣтъ въ числѣ 20 Никейскихъ каноновъ. Но легко видѣть, что этотъ декретъ есть послѣднія слова 8 Никейскаго правила. Аналогичный примѣръ такого пониманія 8 правила представляетъ намъ

[1]) Julii epist. ad orient. episc. ap. Athan. apol. contra arian. Migne. t. 25. c 22. col. 284.

[2]) Leonis epist. 24 ad Theodos. jun. Migne ser. lat. t. LIV.

[3]) August:n. epist. 213. t. II p. 790.

12 Толедскій соборъ: отцы собора цитуютъ именнно 8 правило, какъ запрещающее быть двумъ епископамъ въ одномъ городѣ [1]). А можетъ быть, Августинъ и Толедскій соборъ пользовались Руфиновой редакціей Никейскихъ каноновъ, въ которой послѣднія слова 8 правила составляютъ отдѣльный 10 канонъ. Гораздо труднѣе объяснить свидѣтельство Амвросія Медіоланскаго. Амвросій очень опредѣленно и ясно говоритъ о Никейскомъ постановленіи, въ силу котораго двоеженцы исключаются не только изъ священства, но даже и изъ клира [2]). Въ объясненіе этого свидѣтельства можно представить только догадки: вѣроятно, Амвросій ошибочно приписалъ Никейскому собору такой декретъ потому, что въ экземплярѣ каноническихъ постановленій, какимъ онъ пользовался, къ опредѣленіямъ собственно Никейскимъ присоединены были многія другія правила, которыя дѣйствовали въ практикѣ мѣстной Медіоланской или даже всей западной церкви. Что касается бл. Іеронима, то онъ вовсе не говоритъ объ утвержденіи Никейскимъ соборомъ канона священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, что хотятъ вывести изъ его словъ. Смыслъ словъ Іеронима слѣдующій: читая о Никейскомъ соборѣ, можно видѣть, что этотъ послѣдній допустилъ книгу Іудиѳь въ число книгъ священныхъ; другими словами: на Никейскомъ соборѣ книга Іудиѳь цитовалась, какъ каноническая,—и только [3]). Наконецъ, относительно славословія (слава Отцу и Сыну и Святому Духу), приписываемаго будто Созоменомъ Никейскому собору, замѣтимъ слѣдующее. Изъ словъ Созомена нельзя прямо выводить, что онъ присываетъ славословіе Никейскому собору. Созоменъ го-

[1]) Conc. Tol. XII. cap. 4. Mansi sacr. conc. t. XI, col. 1031.

[2]) Ambros. epist. 63 ad Eccles. Vercellens. p. 1037.

[3]) Вотъ подлинныя слова Іеронима: „Apud Hebraeos liber Iudith inter apocrypha legitur; cujus auctoritas ad roboranda illa quae in contentionem veniunt minus idonea judicatur. Chaldeo tamen sermone conscriptus inter historias computatur. Sed quia hunc librum synodus Nicaena in numero scripturarum legitur computasse, acquievi postulationi tuae (Hier. praefatio in libr. Judith. Migne ser. lat. t. XXIX, col. 37—39).

воритъ только, что Леонтій, аріанскій епископъ, управлявшій Антіохійскою церковію, не осмѣливался запретить прославлять Бога по преданію Никейскому [1]). Бл. Өеодоритъ же въ своей книгѣ „басни еретиковъ“ [2]) утверждаетъ, что славословить Отца и Сына и Святаго Духа было въ практикѣ отъ временъ апостольскихъ и что Арій еще до собора Никейскаго, находя въ этой формулѣ славословія осужденіе своей ереси, замѣнилъ ее такою формулою: „слава Отцу чрезъ Сына во Святомъ Духѣ“. Св. Василій Великій утверждаетъ также, что это славословіе было въ церковномъ употребленіи съ незапамятныхъ временъ и подтверждаетъ свои слова древними церковными писателями—Климентомъ Римскимъ, Иринеемъ, Діонисіемъ Римскимъ и многими другими [3]). Итакъ древнія свидѣтельства, на которыя ссылается Ревилью, не говорятъ о большемъ сравнительно съ извѣстнымъ намъ количествомъ Никейскихъ опредѣленій. Изъ достовѣрныхъ источниковъ мы знаемъ, что только два постановленія, несомнѣнно сдѣланныя Никейскимъ соборомъ, не находятся въ числѣ 20 Никейскихъ каноновъ: именно—постановленія о времени празднованія Пасхи и мелетіанахъ. Но этихъ опредѣленій нѣтъ въ числѣ 20 каноновъ не потому, что Никейскія опредѣленія дошли до насъ въ неполной Александрійской редакціи, а потому, что самъ соборъ не включилъ ихъ въ каноническія правила. Какъ извѣстно, обычай праздновать Пасху вмѣстѣ съ іудеями велъ свое начало отъ практики Іоанна Богослова. Поэтому и строгое опредѣленіе противъ этого обычая было не совсѣмъ умѣстно: оно могло накинуть тѣнь или на Іоанна Богослова или на самый соборъ. Въ данномъ случаѣ можно было только совѣтовать, увѣщевать оставить обычай, который хотя и освященъ былъ практикою Іоанна Богослова, а за нимъ и нѣкоторыхъ мужей апостольскихъ (напр. Поликарпа

[1]) Созоменъ. Церк. ист. III. 20.

[2]) Theodor. Haereticor. fabul. lib. IV c. I. Migne gr. ser. t. 83.

[3]) Василій Великій „о Св. Духѣ“ гл. 27. Тв. ч. III. Migne curs. patr. gr. ser. t. 32.

Смирнскаго), однако, при измѣнившихся обстоятельствахъ, сдѣлался не совсѣмъ удобенъ,—и принять другой, также освященный практикою апостоловъ. Соборъ такъ и поступаетъ: онъ дѣлаетъ постановленіе о времени празднованія Пасхи, но не включаетъ его въ каноническія правила въ качествѣ непреложнаго опредѣленія, отступленіе отъ котораго считается нарушеніемъ закона. Замѣчательно въ данномъ случаѣ посланіе императора Константина, писанное имъ послѣ Никейскаго собора [1]). Тогда какъ въ посланіяхъ о другихъ Никейскихъ постановленіяхъ онъ прямо требуетъ отъ епископовъ принятія этихъ постановленій, не аргументируя ихъ правильность, а только констатируя ее, въ посланіи о Пасхѣ онъ поступаетъ не такъ: онъ прежде всего приводитъ разныя соображенія и доказательства въ пользу, такъ сказать, законности соборнаго постановленія, а потомъ уже и совѣтуетъ (и то только совѣтуетъ...) принять его: явный знакъ, что соборъ издалъ постановленіе о Пасхѣ не въ качествѣ категорическаго требованія, а въ качествѣ совѣта и наставленія. Такой-то характеръ постановленія о Пасхѣ и былъ, по нашему мнѣнію, причиною того, что это постановленіе не включено въ каноны. Что касается постановленія о Мелетіи и мелетіанахъ, то оно не было включено въ каноническія постановленія вслѣдствіе своего частнаго характера, какъ постановленіе особенное, не приложимое ко всѣмъ подобнымъ случаямъ, потомучто при разсужденіи о дѣлѣ Мелетія соборъ принялъ во вниманіе особыя обстоятельства Мелетія [2]). Таже часть соборнаго постановленія о Мелетіи, которая была общаго характера, которая направлялась не лично противъ Мелетія, а противъ самого принципа его раскола —не признавать главенства и власти Александрійскаго епископа въ Египтѣ,—эта часть заключена была въ каноническія постановленія. Такъ 6-мъ Никейскимъ правиломъ епископу Александ-

[1]) Евсевій „Жизнь Константина" III. 18—19.

[2]) Подробнѣе у Еп. Іоанна „исторія первыхъ 3 всел. соборовъ" стр. 48-54.

ріи вручается первенство и власть надъ всѣми епископами Египта и запрещается поставленіе епископовъ безъ согласія митрополита. Такимъ образомъ для объясненія отсутствія постановленій о Пасхѣ и мелетіанахъ среди Никейскихъ каноновъ незачѣмъ придумывать какую-то Александрійскую редакцію Никейскихъ опредѣленій, о которой никто никогда не слыхалъ; а равнымъ образомъ самое отсутствіе этихъ постановленій среди Никейскихъ каноновъ нисколько не говоритъ за то, что мы имѣемъ Никейскія опредѣленія не въ первоначальной, а въ Александрійской редакціи. Въ частности, относительно извѣстнаго свидѣтельства Сократа о синодикѣ Аѳанасія, на которое ссылается Ревилью для подкрѣпленія своихъ соображеній, нужно замѣтить, что это свидѣтельство, по нашему мнѣнію, рѣшительно говоритъ противъ французскаго ученаго. Ревилью хочетъ видѣть въ синодикѣ Аѳанасія реставрированный экземпляръ Никейскихъ опредѣленій и списка отцовъ, а не первоначальный. Но онъ просмотрѣлъ, что въ отрывкѣ изъ этого синодика, приведенномъ у Сократа, подписи епископовъ идутъ въ порядкѣ достоинства самыхъ епископовъ и ихъ каѳедръ, между тѣмъ какъ въ реставрированныхъ спискахъ, по сознанію самого Ревилью [1]), подписи епископовъ идутъ по провинціямъ, начиная съ Египта. Очевидно, въ синодикѣ Аѳанасія находился первоначальный, а не раставрированный списокъ.

Наконецъ, если даже и допустить, что Никейскій соборъ издалъ гораздо больше постановленій, чѣмъ сколько намъ извѣстно теперь, то никакимъ образомъ нельзя объяснить эту неполноту тѣмъ, что исповѣдники при реставрированіи Никейскихъ опредѣленій одно возстановляли, а другое, какъ ненужное, опускали. Такое предположеніе не согласно съ духомъ и характеромъ исповѣдниковъ.. Исповѣдники, составившіе Александрійскій соборъ 362 г., особенно предсѣдатель этого собора св. Аѳанасій,

[1]) Le Concile de Nicée. Dissert. critique. 1881. p. 13—14.

были проникнуты самымъ глубокимъ уваженіемъ, такъ сказать, благоговѣніемъ къ Никейскому собору, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ко всѣмъ его постановленіямъ. Аѳанасій Александрійскій называетъ Никейскій соборъ словомъ Бога, священнымъ и божественнымъ оракуломъ св. Духа. Такого-же взгляда на Никейскій соборъ держались и другіе участники Александрійскаго собора. Послѣ этого странно было-бы предположить, что исповѣдники одно изъ Никейскихъ актовъ воспроизвели, а другое—опустили. Если-бы исповѣдники, дѣйствительно, воспроизводили Никейскіе акты, то воспроизвели бы ихъ до мельчайшихъ подробностей или, по крайней мѣрѣ, воспроизвели бы ихъ настолько полно, насколько имъ позволяла память. Правда, Ревилью указываетъ причины, почему исповѣдники одни изъ Никейскихъ опредѣленій воспроизводили, а другія—опускали: онъ объясняетъ такое явленіе практическимъ направленіемъ исповѣдниковъ. Но эти объясненія слишкомъ произвольны. Такъ напр. въ объясненіе того, почему воспроизведены 20 Никейскихъ каноновъ, Ревилью говоритъ, что эти 20 каноновъ были могущественнымъ средствомъ борьбы противъ возроздавшагося при императорѣ Отступникѣ политеизма [1]). Какъ могли дисциплинарныя постановленія противодѣйствовать политеизму, что въ нихъ было особенно страшнаго для послѣдняго,—совершенно непонятно; по крайней мѣрѣ, никто никогда не смотрѣлъ на дисциплинарныя постановленія, какъ на средство борьбы съ политеизмомъ. Вотъ другія объясненія Ревилью. „Постановленіе о праздновании Пасхи было опущено, потомучто всѣ церкви въ то время были уже въ согласіи между собою и съ Никейскимъ постановленіемъ касательно этого предмета". Опять аргументъ, взятый на удачу. Обычай праздновать Пасху вмѣстѣ съ іудеями существовалъ и послѣ Никейскаго собора и даже послѣ Александрійскаго; этого обычая держались напр., по свидѣ-

[1]) Le Concile de Nicée. Dissert. critique. 1881. p. 19.

тельству Сократа[1]) и Созомена[2]), новаціане. О четыренадесятидневникахъ, или тетрадитахъ говоритъ 7-е правило 2-го вселенскаго собора; слѣдовательно, тетрадиты существовали и во время 2-го вселенскаго собора. Такимъ образомъ повода къ опущенію Никейскаго постановленія о времени празднованія Пасхи у Александрійскихъ отцовъ не могло быть. Мало этого, у исповѣдниковъ не только не было поводовъ къ опущенію постановленія о Пасхѣ, равно и о мелетіанахъ, а напротивъ были всѣ поводы къ реставраціи ихъ и даже болѣе, чѣмъ къ реставраціи символа съ анаѳематствованіемъ и каноновъ, такъ какъ догматическія и каноническія постановленія собора въ силу своей значительной распространенности не могли быть совершенно уничтожены аріанами; наоборотъ опредѣленія о Пасхѣ и мелетіанахъ, какъ менѣе распространенныя, рано вышли изъ употребленія и потому болѣе нуждались въ реставраціи. Между тѣмъ исповѣдники воспроизводятъ, по Ревилью, тѣ опредѣленія, которыя не нуждались въ реставраціи, и не воспроизводятъ тѣхъ, которыя нужно было воспроизвести. Очевидно, Ревилью говоритъ о дѣятельности Александрійскаго собора и о Никейскихъ актахъ не на основаніи достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а па основаніи своихъ фрагментовъ, приписываетъ Александрійскому и Никейскому собору то, что есть или о чемъ можно заключить на основаніи фрагментовъ, и отрицаетъ то, чего нѣтъ.

Но сдѣлаемъ Ревилью капитальную уступку: согласимся съ нимъ, что Александрійскій соборъ исповѣдниковъ, дѣйствительно, реставрировалъ Никейскіе акты и реставрировалъ съ нѣкоторыми измѣненіями. Что-же отсюда слѣдуетъ? Можно-ли и послѣ этой уступки признать, что то новое въ коптскихъ фрагментахъ, чего нѣтъ въ греческихъ и латинскихъ редакціяхъ, то есть гномы, или

[1]) Церковн. истор. V. 22.

[2]) Церковн. истор. VI. 24; VII. 18.

нравственныя правила суть постановленія Никейскаго собора? Никакимъ образомъ. Если нельзя согласиться съ мнѣніемъ французскаго ученаго о дѣятельности Александрійскаго собора исповѣдниковъ, то въ данномъ случаѣ еще менѣе поводовъ къ согласію съ этимъ ученымъ. Мы уже показали, что нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ о большемъ количествѣ Никейскихъ актовъ, чѣмъ сколько мы знаемъ ихъ. Свидѣтельство Геласія касательно этого вопроса вообще, въ частности касательно трехчастнаго состава Никейскихъ опредѣленій не имѣетъ цѣны и значенія. Слѣдовательно, нѣтъ никакихъ основаній приписывать Никейскому собору нравственныя правила, или гномы, помѣщенные въ коптскихъ фрагментахъ. Кромѣ этихъ историческихъ доказательствъ сами гномы своимъ характеромъ и содержаніемъ рѣшительно говорятъ противъ своей принадлежности собору Никейскому. а) Моральныя правила коптскихъ фрагментовъ изложены крайне безпорядочно, безъ всякаго плана и послѣдовательности. Правила объ одномъ предметѣ перемѣшиваются съ правилами о другомъ: однородныя правила помѣщаются въ разныхъ мѣстахъ, а разнородныя соединяются. Притомъ одни и тѣ-же правила часто безъ всякой нужды повторяются не только въ парафразѣ, но даже и въ буквальномъ видѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ правилахъ соборовъ, въ частности—въ правилахъ Никейскаго собора: въ нихъ нѣтъ многословія, есть планъ, послѣдовательность и стройность; предписанія распредѣлены по предметамъ и самые предметы точно обозначены. b) Правила коптскихъ фрагментовъ состоятъ изъ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ предписаній, что становится совершенно непонятнымъ, зачѣмъ собору нужно было составлять ихъ? Соборы вселенскіе всегда собирались для того, чтобы удовлетворить современнымъ потребностямъ, разрѣшить вопросы, недоумѣнія, прекратить раздѣленія и споры; поэтому ихъ опредѣленія и правила носятъ всегда отпечатокъ современныхъ потребностей, даютъ разрѣшеніе животрепещущимъ вопросамъ. Между тѣмъ гномы очень часто представляютъ собою просто изреченія свящ. Писанія, пе-

реданныя точно или въ видѣ парафраза. Къ чему собору было заниматься такой хрестоматіей? Правила, несомнѣнно принадлежащія Никейскому собору, не представляютъ ничего аналогичнаго съ правилами коптскими. c) Большинство моральныхъ правилъ, помѣщенныхъ въ коптскихъ фрагментахъ, дышетъ сильнымъ аскетизмомъ: они напоминаютъ наставленія отшельниковъ и такимъже отшельникамъ, а не опредѣленія собора, назначаемыя на всѣ времена, для всѣхъ лицъ, званій и состояній. Нѣкоторыя правила рѣшительно могутъ имѣть отношеніе только къ лицамъ, живущимъ въ монастыряхъ, но не приложимы ко всѣмъ и каждому; таковы напр. наставленія дѣвѣ (дѣва здѣсь прямо называется монахинею, какъ скоро хочетъ проводить жизнь дѣвственную). Но Никейскій соборъ не состоялъ изъ лицъ съ крайне-аскетическимъ направленіемъ. Мы знаемъ, что Никейскій соборъ не утвердилъ обязательнаго безбрачія даже для епископовъ и священниковъ, хотя это безбрачіе во многихъ церквахъ было обычно. Мало того, Никейскіе отцы не только не хотѣли другихъ стѣснять нравственно-ригорическими предписаніями, но и сами были далеки отъ этого ригоризма: они напр. охотно принимали участіе въ пиршествахъ, которыя дѣлалъ для нихъ Константинъ Великій. Все это не согласуется съ тѣмъ сильнымъ аскетизмомъ, которымъ проникнуты правила коптскихъ фрагментовъ. Правила эти могли явиться только въ Египтѣ, гдѣ монашескій духъ съ раннихъ поръ пропиталъ церковную атмосферу. d) Наконецъ, нѣкоторыя моральныя правила коптскихъ фрагментовъ рѣшительно не могутъ быть приписаны Никейскому собору по своей тривіальности, по своей оскорбительной для нравственнаго чувства человѣческаго неприкровенности. Самъ Ревилью не счелъ удобнымъ перевести таковыя на французскій языкъ и передаетъ ихъ на латинскомъ менѣе популярномъ. Напр. правила коптовъ говорятъ: „какъ земледѣлецъ не бросаетъ зеренъ на камни, потомучто они (камни) ничего не производятъ для него, ita nullus homo sapiens fundet semen suum ad meretrices, non enim germinaret

ei, aut si forsan germinaret ad maledictionem esset" [1]).

Изъ сказаннаго ясно, что коптскіе фрагменты никакимъ образомъ не могутъ быть признаны за отрывки подлинныхъ актовъ Никейскихъ, реставрированныхъ Александрійскимъ соборомъ исповѣдниковъ, и не имѣютъ того важнаго значенія для исторіи Никейскаго собора, какое приписываетъ имъ французскій ученый.

Что-же это за документъ и какое дѣйствительное значеніе его для исторіи Никейскаго собора? На первый вопросъ мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта. Отвѣта на этотъ вопросъ можно ждать отъ полнаго и обстоятельнаго описанія Туринскихъ и Боржіанскихъ манускриптовъ, какого мы теперь еще не имѣемъ. Вѣроятно, эти фрагменты представляли изъ себя какой-либо сборникъ, назначенный для частнаго употребленія, гдѣ наряду съ правилами и постановленіями соборовъ помѣщались и другія правила и наставленія, одобренныя обычаемъ и практикою. А можетъ быть, эти фрагменты составляли часть какой-либо церковной исторіи. Мѣстомъ происхожденія разбираемаго нами документа нужно признать Египетъ: за это ручается строгій аскетизмъ, проникающій гномы, и самый переводъ документа на коптскій языкъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Относительно времени происхожденія коптскаго документа сказать что-либо положительное довольно трудно. Но во всякомъ случаѣ составленіе его нужно относить ко времени послѣ 2-го вселенскаго собора, потомучто въ немъ находится точно формулированное ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.

Что касается значенія коптскаго документа, какъ источника исторіи Никейскаго собора, то на этотъ вопросъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ: коптскіе фрагменты не имѣютъ почти никакого значенія для исторіи Никейскаго собора. Та часть

[1]) Le Concile de Nicée 1873. p. 65. Разборъ гномовъ и доказательства ихъ непринадлежности Никейскому собору представлены въ статьѣ А. П. Лебедева: „Никейскій соборъ по коптскимъ текстамъ". Чтен. общ. любит. духов. просв. 1875. III. Этою статьею пользовались и мы.

содержанія коптскихъ фрагментовъ, которая дѣйствительно принадлежитъ Никейскому собору, (символъ съ анаѳематствованіемъ на Арія, списокъ епископовъ и каноны) не представляетъ ничего новаго для характеристики Никейскаго собора; другая же часть, которая содержитъ новыя свѣдѣнія, не можетъ быть приписана Никейскому собору, такъ что мы съ полнымъ правомъ можемъ отнести слова Амедея Пейрона, сказанныя имъ о всѣхъ Туринскихъ папирусахъ, къ коптскимъ фрагментамъ о Никейскомъ соборѣ: „все лучшее въ нихъ—старо; все новое—нелѣпо" [1]). Если чѣмъ и важны коптскіе фрагменты, такъ только тѣмъ, что они представляютъ очень тщательный списокъ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ. Въ этомъ спискѣ точно указано число епископовъ каждой провинціи, тщательно обозначены города и провинціи, особенно Египетскія и сосѣднія съ Египтомъ, епископы которыхъ присутствовали на Никейскомъ соборѣ, и имена самихъ епископовъ. Такой тщательно написанный списокъ епископовъ, конечно, важенъ, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что всѣ списки Никейскихъ отцовъ, сохранившіеся на греческомъ, латинскомъ и арабскомъ языкахъ, страдаютъ крайнею неисправностью. Притомъ коптскій списокъ въ нѣкоторыхъ частяхъ и полнѣе другихъ списковъ: здѣсь находятся указанія на такія каѳедры, епископы которыхъ никогда не считались присутствовавшими на соборѣ. Въ силу этого коптскій списокъ можетъ служить къ исправленію другихъ списковъ. Ленорманъ при помощи коптскихъ фрагментовъ, дѣйствительно, и сдѣлалъ очень много для исправленія списка Никейскихъ отцовъ. Вотъ все значеніе коптскихъ текстовъ Никейскаго собора.

Сирскіе акты Никейскаго собора.

Нѣчто подобное коптскимъ фрагментамъ представляетъ сир-

[1]) Болотова „Житіе Афу, епископа Пемджскаго". Христ. Чтен. 1886 г. мартъ—апрѣль. стр. 337.

скій памятникъ, также относящійся къ Никейскому собору. Этотъ памятникъ нашелъ кардиналъ Питра въ манускриптѣ Британскаго музея и издалъ его съ латинскимъ переводомъ въ IV т. своихъ „Analecta sacra spicilegio solesmensi“ (1883) [1]). Относительно важности и значенія этого документа самъ издатель прямо не сказалъ ничего. Но, какъ можно выводить изъ его словъ, онъ признаетъ за документомъ глубокую древность и чуть-ли не считаетъ его переводомъ, сдѣланнымъ съ подлиннаго экземпляра Никейскихъ актовъ. По крайней мѣрѣ эту мысль онъ довольно опредѣленно высказываетъ относительно каноновъ, находящихся въ разбираемомъ нами документѣ. „У сирійцевъ, говоритъ онъ, существуетъ нѣсколько переводовъ Никейскихъ каноновъ; который изъ нихъ сдѣланъ Маруфою въ IV вѣкѣ, сказать трудно; но думаемъ, что не далеко будемъ отъ истины, если припишемъ св. мужу, который былъ изъ числа Никейскихъ отцовъ, переводъ, имѣющійся въ двухъ кодексахъ Британскаго музея подъ № 14528 и 14529“ [2]). Въ виду высказаннаго мнѣнія о древности сирскаго документа, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Содержаніе документа слѣдующее: 1) указывается время Никейскаго собора: „Великій св. и вселенскій соборъ 318 отцовъ, читаемъ въ документѣ, которые собраны были въ Никеѣ, Виѳинской митрополіи, былъ въ 636 году греческой эры, т. е. отъ Селевка Никатора, царя Сиріи, какъ считаютъ едессяне [3]), въ консульство Павлина и Юліана, славныхъ мужей, въ 13-е іюльскихъ календъ, въ 20-й годъ царствованія императора Константина“. 2). Приводится образчикъ писемъ Константина, которыми онъ приглашалъ епископовъ на соборъ. 3) Помѣщается символъ тотъ самый, какой мы имѣемъ въ греческомъ текстѣ. Особенности

[1]) Pag. 224—240; 451—464.

[2]) Pag. XXVIII.

[3]) Эра едесская такъ же, какъ и сиро—македонская, начинается съ 311-го года до Рожд. Хр. Pitra. Anal. sacra t. IV. p. 452. not. I.

этого символа исключительно вербальныя и притомъ самыя незначительныя. Вотъ онѣ: въ анаѳематствованіи противъ Арія въ выраженіи: „утверждающихъ...., что Онъ (Сынъ) созданъ, преложимъ или измѣняемъ, предаетъ анаѳемѣ каѳолическая церковь" пропущено слово „созданъ", къ понятію же „церковь" прибавлены эпитеты „святая и апостольская" (sancta et apostolica). 4). За символомъ и анаѳематизмами на Арія идутъ анаѳематизмы на Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, Манеса, Валентина, Маркіона и на всѣхъ еретиковъ, возстающихъ противъ церкви. 5). Указывается форма подписи епископовъ Никейскихъ и объясняется причина, почему подписи не всѣхъ 318 отцовъ находятся въ спискахъ. 6). Дѣлается замѣтка объ опредѣленіи собора касательно времени празднованія Пасхи. 7). Приводятся 20 каноновъ и 8) списокъ епископовъ (числомъ 220 [1]).

Изъ представленнаго содержанія сирскаго памятника открывается, что документъ этотъ никакъ нельзя признать переводомъ подлинныхъ актовъ Никейскаго собора: за это ручаются помѣщенные въ нихъ анаѳематизмы противъ разныхъ еретиковъ, особенно противъ Фотина, которыхъ не имѣлъ въ виду Никейскій соборъ. Вѣроятно, этотъ документъ, какъ и коптскіе тексты, назначался для частнаго пользованія, гдѣ къ подлиннымъ Никейскимъ опредѣленіямъ присоединены разъясненія, вызванныя потребностями времени. Образовался этотъ памятникъ еще до 2-го вселенскаго собора: въ немъ нѣтъ никакихъ намековъ на установленную формулу ученія объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца.— Не имѣя достоинства подлинныхъ актовъ Никейскаго собора, сирскій памятникъ не лишенъ, однако, значенія, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора.

1) Въ этомъ памятникѣ приводится въ подлинномъ видѣ письмо императора Константина къ епископамъ съ приглашеніемъ

1) Списокъ епископовъ у Питра приводится въ двухъ экземплярахъ— въ сирскомъ и армянскомъ; послѣдній содержитъ въ себѣ только 211 именъ.

прибыть въ Никею на вселенскій соборъ, каковаго письма не сохранили намъ другіе историческіе памятники. Въ подлинности этого письма едва-ли можно сомнѣваться. Содержаніе письма вполнѣ соотвѣтствуетъ той характеристикѣ, какую дѣлаетъ о пригласительныхъ письмахъ Евсевій. Евсевій говоритъ, что императоръ приглашалъ епископовъ на соборъ почтительными грамотами [1]). Въ нашемъ посланіи императоръ называетъ епископовъ: „dilecti fratres, dilectissimi fratres“,—и не просто приказываетъ епископамъ явиться въ Никею, но разъясняетъ имъ причины, почему именно Никея выбрана мѣстомъ собора, а не какой-либо другой городъ. Причины эти слѣдующія: а) въ Никею удобнѣе и легче было пріѣхать епископамъ Италіи и остальной Европы [2]); b) Никея отличалась благорастворенностью воздуха; c) императору, имѣвшему свою резиденцію въ Никомидіи, удобно было наблюдать за соборомъ въ Никеѣ, такъ какъ Никомидія была недалеко отъ Никеи. [3]).

2) Въ сирскомъ документѣ приводится списокъ Никейскихъ отцовъ; а каждый новый экземпляръ списка имѣетъ значеніе, потомучто онъ можетъ помогать дѣлу исправленія списковъ.

Преніе Аѳанасія Александрійскаго съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ [4].)

Преніе Аѳанасія съ Аріемъ представляетъ разговоръ между Аѳанасіемъ и сторонниками Арія, а потомъ и самимъ Аріемъ на

[1]) Жизнь Константина. III. 6.

[2]) Никея чрезъ озеро имѣла хорошее сообщеніе съ пропонтидою (мраморнымъ моремъ).

[3]) Никея отстояла отъ Никомидіи въ 20 миляхъ. Лекціи Станлея. Прав. Обозр. 1863 г. 2 т. 38 стр.

[4]) Полное заглавіе этого сочиненія въ греческомъ подлинникѣ слѣдующее: „Διάλογος ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ πρὸς Ἄρειον“. Въ другихъ кодексахъ заглавіе этого сочиненія нѣсколько варьируется. Такъ въ Августинскомъ кодексѣ это сочиненіе озаглавливается: „Διάλεξις ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν πρὸς Ἀρειανόν“; въ Базиліанскомъ и Англиканскомъ: „τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου, ἀρχιεπισκό-

Никейскомъ соборѣ,—разговоръ очень длинный. Такое содержаніе сочиненія ставитъ предъ читателемъ дилемму: этотъ памятникъ есть или точная запись дѣйствительнаго разговора, составленная во время самаго пренія,—въ такомъ случаѣ въ немъ все достовѣрно,—или же преднамѣренный подлогъ фальсификатора, такъ какъ нельзя передать съ дословною точностью длинные разговоры спустя долгое время послѣ того, какъ они происходили, а тѣмъ болѣе лицу, не бывшему непосредственнымъ слушателемъ этихъ разговоровъ: tertium non datur. Такой характеръ памятника облегчаетъ и разборъ его: здѣсь придется имѣть дѣло только съ двумя предположеніями.

Сочиненіе носитъ имя Аѳанасія Александрійскаго. Если-бы заглавіе было законно, т. е. если бы преніе дѣйствительно принадлежало Аѳанасію, то это служило бы ручательствомъ за достовѣрность его содержанія и его можно было бы признать за подлинную запись части соборныхъ протоколовъ. Но дѣло въ томъ, что это произведеніе не можетъ принадлежать св. Аѳанасію и никому изъ его современниковъ. a) По нѣкоторымъ изданіямъ разбираемый нами памятникъ носитъ такое заглавіе: „Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας διάλεξις ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ ἐν ἔτει τῆς θείας σαρκώσεως τι΄, ἐν ἡμέραις τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως Κωνσταντίνου καὶ τοῦ μακαρίου παπᾶ Σιλιβέστρου καὶ ἐπισκόπου Βιζαντίου Ἀλεξάνδρου". Если такое заглавіе признать первоначальнымъ, вышедшимъ отъ самого автора, то оно своимъ невѣжественнымъ анахронизмомъ ясно говоритъ за позднее происхожденіе сочиненія. b) Въ этомъ діалогѣ говорится, что сынъ Константина Великаго—Констанцій царствовалъ совмѣстно со своимъ отцомъ [1]): опять показаніе не-

που Ἀλεξανδρείας διάλεξις ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ". Сочиненіе это всегда издавалось вмѣстѣ съ твореніями св. Аѳанасія; оно находится уже въ самомъ древнемъ Винценскомъ изданіи твореній Аѳанасія (1482 г.), а затѣмъ и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ. Въ новѣйшемъ изданіи Миня оно помѣщено въ 28 томѣ греч. серіи среди сочиненій подложныхъ (spuria).

[1]) Migne. t. 28. c. 28.

вѣроятное для Аѳанасія или его современника. Константинъ Великій царствовалъ единодержавно и его сыновья не были его соправителями. Очевидно, здѣсь перемѣшаны историческія лица и событія: совмѣстное царствованіе Констанція и Константина II, сына Константина Великаго, принято за совмѣстное царствованіе Константина Великаго и Констанція. c) Въ преніи Аѳанасій свидѣтельствуетъ, что достоинство клирика Арій получилъ не отъ православныхъ епископовъ, а отъ еретиковъ [1]): невѣроятность. Положимъ, Арій былъ нѣкогда участникомъ расколоучителя Мелетія въ его нововведеніяхъ, но достоинство клирика (сначала діакона, а потомъ священника) онъ получилъ отъ православныхъ епископовъ Александріи—Петра и Ахиллы [2]). Аѳанасію это, конечно, было хорошо извѣстно и онъ никогда не допустилъ бы такой неправды. d) Наконецъ, въ этомъ преніи Аѳанасій, толкуя текстъ св. Писанія „Азъ и Отецъ едино есма“ (Іоан. X, 30), признаетъ двойственность (δύας) въ Богѣ [3]). Невѣроятно, потомучто Аѳанасій, какъ видно изъ несомнѣнно подлинныхъ его сочиненій, считалъ этотъ терминъ противорѣчащимъ ученію о Троицѣ и отвергалъ его [4]).

За непринадлежность разбираемаго нами произведенія Аѳанасію Александрійскому ручается, кромѣ его содержанія, и глубокое молчаніе о немъ всѣхъ древнихъ писателей, хотя нѣкоторые изъ нихъ имѣли поводъ упомянуть о немъ. Такъ напр. когда Кириллъ Александрійскій [5]), а равнымъ образомъ церковные историки: Руфинъ [6]), Сократъ [7]) и Созоменъ [8]) говорятъ объ участіи

[1]) Ibid. c. 46.

[2]) Созоменъ Церк. ист. II. 15.

[3]) Καὶ τὴν δυάδα τελείαν παρέστησεν ἐν τῷ λέξαι ἕν ἐσμεν. c. 40.

[4]) Посланіе къ Серапіону. Тв. ч. III. стр. 3. Migne t. 26. c. 2.

[5]) Epist. I. ad monachos Aegypti. Migne curs. patr. gr. ser. t. 77. c. 16.

[6]) Rufin. Hist. eccles. I. 6. Migne t. 21. ser. lat.

[7]) Церковн. ист. 1. 8.

[8]) Церковн. ист. 1. 15.

Аѳанасія Александрійскаго въ спорахъ съ аріанами на Никейскомъ соборѣ, то они вовсе не упоминаютъ объ этомъ сочиненіи Аѳанасія. Но они непремѣнно указали бы на него съ одной стороны, какъ на доказательство истинности своихъ словъ, а съ другой—какъ на болѣе подробный и обстоятельный источникъ, откуда можно заимствовать свѣдѣнія объ участіи Аѳанасія въ спорахъ, если бы это сочиненіе было имъ извѣстно. Очевидно, древность не знала среди сочиненій Аѳанасія разбираемаго нами произведенія.

Сказаннаго нами достаточно, чтобы видѣть, что преніе не можетъ принадлежать Аѳанасію, а равнымъ образомъ никому изъ современниковъ Аѳанасія. Но если этотъ памятникъ не запись современника и очевидца, то, какъ мы сказали выше, онъ непремѣнно подлогъ, фальсификація: средняго здѣсь быть не можетъ,—и какъ подлогъ фальсификатора, онъ не можетъ имѣть никакого значенія для исторіи Никейскаго собора. Этотъ выводъ получитъ еще большую устойчивость, если мы обратимся къ самому содержанію пренія.

1. Преніе говоритъ намъ, что на Никейскомъ соборѣ поднимался вопросъ не о Божествѣ только Сына Божія, но и Святаго Духа: и православные и аріане очень полно и опредѣленно высказывали свои мысли относительно этого вопроса. Такъ Аѳанасій въ своемъ исповѣданіи даетъ уже очень обстоятельное изложеніе ученія о Св. Духѣ, Его Божествѣ и отношеніи къ Отцу и Сыну. Вотъ его исповѣданіе по вопросу о Св. Духѣ: „(вѣрую) и въ Духа Святаго, что Онъ одинаковой сущности съ Отцемъ и что Онъ совѣченъ Отцу и Сыну“ [1]). Равнымъ образомъ и Арій въ изложеніи своего ученія говоритъ не только о Сынѣ Божіемъ, но и Святомъ Духѣ. „(Вѣрую) и въ Духа Святаго, Который сотворенъ Сыномъ“ [2]). Затѣмъ между Аѳана-

[2]) „(Πιστεύω) καὶ εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον ὅτι τῆς τοῦ Πατρός ἐστιν οὐσίας, καὶ συναΐδιον τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ τυγχάνει τὸ ἅγιον Πνεῦμα“ (с. 5).

[3]) „(Πιστεύω) καὶ εἰς τὸ Πνεῦμκ τὸ ἅγιον, τὸ ὑπὸ τοῦ Υἱοῦ γεγονός“ (с. 6).

сіемъ и Аріемъ идетъ продолжительный споръ по вопросу о Божествѣ Св. Духа и отношеніи Его къ Отцу и Сыну [1]), въ которомъ Арій доказываетъ свой взглядъ на Св. Духа, какъ на твореніе и низшее Сына, а Аѳанасій утверждаетъ равенство и единосущіе Святаго Духа съ Отцемъ и Сыномъ. Но ученіе аріанъ о Святомъ Духѣ появилось гораздо позднѣе Никейскаго собора. Даже въ 1-мъ символѣ Антіохійскаго собора 341 г. ученіе о Святомъ Духѣ представлено аріанами въ томъ-же краткомъ и неопредѣленномъ видѣ, какъ и въ символѣ Никейскомъ: „Вѣруемъ также и въ Духа Святаго“ [2]). Аріанское ученіе о Святомъ Духѣ открыто было высказано не ранѣе 341 г. Къ этому же времени нужно относить и заботы православныхъ точно и опредѣленно формулировать ученіе о Святомъ Духѣ. На Никейскомъ-же соборѣ вопроса о Святомъ Духѣ вовсе не поднималось. Самымъ сильнымъ доказательствомъ этого служитъ символъ Никейскій. Если-бы на Никейскомъ соборѣ поднимались какіе-либо вопросы о Святомъ Духѣ, то въ символѣ точно и подробно было бы изложено православное ученіе о Святомъ Духѣ; точно также сдѣлано было бы упоминаніе о неправомыслящихъ по этому вопросу и въ анаѳематствовованіи. Между тѣмъ въ анаѳематизмахъ Никейскихъ нѣтъ никакихъ упоминаній о духоборцахъ, а въ символѣ ученіе о Святомъ Духѣ представлено въ такомъ краткомъ и неопредѣленномъ видѣ, въ какомъ оно не отвергается самыми крайними духоборцами. Въ пользу нашей мысли говорятъ и положительныя свидѣтельства. Такъ Епифаній Кипрскій въ своемъ Панаріи [3]) прямо замѣчаетъ, что Никейскій соборъ не разсуждалъ о Святомъ Духѣ. „Если-бы нѣкоторые изъ нихъ (духоборцевъ), пишетъ Епифаній, захотѣли сказать, мы сами исповѣдуемъ вѣру, изложенную на Никейскомъ соборѣ: покажи-же намъ

[1]) с. 37—44.

[2]) Аѳанасій „посланіе о соборахъ“. Твор. ч. III. стр. 134. Migne. t. 26. c. 22.

[3]) Ересь 74 противъ духоборцевъ.

на ея основаніи, что Духъ Святый сопричисляется съ Божествомъ, то они окажутся изобличенными этою вѣрою. *Тогда не было изысканія о Духѣ*. Что подлежитъ изслѣдованію въ извѣстное время, о томъ соборы составляютъ твердое опредѣленіе". Василій Великій во многихъ своихъ письмахъ утверждаетъ то-же самое [1]).

2. Преніе говоритъ намъ, что Аѳанасій убѣдилъ Арія въ неправильности его мнѣній и истинности общецерковнаго ученія: Арій согласился съ Аѳанасіемъ, призналъ единосущіе Сына и Духа Святаго съ Отцемъ, ихъ полное равенство, полное всемогущество [2]), сталъ восхвалять православное ученіе о единосущной Троицѣ, ублажать тѣхъ, которые твердо хранятъ православную вѣру, и просилъ Аѳанасія помолиться вмѣстѣ съ нимъ [3]); но Аѳанасій не принялъ его въ общеніе [4]). Здѣсь опять несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Арій, какъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, нисколько не отступилъ на Никейскомъ соборѣ отъ своихъ воззрѣній, за что и подвергся ссылкѣ [5]). Онъ исповѣдалъ православное ученіе о единосущіи Сына Божія (и то неполно и лицемѣрно) уже много спустя послѣ Никейскаго собора [6]).

Изъ сказаннаго ясно, что преніе на имѣетъ характера достовѣрнаго историческаго повѣствованія. Это не болѣе, какъ амплификація панегириста, который очень свободно обращается съ историческими фактами и передаетъ ихъ въ томъ видѣ, въ той связи и послѣдовательности, въ какой это ему нужно, не справляясь съ тѣмъ, соотвѣтствуетъ-ли его повѣствованіе исторической дѣйствительности.

[1]) Basil. Magn. Epist. 125. col. 550. c. 3. Epist. 159. col. 620. c. 2. Epist. 258. col. 949. c. 2. Migne t. 32 (по русск. перев. Твор. ч. 6. письмо 120; 154; ч. 7—письмо 250).

[2]) с. 37. 46.

[3]) с. 46.

[4]) с. 47.

[5]) Сокр. I, 8.

[6]) Сокр. I, 26; Созом. II, 27.

О времени происхожденія пренія нельзя сказать ничего положительнаго. Но на основаніи глубокаго молчанія объ этомъ сочиненіи церковныхъ историковъ (Руфина, Сократа, Созомена) и Кирилла Александрійскаго, говорившихъ о дѣятельности Аѳанасія на Никейскомъ соборѣ, а также и Геласія Кизическаго, тщательно разыскивавшаго всякія извѣстія о соборѣ, можно съ вѣроятностью относить происхожденіе пренія ко времени послѣ V вѣка [1]).

Мы разсмотрѣли вопросъ объ актахъ Никейскаго собора, понимаемыхъ какъ въ смыслѣ опредѣленій, такъ и въ смыслѣ протоколовъ засѣданій, и нашли, что отъ опредѣленій остались только отрывки, сохраненные разными писателями, а протоколовъ никогда не существовало. Документы, которые выдаются за акты собора, не могутъ быть признаны таковыми. Все это заставляетъ обращаться къ древнимъ повѣствованіямъ о Никейскомъ соборѣ, какъ главнымъ и единственнымъ источникамъ исторіи этого послѣдняго. Къ обозрѣнію разныхъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ мы теперь и перейдемъ.

Глава II-я.

Повѣствованія о Никейскомъ соборѣ современниковъ его—Евсевія Кесарійскаго, св. Аѳанасія Александрійскаго и св. Евстаѳія Антіохійскаго.

Въ ряду источниковъ исторіи Никейскаго собора первое мѣсто занимаютъ сказанія объ этомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго,

[1]) Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами памятниковъ за акты Никейскаго собора выдаются еще нѣкоторыя произведенія. Такъ исторія Геласія Кизическаго, по свидѣтельству самого автора, заключаетъ въ себѣ отрывки подлинныхъ актовъ Никейскаго собора. Существуетъ еще анонимное сочиненіе, которое носитъ громкое заглавіе „актовъ Никейскихъ“. Но такъ какъ эти памятники скорѣе нужно назвать повѣствованіями о соборѣ, чѣмъ актами, то мы и разсмотримъ ихъ при разборѣ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ.

Аѳанасія Александрійскаго и Евстаѳія Антіохійскаго. Всѣ эти поименованные писатели, повѣствованія которыхъ о Никейскомъ соборѣ дошли до насъ (хотя и не всѣ въ полномъ видѣ), были не только современниками, но и очевидцами собора. Всѣ они присутствовали на Никейскомъ соборѣ и принимали живое и дѣятельное участіе въ его засѣданіяхъ. Поэтому они вполнѣ авторитетны въ своихъ показаніяхъ о соборѣ: они заимствуютъ свои свѣдѣнія не изъ вторыхъ рукъ, а изъ непосредственнаго наблюденія надъ соборомъ и ходомъ его засѣданій. Но, признавая авторитетность названныхъ писателей въ показаніяхъ о Никейскомъ соборѣ, мы должны замѣтить, что ихъ повѣствованія о соборѣ все-же нуждаются въ критикѣ. Мы не можемъ пользоваться этими повѣствованіями безъ всякаго разбора, принимать каждое показаніе ихъ за несомнѣнную истину, а особенно довѣрять ихъ изображенію и свидѣтельству о порядкѣ и послѣдовательности соборныхъ засѣданій и разсужденій. Всѣ сказанія названныхъ писателей передаютъ исторію собора далеко не въ одномъ и томъ же видѣ (особенно такъ представляется при первомъ взглядѣ на эти сказанія), между ними существуютъ нѣкоторыя разногласія. Причина этого заключается въ томъ, что названные писатели въ своихъ повѣствованіяхъ о соборѣ руководились не научно-историческими, а чисто-практическими цѣлями; ихъ сочиненія назначались не для того, чтобы дать полное описаніе собора, полную исторію и обстоятельное изображеніе всѣхъ дѣйствій его, а чтобы выяснить тотъ или другой частный практическій вопросъ на основаніи исторіи собора [1]). Руководясь такими цѣлями, названные писатели выбираютъ и передаютъ изъ исторіи собора только отдѣльные эпизоды, указываютъ только одни для нихъ нужные моменты соборной дѣятельности, оставляя въ тѣни другіе; при-

[1]) Исключеніе представляетъ только сочиненіе Евсевія „Жизнь Константина"— и то не вполнѣ. „Жизнь Константина", какъ панегирическое произведеніе, нельзя назвать строго историческимъ сочиненіемъ; въ немъ историческія цѣли соединяются съ панегирическими и первыя часто приносятся въ жертву послѣднимъ.

этомъ они иногда соединяютъ въ одно и передаютъ въ послѣдовательности и связи такія дѣйствія собора, которыя въ дѣйствительности разъединены были другими дѣйствіями. Отсюда разногласіе между писателями современниками, но отсюда же необходимость критическаго разбора ихъ сказаній для правильности пользованіями ими, какъ источниками.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго.

Мѣсто рожденія Евсевія Памфила неизвѣстно; время его рожденія съ вѣроятностью относятъ къ царствованію императора Валеріана (253—259) [1]. Неизвѣстно также ничего о родителяхъ Евсевія, а изъ родственниковъ его у древнихъ писателей можно найти упоминаніе только объ одномъ Никомидійскомъ епископѣ Евсевіи [2]. Первоначальное образованіе онъ, вѣроятно, получилъ дома; потомъ мы видимъ его въ Кесаріи Палестинской, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Памфиломъ, пресвитеромъ Кесарійскимъ, посвящаетъ все время учебнымъ занятіямъ. Былъ Евсевій также и въ Антіохіи и слушалъ здѣсь уроки знаменитаго пресвитера Дороѳея. Во время гоненія Діоклетіана онъ оставилъ Кесарію и переходилъ съ мѣста на мѣсто, побывалъ въ разныхъ углахъ Палестины, Финикіи, былъ въ Египтѣ и Ѳиваидѣ. По прекращеніи гоненія онъ снова является въ Кесаріи и около 315 года [3]) избирается въ тамошніе епископы. На каѳедрѣ Кесарійскаго епископа онъ и оставался до самой своей смерти, которую, обыкновенно, относятъ къ 340-му году [4]). Во время своего епископства онъ принималъ дѣятельное участіе въ аріанскихъ движеніяхъ и присутствовалъ на многихъ соборахъ, въ томъ числѣ и на первомъ вселенскомъ соборѣ—Никейскомъ.

[1]) Розановъ. Евсевій Памфилъ. Москва. 1880. стр. 3.
[2]) Ѳеодоритъ. Церковн. истор. 1. 5. (по изд. Миня. с. 4).
[3]) Евсевій. Церковн. истор. X. 4.
[4]) Сократъ. Церк. ист. II. 78.

Свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ Евсевій передаетъ въ двухъ своихъ сочинененіяхъ—въ „Жизни царя Константина" и въ „посланіи къ кесарійцамъ въ Палестинѣ".

Прежде чѣмъ приступить къ обозрѣнію этихъ свѣдѣній, считаемъ не лишинимъ отмѣтить нѣкоторыя черты въ воззрѣніяхъ Евсевія, которыя наложили отпечатокъ на его сказанія о Никейскомъ соборѣ.—Евсевій Памфилъ былъ человѣкъ склонный къ тихой, спокойный жизни, а потому для него очень дороги были миръ, безопасность и благополучіе. Какъ высоко цѣнилъ Евсевій миръ и спокойствіе, это очень ясно видно изъ его словъ о состояніи церкви и христіанства во времена императора Константина, произведшаго переворотъ во внѣшнемъ положеніи христіанъ. „Послѣ прежнихъ мрачныхъ зрѣлищъ и страшныхъ повѣтствованій, говоритъ онъ въ началѣ 10 кн. своей исторіи, мы удостоились созерцать теперь и славить то, что желали видѣть на землѣ и не видѣли, хотѣли слышать на землѣ и не слышали многіе истинные праведники и мученики Божіи... Теперь свѣтлый и ясный день, не омраченный никакимъ облакомъ, озарилъ лучами небеснаго свѣта церкви Христовы во всей вселенной, такъ что и тѣ, которые не принадлежатъ къ нашему братству, могутъ пользоваться одинаковымъ съ нами жребіемъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ наслаждаться отраженіемъ Божественныхъ благъ, сдѣлавшихся нашимъ достояніемъ" [1]). Состояніе церкви при Константинѣ было, по Евсевію, самое блестящее, вполнѣ идеальное. „Настала, говоритъ онъ о времени царствовованія Константина, какая-то новая и преобразованная жизнь, тогда на мѣстѣ мрака вдругъ возсіялъ смертнымъ дивный свѣтъ" [2]). Такъ высоко цѣня миръ и спокойствіе и безмѣрно восхваляя виновниковъ мира, Евсевій, наоборотъ, очень непріязненно относился ко всему, что нарушало миръ и тишину, производило волненія и безпокойства.

[1]) Церковн. ист. X. I.

[2]) „Жизнь Константина" Ш. I.

Особенно непріязненно относился Евсевій къ догматическимъ тринитарнымъ спорамъ, бывшимъ въ его время. Будучи противникомъ всякихъ споровъ, какъ возмущавшихъ „глубокій, торжественный миръ", считая ихъ „порожденіемъ зависти" [1]), Евсевій вооружался противъ тринитарныхъ споровъ еще и потому, что считалъ ихъ совершенно безполезными, такъ какъ предметы этихъ споровъ недоступны человѣческому пониманію. „Мы не понимаемъ, говоритъ онъ, тысячи такихъ вещей, которыя находятся предъ нашими глазами. Кто знаетъ, какимъ образомъ душа соединена съ тѣломъ и какимъ образомъ она оставляетъ его, каково существо ангельское, какова сущность нашей души? И мы послѣ этого дерзаемъ доискиваться познанія сущности вѣчнаго Божества, когда уже и здѣсь видимъ себя окруженными такимъ множествомъ затрудненій? Зачѣмъ спрашивать о непостижимомъ? Почему не удовлятвориться свидѣтельствомъ Отца о возлюбленномъ Сынѣ „вотъ Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ Мое благоволеніе: Сего послушайте"? [2]). Въ другомъ своемъ сочиненіи Евсевій выражается такимъ образомъ о томъ-же предметѣ: „Споръ ничему не научаетъ... Ибо когда есть памятованіе о Богѣ, то благочестимый умъ трепещетъ, нѣмотствуетъ и языкъ".... [3]) и еще: „состязаніе приличествуетъ конямъ, а не церкви Божіей" [4]). Итакъ любовь къ миру и спокойствію, наоборотъ непріязнь ко всѣмъ волненіямъ, въ частности и въ особенности къ догматическимъ тринитарнымъ спорамъ, какъ совершенно безполезнымъ,—вотъ первая характеристическая черта Евсевія, имѣвшая вліяніе на его отношеніе къ Никейскому собору, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на его сказанія о соборѣ.

[1]) Жизнь Константина II. 1.

[2]) De ecclesiastica Theologia. lib. I. c. 12. col. 848—849. Migne gr. ser. t. 24.

[3]) De fide adversus Sabellium lib. I. Migne t. 24, col. 1055.

[4]) Ibid. lib. II col. 1063.

Другая черта, которую намъ нужно отмѣтить во взглядахъ Евсевія, это его религіозныя богословскія воззрѣнія. Евсевій былъ глубокимъ почитателемъ идей Оригена, главнаго представителя теоріи субординаціонизма въ ученіи о Св. Троицѣ, теоріи, которая близко подходила къ аріанской доктринѣ. Евсевій также держался теоріи субординаціонизма и по своимъ воззрѣніямъ довольно близко стоялъ къ Арію. Евсевій считалъ Сына низшимъ Отца, второю сущностью (δεύτερα μετ' αὐτὸν [Θεὸν] οὐσία) [1]), вторымъ виновникомъ происхожденія міра [2]). Отецъ, по Евсевію, есть первый и большій Богъ (πρῶτος καὶ μείζων), высшій и большій (ὁ ἀνωτάτω καὶ μείζων αὐτός), отличный отъ Сына (διαφέροντος τοῦ χριομένου) [3]). Логосъ есть господинъ надъ всѣмъ существующимъ и, въ свою очередь, имѣетъ надъ собой господиномъ высшаго Бога [4]). Для характеристики до-Никейскихъ воззрѣній Евсевія на отношеніе Сына Божія къ отцу можно привести еще одно мѣсто изъ его церковной исторіи. „Прославляя Отца всяческихъ, говоритъ Евсевій, не оставимъ безъ прославленія и вторую причину (δεύτερον αἴτιον) нашихъ благъ, Началоположника богопознанія... Іисуса“ [5]). Держась такихъ взглядовъ на отношеніе Сына Божія къ Отцу, Евсевій, при возникновеніи споровъ между православными и аріанами, естественно, долженъ былъ примкнуть къ партіи послѣднихъ. Онъ такъ и дѣлаетъ. Онъ принимаетъ Арія подъ свое покровительство и убѣждаетъ Александрійскаго епископа Александра принять отлученнаго Арія въ церковное общеніе на томъ основаніи, что ученіе Арія есть единственно правильное, вполнѣ православное. „Ты обвиняешь аріанъ въ томъ, писалъ Евсевій Александру, что буд-

1) Demonstr. Evang. Migne t. 22. lib VI. prooemium.

2) Ibid. V. prooemium.

3) Demonstr. Evang. lib. VI. c. 15. col. 305.

4) Ibid. IV. c. 4, 8.

5) Евсевій. Церк. ист. X. 4.

то бы они говорятъ: „Тотъ, Который существуетъ, родилъ Того, Который не существовалъ“. А я удивляюсь, можно-ли еще сказать иначе: ибо если существующій есть только одинъ, то, конечно, все съ Нимъ произошло отъ Него. Если-же существующій не одинъ, а Сынъ также есть „Тотъ, Который есть“, то какимъ образомъ Того, Который былъ, могъ родить Тотъ, Который есть“ [1]). На соборъ Никейскій Евсевій явился съ тѣми же воззрѣніями аріанскаго характера и желалъ отстоять ихъ. Положимъ, онъ на соборѣ велъ себя очень осторожно, не высказывалъ никакой вражды къ православнымъ, не соединялся съ крайними аріанами, во главѣ которыхъ стоялъ Евсевій Никомидійскій, но тѣмъ не менѣе онъ не оставлялъ своего аріанскаго образа мыслей и въ глубинѣ души былъ далекъ отъ православія. Яснымъ доказательствомъ этого служитъ символъ Евсевія, представленный имъ на соборъ въ качествѣ формулы вѣры [2]). Въ этомъ символѣ, правда, нѣтъ терминовъ, составлявшихъ отличительную особенность крайняго аріанства, какъ-то: Сынъ — тварь, произведеніе и т. п., но

[1]) Отрывки изъ этого письма приведены въ дѣяніяхъ 7-го вселенскаго собора (дѣяніе 6).

[2]) Относительно того, какъ смотрѣть на символъ, предложенный Евсевіемъ на Никейскомъ соборѣ, какъ на символъ ли помѣстной Кесарійской церкви или какъ на символъ, принадлежащій лично Евсевію, нарочито имъ составленный на соборѣ или для собора, относительно этого ученые разногласятъ. Изъ русскихъ ученыхъ очень рѣшительно высказали свои мнѣнія по этому вопросу о. Иванцовъ-Платоновъ и проф. Ал. П. Лебедевъ. О. Иванцовъ считаетъ символъ, представленный Евсевіемъ, символомъ помѣстной Кесарійской церкви (Рел. движ. стр. 118); профессоръ-же Лебедевъ признаетъ этотъ символъ за личное произведеніе Евсевія (Всел. соб. IV. и V вв. стр. 20—21; Изъ ист. всел. соб. IV и V вв. стр. 90. примѣч. 1). Мы, съ своей стороны, склоняемся ко второму мнѣнію, какъ болѣе основательному и имѣющему за себя довольно вѣскія доказательства. Кромѣ тѣхъ аргументовъ, какіе приводитъ въ пользу этого мнѣнія Ал. П. Лебедевъ, по нашему мнѣнію, можно привести еще одинъ. Евсевій въ своемъ посланіи къ кесарійцамъ пишетъ: „мы сочли *необходимымъ* послать къ вамъ (т. е. кесарійцамъ) предложенную нами формулу вѣры“... и далѣе дословно приводитъ эту формулу (Mign t. 20. col. 1537. Дѣянія I, 191—192). Если-бы символъ, внесенный Евсевіемъ на соборъ, былъ символомъ Кесарійской церкви, то Евсевію не было-бы *необходимости* посылать его къ своей паствѣ; ему достаточно было бы только указать на него.

всѣ выраженія такого характера, что они очень неточно и неопредѣленно выражали ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу и могли быть поняты въ аріанскомъ смыслѣ. Вотъ какъ излагается это ученіе: „Вѣруемъ во единаго Господа Іисуса Христа, Божіе Слово, Бога отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта, жизнь отъ жизни, Сына единороднаго, перворожденнаго всея твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденнаго“ [1]). Здѣсь Сынъ исповѣдуется и Богомъ и происшедшимъ отъ Отца; но это такъ или иначе допускали и крайніе аріане; главный же вопросъ о степени близости Сына къ Отцу здѣсь нисколько не разрѣшается. Далѣе, въ символѣ Евсевія слишкомъ выдѣляются одно отъ другаго Лица св. Троицы. „Вѣруемъ, читаемъ въ символѣ Евсевія, что каждый изъ нихъ—Отецъ, Сынъ и Духъ Святый есть и имѣетъ свое бытіе, что Отецъ истинно Отецъ, Сынъ истинно Сынъ, Духъ Святый истинно Духъ Святый“ [2]). Этимъ выдѣленіемъ лицъ св. Троицы Евсевій значительно отдѣлялся отъ церковнаго ученія о существенномъ единеніи Сына Божія съ Отцомъ. Доказательствомъ аріанскаго образа мыслей (конечно, въ умѣренной формѣ) Евсевія на соборѣ служитъ и то, что онъ, по свидѣтельству Сократа [3]), затруднялся и недоумѣвалъ, слѣдуетъ-ли принять изложенную формулу вѣры (Никейскій символъ). Приверженцемъ аріанской доктрины Евсевій остался и послѣ Никейскаго собора. Въ его сочиненіяхъ, появившихся послѣ Никейскаго собора, ясно сквозитъ аріанское ученіе. Такъ въ сочиненіи противъ Маркелла Евсевій только одному Отцу придаетъ эпитеты: ἄναρχος (безначальный), ἀΐδιος (вѣчный), не выражаясь вслѣдъ затѣмъ такимъ-же образомъ о Сынѣ [4]). Сынъ, по его воззрѣнію, есть посредникъ между Богомъ и ангелами: Онъ не ангелъ и не Богъ, Который надъ всѣми,—Богъ только одинъ [5]).

[1]) Migne t. 20 col. 1537. Дѣян. I. стр. 192.

[2]) Migne t. 20 col. 1537. Дѣян. I. стр. 192.

[3]) Сократъ. Церковн. ист. 1, 8.

[4]) Contra Marcellum. Migne t. 24. lib. I c. I. col. 720.

[5]) Ibid; col. 728. Подробнѣе объ аріанствѣ Евсевія см. Розанова „Евсевій

Указанныя двѣ черты въ воззрѣніяхъ Евсевія, т. е. его любовь къ миру и непріязнь къ спорамъ вообще, въ особенности— къ догматическимъ тринитарнымъ, съ одной стороны, и приверженность къ аріанству, съ другой – должны были наложить и дѣйствительно наложили очень замѣтный отпечатокъ на его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ, дали этимъ повѣствованіямъ иную окраску, чѣмъ какой требовали безпристрастіе и объективное отношеніе къ дѣйствительности. Никейскій соборъ, событіе въ высшей степени грандіозное и величественное, самъ по себѣ способенъ былъ привести въ восторгъ Евсевія, тѣмъ болѣе, что онъ (соборъ) имѣлъ въ виду водворить миръ и спокойствіе, чего такъ сильно желалъ Евсевій. Но имѣя въ виду прекратить споры и водворить миръ, Никейскій соборъ въ то-же время не осудилъ въ принципѣ самыхъ споровъ, нарушавшихъ миръ. Соборъ осудилъ не обѣ спорившія стороны, какъ того желалъ Евсевій, а только одну—аріанскую: ее подвергъ анаѳемѣ, а православныхъ призналъ защитниками истины. Притомъ Никейскій соборъ осудилъ не чуждое Евсевію ученіе, а близко его касающееся: осудилъ аріанство, доктринъ котораго держался самъ Евсевій. Такимъ образомъ Никейскій соборъ заразъ осуждалъ и непріязнь Евсевія къ догматическимъ тринитарнымъ спорамъ и его аріанскія воззрѣнія. Отсюда понятно, что Евсевій не могъ быть объективнымъ и искреннимъ повѣствователемъ объ этомъ соборѣ. Подробно, обстоятельно и сообразно съ истиной передать дѣло—значило для Евсевія вполнѣ осудить себя и свои взгляды, признать себя неправомыслящимъ и еретичествующимъ. Чтобы отстоять свои взгляды на споры и прикрыть свои религіозныя воззрѣнія, онъ долженъ былъ фальшивить при повѣствованіи о соборѣ; тѣ стороны изъ исторіи Никейскаго собора, которыя указывали на умѣстность споровъ защитниковъ истины съ лжеучителями, а также

Памфилъ“ стр. 21—24; Ал. П. Лебедева „Изъ исторіи вселенск. соборовъ IV и V вв.“ стр. 80—81.

на важность Никейскаго собора, на его великую заслугу для православія и церкви и на полное осужденіе аріанства во всѣхъ его видахъ, онъ долженъ былъ обходить молчаніемъ или передавать блѣдно, неопредѣленно, въ общихъ безсодержательныхъ фразахъ и даже прямо неправдиво. Напротивъ тѣ факты изъ исторіи собора, которые соотвѣтствовали его мнѣнію о безполезности догматическихъ тринитарныхъ споровъ или могли прикрывать его религіозныя воззрѣнія (хотя бы и при помощи неправильнаго толкованія), онъ долженъ былъ возвеличивать и расширять до крайности, вопреки справедливости.—Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ частному разбору повѣтствованій Евсевія о Никейскомъ соборѣ.

Сочиненіе Евсевія „Жизнь Константина“.—Сочиненіе „Жизнь Константина“ написано Евсевіемъ немного спустя послѣ смерти Константина, послѣдовавшей въ 337 году, и по всей вѣроятности въ слѣдующемъ 338 году. Эта дата достаточно обосновывается однимъ мѣстомъ изъ самого сочиненія „Жизнь Константина“. Въ 11-й гл. I-й кн. Евсевій, говоритъ: „теперь самое время позволяетъ безбоязненное (ἀκωλύτως) прославлять по-истинѣ блаженнаго царя различными родами рѣчи; потомучто дѣлать это прежде было невозможно, не велѣно ублажать человѣка до его смерти, ибо неизвѣстно, какимъ превратностямъ подвергнется жизнь его“. Изъ приведенныхъ словъ видно, что „Жизнь Константина“ была написана вскорѣ послѣ смерти Константина. Это-же подтверждается и изъ другихъ мѣстъ, гдѣ Евсевій выражается о смерти Константина, какъ о событіи очень новомъ, только что совершившемся [1]).

Предметъ этого сочиненія—царствованіе Константина преимущественно съ его религіозно-нравственной стороны. Самъ Евсевій въ такихъ словахъ опредѣляетъ предметъ и задачу своего сочиненія: „я думаю умолчать о весьма многихъ государственныхъ

[1]) „Жизнь Константина“ I. 1, 2.

распоряженіяхъ блаженнѣйшаго императора, напр. о его войнахъ и сраженіяхъ съ врагами, о его мужествѣ, побѣдахъ, трофеяхъ и торжествахъ надъ ними, о его постановленіяхъ въ пользу частныхъ лицъ, о его законодательствѣ ко благу общественной жизни подданныхъ и о другихъ безчисленныхъ его подвигахъ на поприщѣ государственнаго управленія, о которыхъ всѣ помнятъ. Сообразно съ предположенною цѣлью сего сочиненія, мы будемъ говорить и писать только то, что относится къ жизни богоудной" [1]. Поставивъ такую задачу для своего сочиненія, Евсевій, естественно, долженъ былъ отвести очень видное мѣсто и сказанію о Никейскомъ соборѣ, какъ выдающемуся событію церковной жизни временъ Константина. И дѣйствительно, повѣтствованіе о Никейскомъ соборѣ, объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ ему и послѣдовавшихъ за нимъ, занимаетъ очень большую часть сочиненія Евсевія. Именно—къ исторіи Никейскаго собора относятся: 61—73 гл. II кн., 4—23 гл. III кн. Въ 61—73 гл. II кн. и въ 4—5 гл. III кн. говорится объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ собору и вызвавшихъ его; въ 6—14 гл. III кн. содержится разсказъ о созваніи собора и самомъ соборѣ; наконецъ, 15—23 гл. III кн. посвящены обстоятельствамъ, бывшимъ послѣ собора.

Характеръ, свойство и самое содержаніе разсказа о Никейскомъ соборѣ опредѣляются здѣсь, кромѣ указанныхъ нами личныхъ воззрѣній Евсевія, общею цѣлью „Жизни Константина". Принявъ на себя задачу описать царствованіе Константина съ религіозно-нравственной стороны, Евсевій, въ силу своей любви къ миру, виновникомъ котораго былъ Константинъ, и въ силу своихъ дружескихъ отношеній къ Константину и, наконецъ, въ силу общаго требованія отъ императорскихъ біографовъ того времени, поставилъ цѣлью своего сочиненія только прославлять Константина

[1] „Жизнь Константина" I. II.

и его время, говорить только о хорошихъ сторонахъ его царствованія, „проповѣдать великую славу добродѣтелей Константина“. Онъ самъ объявляетъ, что „за правило принялъ не возобновлять въ памяти ничего худаго“ [1]), что онъ будетъ писать только „о добрыхъ дѣлахъ“ [2]). Такая цѣль сочиненія заставляла автора игнорировать, въ ущербъ исторической правдѣ, недостатки эпохи или, по крайней мѣрѣ, представлять ихъ не въ настоящемъ, а въ прикрашенномъ видѣ, и слишкомъ возвеличивать все, что только можно было хвалить. Далѣе, такъ какъ время царствовованія Константина было болѣе блестяще и болѣе могло вызвать восторговъ, особенно въ христіанинѣ, своею внѣшнею стороною, чѣмъ внутреннею, то отсюда новое свойство сочиненія Евсевія: описаніе преимущественно внѣшней стороны и почти совершенное молчаніе о внутренней [3]).

Эти общія свойства, точнѣе—недостатки сочиненія „Жизнь Константина“ вполнѣ отразились и на повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ и даже отразились въ большей степени, потомучто здѣсь имъ способствовали еще личныя симпатіи и антипатіи Евсевія.

Въ повѣствованіи Евсевія о Никейскомъ соборѣ многое существенно важное, даже необходимое для цѣльнаго и отчетливаго представленія объ этомъ событіи, но несогласное съ личными взглядами Евсевія и общею цѣлью сочиненія, опущено или передано съ окраской, несоотвѣтствующей дѣйствительности. Такъ въ

1) „Жизнь Константина“. Ш. 59.

2) Ibid. I. 11. Migne t. 20. lib. 1. c. 10.

3) Это свойство вытекало, впрочемъ, и изъ общаго характера исторического таланта Евсевія. Евсевій вообще былъ болѣе хорошій разсказчикъ, чѣмъ мыслитель Поэтому онъ вездѣ больше вниманія обращаетъ на внѣшнее, чѣмъ на внутреннее. И ему лучше удаются описанія внѣшнихъ сторонъ жизни, чѣмъ внутреннихъ. Такъ напр. описаніе мученическаго героизма христіанъ первыхъ вѣковъ—лучшая часть Евсевіевой исторіи. Напротивъ изложеніе еретическихъ ученій и развитія самого христіанскаго богословія въ соприкосновеніи съ ними—въ исторіи Евсевія самая слабая часть. (Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ. Иванцова. стр. 263).

силу своего сочувствія къ аріанству и въ силу идеализаціи времени Константина Евсевій старается по возможности умолчать объ аріанствѣ и скрыть его отъ читателя. Онъ не излагаетъ сущности аріанскаго воззрѣнія, не указываетъ серьезности аріанскихъ споровъ и даже прямо говоритъ противъ этой серьезности, называя ихъ личнымъ разногласіемъ, личнымъ раздоромъ епископовъ, не касающимся церкви. „Зависть, говоритъ Евсевій, поссорила епископовъ и, подъ предлогомъ защиты догматовъ, возбудила между ними несогласія и раздоры“ [1]). Разсказывая объ аріанскихъ спорахъ въ Александріи, послужившихъ поводомъ къ созванію Никейскаго собора, онъ не приводитъ и даже не упоминаетъ о такихъ документахъ, которые могли дать ясное представленіе о самомъ аріанствѣ и о характерѣ аріанскихъ споровъ, каковы посланія Александра Александрійскаго къ каѳолической церкви и Александру Византійскому. Вмѣсто этихъ документовъ онъ приводитъ письмо императора Константина къ Александру Александрійскому и Арію, которое не только не разъясняетъ сущности аріанскихъ споровъ, но даже затѣмняетъ ее, представляя эти споры простымъ недоумѣніемъ, разногласіемъ въ словахъ, а не въ существѣ дѣла. При описаніи же самого собора онъ не только не говоритъ о дѣйствіи Арія и аріанъ, объ осужденіи ихъ, отлученіи и дальнѣйшей судьбѣ, но не упоминаетъ даже имени Арія, какъ будто Никейскій соборъ вовсе не имѣлъ въ виду и не разсуждалъ объ Аріи и аріанствѣ. Вотъ почему Сократъ въ своей исторіи и замѣчаетъ, что Евсевій, „описывая жизнь Константина, упомянулъ и объ Аріи, но только отчасти, ибо, какъ въ похвальномъ словѣ, болѣе заботился о похвалахъ царю и о торжественной рѣчи, чѣмъ о точномъ раскрытіи событій [2]). Описывая прибывшихъ на соборъ епископовъ, Евсевій очень обще говоритъ объ ихъ характерѣ и достоинствахъ, обще указываетъ на ихъ

[1]) „Жизнь Константина“. II. 61.

[2]) Сократъ. Церк. ист. I. 1.

мудрость и добродѣтели, подвижничество, кротость и возрастъ [1]), и не указываетъ существенно-необходимаго для характеристики епископовъ, какъ членовъ собора: не отмѣчаетъ религіозныхъ возрѣній собравшихся въ Никеѣ епископовъ, не обозначаетъ, какія были партіи, какъ онѣ велики и въ чемъ состояли ихъ отличительныя особенности вообще, въ направленіи ихъ богословія и въ рѣшеніи вопроса о Божествѣ Сына Божія—въ частности. Не указываетъ Евсевій и болѣе выдающихся членовъ собора или точнѣе—не называетъ ни одного изъ членовъ по имени [2]). А это все, конечно, очень существенно для характеристики епископовъ, собравшихся для рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса. Несомнѣнно, и самъ Евсевій сознавалъ, что его характеристика епископовъ неполна и неточна. Но сказать о партіяхъ—значило нарушить идеализацію времени Константина, а указать видныхъ дѣятелей собора—значило восхвалить своихъ враговъ.

Самыя засѣданія собора Евсевій обходитъ почти полнымъ молчаніемъ. Онъ не изглагаетъ, какъ и въ какомъ порядкѣ шли разужденія и совѣщанія отцовъ, какъ епископы отвергли аріанство (даже не говоритъ о томъ, отвергли-ли аріанство) и утвердили православное ученіе, какіе представлялись доводы и основанія въ пользу того или другаго мнѣнія, какія были возраженія, кто выступалъ на соборѣ и въ какомъ порядкѣ. Все это пропущено въ повѣствованіи Евсевія. Тамъ же, гдѣ Евсевію приходилось касаться внутренней исторіи собора, говорить о самыхъ засѣданіяхъ, онъ передаетъ дѣло неопредѣленно, упоминаетъ о тѣхъ или другихъ фактахъ какъ-бы мимоходомъ, вмѣсто раздѣльнаго и отчетливаго изложенія дѣла прибѣгаетъ къ общей безсодержательной фразѣ, такъ что изъ его описанія не получается никакого яснаго представленія о дѣйствительности. Такъ описывая самыя разсуж-

[1]) „Жизнь Константина“. III. 9.

[2]) За такое молчаніе о Никейскихъ отцахъ упрекалъ Евсевія еще Сократъ (Церк. истор. I. 10).

денія собора, онъ говоритъ, что, по приходѣ царя на соборъ, епископы начали обвинять другъ друга и между ними поднялся великій споръ [1]). Что это были за обвиненія и возраженія? Въ чемъ состоялъ споръ? Евсевій не объясняетъ. По его описанію, какъ будто выходитъ, что всѣ спорили, всѣ говорили, а потомъ, благодаря вліянію императора, замолки и пришли къ соглашенію между собой. Относительно самыхъ постановленій собора Евсевій также выражается очень неопредѣленно. „Для согласнаго исповѣданія вѣры, пишетъ Евсевій, спасительное празднованіе Пасхи надлежало совершать всѣмъ въ одно и то-же время. Поэтому сдѣлано было общее постановленіе и утверждено подпискою каждаго изъ присутствовавшахъ“ [2]), — вотъ все, что говоритъ Евсевій о постановленіяхъ собора. Изъ этихъ словъ видно только то, что разногласіе о вѣрѣ и Пасхѣ было прекращено постановленіями собора; но въ чемъ состояли эти постановленія? Сколько ихъ было? Этого не видно. Евсевій здѣсь измѣняетъ даже своей любимой привычкѣ — приводить въ подлинникѣ документы или, по крайней мѣрѣ, дѣлать изъ нихъ значительныя выдержки: онъ не приводитъ изъ постановленій собора ни одной строки. Понятно, почему такъ поступаетъ Евсевій. Подробно передать внутреннюю исторію собора — значило сказать о несогласіяхъ и раздѣленіяхъ между епископами и объ осужденіи аріанства; а это непріятно было Евсевію и какъ панегиристу, желавшему представить эпоху Константина безъ всякихъ пятенъ, и какъ сторонику аріанской доктрины.

Страдая пробѣлами и неопредѣленностью, сказаніе Евсевія о Никейскомъ соборѣ по мѣстамъ возбуждаетъ сомнѣніе въ своей достовѣрности или даже прямо является неправдивымъ. Такъ, по сказанію Евсевія, инициатива созванія собора принадлежала исключительно Константину: онъ самъ будто-бы пришелъ къ мысли

1) Евсевій „Жизнь Константина“ Ш. 13.

2) Ibid. Ш. 14.

о необходимости созвать соборъ, не слѣдуя въ этомъ чьему-либо постороннему совѣту. „Константинъ, услышавъ о разногласіяхъ въ Египтѣ, пишетъ Евсевій, и понявъ, что посланное имъ въ Александрію письмо осталось безъ исполненія, тотчасъ размыслилъ самъ съ собою (αὐτὸς ἑαυτοῦ τὴν διάνοιαν ἀνακινήσας) и рѣшилъ, что по этому случаю должно идти новою войною противъ тайнаго врага, возмущавшаго церковь [1]). Потомъ, какъ-бы уготовляя противъ него полкъ Божій, царь созвалъ вселенскій соборъ [2]). Это извѣстіе очень сомнительно. Константинъ, какъ видно изъ его письма къ Александру и Арію, признавалъ происшедшее въ Александріи разногласіе очень маловажнымъ, считалъ его только разногласіемъ въ словахъ, а не въ существѣ дѣла, происшедшимъ отъ одного многословія, отъ неосторожныхъ вопросовъ и необдуманныхъ отвѣтовъ, называлъ его „мелочнымъ и суетнымъ словопреніемъ“ [3]). При такомъ взглядѣ на аріанскіе споры въ Александріи, Константинъ едва-ли самъ пришелъ къ мысли созвать вселенскій соборъ: слишкомъ странно созывать всѣхъ епископовъ для того только, чтобы прекратить „маловажное и незначительное разногласіе“. Притомъ вселенскій соборъ требовалъ и значительныхъ затратъ со стороны государства, потомучто епископы, по свидѣтельству Евсевія, ѣхали на счетъ казны или получали большое количество вьючныхъ животныхъ [4]), въ Никеѣ имъ щедро выдавалось казенное содержаніе [5]), а по окончаніи собора императоръ каждаго епископа почтилъ дарами [6]). Все это говоритъ за то, что иниціатива созванія собора не могла принадлежать самому Константину: онъ созывалъ епископовъ отъ своего

1) „Жизнь Константина“. III. 5. Migne. t. 20.
2) Ibid. III. 6.
3) Ibid. II. 70—71.
4) Ibid. III. 6.
5) Ibid. III. 9.
6) Ibid. III. 16.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

имени, но по совѣту приближенныхъ епископовъ (вѣроятно, Осіи Кордубскаго, лично ознакомившагося съ сущностью дѣлъ въ Александріи), выяснившихъ императору серьезность разногласій между Александромъ и Аріемъ и необходимость для устраненія этихъ разногласій рѣшенія всѣхъ епископовъ, или вселенскаго собора. Очевидно, панегиристъ здѣсь взялъ верхъ надъ безпристрастнымъ историкомъ. Далѣе, по Евсевію, всѣ епископы, собравшіеся на Никейскій соборъ, были въ самомъ миролюбивомъ настроеніи, всѣ они составляли единое, неразрывное цѣлое, „составляли какъ-бы одинъ, сплетенный изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, великій вѣнокъ іереевъ [1]); всѣ отличались великими достоинствами [2]) и не было между ними лицъ не совсѣмъ безупречныхъ. Однако ни то, ни другое не вѣрно. Если-бы члены собора были вполнѣ единодушны между собою, то не зачѣмъ было-бы составлять и соборъ: соборъ созванъ былъ для прекращенія споровъ и раздѣленій. Равнымъ образомъ и настроеніе епископовъ едва-ли было вполнѣ миролюбивое: изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что епископы при началѣ собора подавали императору жалобы другъ на друга. Да и самъ Евсевій подрываетъ свое свидѣтельство о миролюбіи епископовъ, когда говоритъ, что, по приходѣ Константина на соборъ, „одни (изъ епископовъ) начали обвинять своихъ ближнихъ, другіе защищались и порицали другъ друга“ [3]). Взаимныя обвиненія и порицанія не вполнѣ согласны съ миролюбіемъ и безупречностью. Наконецъ, по сказанію Евсевія, на Никейскомъ, соборѣ произошло полное соглашеніе епископовъ касательно спорныхъ пунктовъ и всѣ приняли общее постановленіе. „Императоръ, пишетъ Евсевій, однихъ убѣждая, другихъ усовѣщивая словомъ, иныхъ, говорившихъ хорошо, хваля, и каждаго склоняя къ единомыслію, наконецъ, согласилъ понятія и мнѣнія всѣхъ касательно спорныхъ

[1]) „Жизнь Константина“ III. 6.
[2]) Ibid. III. 9.
[3]) Ibid. III. 13.

предметовъ [1]). Сдѣлано было общее постановленіе и утверждено подпискою каждаго изъ присутствовавшихъ" [2]). Что приведенное показаніе Евсевія о водвореніи мира между всѣми присутствовавшими на соборѣ не вѣрно, это едва-ли нужно доказывать. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что не всѣ даже и подписались къ опредѣленіямъ собора, а въ душѣ не согласились съ этими опредѣленіями и довольно многіе. Опять Евсевій, какъ панегиристъ времени Константина, жертвуетъ исторической правдой.

Мы указали недостатки Евсевіева сказанія о Никейскомъ соборѣ. Но это сказаніе имѣетъ и достоинства: внѣшняя исторія собора въ этомъ сказаніи изображена очень подробно и обстоятельно. Евсевій говоритъ здѣсь и говоритъ краснорѣчиво обо всемъ, о чемъ только находилъ удобнымъ сказать; онъ не позабываетъ сказать даже объ одеждѣ, походкѣ, взорѣ и креслѣ императора. Вообще описаніе внѣшней стороны собора у Евсевія превосходитъ описанія другихъ повѣствователей о соборѣ и своею подробностью и краснорѣчіемъ. Вотъ почему всѣ позднѣйшіе повѣтствователи о Никейскомъ соборѣ пользовались Евсевіевымъ изображеніемъ внѣшней исторіи собора и приводили въ своихъ сочиненіяхъ очень значительныя выдержки изъ его разсказа.

Послѣ сказаннаго о достоинствахъ и недостаткахъ Евсевіева повѣствованія о Никейскомъ соборѣ легко опредѣлить и то, какое значеніе имѣетъ это повѣствованіе въ качествѣ источника исторіи Никейскаго собора, какія и для какой части исторіи мы можемъ заимствовать свѣдѣнія изъ него.

Для исторіи самыхъ засѣданій собора „Жизнь Константина" не имѣетъ почти никакого значенія. Для этой части Евсевій даетъ намъ по большей части одни только намеки, которые сами по себѣ не ведутъ къ опредѣленному представленію. Вотъ они:

1. На засѣданіе собора, бывшее въ присутствіи императо-

[1]) „Жизнь Константина" III. 13.

[2]) Ibid. III. 14.

ра, епископы явились уже съ готовыми, опредѣленными мнѣніями. „Въ день, назначенный для разрѣшенія недоумѣнія спорящихъ, каждый явился на соборъ съ своимъ мнѣніемъ“ [1]).

2. На соборѣ не сразу и не вдругъ установлены были опредѣленія: установленію предшествовалъ „великій споръ“ (πολλὴ ἀμφιλογία) между епископами [2]) и обстоятельное изслѣдованіе спорныхъ пунктовъ (ἅπαντα τῆς προσηκούσης τετύχηκεν ἐξετάσεως [3]).

3. Дѣятельное участіе въ соглашеніи и умиротвореніи епископовъ принималъ самъ императоръ [4]). Показаніе Евсевія объ умиротворяющей дѣятельности Константина не возбуждаетъ сомнѣнія въ своей достовѣрности, потомучто Константинъ, какъ видно изъ его письма къ Александру и Арію и изъ рѣчи, сказанной на соборѣ, сильно желалъ водворить миръ между епископами.

Не имѣя большаго значенія для исторіи внутренней дѣятельности Никейскаго собора, Жизнь Константина, не смотря на тенденціозность и нѣкоторые недостатки, въ высшей степени важный источникъ для внѣшней исторіи собора. Отсюда мы получаемъ очень подробныя и интересныя свѣдѣнія, которыя не повторяются въ другихъ повѣтствованіяхъ о соборѣ и являются единственными. Для внѣшней исторіи собора мы получаемъ слѣдующія данныя:

1. Въ „Жизни Константина“ указываются обстоятельства, предшествовавшія собору и послужившія поводомъ къ его созванію: споры аріанскіе [5]), расколъ Мелетія [6]) и разногласіе касательно времени празднованія Пасхи [7]).

[1]) „Жизнь Константина“ Ш. 10.

[2]) Ibid. Ш. 13.

[3]) Ibid. Ш. 17.

[4]) Ibid. Ш. 13.

[5]) Ibid. П. 61—73; Ш. 4.

[6]) Ibid. Ш. 6.

[7]) Ibid. Ш. 7—8.

2. Изображается созваніе Никейскаго собора [1]), указываются страны, изъ которыхъ съѣхались епископы на соборъ [2]), опредѣляется число епископовъ (болѣе 250 и множество пресвитеровъ, діаконовъ, чтецовъ и др. лицъ) [3]) и дается характеристика ихъ [4]). Характеристика епископовъ, представленная Евсевіемъ, хотя не полна и не точна, однако важна тѣмъ, что картинно изображаетъ разнообразіе членовъ собора. По разнообразію своихъ членовъ соборъ походилъ, говоритъ Евсевій, на собраніе разныхъ народовъ въ день Пятидесятницы около дома апостоловъ [5]): тутъ присутствовали ученые и неученые, старцы и юноши, епископы, уже приближавшіеся къ могилѣ, и лица, еще недавно вступившія на поприще служенія [6]). Конечно, различіе въ лѣтахъ между членами собраній, особенно многочисленныхъ, дѣло обычное. Но на Никейскомъ соборѣ разница между стариками и юношами была значительнѣе обыкновеннаго, потомучто эта эпоха была переходнымъ временемъ въ исторіи церкви. Новое поколѣніе было воспитано въ мирѣ и спокойствіи. Не таковы были старшіе члены собранія, составлявшіе большинство: они пережили послѣднія, самыя тяжелыя гоненія и были мучениками и исповѣдниками.

3. Описывается торжественное засѣданіе епископовъ въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи императора и его приближенныхъ [7]). Предъ началомъ разсужденій епископъ, занимавшій первое мѣсто съ правой стороны, произнесъ привѣтственную рѣчь императору [8]). Содержаніе этой рѣчи Евсевій не передаетъ, а также не называетъ по имени и епископа, произносившаго рѣчь. Причина та-

[1]) „Жизнь Константина“ Ш. 6.

[2]) Ibid. Ш. 7—8.

[3]) Ibid. Ш. 8.

[4]) Ibid. Ш. 9.

[5]) Ibid. Ш. 7.

[6]) Ibid. Ш. 8—9.

[7]) Ibid. Ш. 10.

[8]) Ibid. Ш. 11.

кого молчанія, вѣроятно, заключается въ томъ, что рѣчь произносилъ самъ Евсевій. Въ пользу этого послѣдняго мнѣнія (о произнесеніи рѣчи Евсевіемъ) можно привести нѣкоторыя соображенія. Въ началѣ своего сочиненія „Жизнь Константина“ Евсевій говоритъ, что въ двадцатилѣтіе императора онъ произносилъ рѣчь среди собора служителей Божіихъ [1]). Но такъ какъ Евсевій упоминаетъ только объ одной рѣчи, произнесенной въ двадцатилѣтіе Константина,—о рѣчи на Никейскомъ соборѣ, то можно заключить что показанія I-й кн. 1 гл. и III-й кн. 11 гл. относятся къ одному и тому же факту. Наше заключеніе поддерживаетъ и Созоменъ: онъ Евсевію приписываетъ честь произнесенія привѣтственной рѣчи императору [2]). На привѣтственную рѣчь епископа императоръ отвѣтилъ рѣчью собору: эта рѣчь приведена Евсевіемъ въ подлинникѣ [3]). На соборѣ были сдѣланы общія постановленія касательно вѣры [4]) и празднованія Пасхи [5]), которыя скрѣп-

[1]) Ἡμεῖς αὐτοὶ τὸν καλλίνικον μέσον ἀπολαβόντες Θεοῦ λειτουργῶν συνόδου εἰκοσαετηρικοῖς ὕμνοις ἐγεραίρομεν“. lib. 1. c. 1. Migne t. 20.

[2]) Созом. Церк. ист. 1. 19.—Высказанное нами мнѣніе оспаривается другими древними писателями: такъ Θеодоритъ утверждаетъ, что привѣтственную рѣчь императору на соборѣ произносилъ Евстаθій Антіохійскій (Migne t. 82. Hist. eccles. 1. 6; по русск. изд. гл. 7); а Θеодоръ Мопсуетскій приписываетъ эту честь Александру Александрійскому. Нѣкоторые ученые (Мёлеръ „Athanase le grande et l' église de son temps. (traduit de l' allemand). 1840. Paris. t. II. p. 15. и еп. Іоаннъ „Исторія первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ“) также считаютъ болѣе вѣроятнымъ, что рѣчь произносилъ Евстаθій. Но такъ какъ они не представляютъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего предположенія, то мы и не будемъ разбирать ихъ мнѣніе.

[3]) „Жизнь Константина“ III. 12.—Важно здѣсь одно замѣчаніе Евсевія по очень интересующему латинянъ вопросу о предсѣдательствѣ на Никейскомъ соборѣ. Приведя рѣчь Константина, Евсевій замѣчаетъ: „сказавъ это на римскомъ языкѣ, императоръ посредствомъ толмача передалъ свою рѣчь предсѣдательствовавшимъ на соборѣ (τοῖς τῆς συνόδου προέδροις. III. 13). Если-бы на Никейскомъ соборѣ предсѣдательствовали папскіе легаты, какъ утверждаютъ латиняне, то императору не зачѣмъ было-бы прибѣгать къ посредству толмача: римскій языкъ былъ ихъ роднымъ языкомъ. Очевидно, предсѣдательствующіе были не латиняне, а греки, которые плохо понимали латинскій языкъ и нуждались въ переводчикѣ.

[4]) Ibid. III. 13.

[5]) Ibid. III. 14.

лены были подписями присутствовавшихъ епископовъ [1]) и печатью императора [2]).

4. Указывается время окончанія засѣданій собора. Окончаніе засѣданій собора, по Евсевію, совпало съ двадцатилѣтіемъ царствованія Константина [3]). Константинъ вступилъ на престолъ, по смерти отца своего Констанція, въ 306 году, и двадцатилѣтіе его царствованія падало на 325 годъ, консульство Павлина и Юліана, на 8-е авгутовскихъ календъ, т. е. на 25-е іюля; слѣдовательно, засѣданія собора окончились въ 325 г. 25 іюля (или около этого времени).

5. Описываются обстоятельства послѣ собора. Послѣ собора императоръ устроилъ для епископовъ пиршество [4]), а при отправленіи давалъ имъ дары [5]) и совѣты—быть въ мирѣ между собою [6]). Въ тѣ-же церкви, епископы которыхъ не присутствовали на соборѣ, онъ послалъ собственноручныя грамоты о постановленіяхъ собора [7]). При этомъ Евсевій приводитъ въ подлинникѣ посланіе Константина [8]). Посланіе это свидѣтельствуетъ: а) о присутствіи императора на соборѣ и объ участіи его въ соборныхъ разсужденіяхъ. „Я, какъ одинъ изъ всѣхъ васъ, пишетъ Константинъ епископамъ, присутствуя на соборѣ, до тѣхъ поръ подвергалъ все надлежащему изслѣдованію, пока угодная блюстителю всѣхъ Богу мысль не была озарена свѣтомъ, такъ что не оставалось болѣе мѣста разномыслію и спору о вѣрѣ“ [9]); b) говоритъ о тщательности соборныхъ разсужденій, что видно

1) „Жизнь Константина“ III. 14.
2) Ibid. III. 23.
3) Ibid. III. 15.
4) Ibid. III. 15.
5) Ibid. III. 16.
6) Ibid. III. 21.
7) Ibid. III. 16.
8) Ibid. III. 17—20.
9) Ibid. III. 17.

изъ приведенныхъ словъ; с) показываетъ, что постановленіе о праздновании Пасхи (согласно съ обычаемъ Римской и Александрійской церквей) издано скорѣе въ качествѣ совѣта, чѣмъ положительнаго закона, „Общимъ мнѣніемъ *признано было за благо*, пишетъ императоръ, всѣмъ и вездѣ праздновать Пасху въ одинъ и тотъ же день“ [1]). „Не годится, пишетъ императоръ далѣе, быть различію въ отношеніи къ столь священному предмету (т. е. празднованію Пасхи); *гораздо лучше* слѣдовать положенному мнѣнію [2]). Такъ не говорятъ о положительномъ законѣ. Вотъ данныя для исторіи Никейскаго собора, получаемыя изъ „Жизни Константина“. Теперь перейдемъ къ разбору другаго сочиненія Евсевія, относящагося къ Никейскому собору, его посланію къ кесарійцамъ.

Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ [3]). Это посланіе было написано вскорѣ послѣ Никейскаго собора, еще до возвращенія Евсевія въ свою епархію; слѣдовательно, никакъ не позже 326 года. Поводомъ къ написанію посланія было опасеніе Евсевія, чтобы кесарійцы не перетолковали въ худомъ смыслѣ его поведенія на соборѣ. Евсевій, подписываясь къ Никейскому символу и къ акту отлученія Арія, котораго прежде принималъ подъ свое покровительство, тѣмъ самымъ, казалось, измѣнялъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ. Такая перемѣна убѣжденій могла подорвать репутацію Евсевія, подорвать уваженіе и почетъ, какимъ онъ пользовался отъ своихъ пасомыхъ. Чтобы оправдать себя въ своемъ поступкѣ, онъ и пишетъ посланіе къ своей паствѣ. Этотъ поводъ ясно обозначенъ въ самомъ посланіи. „Думаю, возлюбленные,

1) „Жизнь Константина“ III. 18.

2) Ibid. III. 19.

3) Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ сохранилось въ приложеніи къ посланію Аѳанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (Migne t. 20.), въ церковной исторіи Сократа (I. 8), Ѳеодорита (I. 11 по русск. изд. гл. 12) и у Геласія Кизическаго (Hist. conc. Nic. II. 34). Древнѣйшею и болѣе вѣрною редакціею признается, какъ мы замѣчали выше, первая изъ указанныхъ нами.

пишетъ Евсевій въ началѣ посланія, что до васъ какимъ-нибудь образомъ дошли уже свѣдѣнія о дѣлахъ великаго Никейскаго собора, разсуждавшаго о вѣрѣ церковной. Молва, обыкновенно, предупреждаетъ подлинныя извѣстія о событіяхъ. Но чтобы она не исказила истины, мы признали необходимымъ послать вамъ какъ то изложеніе вѣры, которое было нами предложено собору, такъ и то, въ которомъ обнародованы были нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя къ нашимъ выраженіямъ“ [1]). И въ концѣ посланія онъ пишетъ: „Къ этому посланію, возлюбленные, вынудила насъ необходимость: наше желаніе было показать вамъ осмотрительность нашего изслѣдованія и соглашенія и то, что съ самаго начала до настоящей минуты мы отстаивали свое мнѣніе, когда въ письменныхъ изложеніяхъ, поданныхъ другими, мы встрѣчали разногласіе съ нашимъ мнѣніемъ. Когда же, по здравомъ изслѣдованіи смысла словъ, оказалось, что эти слова сходны съ тѣми, которыя употреблены въ нашемъ исповѣданіи вѣры, тогда мы приняли ихъ безъ спора, какъ не представляющія никакихъ затрудненій“ [2]).

По характеру своего содержанія посланіе раздѣляется на двѣ части—историческую и изъяснительную. Въ первой части излагается внутренняя исторія собора съ того момента, какъ Евсевій предложилъ собору свое вѣроизложеніе и до того, когда окончательно утвержденъ былъ Никейскій символъ. Въ изъяснительной части Евсевій объясняетъ смыслъ нѣкоторыхъ терминовъ, внесенныхъ отцами въ символъ, какъ-то: изъ сущности (ἐκ τῆς οὐσίας), рожденнаго и несотвореннаго (γεννηθέντα καὶ οὐ ποιηθέντα), единосущнаго Отцу (ὁμοούσιον τῷ Πατρί), а также свое согласіе на эти термины и на анаѳематствованіе Арія.

Указанные нами поводъ къ написанію посланія и цѣль посланія уже заранѣе предрасполагаютъ насъ видѣть въ посланіи

[1]) Epistola ad Caesarienses. Migne, t. 20. col. 1537. Дѣяніе т. I. стр. 191.
[2]) Ibid. col. 1544; стр. 197.

Евсевія неискренность и фальшь. Въ посланіи Евсевій хотѣлъ показать, что онъ, принимая Никейское вѣроизложеніе, не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, что Никейскій символъ въ дѣйствительности нисколько не отличается отъ символа, имъ предложеннаго. Но Никейскій символъ по существу своему былъ вовсе не похожъ на шаткое, двусмысленное вѣроизложеніе Евсевія, и при искреннемъ отношеніи къ дѣлу пришлось-бы доказать не то, что соборъ не утвердилъ ничего новаго сравнительно съ доктриной Евсевія, а то, что онъ отмѣнилъ эту доктрину, какъ недостаточную, неполную и неточную. Слѣдовательно, Евсевію, чтобы достигнуть своей цѣли, т. е. доказать, что символъ Никейскій вполнѣ согласенъ съ его символомъ, нужно было подтасовывать факты, давать имъ неправильное освѣщеніе и перетолковывать ихъ въ пользу своей цѣли. Евсевій такъ и поступаетъ. Его посланіе дышетъ неискренностью, всюду видна тенденціозность. Эта тенденціозность проявляется уже въ самой постановкѣ повѣствованія о дѣятельности собора. Евсевій въ посланіи къ паствѣ передаетъ исторію собора только съ того момента, какъ онъ самъ выступилъ на соборъ съ своимъ вѣроизложеніемъ. Такая постановка повѣствованія является уже неискренностью со стороны Евсевія, потомучто она даетъ поводъ неправильно представлять дѣло. Передавая исторію собора только съ момента выступленія съ своимъ вѣроизложеніемъ, Евсевій тѣмъ самымъ располагалъ читателей къ мысли, что его символъ составляетъ сущность символа Никейскаго и не отличается отъ послѣдняго. Точно также, указывая только тотъ фактъ, что слово „ὁμοούσιος“ предложено для внесенія въ символъ императоромъ и имъ же было объяснено, Евсевій тѣмъ самымъ показывалъ, что этотъ терминъ не имѣетъ въ себѣ самомъ доказательствъ своей истины: внесеніе этого термина обусловливалось не важностью и значеніемъ его самого, а внѣшнею силою—властію императора, лица вовсе неавторитетнаго въ дѣлахъ вѣры. Между тѣмъ разсказъ о предыдущихъ моментахъ соборной дѣятельности выяснилъ бы, что символъ Никейскій и символъ Евсевія да-

леко не одно и тоже, что хотя послѣднiй и легъ въ основу Никейскаго, однако самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ обо всѣхъ терминахъ, которыми выражено въ немъ догматическое ученіе о Сынѣ Божіемъ, епископы уже разсуждали и отвергли ихъ, какъ неточные и недостаточные, и что символъ Евсевія въ дѣйствительности не болѣе, какъ одна форма, въ которую епископы вложили новое содержаніе. Равнымъ образомъ повѣствованіе о предыдущихъ моментахъ соборной дѣятельности показало бы, что слово „ὁμοούσιος“ было не произволомъ императора, а прямымъ логическимъ выводомъ изъ разсужденій отцовъ, что отцы, разбирая и тщательно изслѣдуя библейскія выраженія объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, указали всѣ свойства Сына Божія, заключающіяся въ понятіи „единосущный“, и что, суммируя всѣ разнообразныя библейскія выраженія, отцы необходимо должны были признать Сына „единосущнымъ“ Отцу; „единосущіе“ было необходимымъ заключеніемъ соборнаго разсужденія, а императоръ только согласился съ этимъ заключеніемъ и утвердилъ его. Евсевій для своей цѣли намѣренно опускаетъ всѣ эти предыдущія обстоятельства, разъясняющія собою послѣдующія.

Еще болѣе тенденціозность Евсевія проявляется въ изъяснительной части его повѣствованія. Во всѣ термины, внесенные отцами въ Никейскій символъ, Евсевій старается вложить свой смыслъ и лишить ихъ истиннаго значенія. Такъ объясняя терминъ „изъ сущности Отца“, онъ указываетъ не положительный смыслъ его, который (смыслъ) собственно и былъ важенъ для Никейскихъ отцовъ, а отрицательный: „изъ сущности Отца, по Евсевію, означаетъ тоже, что отъ Отца, только отнюдь Сынъ не есть часть Отца“ [1]). Очевидно, такимъ изъясненіемъ Евсевій хотѣлъ только замаскировать свое несочувствіе къ истинному смыслу термина и отклонить другихъ отъ этого смысла. Если-бы онъ ис-

[1]) Τὸ ἐκ τῆς οὐσίας ὡμολογεῖτο δηλωτικὸν εἶναι τοῦ ἐκ μὲν τοῦ Πατρὸς εἶναι οὐ μὴν ὡς μέρος ὑπάρχειν τοῦ Πατρός. Migne t. 20. col. 1541. Дѣян. т. 1 стр. 195.

кренно желалъ выяснить смыслъ термина, то онъ постарался-бы указать прежде всего смыслъ положительный, а потомъ уже говорить и объ отрицательномъ. Да притомъ, при надлежащемъ раскрытіи положительнаго смысла, даже было-бы и излишне изъясненіе отрицательнаго: и безъ того ясно было-бы, что епископы, признавая Сына такимъ же Богомъ, какъ и Отецъ, далеки отъ савелліанства или эманатизма. Объясняя выраженіе „рожденнаго, несотвореннаго", Евсевій опять указываетъ только отрицательный смыслъ, не имѣвшій значенія для православнаго символа, назначеннаго къ опроверженію аріанства, и оставляетъ въ тѣни смыслъ положительный, раскрывающій православное ученіе и отвергающій аріанское. Выраженіемъ „рожденнаго, несотвореннаго", по Евсевію, обозначается, что Сынъ не есть твореніе подобное тѣмъ, которыя Онъ Самъ создалъ, но есть существо превосходнѣйшее всякой твари" [1]). Не говоря уже о томъ, что терминъ „рожденнаго, несотвореннаго" говоритъ не о достоинствѣ (въ какомъ смыслѣ изъясняетъ терминъ Евсевій), а объ образѣ происхожденія Сына отъ Отца, нужно замѣтить, что Евсевіево объясненіе нисколько и не устраняло аріанства; оно согласно было даже съ крайнимъ аріанствомъ. Слово „единосущный—ὁμοούσιος" объясняется Евсевіемъ довольно правильно (хотя и неполно) не только съ отрицательной, но и съ положительной стороны, вѣроятно, по невозможности перетолковать его. „Выраженіе „единосущный", говоритъ Евсевій, значитъ не другое что, какъ то, что Сынъ Божій не имѣетъ никакого сходства съ тварями, но во всемъ сходствуетъ только съ Отцомъ, родившимъ Его, и существуетъ не отъ другой какой-либо природы и сущности, но отъ Отца". Зато Евсевій прямо даетъ знать, что въ принятіи этого выраженія большую роль играло желаніе мира, а не смыслъ термина. „Не отвергли и слово „единосущный", говоритъ Евсевій, имѣя въ виду сохранить миръ, котораго всей душей желаемъ [2]). Точно такую же изворотливость

[1]) Migne t. 20. col. 1541. Дѣян. I. 195.

[2]) Ibid. col. 1541; стр. 195.

показываетъ Евсевій, когда объясняетъ свое согласіе съ анаѳематствованіемъ Арія и аріанства. Смыслъ анаѳематствованія тотъ, что проклинались всѣ непризнающіе Сына единосущнымъ и совѣчнымъ Отцу. Евсевій не говоритъ ни слова объ этомъ прямомъ, положительномъ смыслѣ; онъ указываетъ только частное и, такъ сказать, внѣшнее примѣненіе анаѳематствованія. Анаѳематствованіе, по нему, направляется на термины, которыми аріане выражали свое ученіе о Сынѣ Божіемъ, потомучто этихъ терминовъ нѣтъ въ св. Писаніи, а не потому, что они заключаютъ въ себѣ еретическій смыслъ. „Такъ какъ ни въ одной богодухновенной книгѣ, пишетъ Евсевій, нѣтъ словъ: Сынъ произошелъ изъ несущаго или было время, когда Его не было, и другихъ тому подобныхъ, то и не прилично произносить ихъ и употреблять при обученіи (οὐκ εὔλογον ἐφάνη ταῦτα λέγειν καὶ διδάσκειν). Съ этимъ прекраснымъ мнѣніемъ мы согласились и потому еще, что и прежде не имѣли обыкновенія употреблять подобныхъ словъ“ [1]). При такомъ изъясненіи анаѳематствованіе теряетъ все свое значеніе и силу: а) оно осуждаетъ аріанство не въ его существѣ, а только во внѣшней его формѣ, осуждаетъ за употребленіе не-библейскихъ терминовъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ; b) оно вовсе не касается полуаріанъ, выражавшихъ свои воззрѣнія терминами, взятыми исключительно изъ св. Писанія; с) оно запрещаетъ или находитъ неприличнымъ употребленіе аріанскихъ не-библейскихъ терминовъ только при обученіи народа, но не въ богословскихъ разсужденіяхъ. Но особенно прозрачно извращаетъ Евсевій смыслъ анаѳематствованія, направленнаго противъ аріанскаго выраженія: „(Сынъ) не существовалъ до рожденія“—„πρὸ τοῦ γεννηθῆναι οὐκ ἦν“. Арій училъ, что Сынъ не существовалъ до рожденія отъ Отца; православные епископы и анаѳематствуютъ это ученіе Арія. Между тѣмъ Евсевій даетъ этому анаѳематствованію совершенно иной смыслъ; слово „γεννηθῆναι“ онъ относитъ не къ

[1]) Migne t. 20. col. 1544; Дѣянія т. I стр. 197.

предвѣчному рожденію Сына отъ Отца, а къ человѣческому рожденію, къ рожденію по плоти отъ Дѣвы Маріи; слѣдовательно, здѣсь уже анаѳематствуется не аріанское ученіе, отвергающее существованіе Сына до рожденія отъ Отца, а евіонитское, по которому Сынъ не существовалъ до рожденія отъ Дѣвы Маріи. „Не считаемъ безразсуднымъ, говоритъ Евсевій, произнести анаѳему и на эти слова: не существовалъ до рожденія, когда всѣми признается, что Сынъ Божій существовалъ до рожденія по плоти“ [1]). Ясно, что всѣ объясненія давались Евсевіемъ съ цѣлью умалить значеніе Никейскаго собора и его символа и подвести православное ученіе какъ можно ближе къ аріанскому. Это была сдѣлка Евсевія съ своею совѣстью, а не искреннее, правдивое изъясненіе смысла и значенія символа Никейскаго и тѣхъ терминовъ, какіе внесены были въ него православными не только для опроверженія аріанства, но и для раскрытія положительнаго церковнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Евсевій, конечно, понималъ сущность православнаго ученія, понималъ, что собственно значатъ тѣ термины, которые внесены были отцами (странно предполагать противное въ Евсевіи, человѣкѣ очень образованномъ, едвали не превосходившемъ своею ученостью всѣхъ членовъ Никейскаго собора [2]), но ему не хотѣлось принимать Никейскій символъ въ его полномъ смыслѣ и значеніи, какъ противорѣчащій его убѣжденіямъ,—и вотъ онъ изъясняетъ его такъ, что отъ Никейскаго символа не остается ничего, хотя эти изъясненія выдаетъ за дѣйствительное пониманіе всего собора. „Въ посланіи къ церкви кесарійской Евсевій, говоритъ Ал. В. Горскій, частію клеветою, частію лжетолкованіемъ старается объяснить свое согласіе подписать символъ Никейскій“ [3]).

[1]) Ἔτι μὴν τοῦ ἀναθεματίζεσθαι τὸ, πρὸ τοῦ γεννηθῆναι οὐκ ἦν οὐκ ἄτοπον ἐνομίσθη τῷ παρὰ πᾶσιν ὁμολογεῖσθαι τὸ εἶναι τὸν Υἱὸν τοῦ Θεοῦ πρὸ τῆς κατὰ σάρκα γεννήσεως. Migne t. 20. col. 1544 (въ русск. изд. дѣяній этого мѣста нѣтъ).

[2]) См. у А. П. Лебедева „Изъ ист. всел. соб. IV и V вв.“ стр. 79—80.

[3]) „Жизнь св. Аѳанасія“ стр. 43. Очень подробно выяснена и доказана неискренность посланія Евсевія къ кесарійцамъ: Clerici Ars critica Epist. II. p.

Признавая фальшивыми, тенденціозными какъ самую постановку повѣствованія о соборѣ въ посланіи Евсевія, такъ особенно изъясненіе терминовъ, внесенныхъ отцами въ Никейскій символъ, мы, однако, не можемъ отказать этому посланію въ достовѣрности его историческаго содержанія. Въ пользу достовѣрности сообщаемыхъ въ посланіи историческихъ показаній говорятъ простыя соображенія и свидѣтельства древности. Евсевій писалъ свое посланіе тотчасъ послѣ собора (въ 325 или 326 году), когда дѣянія собора были всѣмъ извѣстны; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что въ Кесаріи ходили слухи о дѣлахъ собора, какъ объ этомъ замѣчаетъ и самъ Евсевій въ началѣ своего посланія. По нашему мнѣнію, можно даже утверждать, что дѣйствія собора были хорошо извѣстны всѣмъ современникамъ его, въ частности—кесарійцамъ. Изъ Палестины, къ которой принадлежала и Кесарія, однихъ епископовъ присутствовало на Никейскомъ соборѣ 19, какъ видно изъ списковъ епископскихъ подписей; кромѣ того, можетъ быть, было много пресвитеровъ, діаконовъ, прочихъ клириковъ и даже мірянъ [1]). Всѣ эти лица, присутствовавшія на соборѣ, конечно, хорошо знали исторію его и, вѣроятно, передавали ее своимъ соотечественникамъ. Поэтому извращеніе или непра-

28—68; у Мёлера „Athanase le grand et l' église de son temps" t. II. p. 22—23, также въ сочиненіи Ал. П. Лебедева; „Вселенскіе соборы IV и V вв." Напротивъ о. Иванцовъ въ своемъ сочиненіи „Религіозныя движенія IV и V вв." доказываетъ, что объясненія Евсевія искренни, высказаны отъ души, безъ задней мысли (118—119). Мы не будемъ разбирать мнѣнія о. Иванцова; оно уже опровергается отчасти тѣмъ, что мы сказали объ изъясненіяхъ Евсевія; при этомъ оно разобрано А. П. Лебедевымъ въ сочиненіи „Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вв." (стр. 94—95). Мы считаемъ достаточнымъ привести слѣдующія слова А. П. Лебедева изъ сейчасъ указаннаго сочиненія: противъ мнѣнія о. Иванцова говоритъ цѣльный религіозный образъ Евсевія; Евсевій является аріаниномъ до собора Никейскаго, такимъ же былъ и на соборѣ (онъ колебался подписать символъ Никейскій), такимъ же является и послѣ Никейскаго собора, во все время своей дѣятельности. Можно-ли послѣ этого допустить какой-то неестественный моментъ въ жизни Евсевія, когда бы онъ душевно вѣрилъ православному ученію?...

[1]) Обычную свиту епископа составляли въ то время два пресвитера и три слуги (Церк. ист. Евсев. X. 5).

вильная передача Евсевіемъ даже одного факта тотчасъ была-бы замѣчена его пасомыми и возбудила-бы подозрѣніе къ своему пастырю, т. е. извращеніемъ фактической стороны Евсевій достигъ бы цѣлей совершенно противоположныхъ тѣмъ, какія имѣлъ въ виду и ради которыхъ онъ писалъ самое посланіе. Конечно, это Евсевій хорошо понималъ и никогда не рѣшился бы на глазахъ всѣхъ неправильно передать факты. Слѣдовательно, мы должны смотрѣть на историческія показанія Евсевія, какъ на вполнѣ достовѣрныя. Наше положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ свидѣтельствѣ св. Аѳанасія Александрійскаго. Аѳанасій приводитъ это посланіе въ своемъ сочиненіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ въ видѣ приложенія, но ничего не говоритъ противъ его достовѣрности. Мало того, намъ думается, что Аѳанасій даже ручается за достовѣрность историческихъ показаній посланія. По нашему мнѣнію, Аѳанасій приложилъ посланіе Евсевія къ своему сочиненію между прочимъ въ качествѣ источника свѣдѣній о соборѣ. Передавъ нѣчто изъ исторіи собора самъ, Аѳанасій, вмѣсто повѣствованія о дальнѣйшихъ дѣлахъ собора, приложилъ посланіе Евсевія. Такое предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что повѣствованіе самого Аѳанасія оканчивается какъ разъ на томъ моментѣ дѣятельности собора, съ котораго начинаетъ свой разсказъ Евсевій. Если-же все это справедливо, то невозможно сомнѣваться въ достовѣрности историческаго содержанія посланія. Аѳанасій, писавшій свое сочиненіе „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, съ цѣлью дать своему другу правильныя свѣдѣнія о соборѣ, не предложилъ бы въ качествѣ источника (хотя и неполнаго) этихъ свѣдѣній посланіе Евсевія, если-бы въ послѣднемъ неправильно передавались факты. Точно также церковные историки V в.—Сократъ и Ѳеодоритъ, помѣщая посланіе Евсевія въ своихъ исторіяхъ, ничего не говорятъ противъ его достовѣрности; слѣдовательно, признавали его показанія вполнѣ истинными. Въ противномъ случаѣ они упрекнули-бы Евсевія, какъ упрекалъ напр. Сократъ за сочиненіе „Жизнь

Константина“. Особенно Өеодоритъ не оставилъ-бы безъ замѣчанія посланіе Евсевія, если-бы послѣднее грѣшило противъ исторической правды. Өеодоритъ былъ глубокимъ почитателемъ Евстаөія Антіохійскаго, а этотъ послѣдній былъ непримиримымъ противникомъ Евсевія Кесарійскаго. Итакъ съ увѣренностью можно утверждать, что историческая часть посланія Евсевія вполнѣ достовѣрна.

Признавъ достовѣрность историческихъ показаній Евсевіева посланія, мы должны признать и большую важность за нимъ, какъ источникомъ исторіи Никейскаго собора. Это посланіе сообщаетъ намъ много важныхъ свѣдѣній о внутренней исторіи собора, притомъ такихъ, какихъ нѣтъ въ другихъ повѣствованіяхъ о соборѣ. Слѣдовательно, посланіе Евсевія является важнымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ и незамѣнимымъ источникомъ, а потому оно должно занимать видное мѣсто въ ряду источниковъ исторіи Никейскаго собора [1]). Изъ этого посланія мы получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ:

1. Изъ посланія Евсевія открывается, что на соборѣ предлагались (не указано кѣмъ) письменныя изложенія вѣры, которыя подвергались строгому изслѣдованію и обсужденію. „Когда въ письменныхъ изложеніяхъ, поданныхъ другими (τὰ ἑτεροίως γραφέντα), пишетъ Евсевій, мы встрѣчали разногласіе съ нашимъ мнѣніемъ, то защищали свое мнѣніе до послѣдней возможности“ [2]). Въ числѣ подававшихъ письменныя вѣроизложенія былъ и самъ Евсевій. Его изложеніе читалось предъ соборомъ [3]); слѣдовательно, также было изложено письменно.

[1]) Нѣкоторые ученые совершенно игнорируютъ этотъ источникъ. Такъ напр. Мёлеръ говоритъ, что посланіе Евсевія очень важный документъ для исторіи Никейскаго собора (Athanase le grand et l' église de son temps t. II. p. 23), но при изложеніи самой исторіи собора показаніямъ посланія не даетъ никакого мѣста.

[2]) Migne col. 1544; стр. 197. Дѣян. 1.

[3]) Ibid. стр. 191.

2. Слово „ὁμοούσιος“ —„единосущный“ предложено было для внесенія въ символъ самимъ императоромъ; императоръ же далъ и толкованіе этого слова. „Императоръ, пишетъ Евсевій, всѣмъ повелѣлъ принять наше изложеніе..., присовокупивъ лишь слово „единосущный“, которому самъ же сдѣлалъ толкованіе“... [1]). Самъ ли Константинъ подыскалъ это слово или предложилъ его по совѣту епископовъ, Евсевій объ этомъ ничего не говоритъ.

3. Передается процессъ образованія Никейскаго символа и приводится самый текстъ символа. Въ основу символа Никейскаго легъ символъ Евсевія. „Мы признали необходимымъ послать вамъ, пишетъ Евсевій кесарійцамъ, какъ то изложеніе вѣры, которое было предложено нами собору, такъ и то, въ которомъ обнародованы нѣкоторыя дополненія, сдѣланныя къ нашимъ выраженіямъ“ [2]). Изъ этихъ словъ ясно, что символъ Никейскій есть дополненный символъ Евсевія. Впрочемъ, эти дополненія и вообще измѣненія, какъ можно видѣть изъ сличенія символа Никейскаго съ символомъ Евсевія, были очень значительны и существенны: они сдѣлали символъ Евсевія неузнаваемымъ. Вотъ эти измѣненія. a) Въ первомъ членѣ была произведена одна, но очень характерная замѣна: слово „всѣхъ“ передано вмѣсто „ἁπάντων“ простымъ „πάντων“. Слово „ἅπας“ энергичнѣе, нежели „πᾶς“; „ἅπας“—значитъ рѣшительно все, все безъ исключенія, все въ совокупности. Слѣдовательно, слово „ἅπας“ могло представлять для аріанъ одну изъ лазеекъ, въ которой они могли укрываться съ своей діалектикой. „Если Богъ есть Творецъ рѣшительно всего (ἁπάντων), то Онъ Творецъ и Сына и Св. Духа“. b) Во второмъ членѣ опущено было выраженіе „Слово Божіе—Λόγον τοῦ Θεοῦ“. По мнѣнію однихъ, это выраженіе опущено было потому, что отцы не хотѣли вводить въ символъ отвлеченныхъ богословскихъ терминовъ. Но это едвали такъ. Никейскій символъ называется не

[1]) Migne col. 1544; стр. 193.

[2]) Ibid. стр. 191.

символомъ собственно, а вѣроизложеніемъ (μάθημα — изложеніе научное): его предназначали не для крещаемыхъ, а для строго-богословскаго и полемическаго употребленія. Вѣроятнѣе слово „Λόγος" опущено было потому, что оно неправильно употреблялось нѣкоторыми еретиками (напр. Павломъ Самосатскимъ) и могло смущать православныхъ. Поэтому на мѣсто термина „Λόγος" ставится „Υἱός". c) Безразличное выраженіе Евсевіева символа „жизнь отъ жизни" замѣнено болѣе точнымъ и опредѣленнымъ „Бога истиннаго отъ Бога истиннаго (Θεὸν ἀληθινὸν ἐκ Θεοῦ ἀληθινοῦ)", потомучто аріане, допуская, что Сынъ Божій есть Богъ, только съ натяжкою могли признать Его истиннымъ Богомъ. d) Для болѣе опредѣленнаго и полнаго раскрытія православнаго ученія и опроверженія аріанскаго, понятіе „рожденнаго" разъяснено точнѣе съ положительной стороны словами „отъ Отца, т. е. изъ сущности Отца (τουτέσιν ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρός) и „единосущнаго Отцу" (ὁμούσιον τῷ Πατρί), а съ отрицательной—словомъ „несотвореннаго" (οὐ ποιηθέντα). e) Для болѣе точнаго и полнаго обозначенія творческой дѣятельности Сына Божія, обнимающей все тварное, и для устраненія аріанскаго ученія, по которому нѣчто создано непосредственно Самимъ Отцомъ, къ словамъ Евсевіева символа: „чрезъ Котораго (т. е. Сына) все произошло" прибавлено: „какъ на небѣ, такъ и на землѣ" (τά τε ἐν τῷ οὐρανῷ, καὶ τὰ ἐν τῇ γῇ). f) Намѣренно опущены слова „перворожденнаго всея твари (πρωτοτόκον πάσης κτίσεως), потомучто этимъ терминомъ характеризуется отношеніе Сына Божія къ тварямъ, а не къ Отцу. g) Опущены были также слова Евсевіева символа: „каждый изъ Нихъ есть и имѣетъ свое бытіе, Отецъ есть истинно Отецъ, Сынъ есть истинно Сынъ, Духъ Святый есть истинно Духъ Святый", такъ какъ этими словами слишкомъ, почти до различія по сущности, выдѣляются Лица Св. Троицы одно отъ другаго. Ученіе о Духѣ Святомъ взято въ символъ Никейскій прямо изъ Евсевіева символа: „и въ Духа Святаго" (опущены только слова „вѣруемъ" и „единаго"). Всѣ эти

измѣненія произведены были епископами. „Епископы, пишетъ Евсевій, по поводу слова „единосущный“ составили слѣдующее изложеніе вѣры“, и далѣе излагаетъ самый символъ Никейскій [1]).

4. Противъ составленнаго символа Никейскаго, въ частности противъ нѣкоторыхъ терминовъ, въ него внесенныхъ, дѣлались возраженія. „Когда изложеніе (Никейское) было объявлено ими (епископами), пишетъ Евсевій, мы не оставили безъ тщательнаго извѣдыванія отъ нихъ, какъ надобно понимать выраженія: „изъ сущности Отца и единосущнаго Отцу“, употребленныя ими. По сему поводу даваемы были вопросы и отвѣты и смыслъ словъ былъ внимательно разсмотрѣнъ [2]). Въ чемъ состояли возраженія и распросы, можно вывести изъ отвѣтовъ епископовъ, которые приводитъ Евсевій [3]). „Епископы признавали, пишетъ Евсевій, что выраженіе „изъ сущности Отца“ значитъ то-же, что отъ Отца, только отнюдь Сынъ не есть часть Отца“ [4]). Такимъ образомъ возраженія состояли въ томъ, не вносятся-ли терминами изъ „сущности“ и „единосущный“ матеріальныя представленія въ понятіе Божества, не ведутъ ли эти термины къ эманатизму. Самыя возраженія были уступчивы, имѣли болѣе форму вопросовъ, и какъ скоро термины изъяснялись, ихъ принимали безъ сопротивленія. Вѣроятно, горячность возраженій и споровъ сдерживали авторитетъ и воля императора, предложившаго слово „ὁμοούσιος“ и одобрившаго самый символъ. Можетъ быть, здѣсь и проявилась та умиротворяющая дѣятельность Константина на соборѣ, о которой такъ краснорѣчиво говоритъ Евсевій въ „Жизни Константина“ [5]); по крайней мѣрѣ здѣсь было умѣстно проявиться ей.

[1]) Дѣян. I. 194.

[2]) Ibid. 194—195.

[3]) Впрочемъ, можно вывести только предположительно. Въ изъяснительной части своего повѣствованія Евсевій слишкомъ тенденціозенъ, а потому, можетъ быть, намѣренно опускаетъ многіе вопросы своей партіи и изъясненія православныхъ.

[4]) Дѣян. I. 195.

[5]) Ibid. III. 13.

5. Наконецъ, изъ посланія Евсевія видно и то, что не всѣ епископы — члены собора, подписавшіеся подъ Никейскимъ вѣроизложеніемъ, вполнѣ согласились съ нимъ, приняли его искренно. Самъ Евсевій, несомнѣнно, былъ далекъ отъ искренняго принятія вѣры Никейской и въ глубинѣ души оставался при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Но Евсевій Кесарійскій стоялъ во главѣ многочисленной партіи [1]), которая, конечно, была согласна въ мнѣніяхъ съ своимъ представителемъ; слѣдовательно, многіе изъ членовъ собора согласились съ Никейскимъ вѣроизложеніемъ залицемѣрно, только на словахъ, а не на дѣлѣ.—Этимъ мы закончимъ обозрѣніе повѣствованій Евсевія о Никейскомъ соборѣ.

Извѣстія о Никейскомъ соборѣ св. Аѳанасія Александрійскаго.

Свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ св. Аѳанасій сообщаетъ главнымъ образомъ въ двухъ своихъ посланіяхъ: „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ (de decretis Nicaenae synodi [2]) и „къ африканскимъ епископамъ“ (ad Afros episcopos“ [3]). Но есть не мало краткихъ и отрывочныхъ замѣтокъ о Никейскомъ соборѣ и въ другихъ сочиненіяхъ Аѳанасія, напр. въ окружномъ посланіи къ епископамъ Египта и Ливіи [4]), въ посланіи къ монахамъ [5]), въ посланіи о соборахъ [6]) и нѣкоторыхъ другихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, сдѣлаемъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о личности Аѳанасія, о характерѣ и направленіи его дѣятельности

[1]) А. П. Лебедевъ. „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ стр. 29.

[2]) Migne gr. scr. t. 25. col. 456 et cet. c. 19—20. Твор. ч. 1. стр. 338—342.

[3]) Migne t. 26 col. 1037—1040; Твор. ч. III. 320—322.

[4]) Epistola encyclica ad episc. Aeg. et. Lib. Migne. t. 25. твор. ч. I.

[5]) Historia arianorum ad monachos. Migne t. 25. Твор. ч. II.

[6]) Epistola de synodis Migne t. 26. твор. ч. III.

вообще, литературной—въ частности для уясненія самыхъ сказаній его о соборѣ.

Св. Аѳанасій Великій всю жизнь свою съ самыхъ раннихъ лѣтъ молодости и до самой смерти посвятилъ утвержденію и защитѣ православной вѣры, подвергавшейся нападенію со стороны еретиковъ [1]). Въ качествѣ жаркаго и энергичнаго защитника вѣры апостоловъ, вѣры мучениковъ, вѣры всей первенствующей церкви, онъ выступилъ при первомъ появленіи ереси Арія въ Александріи, какъ помощникъ своего епископа Александра [2]). Въ качествѣ помощника Александра, а вмѣстѣ съ тѣмъ горячаго защитника православія и противника ереси, Аѳанасій въ санѣ діакона [3]) или архидіакона [4]) присутствовалъ и на Никейскомъ соборѣ [5]).

[1]) Время рожденія Аѳанасія точно неизвѣстно. Предположительно относятъ его къ 296—298 гг. незадолго до гоненія Діоклетіанова (ок. 303 г.). См. Vita sancti Athanasii. Migne t. 25. prolegomena LIX. Ceillier. Hist. gener. t. IV. Горскаго „Жизнь св. Аѳанасія“ и др.

[2]) Принимая во вниманіе свидѣтельство Кирилла Александрійскаго (epistola I. ad monachos Aegypti. Migne t. 77), что Аѳанасій, живя подъ руководствомъ епископа Александра, „при остротѣ ума, кротости и безпримѣрномъ благоразуміи, руководилъ его ко всему полезному и во всякомъ дѣлѣ указывалъ лучшій путь, можно утверждать, что Аѳанасій былъ и тогда виднымъ дѣятелемъ въ борьбѣ противъ ереси (ср. Аѳанасія апологію противъ аріанъ ч. I. стр. 191); а принимая свидѣтельство Созомена, что Аѳанасій былъ письмоводителемъ Александра (ὁμοδίαιτος καὶ ὑπογραφεὺς II. 17), можно думать, что Аѳанасію принадлежитъ редакція писемъ и окружныхъ посланій Александрійскаго епископа объ ереси, писанныхъ до Никейскаго собора.

[3]) Въ санъ діакона Аѳанасій возведенъ былъ въ 319 году.

[4]) Theodor. Hist. eccles. I. 25 (русск. изд. гл. 26): τοῦ χοροῦ διακόνων ἡγούμενος (princeps ordinis diaconorum).

[5]) Въ чемъ состояла дѣятельность Аѳанасія на Никейскомъ соборѣ, съ точностью опредѣлить трудно. Египетскій соборъ говоритъ объ Аѳанасіи, что онъ на Никейскомъ соборѣ съ дерзновеніемъ возставалъ противъ нечестія аріанъ (Apologia contra arianos. Migne t. 25 c. 6 col. 256. тв. ч. I. стр. 197). Церковные историки, впрочемъ, кажется, на основаніи свидѣтельства же Египетскаго собора, ставятъ Аѳанасія въ число самыхъ видныхъ дѣятелей собора (Rufin. Hist. eccles. 1. 5. Сокр. 1. 8. Созом. I. 17; Ѳеодор. I. 26. (Mign. c. 25); самъ же Аѳанасій ничего не говоритъ о своей дѣятельности на соборѣ. Вѣроятнѣе

Болѣе опредѣленный и рѣшительный характеръ принимаетъ дѣятельность Аѳанасія послѣ Никейскаго собора. Мѣсяцевъ чрезъ 5 послѣ собора скончался епископъ Александръ и преемникомъ его сдѣлался Аѳанасій [1]). Принимая столь высокій постъ, Аѳанасій, конечно, зналъ и тѣ обязанности, какія налагались на него этимъ званіемъ: онъ понималъ, что его долгъ, какъ преемника Александра, продолжать дѣло Александра. И онъ исполнилъ этотъ долгъ. Всю свою дѣятельность, всю свою жизнь до самой смерти (373 г.) онъ посвятилъ утвержденію православной вѣры, въ частности—Никейскаго исповѣданія, которое онъ отождествлялъ не только съ православіемъ, но даже съ христіанствомъ. „Отцовъ Никейскихъ, говоритъ онъ, надлежитъ уважать, иначе не пріемлющіе символа (Никейскаго) будутъ признаны скорѣе всѣмъ, только не христіанами (ἵνα μὴ μάντα μᾶλλον ἤχριστιανοὶ νομισθῶσιν [2]). Онъ оберегалъ Никейское исповѣданіе со всею заботливостью, имъ только онъ жилъ, для него и изъ-за него переносилъ огорченія, клеветы и изгнанія; для него онъ не зналъ покоя, для него трудился постоянно съ истинно-героическимъ мужествомъ, неустрашимостью и непреклонностью, съ несокрушимой энергіей и твердостью духа. Онъ не переставалъ защищать и утверждать вѣру Никейскую даже тогда, когда находился въ изгнаніи: онъ разсылалъ посланія. Короче, Аѳанасій былъ самымъ ревностнымъ, самоотверженнымъ апологетомъ Никейской вѣры: защита и утвержденіе ея съ одной стороны, опровերженіе всевозможныхъ возра-

всего Аѳанасій былъ нотаріусомъ своего епископа Александра. Нотаріусы занимали очень видное мѣсто при судопроизводствѣ древней церкви; они собирали нужныя при судопроизводствѣ справки и слѣдили за ходомъ преній. Принявъ это мнѣніе, можно согласить похвальные отзывы Египетскаго собора и церковныхъ историковъ о дѣятельности Аѳанасія на соборѣ съ молчаніемъ самого Аѳанасія. Аѳанасій не имѣлъ значенія самостоятельнаго дѣятеля на соборѣ: потому ничего и не говоритъ о себѣ; но онъ важенъ былъ, какъ нотаріусъ (ибо соборъ былъ судомъ надъ аріанами): потому историки говорятъ о его дѣятельности на соборѣ.

[1]) Ѳеодор. I. 26 (Migne c. 25).

[2]) Epist. ad Afros Mign. t. 26 col. 1044. Твор. ч. III. 326.

женій противъ нея съ другой—было главною задачею и цѣлью всей жизни Аѳанасія. Утвержденіе Никейской вѣры какъ со стороны положительной чрезъ доказательство ея истинности, такъ и отрицательной—чрезъ опроверженіе возраженій противъ нея, было главнымъ предметомъ и цѣлью въ частности и литературной дѣятельности Аѳанасія. Почти всѣ его сочиненія носятъ современный практически-полемическій характеръ: всѣ направлены къ оправданію вѣры Никейской и къ обличенію противниковъ ея.

Понятно, что такая задача дѣятельности Аѳанасія заставляла его часто обращаться къ Никейскому собору, формулировавшему вѣру, и касаться его исторіи для выясненія тѣхъ или другихъ спорныхъ вопросовъ. Но понятно также и то, что Аѳанасій, имѣвшій въ виду исключительно только оправданіе вѣры Никейской и утвержденіе православія, а на все другое смотрѣвшій какъ на средство, не могъ задаваться мыслію передать всю исторію собора въ ея полномъ видѣ, со всѣми подробностями, съ соблюденіемъ строгой исторической послѣдовательности и точности даже въ мелочахъ. Преслѣдуя свою главную цѣль—оправданіе Никейскаго исповѣданія, онъ, естественно, долженъ былъ выбирать изъ исторіи собора только то, что отвѣчало этой цѣли, передавать только тѣ факты и въ той послѣдовательности или исторической или логической, какіе и въ какой прямо доказывали истинность Никейской вѣры, отвергать главнымъ образомъ тѣ изъ мнѣній аріанъ, высказанныхъ на соборѣ, которыя были наиболѣе распространенными и чаще слышались изъ устъ аріанъ. Къ сказанному прибавимъ, что многія показанія о Никейскомъ соборѣ, помѣщенныя въ сочиненіяхъ Аѳанасія, принадлежатъ не лично самому Аѳанасію, а другимъ лицамъ, которыя давали ихъ также по разнымъ практическимъ поводамъ. Поэтому мы не должны смотрѣть на сказанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, какъ на строго-историческія повѣствованія: мы должны принимать во вниманіе поводы и цѣли его показаній и выдѣлять чисто-историческіе элементы отъ полемическихъ.

Послѣ общихъ замѣчаній, обратимся къ частному разбору показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, заключающихся главнымъ образомъ въ двухъ посланіяхъ—„объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“.

Когда было написано посланіе „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, съ точностью опредѣлить трудно. Нѣкоторые на томъ основаніи, что въ посланіи не упоминается ни объ одномъ изъ аріанскихъ соборовъ, думаютъ, что оно написано было вскорѣ послѣ Никейскаго собора. Но съ этимъ мнѣніемъ согласиться нельзя. Въ этомъ посланіи упоминается Акакій, какъ преемникъ Евсевія по епископской каѳедрѣ въ Кесаріи Палестинской [1]); слѣдовательно, оно написано послѣ смерти Евсевія. Довольно прозрачно дается также знать, что не было въ живыхъ и Евсевія Никомидійскаго и аріанина Григорія, узурпатора Александрійскаго епископскаго престола [2]), а самъ Аѳанасій спокойно и мирно, хотя въ ожиданіи уже насилій отъ аріанъ, управлялъ Александрійскою церковію [3]). Слѣдовательно, написаніе посланія должно относить къ періоду времени между 349 г., когда умеръ аріанинъ Григорій [4]) и Александрійская каѳедра осталась за Аѳанасіемъ, и 356 г., когда Аѳанасій въ третій разъ долженъ былъ оставить управленіе своею церковію. Точнѣе указываютъ какъ на время написанія посланія на 352 годъ [5]). Поводомъ къ написанію посланія было преніе, которое велъ одинъ изъ друзей Аѳанасія съ аріанами въ присутствіи многихъ православныхъ. Другъ

[1]) „Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ ч. I. стр. 314—315.

[2]) Ibid.

[3]) „Не дивись, пишетъ Аѳанасій, что теперь они (аріане) ухищряются въ этомъ (въ придумываніи предлоговъ для отрицанія Никейской вѣры); въ скоромъ времени прибѣгнутъ къ поруганіямъ, а послѣ сего начнутъ угрожать спирою и тысяченачальникомъ; въ этомъ состоитъ мнимая твердость ихъ зловѣрія (ч. I. стр. 312. Migne t. 25. c. 2. col. 452).

[4]) Ѳеодор. церк. ист. II. 12.

[5]) Prolegomena. Migne t. 25. col. CXIV. Лебедевъ „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ стр. 15. примѣч.

Аөанасія, какъ человѣкъ ученый и краснорѣчивый ($\lambda\acute{o}\gamma\iota o\varsigma$), прекрасно обличилъ злочестіе аріанъ и доказалъ, что ихъ недовольство и ропотъ на Никейскихъ отцовъ за то, что тѣ употребили въ символѣ термины „изъ сущности и единосущный“, буквально не находящіеся въ свящ. Писаніи, не болѣе, какъ пустой предлогъ [1]). Но для большей обоснованности и доказательности своихъ мыслей ему нужно было знать ходъ соборныхъ дѣяній; поэтому онъ обращается къ Аөанасію съ просьбой описать, что̀ сдѣлано на соборѣ [2]). Аөанасій исполняетъ просьбу друга и посылаетъ ему повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ, не для убѣжденія аріанъ, а изъ любви къ своему другу. „Для нихъ (аріанъ) я не далъ бы никакого отвѣта; но поелику твоя любовь изъявила знать, что сдѣлано на соборѣ, то не замедлилъ я, но вскорѣ объявилъ, какъ тогда происходило дѣло [3]).

Время написанія другаго посланія Аөанасія—„къ африканскимъ епископамъ“ довольно опредѣленно указывается въ самомъ посланіи. Въ немъ упоминается о соборѣ, который собиралъ папа Дамасъ противъ представителей и вождей аріанства—Урсакія и Валента. „Достаточно и того, читаемъ въ посланіи, что было писано возлюбленнымъ сослужителемъ нашимъ Дамасомъ, епископомъ великаго Рима, и толикимъ числомъ собравшихся съ нимъ епископовъ... о здравой вѣрѣ, какую даровалъ Христосъ, проповѣдали апостолы, передали отцы, изъ цѣлой извѣстной намъ вселенной собравшіеся въ Никеѣ“ [4]). А первый соборъ въ Римѣ при папѣ Дамасѣ былъ въ 368 году [5]); слѣдовательно, посланіе къ африканскимъ епископамъ было написано послѣ 368 года и, вѣроятно, въ слѣдующемъ 369 году, когда былъ соборъ въ

1) De decretis Nic. syn. Migne t. 25. c. I. col. 416. Твор ч. I стр. 310.

2) Ibid. col. 428: c. 2. стр. 312.

3) Ibid.

4) „Посланіе къ африк. еписк.“. Твор. ч. III. стр. 314.

5) Prolegomena Migne t. 25. col. CLII.

Александріи [1]), потомучто самое посланіе къ африканскимъ епископамъ носитъ характеръ соборнаго посланія. „Предлагаемъ не мы одни пишущіе это, говорится въ посланіи, но всѣ епископы Египта и Ливіи, въ числѣ почти 90, потомучто всѣ одно мудрствуемъ“ [2]). Цѣлью посланія было утвердить африканскихъ епископовъ въ православіи въ противодѣйствіе аріанамъ, которые взамѣнъ Никейскаго символа выставляли соборъ въ Римини (или Ариминѣ). „Поелику слышали мы, пишетъ Аѳанасій, что нѣкоторые, намѣреваясь оспаривать сію (Никейскую) вѣру, предпринимаютъ выставить на видъ какой-то соборъ, бывшій будто-бы въ Ариминѣ, и усиливаются придать ему болѣе силы, нежели Никейскому, то почли мы необходимымъ написать и напомнить вамъ, чтобы не терпѣли таковыхъ людей“ [3]).

Указанные нами поводы къ написанію двухъ главныхъ для исторіи Никейскаго собора посланій Аѳанасія даютъ уже видѣть, что эти посланія не имѣли въ виду чисто-исторической цѣли представить полное изображеніе дѣятельности Никейскаго собора. Вызванныя частными обстоятельствами, они если и касались исторіи Никейскаго собора, то не ради ея самой, и касались настолько, насколько это было нужно для практическихъ цѣлей. Въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ Аѳанасію нужно было доказать, что ропотъ аріанъ на Никейскихъ отцовъ за термины „единосущный“ и „изъ сущности“ есть только пустой предлогъ, что отцы не произвольно внесли эти термины въ символъ, а послѣдовательно и логически вывели ихъ изъ изреченій библейскихъ, нужно было доказать ревность собора по истинѣ и точность разумѣнія“ (τῆς συνόδου τὸν ζῆλον τῆς ἀληθείας, καὶ τὴν τῆς διανοίας ἀκρίβειαν) [4]). Въ посланіи къ африкан-

[1]) Prolegomena Migne t. 25. col. CLII. Проф. Лебедева „Вселенскіе соборы IV и V вв.“ 15.

[2]) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1045. c. 10. Твор. ч. III. стр. 327.

[3]) Ibid. ч. III. стр. 315.

[4]) De decretis Nic. syn. Migne t. 25. col. 476 c. 32. Тв. ч. I. 360—361.

скимъ епископамъ Аѳанасію нужно было показать, что пополнять и измѣнять Никейскія опредѣленія нѣтъ никакой нужды, что „исповѣданнаго въ Никеѣ довольно и достаточно къ низложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“ [1]) и что Никейскія опредѣленія отцы составили не по неразумію и не произвольно, а послѣ тщательныхъ изслѣдованій и на основаніи свящ. Писанія [2]). Такія цѣли посланій Аѳанасія, конечно, не требовали полнаго и обстоятельнаго изложенія всѣхъ дѣяній Никейскаго собора. Аѳанасію вполнѣ достаточно было представить только тѣ моменты соборной дѣятельности и настолько, которые и насколько отвѣчали его цѣлямъ, т. е. ему нужно было передать только тѣ разсужденія, которыя показали-бы тщательность и осмотрительность Никейскихъ отцовъ при составленіи опредѣленій и убѣдили, что термины „единосущный“ и „изъ сущности“ не произвольны, а вытекаютъ съ логическою необходимостію изъ библейскихъ изреченій, составляя синтезъ послѣднихъ. Притомъ и лица, которымъ назначались разбираемыя нами посланія, не особенно, кажется, нуждались въ подробной исторіи собора. Такъ другу Аѳанасія описаніе соборныхъ дѣяній нужно было только для того, чтобы обличить аріанъ; притомъ онъ, какъ человѣкъ ученый, уже доказалъ аріанамъ, что они пустословятъ; слѣдовательно, и безъ повѣствованія о соборѣ достигъ своей цѣли и не особенно нуждался въ послѣднемъ. Второе посланіе назначалось лицамъ „знающимъ дѣло“ и имѣло задачею не полное изображеніе исторіи и дѣятельности собора, а только напоминаніе о нѣкоторыхъ соборныхъ дѣяніяхъ. „Надлежало-бы написать о семъ (о дѣйствіяхъ Никейскаго собора) пространнѣе, говоритъ Аѳанасій, но поелику пишемъ къ вамъ, людямъ знающимъ, то изложили мы кратко (ἐπειδὴ δὲ πρὸς εἰδότας ὑμᾶς γράφομεν, διὰ τούτου συντόμως ὑπηγορεύσαμεν)... и предлага-

[1]) Твор. ч. III. 315. „къ африканск. епископамъ“.

[2]) Ibid. стр. 319.

емъ сіе не какъ учащіе, но какъ напоминающіе (οὐχ ὡς διδάσκοντες, ἀλλὰ ὡς ὑπομεμνήσκοντές ἐσμεν) [1]). Руководясь такими практическими цѣлями и имѣя въ виду лишь потребности извѣстныхъ читателей, Аѳанасій и описываетъ только ходъ соборныхъ разсужденій, приведшихъ отцовъ къ терминамъ „единосущный“ и „изъ сущности“, вовсе не касаясь другихъ сторонъ соборной дѣятельности. Поэтому только какъ на эпизодъ изъ исторіи собора, а не на полную исторію, мы и должны смотрѣть на показанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ.

Далѣе, не имѣя въ виду чисто-исторической цѣли, Аѳанасій и ту часть соборныхъ дѣяній, которую ему нужно было изобразить, описываетъ не съ стенографическою точностью: онъ передаетъ только сущность соборныхъ разсужденій, даетъ самый общій очеркъ ихъ и слѣдитъ не за историческою послѣдовательностью ихъ, а скорѣе за ихъ логическимъ развитіемъ, такъ что, можетъ быть, соборныя разсужденія, возраженія аріанъ и доводы православныхъ епископовъ въ дѣйствительности имѣли иной видъ и со стороны полноты и со стороны послѣдовательности, чѣмъ въ какомъ представляютъ ихъ посланія Аѳанасія. Это легко замѣтить при первомъ взглядѣ на показанія Аѳанасія. Сказанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, заключающіяся въ посланіяхъ „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“ относятся къ одному и тому же моменту соборной дѣятельности, и они вполнѣ сходны, даже тождественны по своему внутреннему содержанію, по своему логическому ходу мыслей, но по своей внѣшности они значительно разнятся между собою. Сказаніе, заключающееся въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ обширнѣе (въ $1^1/_2$ раза) другаго сказанія, помѣщеннаго въ посланіи „къ африканскимъ епископамъ“: обстоятельство необъяснимое, если допустить, что показанія Аѳанасія представляютъ полное изображеніе того момента соборной дѣятельности, къ которому

1) Epist. ad Afros. Migne t. 26. c. 10. col. 1045. Твор. ч. III. стр. 327.

они относятся. Притомъ и болѣе обширное сказаніе нельзя считать за совершенно полное: въ немъ не достаетъ нѣкоторыхъ показаній сравнительно съ болѣе краткимъ. Напр. въ посланіи „къ африканскимъ епископамъ“ говорится, что аріане въ доказательство правильности своего пониманія выраженія „отъ Бога“, кромѣ библейскихъ изреченій, приводили слова изъ книги „Пастырь:“ „прежде всего вѣруй, что единъ есть Богъ, Который все создалъ и устроилъ и изъ небытія привелъ въ бытіе“ [1]), на что нѣтъ указанія въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“. Наконецъ, по показаніямъ обоихъ разсматриваемыхъ посланій Аѳанасія, дѣло на соборѣ происходило слишкомъ быстро: епископы почти безъ перерыва предлагали одни библейскія изреченія (даже по нѣскольку заразъ), а аріане тотчасъ же отвѣчали другими тоже библейскими изреченіями, на основаніи которыхъ можно было, при помощи діалектики, перетолковывать термины, предлагаемые отцами. Такого быстраго хода дѣлъ на соборѣ не могло быть. Епископы не только предлагали тѣ или другія библейскія изреченія для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу взамѣнъ употреблявшихся аріанами, но, конечно, и изъясняли эти термины въ смыслѣ противоположномъ аріанскому ученію о неравенствѣ Сына Божія съ Отцомъ. И эти-то изъясненія изреченій, а не самыя изреченія, и вызывали перетолкованія со стороны аріанъ, потомучто все различіе между православными и аріанами было только въ способѣ толкованія библейскихъ выраженій, а не въ самыхъ выраженіяхъ: аріане не отвергали ни книгъ, ни мѣстъ свящ. Писанія и въ доказательство своего ученія приводили тѣ же самыя изреченія, какія и православные. А что, дѣйствительно, отцы не только предлагали изреченія свящ. Писанія, но и изъясняли ихъ, нѣкоторыя доказательства этого находятся въ самыхъ посланіяхъ Аѳанасія. По показанію посланія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, отцы, предлагая библейскія вы-

[1]) „Посл. къ африк. еписк.“ Твор. ч. III. 320.

раженія: „Сынъ отъ Бога“, „Онъ есть Слово и Премудрость“, присоединяютъ уже въ качествѣ изъясненія: „не тварь, не произведеніе, но собственное рожденіе отъ Отца“ [1]). Равнымъ образомъ, предлагая библейское изреченіе: „Слово есть истинная сила и образъ Отца“, разъясняютъ его: „Оно подобно Отцу во всемъ, не отлично отъ Него, непреложно, всегда нераздѣльно и въ Немъ пребываетъ, ибо Слово никогда не было лишено бытія“ [2]). Но если допустить, что на соборѣ не только предлагались библейскія выраженія, а и изъяснялись, то показанія Аѳанасія будутъ уже далеко неполны.

Неполно передавая соборныя разсужденія, посланія Аѳанасія передаютъ эти разсужденія едва-ли и въ той послѣдовательности и преемственности, въ какой они происходили въ дѣйствительности. Изъ сличенія показаній Аѳанасія, заключающихся въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, съ показаніями, находящимися въ посланіи „къ африканскимъ епископамъ“, открывается, что эти показанія разнятся между собою въ распорядкѣ терминовъ, предлагаемыхъ отцами на соборѣ. Такъ по показанію перваго посланія („объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“), прежде чѣмъ внести терминъ „изъ сущности Отца“, епископы, для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу, указывали такія выраженія: „Сынъ отъ Бога, Онъ есть Слово и Премудрость“ [3]). Между тѣмъ, по свидѣтельству другаго посланія („къ африканскимъ епископамъ“), обозначенію отношенія Сына Божія къ Отцу чрезъ терминъ „изъ сущности Отца“ предпосылались другія изреченія: „Слово есть единородный отъ Бога по естеству (Іоанна I. 14. 18), Отчая сила, единая Отчая премудрость (I Кор. I. 24), истинный Богъ“, какъ сказалъ Іоаннъ (I Іоан. 5. 20),

[1]) „Объ опредѣл. Никейск собора“. I. 338.

[2]) „Объ опредѣл. Никейск. соб.“ стр. 340.

[3]) ἐκ τοῦ Θεοῦ καὶ λόγος ἐστὶ καὶ σοφία. Migne t. 25. col. 456. Твор. ч. I. стр. 338.

„сіяніе славы и образъ ипостаси Отчей“, какъ сказалъ Павелъ [1]). Равнымъ образомъ предъ внесеніемъ термина „единосущный“, по сказанію посланія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“, предлагались отцами слѣдующія выраженія: „Слово есть истинная сила и образъ Отца, что Оно подобно Отцу во всемъ, не отлично отъ Него, непреложно, всегда нераздѣльно и въ Немъ пребываетъ; ибо Слово никогда не было лишено бытія, но всегда имѣло оное, вѣчно пребывая у Отца, какъ сіяніе свѣта“ [2]); а по посланію „къ африканскимъ епископамъ“, внесенію термина „единосущный“ предшествовалъ разборъ библейскихъ выраженій, относящихся къ Сыну Божію: „сила, единая Отчая премудрость, вѣчный образъ во всемъ подобный Отцу, истинный Богъ“ [3]). Изъ представленныхъ параллелей видно, что между двумя показаніями Аѳанасія есть нѣкоторое разнообразіе въ распорядкѣ терминовъ: предлагаемыхъ отцами, и даже различіе въ самыхъ терминахъ: что по одному показанію предлагалось ранѣе, то по другому послѣ; что по одному показанію предлагалось (напр. по посланію „къ африканскимъ епископамъ“ термины: единородный, истинный Богъ), о томъ въ другомъ сказаніи не упоминается. Все это приводитъ къ тому заключенію, что показанія Аѳанасія передаютъ разсужденія отцовъ не въ исторической послѣдовательности и преемственности, а въ логической. Конечно, отъ такой мелочной, мик-

[1]) ἐκ τοῦ Θεοῦ τῇ φύσει μονογενής ἐστι ὁ Λόγος, δύναμις, σοφία μόνη τοῦ Πατρὸς, Θεὸς ἀληθινὸς, ὡς εἶπεν ὁ Ἰωάννης· καὶ ὡς ἔγραψεν ὁ Παῦλος ἀπαύγασμα τῆς δόξης, καὶ χαρακτὴρ τῆς τοῦ Πατρὸς ὑποστάσεως. Epist. ad Afros. Migne. t. 26. col. 1037. c. 5. Твор. ч. III. стр. 320.

[2]) δύναμιν ἀληθινὴν, καὶ εἰκόνα τοῦ Πατρὸς, τὸν Λόγον, ὅμοιόν τε καὶ ἀπαράλλακτον αὐτὸν κατὰ πάντα τῷ Πατρὶ, καὶ ἄτρεπτον, καὶ ἀεὶ, καὶ ἐν αὐτῷ εἶναι ἀδιαιρέτως· οὐδέποτε γὰρ οὐκ ἦν, ἀλλὰ ἦν ὁ Λόγος ἀεὶ, ὑπάρχων ἀϊδίως παρὰ τῷ Πατρὶ ὡς ἀπαύγασμα φωτός“ De decret. Nic. syn. Migne t. 25. col. 449. c. 20. Твор. ч. I. 340.

[3]) ...„δύναμιν, σοφίαν μόνην τοῦ Πατρὸς, καὶ εἰκόνα ἀΐδιον, ἀπαράλλακτον κατὰ πάντα τοῦ Πατρὸς καὶ Θεὸν ἀληθινὸν. Migne t. 26. col. 1037. c. 5. Твор. ч. III. стр. 321.

роскопической неточности сущность дѣла не измѣняется и дѣйствительность не получаетъ ложнаго освѣщенія; потому-то, можетъ быть, Аѳанасій и не слѣдилъ особенно за такими мелочами при передачѣ соборныхъ дѣяній. Но наша задача требуетъ отмѣтить и эти мелочи.

Далѣе, принимая во вниманіе чисто практическій характеръ посланій Аѳанасія, содержащихъ въ себѣ показанія о Никейскомъ соборѣ, и полемическую цѣль самыхъ этихъ показаній— опровергнуть наиболѣе распространенныя, такъ сказать, ходячія мнѣнія аріанъ, популяризовавшіяся чрезъ сочиненія,—принимая во вниманіе все это, можно думать, что Аѳанасій, при описаніи дѣяній Никейскаго собора, представлялъ не тѣ только мнѣнія аріанъ, которыя высказаны были ими на соборѣ, но также и тѣ, которыя проводились въ аріанскихъ сочиненіяхъ и высказывались внѣ собора, или, по крайней мѣрѣ, мнѣнія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто на соборѣ, представлялъ въ той формѣ, въ какой они чаще слышались изъ устъ аріанъ, а не въ той, въ какой они высказаны были на засѣданіяхъ собора. Такая замѣна обусловливалась, вѣроятно, кромѣ чисто полемическихъ цѣлей сочиненія, и психологическими причинами. Аѳанасій, всю жизнь свою боровшійся съ аріанами, постоянно слышавшій отъ нихъ очень сходныя возраженія противъ Никейскаго исповѣданія и православія вообще, непрестанно встрѣчавшійся съ ихъ своеобразнымъ экзегесомъ свящ. Писанія, съ ихъ хитроумнымъ перетолкованіемъ библейскихъ изреченій о Сынѣ Божіемъ, вполнѣ естественно могъ слить въ своемъ сознаніи представленія, вынесенныя отъ засѣданій собора, съ представленіями, которыя у него сложились впослѣдствіи на основаніи позднѣйшаго знакомства съ аріанами и ихъ литературой, и при повѣствованіи о соборѣ чрезъ 25—40 лѣтъ послѣ самого собора легко могъ мнѣнія, высказанныя аріанами въ сочиненіяхъ, вообще внѣ собора, или предъявленныя на соборѣ, но не въ такой формѣ, выдать за мнѣнія, имѣвшія мѣсто на соборѣ. Онъ самъ сознается въ неясности своей памяти

относительно того, когда, гдѣ и кѣмъ высказаны были тѣ или другія аріанскія мнѣнія. Такъ, упомянувъ объ аріанскомъ толкованіи текста изъ книги Притчей *„Господь созда Мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя“* (Притч. 8. 22), на который часто ссылались аріане въ доказальство своей доктрины, замѣчаетъ: „кажется и Евсевіевы сообщники говорили сіе“ (καὶ οἱ περὶ Εὐσέβιον τοῦτο λέγειν ἐδόκουν) [1]). А упоминая, при описаніи Никейскаго собора, объ аріанскомъ писателѣ Астеріи софистѣ и указывая тождество между аріанскими возраженіями, какія имѣли мѣсто на соборѣ и какія встрѣчались въ сочиненіяхъ Астерія („тоже писалъ и Астерій“—τοιαῦτα καὶ Ἀστέριος ἔγραψε) [2]), тѣмъ самымъ наводитъ на мысль, что мнѣнія аріанъ, развитыя ими путемъ литературнымъ, ассимилировались въ его умѣ съ мнѣніями, заявленными отъ аріанъ устно на соборѣ. Дѣйствительно, стоитъ только сравнить нѣсколько мнѣній Астерія, а также другихъ аріанъ съ тѣми мнѣніями, какія выставлены были, по сказанію Аѳанасія, на Никейскомъ соборѣ, чтобы видѣть чуть не дословное сходство этихъ мнѣній и во всякомъ случаѣ полное сходство въ основаніяхъ и доказательствахъ ихъ, во всей ихъ аргументаціи. Для образчика приведемъ нѣсколько параллелей. Вотъ слова Астерія относительно библейскаго выраженія: „Сынъ Божій есть сила Божія“ и аріанъ на соборѣ:

Астерія:	аріанъ на соборѣ:
Хотя присносущная Его (Бога) сила и премудрость, которая, по истинному разсужденію, безначальна и нерожденна, безъ сомнѣнія есть одна и та-же, однако же многія силы и премудрости,	Что касается до слова „сила“ (въ выраженіи „Слово есть истинная сила Божія)“, то и гусеница и мшица называются силою и силою великою (Іоиль II. 25); неоднократно-же и о

[1]) De decr. Nic. syn. Migne t. 25. c. 18. col. 445.

[2]) Ibid. c. 21. col. 452.

отдѣльно сотворенныя Богомъ, и въ числѣ ихъ перворожденный и единородный Христосъ, всѣ подобнымъ образомъ зависятъ отъ обладающаго ими Бога и всѣ справедливо именуются силами Самого Бога, ихъ сотворшаго и употребляющаго въ дѣйствіе. Такъ напр. о пругахъ, посланныхъ Богомъ въ наказаніе за грѣхи человѣческіе, пророкъ говоритъ, что Самъ Богъ называетъ не только силою, но и силою великою (Іоиль II. 25); а блаженный Давидъ не только ангеловъ, но и силы призываетъ къ славословію Божію (οἷον ὁ μὲν προφήτης τὴν ἀκρίδα, δίκην τῶν ἀνθροπίνων ἁμαρτημάτων θεήλατον γινομένην, οὐ δύναμιν μόνον ἀλλὰ καὶ μεγάλην φησὶν ὑπ᾽ αὐτοῦ προσαγορεύεσθαι τοῦ Θεοῦ· ὁ δέ γε μακάριος Δαυὶδ ἐν πλείοσι τῶν ψαλμῶν οὐκ ἀγγέλοις μόνον, ἀλλὰ καὶ δυνάμεσιν αἰνεῖν παρακελεύεται τὸν Θεόν“ [1]). людяхъ писано, какъ напр.: „изыде вся сила Господня изъ земли Египетскія“ (Исх. 12. 24); а есть и иныя небесныя силы, ибо сказано: „Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль“ (Пс. 45. 8). (περὶ δὲ τῆς δυνάμεως, ὅτε καὶ ἡ κάμπη καὶ ὁ βροῦχος μὲν λέγοντο δύναμις καί δύναμις μεγάλη· πολλάκις δὲ περὶ τοῦ λαοῦ γέγραπται, ὥσπερ ἐξῆλθε πᾶσα ἡ δύναμις Κυρίου ἐκ γῆς Αἰγύπτου· καὶ ἄλλαι δ᾽ οὐρανίαι δυνάμεις εἰσί. Κύριος γάρ, φησι, τῶν δυνάμεων μεθ᾽ ἡμῶν· ἀντιλήπτωρ ἡμῶν ο Θεὸς Ἰάκωβ“) [2]).

Приведемъ еще въ параллель слова аріанина Георгія Лао-

[1]) Athan. contra arianos oratio II. Migne t. 26. col. 225—228. Твор. ч. II. стр. 312. Буквально тѣ-же слова Астерія приводятся въ посланіи „о соборахъ“ (de synodis). Migne t. 26. col. 713—716. Твор. ч. III. стр. 129—130. Подобныя слова изъ Аріевой Θаліи приводятся въ первой рѣчи противъ аріанъ. Migne t. 26. col. 21. Твор. ч. II. стр. 164.

[2]) De decritis Nic. syn. Migne t. 25. col. 452. c. 20. Твор. ч. I. стр. 340.

дикійскаго, писавшаго своимъ единомышленникамъ, и аріанъ на соборѣ—по поводу выраженія: „Сынъ отъ Бога":

Георгія Лаодикійскаго:

„Не бойтесь говорить „Сынъ отъ Бога". Если апостолъ написалъ: „вся-же отъ Бога (I Кориө. II. 12), а все, какъ извѣстно, сотворено изъ несущихъ, и Сынъ есть тварь и единый изъ сотворенныхъ, то можно сказать, что и Сынъ отъ Бога, такъ какъ говорится, что и все отъ Бога". (Ὑμεῖς μὴ φοβηθῆτε εἰπεῖν καὶ ἐκ τοῦ Θεοῦ τὸν Υἱόν. Εἰ γὰρ ὁ ἀπόστολος ἔγραψε· τὰ δὲ πάντα ἐκ τοῦ Θεοῦ, καὶ ἔστι δῆλον ἐξ οὐκ ὄντων πεποιῆσθαι τὰ πάντα, ἔστι δὲ καὶ ὁ Υἱὸς κτίσμα, καὶ τῶν πεποιημένων εἷς· λεχθείη ἂν καὶ Υἱὸς ἐκ τοῦ Θεοῦ, οὕτως ὥσπερ καὶ τὰ πάντα λέγεται ἐκ τοῦ Θεοῦ") [1]).

аріанъ на соборѣ:

Согласимся въ этомъ (что Сынъ отъ Бога), потомучто и мы отъ Бога: единъ Богъ, изъ Него же вся (I Кор. 8. 6); древняя мимоидоша, се быша вся нова, всяческая же отъ Бога (2 Кор. 5. 17—18). (Συνθώμεθα καὶ γὰρ καὶ ἡμεῖς ἐκ τοῦ Θεοῦ ἐσμεν· εἷς γὰρ Θεός, ἐξ οὗ τὰ πάντα· καὶ τὰ ἀρχαῖα παρῆλθεν, ἰδοὺ γέγονε τὰ πάντα καινά. Τὰ δὲ πάντα ἐκ τοῦ Θεοῦ") [2]).

Изъ приведенныхъ параллелей видно, что мнѣнія, высказанныя аріанами, по изображенію Аөанасія, на соборѣ, почти тождественны съ тѣми, которыя развиты въ аріанскихъ сочиненіяхъ, по крайней мѣрѣ, мѣста свящ. Писанія, приводимыя аріанами въ пользу своихъ положеній, и образъ толкованія ихъ въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковы. Это приводитъ къ заклю-

[1]) De synodis. Migne t. 26. col. 712—713. Твор. ч. III. стр. 128.

[2]) Epist ad Afros. Migne t. 26 col. 1037. Твор. ч. III. стр. 320.

ченію, что Аѳанасій, при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, выводитъ и такія мнѣнія аріанъ, какъ высказанныя на соборѣ, которыя имѣли мѣсто только въ аріанскихъ сочиненіяхъ. Конечно, мы не можемъ съ точностью указать, что именно было заимствовано Аѳанасіемъ изъ мнѣній, развитыхъ аріанами путемъ литературнымъ, и что изъ предъявленныхъ на соборѣ, и насколько послѣднія отличаются отъ тѣхъ, какія представлены Аѳанасіемъ; для этого у насъ нѣтъ данныхъ. Мы высказываемътолько предположеніе, что, можетъ быть, мнѣнія, которыя, по Аѳанасію, предъявлены были аріанами на соборѣ, въ дѣйствительности не были предъявлены или если и предъявлены, то въ другой формѣ.

Практическая цѣль сочиненій Аѳанасія и ихъ полемическій характеръ породили и другія особенности повѣтствованія о соборѣ. Поставивъ задачею—не точное изображеніе собора и его дѣятельности, а оправданіе вѣры Никейской и обличеніе аріанъ, Аѳанасій, конечно, не имѣлъ нужды дѣлить своихъ противниковъ на группы: онъ имѣлъ въ виду возраженія противъ православной вѣры, а не самыхъ возражателей. Притомъ и по самымъ своимъ воззрѣніямъ онъ не признавалъ никакого различія между противниками вѣры Никейской. Отождествляя Никейское исповѣданіе не только съ православіемъ, но даже съ христіанствомъ, онъ всѣхъ противниковъ Никейскаго исповѣданія относилъ къ одной категоріи: „къ еретикамъ или даже не-христіанамъ“ [1]). Конечно въ житейскихъ отношеніяхъ Аѳанасій могъ быть снисходительнѣе къ менѣе рѣзкимъ противникамъ Никейской вѣры, потомучто они подавали надежду на возвращеніе къ православію; но какъ скоро дѣло касалось Никейскаго исповѣданія, всякое различіе между крайними и умѣренными противниками этого исповѣданія оставалось въ сторонѣ. Изъ такого ригоризма Аѳанасія съ одной стороны, изъ практически-полемическихъ цѣлей его посланій съ другой—объясняется то, что онъ при повѣствованіи о Никейскомъ

[2]) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1044. Твор. ч. III. стр. 326.

соборѣ не дѣлитъ аріанъ на группы: всѣ, присутствовавшіе на соборѣ, аріане, по его повѣствованію, составляли одну, тѣсно сплоченную партію, имѣвшую одни взгляды: вездѣ онъ говоритъ объ аріанахъ вообще. Между тѣмъ присутствовавшіе на соборѣ аріане дѣлились на двѣ партіи: одну составляли строгіе аріане во главѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ, а другую—умѣренные во главѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ, и между этими партіями существовало довольно значительное различіе во взлядахъ и мнѣніяхъ [1]. Указанная нами недомолвка въ повѣствованіи Аѳанасія вызвала собой другую. Не раздѣляя аріанъ на строгихъ и умѣренныхъ, Аѳанасій приписываетъ всѣмъ вообще аріанамъ такія мнѣнія, которыя составляли специфическую особенность только одной партіи и не принимались другою. Такъ напр. онъ вообще аріанамъ (слѣдовательно, и полуаріанамъ во главѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ) приписываетъ выраженія самаго крайняго характера, какъ-то: изъ несущихъ, Сынъ—тварь и произведеніе и др. [2]. Но такія выраженія употреблялись одними только строгими аріанами, или евсевіанами; аріане же умѣренные не употребляли ихъ никогда, какъ объ этомъ рѣшительно свидѣтельствуетъ Евсевій Кесарійскій [3]. Всѣмъ же аріанамъ приписываетъ Аѳанасій и наименованіе Сына Божія „истиннымъ Богомъ [4]), „во всемъ подобнымъ Отцу“ [5]); между тѣмъ подобныя наименованія Сына Божія составляли специфическую особенность полуаріанской партіи и не допускались евсевіанами.—Нѣкоторые, впрочемъ, находятъ у Аѳанасія указанія на партіи въ томъ, что у него встрѣчаются названія: аріане

[1]) Что аріане на соборѣ раздѣлялись на партіи, это видно изъ замѣчаній самого же Аѳанасія. Такъ Аѳанасій говоритъ, что у аріанъ на соборѣ происходили препирательства между собой. De decretis Nic. syn. Migne t. 25. col. 428. c. 3. Твор. ч. 1. 314. См. Moehler. Athanase le grand et l' église de son temps. t. II. p. 16.

[2]) Посланіе къ африк. еписк. Твор. ч. III. 320.

[3]) Посланіе къ кесарійцамъ. Дѣян. I. 197.

[4]) Посланіе къ африк. епископамъ. Твор. ч. III. 321.

[5]) Посланіе объ опред. Ник. соб. Твор. ч. I. 340.

и евсевіане [1]). Дѣйствительно Аѳанасій употребляетъ эти названія, но употребляетъ ихъ безразлично, только какъ разныя наименованія одной и той же партіи, а не двухъ, имѣющихъ свои особыя воззрѣнія. Онъ безразлично приписываетъ одни и тѣже мнѣнія и аріанамъ и евсевіанамъ и одно наименованіе часто ставитъ вмѣсто другаго. Напр. выраженія: „изъ несущихъ, Сынъ—тварь“ и др. онъ признаетъ „изобрѣтеніемъ аріанъ“, а отстаиваніе этихъ выраженій приписываетъ уже евсевіанамъ [2]). Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасій, изобразивъ лукавство евсевіанъ въ изъясненіи нѣкоторыхъ библейскихъ изреченій, предложенныхъ отцами, далѣе замѣчаетъ: „таково развращенное разумѣніе аріанъ!“ [3]). Очевидно, Аѳанасій, если ставитъ въ посылкахъ слово „евсевіане“, а въ заключеніи „аріане“, признаетъ эти слова совершенно равнозначущими, тождественными по смыслу; а потому и въ употребленіи этихъ словъ нельзя видѣть указанія на партіи.

Наконецъ полемическій характеръ сочиненій Аѳанасія отразился на повѣствованіяхъ о Никейскомъ соборѣ тѣмъ, что въ нихъ получила мѣсто иронія [4]). Ироніею проникнуто описаніе положенія аріанъ на соборѣ. По изображенію Аѳанасія, аріане, какъ скоро находили возможнымъ перетолковать въ пользу своихъ воззрѣній тѣ или другія библейскія изреченія, предлагаемыя отцами для опредѣленія спорнаго догматическаго вопроса, сейчасъ-же и

[1]) Hefele. Concilien—geschichte. B. I. s. 307—308.

[2]) Посланіе къ африк. епископамъ. Твор. ч. III. 320.

[3]) Ibid. стр. 321.

[4]) Иронія довольно обычный элементъ въ обличительныхъ и полемическихъ сочиненіяхъ древнихъ церковныхъ писателей. О. Иванцовъ въ своемъ сочиненіи „Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства“, изслѣдуя полемическія сочиненія отцовъ и учителей церкви, какъ источники исторіи древнѣйшихъ сектъ, говоритъ, что церковные полемисты часто преувеличивали слабость опровергаемаго ученія, представляли его въ каррикатурѣ (стр. 49),—и при частномъ обозрѣніи и разборѣ древнихъ полемическихъ произведеній приводитъ много доказательствъ въ пользу высказаннаго мнѣнія. Изъ святоотеческой литературы IV в. иронизирующимъ характеромъ наиболѣе проникнуты произ-

сообщали объ этомъ другъ другу, но сообщали не открыто, а „кивали другъ другу головами“ (διανεύοντες ἀλλήλοις)[2]), „шептались между собою и перемигивались глазами“ (πρὸς ἑαυτοὺς τονθορύζοντες καὶ διανεύοντες τοῖς ὀφθαλμοῖς πρὸς ἑαυτούς)[3]); послѣ такого совѣщанія между собою при помощи перемигиваній и знаковъ, они изъявляли свое согласіе на тотъ или другой терминъ, объясняя его (терминъ) въ смыслѣ своего ученія. Такое изображеніе положенія аріанъ нельзя иначе назвать, какъ ироническимъ. Аріане какъ-будто желали скрывать свои мысли, желали умолчать о томъ, что предлагаемыя епископами изреченія

веденія св. Григорія Богослова. Напр. въ словѣ противъ евноміанъ (первомъ о богословіи) св. Григорій дѣлаетъ такое ироническое обращеніе къ зараженнымъ современнымъ ему недугомъ—страстію богословствовать: „Положимъ, что ты высокъ, выше самыхъ высокихъ, а если угодно—выше и облаковъ; положимъ, что ты зритель незримаго, слышатель неизреченнаго, восхищенъ какъ Илія, удостоенъ богоявленія какъ Моисей, небесенъ какъ Павелъ. Зачѣмъ же и другихъ, не больше какъ въ одинъ день, дѣлаешь святыми, производишь въ богословы, какъ-бы вдыхаешь въ нихъ ученость и составляешь многія сонмища неучившихся книжниковъ“? (Твор. св. Григ. Назіан. въ руск. пер. ч. Ш, стр. 14). Не мало въ произведеніяхъ Григорія и другихъ мѣстъ, гдѣ ясно звучитъ иронія. Такъ св. Григорій часто называетъ своихъ противниковъ „мудрецами“ (о богословіи 5-е сл. ч. Ш, стр. 106), доводы ихъ—„непреоборимыми“ (о богословіи 3-е, ч. Ш, стр. 70; о богословіи 5-е, стр. 117 и мн. др. См. также слова Григорія противъ аріанъ, противъ Юліана, о любви къ бѣднымъ, о мирѣ, слово въ похвалу философа Ирона, возвратившагося изъ изгнанія, слово прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополь ста-пятидесяти епископовъ и др.). Но особенно богаты примѣрами ироніи и комизма стихотворенія Григорія Богослова: въ нихъ иронія является не только по мѣстамъ, эскизно, а иногда и преобладающимъ элементомъ. На выдержку возьмемъ хоть слѣдующее мѣсто изъ сатиры св. Григорія на Максима: „Какія невѣроятныя и неслыханныя доселѣ новости! Саулъ во пророкахъ, Максимъ въ числѣ писателей! Кто же послѣ этого не пророкъ? Кто сдержитъ свою руку?....... Не далѣе вѣдь, какъ вчера, для тебя рѣчи были то же, что для осла—лира, для быка—морская волна.... Теперь же ты у насъ Орфей, своими перстами все приводящій въ движеніе, или Амфіонъ, своими бряцаніями созидающій стѣны“... (По рус. пер. ч. V, стр. 269. Подробнѣе см. у Говорова „св. Григорій Богословъ, какъ христіанскій поэтъ“, стр. 69, 149 и слѣд.; также у преосв. Порфирія „о стихотвореніяхъ Григорія Богослова“. Тр. Кіев. Дух. Акад. 1863 г. т. I, стр. 423—424).

[2]) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1037; по р. пер. ч. Ш, 321.

[3]) Epist. de decretis Nic. syn. Migne t. 25, c. 20. col. 449; по р. пер. ч. I, стр. 340.

свящ. Писанія можно перетолковать: иначе имъ излишне было-бы перешептываться и перемигиваться; и однако тотчасъ-же выдаютъ свои мысли. Зачѣмъ-же послѣ этого прибѣгать къ такому таинственному способу совѣщаній между собою?.. Притомъ аріанамъ и не зачѣмъ было сообщать другъ другу о возможности приспособить тотъ или другой библейскій текстъ, при помощи діалектики, къ ихъ доктринѣ. Аріане, вѣроятно, хорошо знали всѣ нужныя для нихъ изреченія свящ. Писанія, знали и то, какъ ихъ толковать, чтобы не впасть въ противорѣчіе съ своими воззрѣніями. Такое предположеніе имѣетъ ручательство за свою достовѣрность какъ въ характерѣ аріанской ереси, такъ и въ степени образованности представителей аріанства на соборѣ. Аріанская ересь явилась не какъ слѣдствіе уклоненія отъ свящ. Писанія въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, а только какъ результатъ неправильнаго, точнѣе—неправильно-прилагаемаго метода толкованія св. Писанія: аріане всѣ свои воззрѣнія основывали на св. Писаніи (крайніе выводы радикальнаго аріанства, впрочемъ, были выражены уже не библейскими терминами), и если приходили къ ложнымъ заключеніямъ, то единственно благодаря своему экзегетическому методу. Поэтому ни одинъ текстъ библейскій не былъ страшенъ для нихъ: каждое изреченіе св. Писанія, какъ скоро проводилось сквозь ихъ методъ, превращалось въ ихъ доктрину. Каждый изъ аріанъ хорошо понималъ это. Зачѣмъ-же послѣ этого имъ нужно было совѣщаться между собою посредствомъ перешептываній и перемигиваній? Притомъ можно съ увѣренностью полагать, что представители аріанства, какъ люди очень образованные [1]), предъ

[1]) Между представителями аріанства на Никейскомъ соборѣ было много лицъ образованныхъ, таковы: извѣстный Евсевій Кесарійскій, Евсевій Никомидійскій, писавшій посланія, несомнѣнно, догматическаго содержанія ко всѣмъ церквамъ; его Созоменъ называетъ мужемъ ученымъ (ἄνδρα ἐλλόγιμον—virum doctissimum I. 15); Θеодоръ, епископъ Ираклійскій, котораго бл. Θеодоритъ называетъ „человѣкомъ весьма ученымъ (Mig. т. 82. 2; по рус. изд. гл. 3), и многіе другіе. Подробнѣе см. у проф. Ал. П. Лебедева „Изъ исторіи вселен. соб. IV и V вв.“ стр. 79—84.

отправленіемъ на соборъ внимательно и тщательно пересмотрѣли всѣ библейскія изреченія, относящіяся къ спорному догматическому вопросу, приспособили ихъ къ своей доктринѣ и сообщили результаты своихъ изслѣдованій своимъ единомышленникамъ еще до засѣданій собора, по крайней мѣрѣ, торжественныхъ, такъ что ни одно библейское выраженіе уже не было для нихъ неожиданностью, непредвидѣннымъ возраженіемъ. Новое доказательство того, что аріанамъ не зачѣмъ было перешептываться. Наконецъ, неестественно представлять, чтобы аріанскіе епископы, если ужъ имъ и понадобилось совѣщаніе между собою, стали подавать другъ другу знаки киваніемъ головы и перемигиваніемъ. Такіе способы передать свои мысли едва-ли съ полною вѣроятностью можно приписать аріанамъ, изъ которыхъ нѣкоторые были придворными лицами, знакомыми со всѣми правилами придворнаго этикета, притомъ лицами важными, пользующимися расположеніемъ государя и занимающими видное общественное положеніе. Вѣроятно дѣло происходило такъ. Болѣе образованные православные епископы, каковы напр. Александръ Александрійскій, Осія Кордубскій, Евстаѳій Антіохійскій и др., изъ личныхъ столкновеній съ аріанами, какихъ было не мало, особенно у Александра Александрійскаго, со времени появленія аріанства до Никейскаго собора, и изъ аріанскихъ сочиненій узнали, что аріане при помощи своего метода могутъ перетолковать каждое библейское выраженіе и что, слѣдовательно, вести споръ только на почвѣ св. Писанія значитъ не достигнуть никакихъ результатовъ, не опровергнуть аріанства, не утвердить православія. Эти ученые представители православныхъ поняли необходимость свести споръ на почву умозрѣнія и внести въ вѣроизложеніе философско-богословскій терминъ, который бы, совмѣщая въ себѣ смыслъ всѣхъ библейскихъ изреченій, изъясняющихъ догматы объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, въ то-же время не поддавался перетолкованіямъ. Очень вѣроятно, что эти ученые представители еще до собора или, по крайней мѣрѣ, до торжественныхъ засѣданій, намѣтили уже термины „ὁμοούσιος“ и

„ἐκ της οὐσίας“, какъ вполнѣ выражающіе церковное ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, намѣтили и постарались сообщить объ этомъ православнымъ епископамъ. Наше предложеніе находитъ себѣ поддержку въ показаніи Филосторгія[1]), что Александръ Александрійскій съ Осіею Кордубскимъ и нѣсколькими другими епископами еще до собора подготовили утвержденіе мнѣнія объ исповѣданіи Сына Божія единосущнымъ Отцу. Но прямо предложить такой терминъ, какого нѣтъ въ св. Писаніи, было не совсѣмъ удобно. Это могло дать поводъ аріанамъ, повидимому, съ правомъ говорить, что православное ученіе о Сынѣ Божіемъ основывается не на св. Писаніи, что оно простое измышленіе епископовъ. Съ другой стороны—термины, не находящіеся буквально въ св. Писаніи, могли возбудить нѣкоторое сомнѣніе и въ православныхъ епископахъ, не отличавшихся научнымъ образованіемъ. Особенно должно было возбудить сомнѣнія и опасенія слово „ὁμοούσιος“, которое было отвергнуто на Антіохійскомъ соборѣ противъ Павла Самосатскаго. Чтобы избѣжать всего этого, православные епископы рѣшили прежде провозглашенія „ὁμοούσιος“ внести на обсужденіе собора библейскія изреченія, которыя-бы, указывая равенство Сына Божія съ Отцемъ съ разныхъ сторонъ, въ совокупности своей неизбѣжно, съ логическою необходимостью приводили къ понятію „единосущія“. „Епископы, пишетъ Аѳанасій, собрали реченія писаній: сіяніе, источникъ, рѣка, образъ ипостаси и во свѣтѣ узримъ свѣтъ (Пс. 35. 10) и: „Азъ и Отецъ едино есма“ (Іоанн. 10. 30), и наконецъ—яснѣе и кратко написали: „Сынъ единосущенъ Отцу“, потомучто все сказанное выше имѣетъ сіе самое значеніе[2]). Такимъ образомъ епископы, предлагая разныя библейскія изреченія, не смотрѣли на эти послѣднія, какъ на вполнѣ удобныя для внесенія въ символъ и не думали окончательно остановиться на нихъ. Предлагая эти тер-

[1]) Сокращеніе ист. Филосторгія у Фотія кн. I гл. 7.

[2]) Epist. ad Afros. Migne t. 26. c. 6. col. 1040. Твор. ч. III. стр. 321—322.

мины на обсужденіе собора, епископы съ одной стороны желали показать недостаточность однихъ библейскихъ изреченій для опроверженія аріанства и необходимость внесенія не-библейскаго (метафизическаго) термина, который бы не поддавался перетолкованіямъ, съ другой—желали убѣдить всѣхъ въ томъ, что „единосущіе“—не произволъ, а имѣетъ своимъ источникомъ св. Писаніе, что хотя терминъ „ὁμοούσιος“ буквально и не находится въ библіи, но есть синтезъ библейскихъ изреченій. Внесеніе библейскихъ изреченій было для епископовъ не болѣе, какъ черновою работою, которую они показывали на соборѣ, чтобы убѣдить въ истинности бѣловой, предъявленіемъ процесса, приводящаго къ результату, но не самого результата. Что епископы такъ именно смотрѣли на предложеніе библейскихъ изреченій, это видно изъ самыхъ изреченій, внесенныхъ на соборъ. По сказанію Аѳанасія, отцы собора прежде всего предлагали выраженіе „Сынъ отъ Бога“ [1]). Но это выраженіе еще до собора Никейскаго было изъяснено въ аріанскомъ духѣ въ сочиненіи Георгія, епископа Лаодикійскаго [2]). Православные епископы, конечно, знали это и, понятно, не могли смотрѣть на выраженіе „Сынъ отъ Бога“, какъ на вполнѣ достаточное для обозначенія православнаго ученія и опроверженія аріанства, а слѣдовательно, и не думали на немъ остановиться. По сказанію же Аѳанасія, епископы предлагали выраженіе: „Сынъ есть истинная сила Божія“ [3]). Но опять они не могли смотрѣть на это выраженіе, какъ на окончательное: они знали о перетолкованіи его въ Аріевой Ѳаліи [4]), которая была составлена ранѣе Никейскаго собора [5]). Не такъ смотрѣли на

[1]) Объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. I. 338; къ афр. еписк. ч. III. 320.

[2]) Самое изъясненіе Георгія мы приводили выше, стр. 132.

[3]) Объ опред. Ник. соб. Твор. ч. I. 340. Посл. къ афр. еп. III. 321.

[4]) Мѣсто изъ Аріевой Ѳаліи находится въ тв. Аѳанасія ч. II. стр. 164.

[5]) Нашему положенію, повидимому, противорѣчитъ свидѣтельство Аѳанасія, что епископы спрашивали аріанъ объ ихъ мнѣніяхъ. „Епископы, пишетъ Аѳанасій, спрашивали сихъ немногихъ (аріанъ), не именуютъ ли они Сына не тварью,

предлагаемые отцами библейскіе термины аріане. На каждое изреченіе св. Писанія, вносимое на соборъ, они смотрѣли, какъ на окончательный результатъ дѣятельности епископовъ, какъ на послѣднее ихъ слово, и такъ какъ каждое изъ этихъ изреченій могло быть изъяснено въ аріанскомъ смыслѣ, то аріане радовались такому ходу дѣлъ. Положимъ, съ внесеніемъ каждаго новаго термина, почва подъ аріанами все болѣе и болѣе колебалась, такъ что аріане приходили въ смущеніе [1]). Но все же у нихъ оставалась еще надежда на побѣду; они думали, что православные не выйдутъ за предѣлы св. Писанія, а на почвѣ св. Писанія они могутъ отстоять свою доктрину. Поэтому, хотя смущенные нѣкоторыми болѣе выразительными библейскими терминами, говорившими противъ аріанства, однако все же убѣжденные, что въ концѣ концовъ они одержатъ верхъ надъ православными, обратятъ въ ничто ихъ труды,—съ готовностью, съ плохо скрываемымъ удовольствіемъ, принимали тезисы православныхъ. Эту-то слишкомъ поспѣшную и неосновательную радость аріанъ, это ихъ затаенное убѣжденіе, что они обошли православныхъ „простецовъ", ставившее ихъ самихъ въ комичное положеніе въ глазахъ епископовъ, знавшихъ къ чему клонилось дѣло, Аѳанасій и изображаетъ иронически, когда говоритъ, что аріане „перемигивались и перешептывались".

Мы отмѣтили особенности показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ. Но мы разсматривали показанія Аѳанасія отдѣльно отъ другихъ сказаній о соборѣ, разсматривали показанія, взятыя сами по себѣ. Для полноты же представленія мы должны разсмотрѣть эти показанія по сравненію съ показаніями Евсевія. Мы говоримъ „должны, "потомучто между показаніями Аѳанасія и

но силою, единою Отчею премудростію и т. д. (посл. къ афр. еписк. ч. III. 321). Если спрашивали, то, слѣдовательно, сами не знали. Но это только повидимому. Вопросъ здѣсь былъ одною формою и употреблялся для болѣе нагляднаго и раздѣльнаго веденія дѣла.

[1]) Посл. объ опред. Ник. соб. Твор. ч. I. 340.

Евсевія существуетъ нѣкоторое разногласіе; слѣдовательно, нужно опредѣлить, какъ смотрѣть на это разногласіе, насколько можно довѣрять разногласящимъ показаніямъ и какъ можно пользоваться ими. Разногласіе между Евсевіевыми и Аѳанасіевыми показаніями состоитъ въ слѣдующемъ. По Евсевію, главнымъ рѣшителемъ спорнаго вопроса на Никейскомъ соборѣ былъ самъ императоръ: онъ предложилъ внести въ символъ слово „ὁμοούσιος“ — „единосущный“; онъ же далъ и объясненіе этого слова. Между тѣмъ, по изображенію Аѳанасія, догматическая дѣятельность собора, поскольку она выразилась въ составленіи Никейскаго символа, принадлежала исключительно отцамъ собора, безъ всякаго активнаго участія императора (о немъ даже не упоминается). Далѣе, по сказанію Евсевія, въ основу Никейскаго символа былъ принятъ его собственный символъ, хотя съ нѣкоторыми измѣненіями. Не такъ представляется дѣло у Аѳанасія: у него вѣроизложеніе Никейское не ставится ни въ какое отношеніе къ символу Евсевія (о послѣднемъ ни говорится ни слова): редакція его представляется самостоятельною и независимою. Конечно, мы не можемъ, на основаніи этого разногласія заподозрить достовѣрность котораго-нибудь сказанія и принять его за простую выдумку. Мы не можемъ этого сдѣлать по отношенію къ сказанію Евсевія, потомучто историческая достовѣрность его показаній опирается на довѣріи къ нему самого Аѳанасія и древнихъ церковныхъ историковъ. Тѣмъ болѣе не можемъ сдѣлать этого по отношенію къ сказаніямъ Аѳанасія: за достовѣрность его показаній ручаются личныя качества святителя, его нравственная чистота и безупречность, дѣлающія невозможнымъ для него намѣренное утаиваніе истины. Притомъ самое разногласіе между Евсевіемъ и Аѳанасіемъ, по нашему мнѣнію, не такого рода, чтобы оно необходимо говорило за недостовѣрность показаній кого-нибудь изъ нихъ. Каждый изъ нихъ, разсказывая о Никейскомъ соборѣ, хотя не упоминаетъ о томъ, что повѣствуется другимъ, но и не отрицаетъ прямо этого. Такъ Евсевій, свидѣтельствуя, что слово „ὁμοούσιος“ предложено было импера-

торомъ, однако не говоритъ, что только одинъ императоръ и онъ первый предложилъ этотъ терминъ; слѣдовательно, онъ не отрицаетъ прямо и того, что къ этому термину пришли отцы путемъ разбора библейскихъ изреченій и они первые предлагали его, какъ повѣствуетъ Аѳанасій. Намъ думается даже, что показаніе Евсевія не только не отрицаетъ повѣствованія Аѳанасія, но ручается за него и предполагаетъ его. Изъ описанія Евсевія видно, что когда императоръ предложилъ внести въ символъ слово „ὁμοούσιος“, это никого не поразило своею новостью, неожиданностью, оно принято было членами собора, какъ нѣчто ожидаемое. Очевидно, это слово было уже знакомо собору, очевидно, о немъ долго уже разсуждали. Въ противномъ случаѣ это слово, не находящееся буквально въ библіи и отвергнутое Антіохійскимъ соборомъ, должно бы изумить всѣхъ, вызвать бурные споры и прекословія. Равнымъ образомъ Евсевій, свидѣтельствуя, что въ основу Никейскаго символа легъ его собственный символъ, не отрицаетъ и самостоятельности отцовъ въ составленіи символа. Онъ говоритъ, что епископы сдѣлали дополненія къ его выраженіямъ; а сличеніе символа Евсевія съ символомъ собственно Никейскимъ показываетъ, что отцы совсѣмъ передѣлали первый, такъ что съ правомъ могли сказать о себѣ, что они самостоятельно составили вѣроизложеніе. Точно также и показанія Аѳанасія не исключаютъ вполнѣ показаній Евсевія. По Аѳанасію, епископы сами предложили и написали „ὁμοούσιος“; но отсюда еще не слѣдуетъ, что императоръ не могъ предложить и не предлагалъ этого термина отъ себя: онъ могъ одобрить предложеніе отцовъ, могъ высказаться въ пользу „ὁμοούσιος“, что близко подходитъ къ показанію Евсевія. Не исключаютъ показанія Аѳанасія и того, что въ основу символа Никейскаго легъ символъ Евсевія. Аѳанасій въ своихъ повѣствованіяхъ передаетъ не процессъ составленія символа, а процессъ, приведшій отцовъ собора къ терминамъ „ὁμοούσιος“ и „ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρός“, и не отрицаетъ показанія Евсевія, что епископы внесли эти термины въ его сим-

волъ. Очевидно, что повѣствованія Аѳанасія и Евсевія представляются разногласящими только вслѣдствіе своей относительной краткости, оттого, что Аѳанасій и Евсевій, преслѣдуя каждый свои цѣли, брали изъ исторіи собора только нѣкоторыя черты, какія имъ нужны были, и опускали другія—ненужныя. А такъ какъ цѣли ихъ были различны, Евсевію нужно было указать на сходство Никейскаго символа съ своимъ символомъ, а Аѳанасію доказать законность терминовъ: „ὁμοούσιος“ и „ἐκ τῆς οὐσίας“,—то и описанія собора вышли у нихъ неодинаковы. Поэтому сказанія Евсевія и Аѳанасія, какъ взаимно себя не исключающія, могутъ быть примирены и соглашены... Но отъ возможности нельзя заключать къ дѣйствительности: a posse ad esse non valet consequentia. И въ нашемъ вопросѣ, къ несчастію, слишкомъ осязательно обнаруживается вся сила и значеніе этого положенія формальной логики. Мы показали, что примиреніе между показаніями Аѳанасія и Евсевія возможно, и объяснили существующее между ними разнорѣчіе различіемъ цѣлей, какія имѣли тотъ и другой при написаніи своихъ сочиненій. Но объяснить разногласіе не значитъ устранить его, равнымъ образомъ показать возможность примиренія не значитъ дѣйствительно примирить. И если объяснить разногласіе между Евсевіемъ и Аѳанасіемъ и доказать возможность примиренія ихъ показаній не трудно, то устранить это разногласіе и примирить два рода сказаній, примирить такъ, чтобы не оставалось мѣста никакому сомнѣнію, дѣло вовсе нелегкое. „Доселѣ еще ни одному ученому не удалось поставить въ гармонію и связь два рода сказаній о Никейскомъ соборѣ—Аѳанасіевыхъ и Евсевіевыхъ, говоритъ проф. Ал. П. Лебедевъ; доселѣ каждый изъ ученыхъ, писавшихъ о Никейскомъ соборѣ, давалъ такое или иное мѣсто сказаніямъ Аѳанасія и Евсевія въ исторіи Никейскаго собора по своему личному усмотрѣнію, потомучто не выработано достаточныхъ критеріевъ для разрѣшенія вопроса, потомучто соединить два рода указанныхъ сказаній очень трудно, если не невозможно (удастся-ли когда-либо кому-либо соглашеніе сказаній

этихъ—дѣло сомнительное“ [1])... „Какъ ни примиряй эти сказанія двухъ древнихъ писателей, говоритъ Ал. П. Лебедевъ далѣе, все-таки остается мѣсто сомнѣнію: такъ-ли это“? [2]). Поэтому, не претендуя на полное, а тѣмъ болѣе на вполнѣ вѣрное примиреніе Аѳанасіевыхъ и Евсевіевыхъ сказаній о Никейскомъ соборѣ, мы представимъ только предположительное рѣшеніе вопроса о соглашеніи двухъ родовъ сказаній о Никейскомъ соборѣ, представимъ только гипотезу примиренія показаній Аѳанасія и Евсевія. По нашему мнѣнію, сказанія Аѳанасія и Евсевія нужно ставить рядомъ, одно послѣ другаго, такъ чтобы второе непосредственно слѣдовало за первымъ, и самую дѣятельность собора представлять въ такомъ видѣ. Когда православные епископы путемъ разбора библейскихъ изреченій показали, что съ одной стороны—нельзя ограничиться одними библейскими выраженіями, такъ какъ аріане перетолковываютъ эти выраженія въ свою пользу, а съ другой—что совокупность библейскихъ терминовъ выражаетъ собою понятіе „единосущія“, тогда они вѣроятно предложили внести въ символъ уже ранѣе намѣченные болѣе образованными православными епископами термины, которые, хотя и не находились буквально въ св. Писаніи, но основывались на немъ и притомъ освящены были преданіемъ, т. е. „ἐκ τῆς οὐσίας“ и „ὁμοούσιος“. Объ этомъ очень усопредѣленно и ясно говоритъ Аѳанасій: „Отцы, пишетъ онъ, усмотрѣвъ ихъ (аріанъ) коварство и злокозненность, вынуждены были, наконецъ, яснѣе выразить реченіе „отъ Бога“ и написать, что „Сынъ отъ Божіей сущности“ (οἱ πατέρες... ἠναγκάσθησαν λοιπὸν λευκότερον εἰπεῖν τὸ ἐκ τοῦ Θεοῦ, καὶ γράψαι, ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Θεοῦ εἶναι τὸν Υἱόν) [3]). Подобнымъ образомъ говоритъ Аѳанасій и о внесеніи слова „ὁμοούσιος“. „Епископы,

[1]) „Изъ исторіи вселенск. соб. IV и V вв.“ стр. 88.

[2]) Ibid. стр. 92.

[3]) De decret. Nic. syn. Migne t. 25. col. 449. c. 19. Твор. ч. I. 338. Ср. также Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1047. c. 5. Твор. ч. III. 320—321.

усмотрѣвъ ихъ (аріанъ) лицемѣріе, сами вынуждены были вновь извлечь смыслъ изъ писаній, и что сказали прежде, тоже опять раскрыть и написать яснѣе, а именно, что Сынъ единосущенъ Отцу" (οἱ ἐπίσκοποι θεωρήσαντες τὴν ὑπόκρισιν ἐκείνων, ἠναγκάσθησαν καὶ αὐτοὶ αὖθις συναγαγεῖν ἐκ τῶν γραφῶν τὴν διάνοιαν... καὶ ἅπερ πρότερον ἔλεγον, ταῦτα πάλιν λευκότερον εἰπεῖν καὶ γράψαι, ὁμοούσιον εἶναι τῷ Πατρὶ τὸν Υἱόν") [1]. Изъ приведенныхъ словъ видно, что епископы, какъ скоро выяснилось, что аріане изъясняютъ библейскіе тексты въ свою пользу, тотчасъ сами предложили термины: ἐκ τῆς οὐσίας" и „ὁμοούσιος": промежутка между разборомъ библейскихъ выраженій и предложеніемъ этихъ терминовъ никакого не было. На этомъ оканчивается сказаніе Аѳанасія. Изъ дальнѣйшей исторіи Аѳанасій указываетъ только на заключительный актъ, что предложенные отцами термины были написаны, т. е. внесены въ символъ [2]. Дѣло же, вѣроятно, происходило такъ. При предложеніи отцами терминовъ: „ἐκ τῆς οὐσίας" и „ὁμοούσιος" возникъ споръ, можетъ быть, тотъ „великій споръ" (πολλὴ ἀμφιλογία), о которомъ говоритъ Евсевій въ „Жизни Константина" [3]. Аріане, видя въ этихъ терминахъ полный подрывъ своей доктрины, не соглашались съ ними и возражали противъ нихъ; православные-же, не видя возможности точно и опредѣленно, безъ опасности быть перетолкованными, выразить догматическое ученіе о Сынѣ Божіемъ

[1] De decretis Nic. syn. Migne t. 25. c. 20. col. 452 Тв. ч. I. 340—341. Ср. Epist. ad Afros. Migne t. 26. c. 6. col. 1040. Твор. ч. III. 321—322.

[2] Самъ Аѳанасій не полагаетъ промежутка между разборомъ библейскихъ изреченій, предложеніемъ терминовъ „ἐκ τῆς οὐσίας" и „ὁμοούσιος" и внесеніемъ ихъ въ символъ: по его описанію, эти термины предложены были и внесены въ символъ одновременно, непосредственно послѣ разбора библейскихъ выраженій. Но здѣсь не болѣе, какъ краткость сказанія Аѳанасія, обусловливаемая тѣмъ, что вопросъ о процессѣ составленія самого символа былъ внѣ прямыхъ цѣлей Аѳанасія. Внесеніе терминовъ „ἐκ τῆς οὐσίας" и „ὁμοούσιος" въ символъ, какъ видно изъ посланія Евсевія, происходило при другихъ обстоятельствахъ, много спустя послѣ предлеженія ихъ отцами.

[3] III. 13.

изреченіями св. Писанія, не отступались отъ этихъ терминовъ, изъясняли ихъ смыслъ и значеніе и доказывали ихъ законность. Среди этихъ споровъ и выступилъ Евсевій Кесарійскій, представитель полуаріанской партіи. Не примыкая по своимъ догматическимъ воззрѣніяхъ ни къ православнымъ, ни къ строгимъ аріанамъ и составляя середину между ними, онъ думалъ своимъ вѣроизложеніемъ устроить компромиссъ между спорившими и примирить ихъ. Съ этого момента и излагаетъ исторію собора Евсевій въ своемъ посланіи къ кесарійцамъ: здѣсь выразилось дѣятельное участіе императора, предложившаго слово „ὁμοούσιος", ранѣе высказанное и разъясненное отцами, и примирившаго споришихъ (о чемъ говорится въ „Жизни Константина") [1]), здѣсь же былъ составленъ и символъ Никейскій на основаніи символа Евсевія Кесарійскаго. Но все это не противорѣчитъ показаніямъ Аѳанасія, который описываетъ болѣе раннія дѣянія собора. Нѣкоторые ученые, впрочемъ, не соглашаются съ подобнымъ расположеніемъ сказаній Аѳанасія и Евсевія. „Сличеніе символа Никейскаго съ Кесарійскимъ, говоритъ напр. о. Иванцовъ, приводитъ къ тому заключенію, что между предложеніемъ Евсевія Кесарійскаго и принятіемъ окончательной редакціи Никейскаго символа происходило самое тщательное и многостороннее разсмотрѣніе каждаго термина новой редакціи; и вотъ здѣсь то, вѣроятно, и было мѣсто разсужденіямъ о наилучшемъ выраженіи ученія о Сынѣ Божіемъ, какія описываетъ Аѳанасій въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Некейскаго собора" [2]). Но это едвали такъ. Прежде всего съ этимъ мнѣніемъ не согласуется прямой смыслъ повѣствованія Евсевія. Евсевій свидѣтельствуетъ, что провозглашеніе символа послѣ того, какъ принялъ опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ императоръ, произошло быстро и безъ особыхъ споровъ. Онъ говоритъ, что

[1]) Ш. 13.

[2]) Религіозныя движенія на христ. востокѣ въ IV и V вв. стр. 113.

когда прочиталъ на соборѣ свой символъ, то ни откуда не послѣдовало возраженій (οὐδενὶ παρῆν ἀντιλογίας τόπος [1]): этого онъ никакъ не могъ бы сказать, если-бы между предложеніемъ его вѣроизложенія и окончательной редакціей символа Никейскаго происходили тѣ изысканія отцовъ, о которыхъ повѣствуетъ Аѳанасій. Не благопріятствуютъ мнѣнію о. Иванцова и сказанія Аѳанасія. По Аѳанасію, отцы стали разсуждать и пріискивать библейскія изреченія по поводу ученія строгихъ аріанъ, по поводу крайнихъ аріанскихъ тезисовъ, а не по поводу только неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ выраженій Евсевіева символа. „Собравшіеся епископы, пишетъ Аѳанасій, хотѣли отстранить злочестивыя выраженія, изобрѣтенныя аріанами, каковы: изъ несущихъ, именованіе Сына тварью и произведеніемъ, было, когда Сынъ не былъ, Сынъ измѣняемъ по естеству, и написать употребляемыя всѣми выраженія, взятыя изъ писаній....“ [2]). Далѣе, Аѳанасій замѣчаетъ, что епископы подбирали библейскіе термины и говорили, что „нужно написать (δεῖν γραφῆναι, γράψαι) ихъ“ [3]). Но зачѣмъ было епископамъ подбирать термины и говорить, что „нужно написать“ ихъ, если бы разсужденія происходили послѣ предложенія Евсевіемъ своего символа? Почти всѣ эти термины были уже подобраны и написаны въ символѣ Евсевія: оставалось только провѣрить ихъ и или утвердить или исключить (но не написать). Наконецъ, если бы разсужденія, описываемыя Аѳанасіемъ, были вызваны символомъ Евсевія и имѣли мѣсто послѣ предложенія этого символа на соборѣ, то епископы стали бы разсматривать исключительно тѣ выраженія и въ томъ самомъ порядкѣ, какія и въ какомъ употреблены Евсевіемъ, и только въ томъ случаѣ, если бы всѣ выраженія Евсевіева символа оказались не-

[1]) Epist. ad Caesarienses. Migne t. 20. col. 1540. c. 4. Дѣяніе I. 193.

[2]) Посл. къ афр. еписк. Твор. ч. III. 320; ср. объ опр. Ник. соб. I. 338.

[3]) Объ опр. Ник. соб. Тв. ч. I. 338—340. Migne t. 25. c. 19—20. Ср. посл. къ афр. еписк. Твор. ч. III. 320.

достаточными для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу, стали бы подыскивать и предлагать другія.... Не такъ происходитъ дѣло. Съ одной стороны отцы предлагаютъ и изслѣдуютъ такія библейскія изреченія, какихъ нѣтъ въ символѣ Евсевія или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ въ той опредѣленной и точной формѣ, въ какой изслѣдуютъ эти изреченія отцы: отцы предлагаютъ изреченія: Сынъ истинный Богъ (Θεὸς ἀληθινός), истинная сила (δύναμις ἀληθινή), единая Отчая премудрость (σοφία μόνη τοῦ Πατρός), сіяніе свѣта и образъ ипостаси Отчей (ἀπαύγασμα τῆς δόξης καὶ χαρακτὴρ τῆς τοῦ Πατρὸς ὑποστάσεως) и мн. др.[1]); между тѣмъ въ символѣ Евсевія большей части этихъ выраженій нѣтъ; нѣкоторыя же изъ нихъ употреблены, но въ болѣе неопредѣленной формѣ: Сынъ называется у него только „Богомъ отъ Бога" (Θεὸν ἐκ Θεοῦ), но не истиннымъ Богомъ, „свѣтомъ отъ свѣта" (φῶς ἐκ φωτός), но не сіяніемъ свѣта и образомъ ипостаси Отчей[2]). Съ другой стороны, о нѣкоторыхъ выраженіяхъ, находящихся въ символѣ Евсевія, нѣтъ рѣчи у отцовъ. Такъ отцы вовсе не изслѣдуютъ выраженій: „жизнь отъ жизни" (ζωὴ ἐκ ζωῆς), перворожденный всея твари, прежде вѣкъ отъ Отца рожденный (πρωτοτόκος πάσης κτίσεως, πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατρὸς γεγεννημένος[3]), которыя заключаются въ символѣ Евсевія. А они непремѣнно стали бы разсуждать объ этихъ терминахъ, если бы были вызваны на разсужденіе вѣроизложеніемъ Евсевія. Въ силу всего сказаннаго никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ о. Иванцова и вставить показанія Аѳанасія, заключающіяся въ его двухъ посланіяхъ, въ середину сказанія Евсевія. Заключая свои попытки примиренія показаній Аѳанасія и Евсевія, мы можемъ сказать, что Аѳанасій и Евсевій описыва-

[1]) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1037. c. 5 Твор. ч. III. 320. cp. Epist. de decretis Nic. syn. Migne t. 25. col. 419. c. 20. Твор. ч. I. 340.

[2]) Epist. ad Caesarienses. Migne t. 20. col. 1537. c. 3. Дѣяніе I. 192.

[3]) Ibid.

ютъ разные моменты соборной дѣятельности: Аѳанасій описываетъ начало (точнѣе—середину) собора, а Евсевій—конецъ. При такомъ размѣщеніи этихъ сказаній между ними не будетъ разногласія, и можно воспользоваться обоими этими показаніями въ ихъ цѣломъ видѣ. Только одно показаніе Аѳанасія, что епископы „написали" термины „ὁμοούσιος" и „ἐκ τῆς οὐσίας" тотчасъ послѣ того, какъ предложили ихъ, нужно признать не вполнѣ исторически-послѣдовательнымъ и отнести его къ заключительному акту, описанному Евсевіемъ.

Стоя на строго-исторической точкѣ зрѣнія, мы отмѣтили нѣкоторыя особенности въ повѣствованіяхъ Аѳанасія о соборѣ, недомолвки, пропуски, неопредѣленности, обусловливающіяся практическимъ характеромъ самыхъ посланій. Но при всемъ томъ показанія Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, заключающіяся въ его двухъ посланіяхъ, очень важны. Повѣствованія Аѳанасія доставляютъ намъ очень много интересныхъ свѣдѣній о соборѣ, не сообщаемыхъ другими писателями: они (повѣствованія) раскрываютъ предъ нами весьма важный и существенный моментъ соборной дѣятельности, когда епископы путемъ разбора библейскихъ изреченій пришли къ терминамъ: „ἐκ τῆς οὐσίας" и „ὁμοούσιος", которыми закончилась догматическая дѣятельность перваго вселенскаго собора. Если къ сказанному прибавить, что у Аѳанасія кромѣ показаній, заключающихся въ двухъ посланіяхъ „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора" и „къ африканскимъ епископамъ", не мало по разнымъ мѣстамъ разбросано другихъ замѣтокъ о Никейскомъ соборѣ, правда, краткихъ, иногда не совсѣмъ опредѣленныхъ, но все-же весьма цѣнныхъ, то мы должны очень высоко ставить сочиненія Аѳанасія, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора. Въ частности сочиненія Аѳанасія даютъ намъ слѣдующія показанія о Никейскомъ соборѣ:

1. Указываютъ поводъ и цѣль созванія Никейскаго собора. Поводомъ къ созванію собора было разногласіе христіанъ касательно времени празднованія Пасхи и возникновеніе аріанской ере-

си [1]). На расколъ Мелетія Аѳанасій хотя и не указываетъ, какъ на одинъ изъ поводовъ къ созванію собора (на что указываетъ Евсевій въ „Жизни Константина"), но говоритъ, что на соборѣ разсматривалось и дѣло мелетіанъ: они были приняты въ общеніе [2]). Цѣль собора состояла въ томъ, чтобы „праздникъ Пасхи совершаемъ былъ въ одинъ день, а возникающая ересь предана анаѳемѣ" [3]) или, какъ говоритъ Аѳанасій въ другомъ мѣстѣ, „чтобы разсудить о вѣрѣ" (περὶ πίστωες—de fide ageretur [4]).

2. Сочиненія Аѳанасія даютъ показанія о числѣ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ. Число епископовъ въ разныхъ сочиненіяхъ Аѳанасій опредѣляетъ различно. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ Аѳанасій опредѣляетъ число епископовъ въ 300 [5]). Въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора" говоритъ, что епископовъ было около 300: „болѣе или менѣе 300", (ἦσαν πλέον ἢ ἔλασσον τριακόσιοι) [6]). Въ посланіи же „къ африканскимъ епископамъ" онъ точно обозначаетъ число епископовъ Некейскаго собора: „вселенскій соборъ былъ изъ трехъ сотъ осьмнадцати сошедшихся епископовъ (οἰκουμενικὴ γέγονεν ἡ ἐν Νικαίᾳ σύνοδος τριακοσίων δέκα καὶ ὀκτὼ συνελθόντων ἐπισκόπων) [7]). Какое изъ этихъ показаній вѣрнѣе или можно ли послѣднее показаніе принимать за вполнѣ точное обозначеніе дѣйствительнаго числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ, рѣшительно сказать трудно. Древнія историческія свидѣтельства преимущественно говорятъ о 318 отцахъ (впрочемъ, только отцахъ, а не епископахъ) Никейскихъ.

1) Epist. de synodis. Mign. t. 26. c. 5. col. 688. Твор. ч. III. 109.

2) Apologia contra arianos. Mign. t. 25. col. 356. c. 59.

3) Ep. de synodis. Mign. t. 26. c. 5. col. 688. Твор. ч III. 109.

4) Epist. ad Afros. Mign. t. 26. c. 2. col. 1032. Твор. ч. III. 315.

5) Apologia contra arianos. Migne t. 25. col. 285. c. 23.; col. 289. c. 25. De synodis. t. 26. col. 768. c. 43. Historia arian. ad monachos. Mign. t. 25. col. 773. c. 67.

6) De decret. Nic. syn. Mign. t. 25. col. 428. c. 3. Твор. ч. 1. 313.

7) Ep. ad Afros. Migne t. 26. col. 1032. c. 2. Твор. ч. III. 315.

Напр. первое правило 2-го вселенскаго собора говоритъ: „да не отмѣняется вѣра трехъ сотъ осьмнадцати отцовъ (τῶν πατέρων τῶν τριακοσίων δεκαοκτώ), бывшихъ на соборѣ въ Никеѣ, что въ Виѳиніи“. Послѣдующія свидѣтельства также рѣшительно останавливаются именно на числѣ 318. Но это число едва ли можно считать вполнѣ несомнѣннымъ. Современники и очевидцы собора говорятъ о числѣ епископовъ только приблизительно: Евсевій говоритъ, что епископовъ было болѣе 250 [1]); Евстаѳій Антіохійскій свидѣтельствуетъ, что епископовъ присутствовало „около 270“, и при этомъ замѣчаетъ, что точно опредѣлить число епископовъ онъ не можетъ [2]). Вѣроятно, не зналъ точно числа епископовъ и самъ Аѳанасій, потомучто въ противномъ случаѣ вездѣ, а особенно въ посланіи „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ онъ указалъ бы точное число, а не приблизительное. Второй вселенскій соборъ принялъ число 318 тоже, вѣроятно, не какъ исторически-точное, а только какъ болѣе распространенное и обычное. Въ доказательство нашей мысли можно сослаться на Сократа и Созомена. Эти историки указываютъ, какъ и современники собора, только приблизительное количество епископовъ (Сократъ—болѣе 300 [3]), а Созоменъ—около 320 [4]). Но они, какъ жившіе послѣ 2-го вселенскаго собора, несомнѣнно приняли бы показаніе этого послѣдняго о числѣ Никейскихъ отцовъ, если-бы это показаніе считалось самимъ соборомъ за вполнѣ точное. Въ объясненіе же того, почему самъ Аѳанасій, а за нимъ и другія древнія сказанія останавливаются именно на числѣ 318, можно сказать слѣдующее. Число 318—число библейское: у Авраама было 318 рабовъ, когда онъ освобождалъ Лота изъ плѣна; а въ освобожденіи Авраамомъ Лота изъ плѣна тогдашніе христіане усма-

[1]) „Жизнь Константина“ Ш. 8.

[2]) Церковн. ист. Ѳеодорита 1, 8. Mign. t. 82 c. 7.

[3]) Сокр. церк. ист. 1. 8.

[4]) Созоменъ. 1. 17.

тривали аналогію съ дѣятельностію Никейскаго собора. Иларій Пуатьескій такъ напр. говоритъ о числѣ 318 Никейскихъ епископовъ: „самое то число (318) для меня священно, потомучто при такомъ числѣ Авраамъ—побѣдитель нечестивыхъ царей (Быт. 14. 14) получаетъ благословеніе отъ того, который былъ образомъ вѣчнаго священства" [1]). Тоже самое говоритъ Амвросій Медіоланскій въ посланіи къ Граціану [2]). Съ другой стороны, число 318 въ переводѣ на буквы греческаго алфавита изображается такъ: ТІИ, т. е. Т, по таинственному толкованію, означало здѣсь состязавшихся за крестъ, ІИ—за святое имя Іисуса [3]). Этотъ-то мистическій смыслъ числа 318 и былъ, вѣроятно, причиною того, что древніе любили останавливаться именно на числѣ 318, когда опредѣляли количество отцовъ Никейскихъ [4]).

3. Сочиненія Аѳанасія показываютъ, что православные епископы, прежде чѣмъ начать изысканія о наилучшемъ выраженіи ученія о Сынѣ Божіемъ и его равенствѣ съ Отцомъ, выслушали мнѣнія аріанъ. Аѳанасій говоритъ, что епископы стали подыскивать изреченія св. Писанія, чтобы искоренить злочестивыя реченія аріанскія: эти реченія несомнѣнно были высказаны аріанами на соборѣ. Аріане, какъ можно догадываться изъ словъ Аѳанасія, высказали свои крайнія воззрѣнія: „Сынъ изъ несущихъ (ἐξ οὐκ ὄντων), тварь и произведеніе (κτίσμα καὶ ποίημα), было, когда Сынъ не былъ (ἦν ποτε, ὅτε οὐκ ἦν), измѣняемъ по естеству (τρεπτῆς ἐστι φύσεως) [5]), потомучто эти именно выраженія епископы желали устранить. Во главѣ аріанъ, выступившихъ на соборѣ для изложенія своихъ мнѣній, былъ Евсевій Никомидійскій, а не самъ Арій. Аѳанасій называетъ выступившихъ аріанъ „ев-

1) Hilarii „de synodis". Mign. t. 10. ser. lat. col. 538—539. c. 86.

2) Mansi sac. conc. col. t. II. col. 637.

3) Лекціи Стаплея. Прав. Обозр. 1863. II т. стр. 41.

4) Точнаго списка Никейскихъ отцовъ до насъ не сохранилось; но дошедшіе памятники на различныхъ языкахъ не доводятъ счетъ епископовъ до 318.

5) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1037. c. 5. Твор. ч. III. 320.

севіанами“. Но былъ допрашиваемъ на соборѣ и Арій. Въ окружномъ посланіи къ епископамъ Египта и Ливіи Аѳанасій, подробно изложивъ ученіе Арія, прибавляетъ: „всѣ, отовсюду сошедшіеся на соборъ въ Никею, епископы заграждали себѣ слухъ при сихъ словахъ“: (ἐν τῇ κατὰ Νίκαιαν συνόδῳ οἱ συνελθόντες πάντες παντοχόθεν ἐπίσκοποι τὰς μὲν ἀκοὰς ἐπὶ τούτοις ἐκράτουν)[1]). Ясно, что и самъ Арій излагалъ предъ соборомъ свое ученіе, хотя не видно, когда именно, въ какой моментъ это было. Предположительно только можно утверждать, что Арія допрашивали ранѣе выступленія Евсевія Никомидійскаго, такъ какъ православные епископы стали подбирать библейскіе термины для устраненія собственно евсевіанскихъ мнѣній. Аріанскія воззрѣнія, хотя были крайне возмутительны, такъ что православные епископы „заграждали себѣ слухъ“, однако не просто были отвергнуты соборомъ. „Хотя все предлагаемое аріанами, пишетъ Аѳанасій, исполнено было злочестія, однако же собравшіеся епископы кротко и человѣколюбиво потребовали у нихъ представить основаніе и благочестивыя доказательства на то, что они предлагали“ (οἱ συνελθόντες ἐπίσκοποι πράως καὶ φιλανθρώπως ἀπήτουν αὐτοὺς περὶ ὧν ἔλεγον, διδόναι λόγον καὶ ἀποδείξεις εὐσεβεῖς)[2]). Какіе способы употребляли аріане для защиты своихъ воззрѣній, объ этомъ Аѳанасій говоритъ въ другомъ мѣстѣ: они защищали ересь хитрыми способами: „искусствомъ и еллинскими лжеумствованіями“ (τέχνῃ τινὶ καὶ σοφίσμασι ἑλληνικοῖς)[3]). Но защитить своихъ мнѣній аріане не могли: еллинскія лжеумствованія не могли убѣдить отцовъ, требовавшихъ положительныхъ доказательствъ; притомъ у аріанъ и между собою выходили какія-то разногласія и препирательства, что вполнѣ естественно, такъ какъ аріане

[1]) Ep. encyclica ad episc. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 567; Твор. ч. I. 419.

[2]) De decretis Nic. syn. Migne t. 25, col. 428. Твор. ч. I. 313—314.

[3]) Epist. encyclica ad ep. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 580. c. 18. Твор. ч. I. 426.

раздѣлялись на строгихъ и умѣренныхъ и признаваемое одними не признавалось другими [1]). Поэтому епископы отвергли и осудили ихъ мнѣнія, какъ совершенно ложныя. „Послику же, едва начавъ говорить, подвергались осужденію и начали препираться между собою (πρὸς ἑαυτοὺς διεμάχοντο), то, видя великую неосновательность своей ереси, оставались они безмолвными и молчаніемъ своимъ сознавались, что стыдятся своего зловѣрія, а потому епископы осудили придуманныя ими реченія" [2]).

4. Сочиненія Аѳанасія передаютъ самый процессъ, приведшій православныхъ епископовъ къ новой формулировкѣ церковнаго ученія о Сынѣ Божіемъ. Православные епископы, отвергнувши техническія выраженія аріанъ о Сынѣ Божіемъ, остановились сначала на тѣхъ выраженіяхъ, которыя освящены были древностью, заключались въ символахъ и взяты были прямо изъ св. Писанія. Но этотъ пріемъ оказался не совсѣмъ удачнымъ: аріане, соглашаясь съ предлагаемыми библейскими изреченіями, все-же оставались при своихъ прежнихъ воззрѣніяхъ. Напр. въ отвѣтъ на предложеніе внести въ символъ выраженіе „ἐκ τοῦ Θεοῦ" евсевіане изъявили свое согласіе, но „вѣдь и все отъ Бога, прибавляли они, ибо единъ Богъ, изъ Него же вся" (1 Кор. 8. 6; 2 Кор. 5. 18). Затѣмъ предложенъ былъ цѣлый рядъ библейскихъ выраженій для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу. Но и этихъ выраженій было недостаточно для устраненія аріанства: аріане противопоставляли этимъ выраженіямъ другія, ослабляющія значеніе первыхъ и дающія имъ иной смыслъ..... Когда стало ясно, что одними библейскими изреченіями невозможно выразить церковное ученіе такъ, чтобы оно не могло быть перетолковано аріанами, епископы перемѣняютъ тактику: по прежнему

[1]) См. Moehler. Athanase le grand et l'église de son temps. t. II. p. 16.

[2]) De decr. Nic. syn. Migne t. 25. col. 428. c. 3. Твор. ч. I. 314; также Ep. encycl. ad ep. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 567, 577, 579. Apologia contra arianos. Migne t. 25. col. 286. 358. Orat. I. contra arianos. Migne t. 26. col. 25. De synodis. Migne t. 26. col. 764 et cet.

твердо держась смысла св. Писанія въ ученіи о Сынѣ Божіемъ, они обобщаютъ библейскія изреченія и общій смыслъ ихъ передаютъ уже не въ библейскихъ, а умозрительныхъ философско-богословскихъ терминахъ, которые не поддавались перетолкованіямъ аріанъ. Такъ мысль о предвѣчномъ моментѣ происхожденія Сына отъ Отца, заключающуюся въ библейскомъ выраженіи „ἐκ τοῦ Θεοῦ", они обозначаютъ терминомъ „ἐκ τῆς οὐσίας". Единосущіе Сына съ Отцемъ, въ библіи выражающееся многими изреченіями, какъ-то: сіяніе славы, образъ ипостаси, Азъ и Отецъ едино есма" и т. п., они обозначаютъ терминомъ „ὁμοούσιος", который равнялся суммѣ всѣхъ библейскихъ изреченій. Впрочемъ, эти термины взяты были епископами не прямо изъ философіи: они употреблялись въ сочиненіяхъ знаменитыхъ отцовъ и учителей древней церкви: Θеогноста, Діонисія Александрійскаго, Діонисія Римскаго и Оригена [1]).

5. Въ сочиненіяхъ Аθанасія мы находимъ указаніе на Осію Кордубскаго, какъ составителя Никейскаго символа. Въ посланіи „къ монахамъ" Аθанасій приводитъ слѣдующія слова аріанъ: „Онъ (Осія) предсѣдательствуетъ на соборахъ, писаніямъ его вездѣ внимаютъ; онъ и въ Никеѣ излагалъ вѣру (τὴν ἐν Νικαίᾳ πίστην ἐξέθετο)" [2]). Конечно, приведенное извѣстіе не вполнѣ точно: объ этомъ говорятъ аріане; а имъ нужно было указать только на одного Осію, выставить только его заслуги православію и вредъ аріанству для того, чтобы убѣдить Констанція подвергнуть Осію ссылкѣ; поэтому они и не упоминаютъ о другихъ составителяхъ Никейскаго символа. Притомъ аріане обращались съ просьбою къ Констанцію сослать Осію въ то время, когда уже многихъ знаменитыхъ членовъ Никейскаго собора не было въ живыхъ, какъ напр. Александра Александрійскаго, Евстаθія Антіохійскаго и др. Это, можетъ быть, была другая причина, по-

[1]) Объ опр. Ник. собора. Твор. ч. I. 348—353.

[2]) Hist. arian. ad monachos. Migne t. 25. col. 744. Твор. ч. II, 116.

чему аріане указывали, какъ на составителя Никейскаго символа, только на одного Осію. Во всякомъ случаѣ трудно допустить, чтобы Никейскій символъ составлялъ одинъ Осія [1]). Но изъ приведеннаго свидѣтельства ясно, что Осія Кордубскій былъ участникомъ въ составленіи Никейскаго вѣроизложенія, а также и то, что составленіемъ символа занимались не всѣ епископы, а только нѣкоторые, болѣе знаменитые и образованные. Аріане, указывая на Осію, какъ составителя символа, тѣмъ самымъ желали выдѣлить его изъ ряда другихъ обыкновенныхъ православныхъ епископовъ. Такимъ образомъ извѣстіе Аѳанасія точнѣе обозначаетъ неопредѣленное показаніе Евсевія, что епископы, на основаніи его символа, составили Никейское вѣроизложеніе [2]).

6. Никейскій символъ былъ письменно изложенъ. „Собравшіеся въ Никеѣ епископы вѣру, полученную отъ отцовъ, предали памяти письменно (υπέμνησαν γράψαντες) [3]). Съ этимъ символомъ согласились и аріане и подписались къ нему; но подписались неискренно, лицемѣрно, побуждаемые стыдомъ. „Когда изложеніе сіе подписано было всѣми, говоритъ Аѳанасій, то и Евсевіевы приверженцы подписались къ тѣмъ реченіямъ („ἐκ τῆς οὐσίας, ομοούσιος“) [4])..., но не подписались бы прежде, если-бы не устыдились“ [5]).

7. Въ сочиненіяхъ Аѳанасія приводится самый текстъ символа Никейскаго (въ посланіи къ императору Іовіану [6]). Эта редакція символа совершенно сходна съ тою, которая сохранилась

[1]) Если съ приведеннымъ извѣстіемъ сопоставить показаніе Филосторгія (I. 7.), то можно думать, что съ Осіею Кордубскимъ участвовали въ составленіи Никейскаго символа Александръ Александрійскій и мн. др. епископы.

[2]) Посланіе къ кесарійцамъ. Дѣян. I. 194.

[3]) Ep. encyclica ad ep. Aeg. et Lib. Migne t. 25. col. 536. Твор. ч. 1 стр. 412; ср. также стр. 431. Объ опред. Ник. соб. I 340. Посланіе къ африк. еписк. III. 320. Посланіе „о соборахъ“ ч. III. 110—111.

[4]) Ep. de decretis Nic. syn. Migne t. 25. 427. Твор. ч. I. 314.

[5]) Ibid. col. 432; стр. 317. Ср. также col. 454. стр. 336 и мн. др.

[6]) Migne t. 26. col. 817; Твор. ч. III. стр. 201.

въ приложеніи къ посланію „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“. Разности между этими редакціями очень незначительны и, вѣроятно, произошли отъ переписчиковъ. Вотъ эти разности. Въ выраженіи „во единаго Господа“ предъ словомъ „ἕνα“ поставленъ членъ (τὸν), котораго нѣтъ въ древней редакціи. Въ выраженіи: „чрезъ Котораго все произошло какъ на небѣ, такъ и на землѣ“ при словѣ „земля“ употребленъ предлогъ ἐπὶ (съ род.), тогда какъ въ первоначальной редакціи, соотвѣтственно съ предыдущимъ выраженіемъ („на небѣ“—ἐν τῷ οὐρανῷ) употребленъ предлогъ ἐν (ἐν τῇ γῇ). Союзъ „καὶ“ стоитъ предъ словомъ „ἀνελθόντα“ (восшедшаго на небеса), а въ первоначальной редакціи предъ словомъ „ἐρχόμενον“ (грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ). Предъ словомъ „οὐρανούς“ (восшедшаго на небеса) стоитъ членъ (τούς), котораго нѣтъ въ первоначальной редакціи. Въ выраженіи „и въ Духа Святаго“ слово „ἅγιον“ стоитъ послѣ „πνεῦμα“, причемъ и членъ употребляется дважды—предъ „ἅγιον“ и предъ „πνεῦμα“ (τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον), а въ первоначальной редакціи слово „ἅγιον“ стоитъ предъ „πνεῦμα“ и членъ одинъ (τὸ ἅγιον Πνεῦμα). Въ анаѳематствованіи—въ выраженіи: „говорящихъ, ... что Онъ не существовалъ, прежде чѣмъ былъ рожденъ“ понятіе рожденія выражено словомъ „γίγνομαι“ (γενηθέντα), а въ первоначальной редакціи словомъ „γεννάω (γεννηθέντα). Въ томъ же анаѳематствованіи прибавлено противъ первоначальной редакціи мѣстоимѣніе „τούτους“, а къ слову „церковь“—эпитетъ „апостольская“ (τούτους ἀναθεματίζει ἡ καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ ἐκκλησία).

Кромѣ перечисленныхъ нами показаній, сочиненія Аѳанасія сохранили окружное посланіе Александра Александрійскаго къ каѳолической церкви, имѣющее нѣкоторое отношеніе къ Никейскому собору [1]). Для исторіи Никейскаго собора это посланіе имѣетъ то

[1]) Оно сохранилось въ трактатѣ „объ осужденіи Арія“ (condemnatio Arii); у Миня помѣщено въ XVIII томѣ греческой серіи (col. 571 –581).

значеніе, что перечисляетъ сторонниковъ аріанства въ Египтѣ до Никейскаго собора, часть которыхъ присутствовала и на Никейскомъ соборѣ. Именно сторонниками Арія были: 5 пресвитеровъ (Ахиллъ, Анѳалисъ, Карпонъ, другой Арій и Сарматъ), 6 діаконовъ (Евзой, Лукій, Юліанъ, Мина, Элладій и Гаій) и 2 епископа (Ѳеона и Секундъ) [1]. Кромѣ указанныхъ въ качествѣ жаркаго защитника аріанства выставляется Евсевій Никомидійскій. Далѣе, это посланіе хорошо разъясняетъ сущность аріанскаго ученія, показываетъ довольно значительное распространеніе аріанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость созванія вселенскаго собора для рѣшенія аріанскихъ споровъ, которыхъ не могли прекратить даже и значительные соборы помѣстные.

Этимъ мы закончимъ обозрѣніе сочиненій Аѳанасія Александрійскаго, какъ источника исторіи Никейскаго собора, и перейдемъ къ послѣднему изъ современниковъ и очевидцевъ Никейскаго собора, къ Евстаѳію Антіохійскому.

Сказаніе о Никейскомъ соборѣ Евстаѳія Антіохійскаго

Евстаѳій Антіохійскій, урожденецъ Сиды, города Памфиліи, сначала епископъ Беріи Сирійской [2]) и исповѣдникъ во

[1]) Въ другихъ экземплярахъ этого посланія—у Сократа (1, 6), Геласія Кизическаго (П. 3) и Епифанія Схоластика (Hist. trip.)—всѣ 11 сторонниковъ Арія (кромѣ двухъ епископовъ) перечисляются подъ рядъ безъ раздѣленія на пресвитеровъ и діаконовъ. И есть основанія думать, что такое перечисленіе вѣрнѣе. Въ другомъ посланіи Александра къ Александру Византійскому, которое было написано ранѣе нами разсматриваемаго (это мы докажемъ ниже) перечисляются въ числѣ сторонниковъ Арія тѣже самыя лица (за исключеніемъ Карпона, по нашему посланію, пресвитера, и Гаія діакона) и всѣ они называются діаконами. Но нельзя же допустить, чтобы отлученные за аріанство немного спустя были возведены изъ діаконовъ въ пресвитеры. Слѣдовательно, болѣе основаній полагать, что перечисляемые и въ нашемъ посланіи сторонники Арія всѣ, за исключеніемъ Ѳеоны и Секунда, самого Арія, а можетъ быть, и Карпона, были діаконами.

[2]) Ѳеодоритъ. Церк. ист. 1. 4.

время гоненія Діоклетіана [1]), потомъ епископъ Антіохійскій [2]), былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ борцовъ противъ аріанства. Онъ первый откликнулся на призывъ Александрійскаго епископа Александра къ борьбѣ съ ересью и осудилъ ученіе аріанъ [3]). Какъ жаркій противникъ аріанства, онъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ, гдѣ въ качествѣ епископа Антіохійскаго подписалъ символъ и анаѳематствованія на Арія [4]). Послѣ Никейскаго собора онъ всецѣло посвятилъ себя на борьбу съ аріанствомъ. Какъ ревностный православный и мужественный пастырь, онъ преслѣдовалъ аріанство не только въ явныхъ защитникахъ его, но и въ тѣхъ двоедушныхъ друзьяхъ истины, которые не стыдились иногда дѣйствовать за одно съ врагами истины. Такъ онъ не принималъ въ клиръ подозрѣваемыхъ въ аріанствѣ, каковы напр. были: Стефанъ, евнухъ Леонтій и Евдоксій, которые впослѣдствіи, при преобладаніи аріанъ, были одинъ за другимъ епископами Антіохіи, также Георгій Лаодикійскій, Ѳеодосій Триполійскій и Евстаѳій Севастійскій. Особенно преслѣдовалъ Евстаѳій Евсевія Кесарійскаго и открыто укорялъ его въ уклоненіи отъ вѣры Никейской, за что послѣдній укорялъ Евстаѳія въ савелліанствѣ [5]). Ревность Евстаѳія по православію не ограничивалась заботами только о своей церкви. Онъ посылалъ и въ другія епархіи лицъ ученыхъ, способныхъ опровергнуть ересь аріанскую и утвердить вѣру Ни-

[1]) Аѳанасій Александрійскій называетъ Евстаѳія исповѣдникомъ и мужемъ православнымъ (Εὐστάθιον τὸν ὁμολογητὴν καὶ ὀρθόδοξον). Apol. de fuga sua. Mig. t. 25. col. 618. c. 3. Hist. arian. ad monachos. Mign. t. 25. col. 697. c. 4. Твор. ч. II. 81. См. также Theodor. Dial. II. Mign. t. 83. col. 90.; св. Златоуста: „похвальное слово Евстаѳію“ (по р. изд. I т., слова на разные случаи, стр. 57—72).

[2]) Перемѣщеніе Евстаѳія на Антіохійскую каѳедру утвердилъ Никейскій соборъ: Созоменъ I. 2. Историческое ученіе объ отцахъ церкви Филарета т. II стр. 24.

[3]) Ceillier. Hist. gen. t. III. p. 158. Филарета историч. ученіе объ отцахъ церкви, т. II. стр. 26.

[4]) Ѳеодоритъ Церк. ист. I. 7.

[5]) Сократъ. Церк. ист. I. 23. Созоменъ. Церк. ист. II. 18.

кейскую [1]). Но эта ревность Евстаѳія въ борьбѣ съ аріанствомъ и его строгость въ обличеніи всѣхъ заподозрѣнныхъ въ аріанствѣ вызвали ненависть къ нему послѣднихъ. Аріане посредствомъ клеветы обвинили его въ безнравственной жизни [2]) и въ савелліанствѣ [3]), низложили и сослали во Ѳракію въ 331 году. Умеръ Евстаѳій въ Филиппахъ, въ Македоніи, въ діоцезѣ Иллирика [4]).

Какъ ревностный борецъ противъ аріанства и человѣкъ ученый и краснорѣчивый [5]), Евстаѳій Антіохійскій боролся съ аріанствомъ и путемъ литературнымъ: онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій противъ аріанъ, которыя не дошли до насъ, но были извѣстны еще въ 5 вѣкѣ [6]). Въ этихъ сочиненіяхъ Евстаѳій, несомнѣнно, обращался и къ Никейскому собору, на которомъ было осуждено аріанство. Но такъ какъ литературные труды Евстаѳія противъ аріанъ почти всѣ потеряны, то изъ сочиненій его, относящихся къ Никейскому собору, мы владѣемъ только отрывками. Сюда относятъ: a) рѣчь, сохраненную Григоріемъ, пресвитеромъ Кесарійскимъ [7]); b) изъясненіе I. 26 кн. Бытія, приведенное въ

1) Златоустъ „похвальное слово Евстаѳію" т. I. стр. 65.

2) Созоменъ Церк. ист. II. 19. Ѳеодор. Церк. ист. 1. 21.

3) Сократъ Церк. ист. II. 9.

4) Годъ смерти Евстаѳія не извѣстенъ. Нѣкоторые (Ceillier. Hist. gen. III. p. 160) думаютъ, что онъ умеръ около 337 года,—на томъ основаніи, что не видно его возвращенія изъ изгнанія въ 338 году вмѣстѣ съ другими низложенными епископами и присутствованія его на соборахъ Римскомъ (341 г.) и Сардикійскомъ (347 г.). Сократъ же (IV. 13—14) и Созоменъ (VI. 13) утверждаютъ, что онъ жилъ еще въ 370 году при императорѣ Валентѣ. Но вѣроятно Сократъ и Созоменъ смѣшали здѣсь Евстаѳія Антіохійскаго съ другимъ лицемъ. Филарета историч. ученіе объ отцахъ церкви т. II. стр. 26.

5) Sosomen. II. 19: „ἀνὴρ τάτε ἄλλα καλὸς καὶ ἀγαθὸς, καὶ ἐπὶ εὐγλωττίᾳ δικαίως θαυμαζόμενος". А Анастасій Синаитъ такъ говоритъ объ Евстаѳіи: „Ὁ πολὺς ἐν θεολογίᾳ Εὐστάθιος ὁ θεῖος, καὶ προσομιλητὴς καὶ μάρτυς καὶ κορυφαῖος τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου διδάσκαλος". Mign. t. 18. Notitia. col 611.

6) Ceillier t. III. p. 160. Mign. t. 18 prolegomena col. 611—612.

7) Oratio Gregorii. Combef. II. col. 556. Nov. auctar.

исторіи Геласія Кизическаго [1]); с) наконецъ, отрывокъ изъ посланія „о дѣяніяхъ Никейскаго собора“, приведенный въ церковной исторіи Ѳеодорита [2]).

Первые два отрывка, т. е. рѣчь и изъясненіе I. 26 кн. Бытія нельзя признать дѣйствительно принадлежащими Евстаѳію. Мы ранѣе уже показали, что привѣтственную рѣчь императору на Никейскомъ соборѣ произносилъ Евсевій Кесарійскій, а не Евстаѳій Антіохійскій; слѣдовательно, рѣчь, сохраненная Григоріемъ, не могла быть произнесена на соборѣ Евстаѳіемъ. Притомъ самое содержаніе рѣчи не позволяетъ признать ее за привѣтственную рѣчь императору. Въ этой рѣчи Евстаѳій обвиняетъ Арія въ томъ, что послѣдній не признаетъ Сына единосущнымъ Отцу. „Причиною настоящаго собранія, читаемъ въ этотъ рѣчи, неистовый Арій, который единороднаго Сына и Слово Отчее не признаетъ единосущнымъ и равнымъ Отцу (ἀποστερεῖν τοῦ ὁμοσιότητος τοῦ Πατρός) [3]). Такое обвиненіе довольно странно: до Никейскаго собора терминъ „ὁμοούσιος“ не только не былъ лозунгомъ православія, но даже былъ прямо отвергнутъ на Антіохійскомъ соборѣ противъ Павла Самосатскаго [4]). Наконецъ, еслибы сохраненная Григоріемъ рѣчь принадлежала Евстаѳію, то Ѳеодоритъ, приписывающій честь произнесенія привѣтственной рѣчи Евстаѳію, помѣстилъ бы ее въ своей исторіи или въ подлинномъ видѣ или въ изложеніи. Однако онъ этого не дѣлаетъ.

Что касается изъясненія мѣста изъ I. 26 кн. Бытія „сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію“, находящагося въ исторіи Геласія Кизическаго, то оно не имѣетъ никакого значенія, потомучто оно не даетъ никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи собора, и потому, что весь отдѣлъ исторіи Геласія, въ ко-

[1]) Lib. II. c. 21. col. 1256. Mign. t. 85.

[2]) I гл. 8. Mign. t. 82. I. c. 7.

[3]) Combefesis. Nov. auct. t. II. col. 556.

[4]) Конечно, былъ отвергнуть только самый терминъ, а не смыслъ его.

торомъ помѣщены споры философовъ съ епископами, не имѣетъ характера достовѣрности.

Для нашей задачи важенъ только одинъ отрывокъ изъ сочиненія Евстаѳія, тотъ, который сохраненъ Ѳеодоритомъ. Къ разбору этого отрывка мы и обратимся.

Сочиненіе Евстаѳія, отрывокъ котораго приведенъ въ исторіи Ѳеодорита, кажется, было довольно значительно по объему; въ немъ, какъ видно изъ замѣчанія Ѳеодорита, Евстаѳій описывалъ соборныя дѣянія, объяснялъ богохульство еретиковъ и изъяснялъ мѣсто изъ кн. Притчей: „Господь созда мя начало путей своихъ въ дѣла своя". (Притч. 8. 22) [1]). Впрочемъ, потеря сочиненія Евстаѳія въ его полномъ видѣ для нашего предмета едва-ли особенно значительна. То изъ сочиненія Евстаѳія, что относится собственно къ исторіи собора, по всей вѣроятности приведено Ѳеодоритомъ вполнѣ. Ѳеодоритъ, прежде чѣмъ привести отрывокъ изъ сочиненія Евстаѳія, замѣчаетъ: „теперь я перейду къ повѣствованію о самыхъ дѣяніяхъ собора [2]),—и далѣе приводитъ отрывокъ. Это замѣчаніе показываетъ, что цѣлью Ѳеодорита было изобразить дѣянія собора по сочиненію Евстаѳія, а при такой цѣли онъ, понятно, долженъ былъ извлечь изъ сочиненія Евстаѳія и привести все, что только относится къ Никейскому собору. Въ пользу такого положенія говоритъ и самое содержаніе приведеннаго Ѳеодоритомъ отрывка. Отрывокъ представляетъ собою краткое, но вполнѣ послѣдовательное, безъ пропусковъ и скачковъ изображеніе всѣхъ моментовъ соборной дѣятельности; слѣдовательно, Ѳеодоритъ ничего не опустилъ изъ Евстаѳіева описанія Никейскаго собора. Къ тому же выводу мы придемъ, если обратимъ вниманіе на извлеченіе, сдѣланное Ѳеодоритомъ изъ посланія Аѳанасія „къ африканскимъ епископамъ". Ѳеодоритъ изъ этого сочиненія Аѳанасія приводитъ все, что только относится къ исто-

[1]) Theodor. Hist. eccles. 1. 7. Mign. t. 82. (по русск. изд. гл. 7).

[2]) Ibid.

ріи собора. Слѣдовательно, можно съ увѣренностью полагать, что Ѳеодоритъ и изъ сочиненія Евстаѳія сдѣлалъ такое же полное извлеченіе, какъ и изъ сочиненія Аѳанасія.

Характеръ, содержаніе, недостатки и достоинства повѣствованія Евстаѳія о дѣяніяхъ собора обусловливаются личностью автора и цѣлью самого повѣствованія. Евстаѳій, какъ говорили мы ранѣе, былъ ревностнымъ поборникомъ православія и противникомъ аріанства. Но онъ защищалъ православіе и боролся съ аріанствомъ иначе, чѣмъ его знаменитый современникъ Аѳанасій Александрійскій. Аѳанасій защищалъ православіе преимущественно съ положительной стороны: онъ вездѣ старается доказать истинность Никейской вѣры; если-же онъ обращался къ обличенію противниковъ православія, то смотрѣлъ на это обличеніе не какъ на самостоятельную цѣль, а какъ на средство или на одинъ изъ аргументовъ истинности Никейской вѣры. Не такъ поступаетъ Евстаѳій. Онъ все вниманіе обращаетъ на отрицательную сторону дѣла: онъ занимается не положительными доказательствами истинности и правдивости Никейской вѣры, а отрицательными: онъ опровергаетъ еретиковъ и показываетъ богохульство противниковъ Никейской вѣры. Это свойство Евстаѳія въ борьбѣ съ аріанствомъ обусловливаетъ собою и цѣль его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Тогда какъ Аѳанасій повѣствуетъ о соборѣ съ тою цѣлью, чтобы „братія, узнавъ это (ходъ дѣлъ на соборѣ), одобрили ревность собора по истинѣ и точность разумѣнія“ [1]) и что „исповѣданнаго въ Никеѣ довольно и достаточно къ низложенію всякой нечестивой ереси и къ огражденію и пользѣ церковнаго ученія“ [2]), Евстаѳій разсказываетъ исторію Никейскаго собора для того, чтобы „показать богохульство еретиковъ“ [3]). Понятно, характеръ Евстаѳія и чисто-практическая (обличительная) цѣль его сочи-

[1]) Посл. объ опредѣленіяхъ Никейск. собора. Твор. ч. I. 361.

[2]) Посл. къ африканскимъ епископамъ. Твор. ч. III. 315.

[3]) Ѳеодор. Церк. ист. 1. 7.

нения должны были неблагоприятно въ научно-историческомъ отношеніи повліять на самое повѣствованіе о соборѣ и, дѣйствительно, повліяли. Слѣдуя своей частной цѣли—показать богохульство еретиковъ, Евстаѳій слишкомъ бѣгло обозрѣваетъ дѣянія собора, не говоритъ о разсужденіяхъ отцовъ, о составленіи символа, объ участіи императора въ засѣданіяхъ собора: все это его не интересовало, какъ не имѣющее прямаго отношенія къ его цѣли. О числѣ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, онъ говоритъ неопредѣленно и даже прямо замѣчаетъ, что „не изслѣдовалъ этого вопроса съ особенною заботливостью". Но личный характеръ Евстаѳія и частная цѣль его сочиненія имѣли и благопріятныя послѣдствія. Слишкомъ бѣгло передавая исторію собора и опуская многія важныя стороны соборной дѣятельности, Евстаѳій, однако, благодаря своей частной цѣли, даетъ намъ новыя и важныя показанія о Никейскомъ соборѣ, которыя пополняютъ и поясняютъ свѣдѣнія, передаваемыя Евсевіемъ и Аѳанасіемъ. Въ то время, какъ Евсевій Кесарійскій, желая оправдать себя въ принятіи Никейскаго символа, передаетъ тотъ моментъ соборной дѣятельности, когда составлялся самый символъ, а Аѳанасій, имѣя въ виду показать ревность отцовъ и законность терминовъ „ἐκ τῆς οὐσίας" и „ὁμοούσιος", изображаетъ осторожныя и тщательныя изслѣдованія отцовъ въ подыскиваніи терминовъ для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу, Евстаѳій, задавшись цѣлью показать богохульство еретиковъ, слѣдитъ преимущественно за положеніемъ и дѣятельностію на соборѣ аріанъ, точно отмѣчаетъ моменты ихъ выступленія, опредѣляетъ характеръ и цѣли ихъ дѣйствій. Въ этихъ-то показаніяхъ Евстаѳія состоитъ достоинство его повѣствованія и важность, какъ источника исторіи Никейскаго собора: эти показанія пополняютъ тотъ пробѣлъ, который замѣчается въ свѣдѣніяхъ Евсевія и Аѳанасія, а вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняютъ сообщенія послѣднихъ и указываютъ имъ опредѣленное мѣсто въ исторіи собора.

Въ частности повѣствованіе Евстаѳія даетъ намъ слѣдующія

данныя для исторіи собора, кромѣ приблизительнаго обозначенія числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ (270), каковое число близко подходитъ къ истинному:

1. Изъ повѣствованія Евстаѳія мы узнаемъ, что на соборѣ первою выступила партія строгихъ аріанъ во главѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ. Эта партія представила письменное изложеніе своего ученія. „Когда началось изслѣдованіе объ образѣ вѣры, пишетъ Евстаѳій, на среду явилэсь сочиненіе Евсевія, исполненное богохульнаго ученія“ [1]). Съ разсмотрѣнія символа крайне-аріанской партіи, заключающаго вь себѣ, какъ можно догадываться, сущность радикальнаго аріанства (исполнено богохульнаго ученія), и началась догматическая дѣятельность собора. Аріанское вѣроизложеніе было прочитано предъ соборомъ и тутъ же рѣшена была его участь: оно не только не нашло себѣ защитниковъ и сторонниковъ, но крайне возбудило противъ себя всѣхъ членовъ собора, „причинило слушателямъ неизъяснимую скорбь своимъ безобразіемъ“ [2]) и было разорвано въ виду всѣхъ [3]). Это первая стадія соборной дѣятельности. Здѣсь произошло уже осужденіе техническихъ терминовъ крайняго аріанства. „Изложеніе аріанскаго ученія покрыло сочинителя его невыносимымъ стыдомъ“ [4]). Этого момента соборной дѣятельности Евсевій вовсе не касается, а Аѳанасій только намекаетъ на него, когда показываетъ, что изысканія отцовъ вызваны были крайне-аріанскими мнѣніями и направлены были къ устраненію послѣднихъ. Но изъ описанія Аѳанасія не

[1]) Ὡς ἐξετεῖτο τῆς πίστεως ὁ τρόπος (ubi cum de fidei ratione quaeri coeptum esset) ἐναργὴς μὲν ἔλεγχος τὸ γράμμα τῆς Εὐσεβίου προυβάλλετο βλασφημίας.“ Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7. (по рус. изд. 1. 8). Fragmenta ex libris Eustathii. Migne t. 18. gr. ser., col. 676.

[2]) Ἐπὶ πάντων δὲ ἀναγνωσθὲν, αὐτίκα συμφορὰν μὴν ἀστάθμητον τῆς ἐκτροπῆς ἕνεκα τοῖς αὐτηκόοις προυξένει. Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7 (по русск. изд. гл. 8.).

[3]) Παρανόμου γράμματος διαῤῥαγέντος“. Ibid.

[4]) Αἰσχύνην ἀνήκεστον τῷ γράψαντι παρεῖχεν“. Ibid.

видно, какъ сдѣлались извѣстны собору мнѣнія аріанъ; равнымъ образомъ изъ повѣствованія Аѳанасія нельзя опредѣлить и того, къ какому моменту относятся самыя изысканія отцовъ о наилучшемъ выраженіи ученія объ отношеніи Сына Божія къ Отцу. Евстаѳій пополняетъ этотъ пробѣлъ и изъясняетъ самое повѣствованіе Аѳанасія: отцы узнали о мнѣніяхъ аріанъ изъ представленнаго на соборѣ аріанскаго вѣроизложенія, а разсужденія отцовъ, описываемыя Аѳанасіемъ, относятся ко второй стадіи соборной дѣятельности, послѣдовавшей за единодушнымъ и полнымъ осужденіемъ техническимъ терминовъ радикальнаго аріанства. Такъ идти дѣлу было вполнѣ естественно. Аріане были возмутителями церковнаго мира и причиною собора; поэтому они, какъ виновные и подсудимые, должны были говорить на соборѣ первыми, отстаивать свои дѣйствія и воззрѣнія, защищаться. За отверженіемъ же воззрѣній и дѣйствій аріанскихъ, естественно, должно было начаться изысканіе новыхъ, болѣе опредѣленныхъ и точныхъ терминовъ для обозначенія православнаго ученія о Сынѣ Божіемъ и Его отношеніи къ Отцу.

2. Изъ повѣствованія Евстаѳія мы узнаемъ о другомъ, отличномъ отъ перваго, выступленіи аріанъ или вѣрнѣе: „нѣкоторыхъ изъ сообщниковъ аріанъ“ (τινὲς ἐκ συσκευῆς). Въ первый разъ аріане выступаютъ открыто и прямо: предъ всѣмъ соборомъ высказываютъ свои воззрѣнія и представляютъ свой символъ. Выступленіе аріанскихъ сообщниковъ было не таково. Во 1-хъ аріанскіе сообщники выступаютъ тогда, когда не было нужды въ ихъ выступленіи: они выступаютъ тогда, когда защитники истины говорили наилучшимъ образомъ (ἄριστα λέγειν εἰωθότας). Во 2-хъ они не прямо высказываютъ свои мысли, а лукавятъ и маскируются: они прикрываются именемъ мира (τοὔνομα προβαλλόμενοι τῆς εἰρήνης). Въ 3-хъ, наконецъ, они выступаютъ для того, чтобы заставить замолчать и дѣйствительно заставляютъ замолчать (κατεσίγασαν) защитниковъ истины. Вотъ характеристическія особенности и обстоятельства выступленія „со-

общниковъ аріанскихъ". Евстаѳій не указываетъ опредѣленно, кто эти сообщники аріанскіе, съ какимъ предложеніемъ они выступили и какимъ образомъ заставили замолчать защитниковъ истины, равнымъ образомъ не показываетъ и того, что говорили защитники истины, въ чемъ состояли ихъ рѣчи во время выступленія аріанскихъ сообщниковъ. Но, кажется, можно безошибочно восполнить пробѣлы въ повѣствованіи Евстаѳія. Сообщники аріанъ, вѣроятно, были не иные кто, какъ полуаріане во главѣ съ Евсевіемъ Кесарійскимъ. Строгіе аріане не могли прикрываться и не прикрывались именемъ мира: они прямо и рѣшительно высказывали свои мысли, упорно отстаивали ихъ и желали не мира, а торжества своимъ воззрѣніямъ, торжества полнаго, безъ всякихъ уступокъ и компромиссовъ съ противоположнымъ мнѣніемъ. Не таковы были полуаріане. Не имѣя опредѣленныхъ и положительныхъ воззрѣній, колеблясь между православіемъ и крайнимъ аріанствомъ, они не признавали вполнѣ ложнымъ ни православія, ни аріанства и на самые споры аріанскіе смотрѣли какъ на разногласіе въ словахъ, не имѣющее серьезнаго значенія. Понятно, при такомъ взглядѣ на аріанство и аріанскіе споры, они не могли одобрять ревностнаго, упорнаго отстаиванія православными и аріанами своего ученія, потомучто это значило, по ихъ мнѣнію, производить раздоры изъ-за словъ. По ихъ мнѣнію, нужно было и православнымъ и аріанамъ сдѣлать взаимныя уступки другъ другу и избѣгать спорныхъ выраженій. Евсевій Кесарійскій напр. въ своемъ посланіи къ паствѣ прямо замѣчаетъ, что онъ не намѣренъ былъ нарушать миръ изъ-за словъ и для сохраненія мира согласился на принятіе даже термина „ὁμοούσιος" [1]). Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго предположить, что когда соборныя разсужденія приняли острый характеръ, дѣлающій невозможнымъ соглашеніе и примиреніе мнѣній, клонящійся къ торжеству одного мнѣнія и полному осужденію другаго, полуаріанская партія рѣшилась выступить въ ка-

[1]) Дѣянія т. 1. стр. 195.

чествѣ посредника между спорившими и устроить между ними примиреніе. Но если подъ сообщниками аріанъ, прикрывающимися именемъ мира, нужно разумѣть Евсевія Кесарійскаго и его партію, то легко опредѣлить и то, съ какимъ предложеніемъ выступили сообщники аріанъ: объ этомъ говоритъ Евсевій Кесарійскій въ посланіи къ своей паствѣ [1]). Равнымъ образомъ можно опредѣлить и то, что были за рѣчи защитниковъ истины. Какъ можно видѣть изъ показанія Евстаѳія, рѣчи защитниковъ истины имѣли мѣсто непосредственно послѣ осужденія символа Евсевія Никомидійскаго, исполненнаго богохульнаго ученія. Но о разсужденіяхъ отцовъ, вызванныхъ крайними аріанскими, или евсевіанскими выраженіями и направленныхъ къ искорененію этихъ послѣднихъ, подробно говоритъ Аѳанасій; слѣдовательно, рѣчи защитниковъ истины—это разсужденія отцовъ, описываемыя Аѳанасіемъ. Такъ изъяснивъ показаніе Евстаѳія, мы поймемъ и важность его. Имѣя связь съ повѣствованіями Аѳанасія и Евсевія, оно разъясняетъ отношеніе между ними и указываетъ имъ опредѣленное мѣсто въ исторіи собора. Повѣствованіе Аѳанасія является фрагментомъ: оно не доводитъ дѣло до конца, а обрываетъ его; посланіе Евсевія начинается ex abrupto; отсюда взаимоотношеніе ихъ становится неяснымъ. Изъ показанія Евстаѳія мы узнаемъ, что описываемыя Аѳанасіемъ разсужденія отцовъ относятся къ исторіи соборной дѣятельности, непосредственно предшествовавшей той, которую изображаетъ Евсевій; другими словами—Аѳанасій изображаетъ вторую стадію соборной дѣятельности, а Евсевій—третью.

Далѣе, показаніе Евстаѳія опредѣляетъ и то, что изъ повѣствованія Аѳанасія относится собственно ко 2-й стадіи соборной дѣятельности, представляя собою послѣдовательное изобра-

[1]) Евсевій говоритъ только объ одномъ своемъ выступленіи на соборѣ, когда онъ внесъ на соборъ вѣроизложеніе, слѣдовательно и Евстаѳій, говоря о выступленіи его, имѣетъ въ виду тоже выступленіе, какое описывается въ посланіи къ кесарійцамъ, а не какое-либо другое.

женіе исторической дѣйствительности, и что къ этой стадіи не относится, т. е. Евстаѳій частнѣе опредѣляетъ, за какимъ именно показаніемъ Аѳанасія должны непосредственно слѣдовать показанія Евсевія. Евстаѳій говоритъ, что сообщники аріанскіе выступили съ цѣлью примиренія споривших, выступили, прикрываясь именемъ мира. Но водворять миръ можно только тогда, когда съ одной стороны между партіями выяснилось раздѣленіе и несогласіе, а съ другой — когда не послѣдовало еще опредѣленнаго рѣшенія въ пользу той или другой стороны. Слѣдовательно, Евсевій Кесарійскій выступилъ на соборъ ранѣе, чѣмъ отцы утвердили и вписали въ символъ терминъ „ὁμοούσιος“. Терминъ „ὁμοούσιος“ уничтожалъ всякую возможность какой-либо сдѣлки или компромисса: внесеніемъ этого термина объявлялось торжество православія и полное осужденіе аріанства, а не примиреніе между православіемъ и аріанствомъ. Поэтому Евсевію Кесарійскому излишне было-бы выступать съ предложеніемъ мира, когда одна сторона была окончательно побѣждена и воззрѣнія ея отвергнуты, а воззрѣнія другой утверждены. Къ тому же заключенію приводитъ и замѣчаніе Евстаѳія, что сообщники аріанъ своимъ выступленіемъ заставили замолчать защитниковъ истины, говорившихъ наилучшимъ образомъ. Если защитники истины говорили, то значитъ терминъ „ὁμοούσιος“ не былъ еще утвержденъ и вписанъ въ символъ. Терминъ „ὁμοούσιος“ вполнѣ выражалъ православное ученіе объ отношеніи Сына Божія къ Отцу: дальше этого термина православнымъ идти было некуда и не зачѣмъ; съ утвержденіемъ и внесеніемъ этого термина въ символъ должна была прекратиться догматическая дѣятельность собора. Поэтому, если-бы терминъ „ὁμοούσιος“ былъ утвержденъ и внесенъ въ символъ до выступленія Евсевія Кесарійскаго, то защитникамъ истины не зачѣмъ и нечего было-бы говорить во время выступленія Евсевія. Если же они говорили, то, очевидно, слово „ὁμοούσιος“ не получило еще полнаго утвержденія и не было вписано въ символъ. Но съ другой стороны нельзя допустить, что партія Ев-

севія выступила еще въ то время, когда терминъ „ὁμοούσιος“ не только не былъ утвержденъ и вписанъ въ символъ, но даже не былъ и предложенъ православными для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу. Пока провославные епископы не предлагали этого термина, аріане наружно еще не отдѣлялись отъ православныхъ: аріане соглашались со всѣми библейскими изреченіями, которыя предлагали епископы для выраженія ученія о Сынѣ Божіемъ. Выходя отсюда и обращаясь къ повѣствованію Аѳанасія, мы легко можемъ опредѣлить, на чемъ оканчивается повѣствовательное изображеніе Аѳанасіемъ исторической дѣйствительности. Аѳанасій оканчиваетъ свое повѣствованіе показаніемъ, что отцы собора, собравъ изреченія св. Писанія, извлекли изъ нихъ слово „ὁμοούσιος“ и написали его (ἔγραψαν ὁμοούσιον τῷ Πατρὶ τὸν Υἱόν) [1]. Но изъ показанія Евстаѳія слѣдуетъ, что между предложеніемъ отцами термина „ὁμοούσιος“ и внесеніемъ его въ символъ было выступленіе полуаріанской партіи. Слѣдовательно, послѣднее показаніе Аѳанасія (внесеніе термина „ὁμοούσιος“ въ символъ) нельзя считать исторически-послѣдовательнымъ и относить его ко 2-й стадіи соборной дѣятельности: ему должны предшествовать показанія о выступленіи полуаріанской партіи и ея дѣятельности на соборѣ, заключающіяся въ повѣствованіи Евстаѳія и посланіи Евсевія. Такимъ образомъ на основаніи показаній Евстаѳія мы приходимъ къ тѣмъ же выводамъ, къ какимъ пришли ранѣе, когда примиряли показанія Аѳанасія и Евсевія.

Разъясняя заключительныя показанія Аѳанасія, Евстаѳій разъясняетъ и показанія Евсевія. Показанія Евсевія начинаются ex abrupto: въ посланіи не выясняются обстоятельства, при которыхъ выступилъ Евсевій съ своимъ вѣроизложеніемъ, не выясняются также цѣли и мотивы выступленія. При чтеніи посланія является недоумѣніе, зачѣмъ нужно было Евсевію предлагать свой

[1]) Epist. ad Afros. Migne t. 26. col. 1040. Твор. ч. III. 321—322. Epist. de decret. Nic. syn. Migne t. 25. col. 452. Твор ч. I. 341.

символъ? И къ чему могъ служить самый этотъ символъ крайне неопредѣленный, неточный и двусмысленный, не удовлетворяющій нуждамъ того времени и нисколько не разрѣшающій тѣхъ догматическихъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ собственно и созванъ былъ соборъ? Все это объясняетъ Евстаѳій, такъ что его показанія служатъ какъ-бы введеніемъ къ посланію Евсевія. Евстаѳій показываетъ, что партія Евсевія выступила тогда, когда не было нужды въ ней: защитники истины говорили наилучшимъ образомъ (ἄριστα); выступила же она съ лукавою цѣлью заставить замолчать защитниковъ истины, замять разсужденія, которыя могли вести къ раскрытію и уясненію истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полному осужденію аріанства, устроить между спорившими компромиссъ и водворить между ними миръ въ ущербъ истинѣ. Потому-то эта партія и представила такой символъ, гдѣ спорные пункты догматическаго ученія выражены въ терминахъ, одинаково принимаемыхъ какъ православными, такъ и аріанами, гдѣ не давалось торжества истинѣ и не осуждалась ложь, а признавалось равноправіе той и другой.

3. Наконецъ, Евстаѳій отмѣчаетъ 3-е выступленіе аріанъ, бывшее послѣ окончательнаго утвержденія соборомъ символа. Въ третій разъ аріане выступили для того, чтобы заявить свое согласіе съ соборнымъ рѣшеніемъ. „Приверженцы Арія, пишетъ Евстаѳій, встали и предали анаѳемѣ осужденное соборомъ ученіе, а символъ, изложенный единодушнымъ согласіемъ, собственноручно подписали“ [1]) (οἱ Ἀρειομανεῖται ἀπαγορεύουσι μὲν καὶ ἀναθεματίζουσι προπηδήσαντες τὸ ἀπηγορευόμενον δόγμα, συμφώνοις γράμμασιν ὑπογράψαντες αὐτοχειρί), но осудили аріанство и подписали символъ не по убѣжденію въ ложности перваго и истинности втораго, а только изъ-за боязни, чтобы не быть изверженными изъ церкви (δεισάντες, μήπως ἄρα τοσαύτης ἐν ταὐτῷ (по др. чт. τούτῳ Niceph) συνόδου συγκεκροτημένης ἐξοστρακισ-

[1]) Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7. (по русск. изд. гл. 8).

θεῖεν) [1]) и чтобы удержать за собой предстоятельство (τῶν προεδριῶν κρατήσαντες). А что аріане дѣйствительно согласились съ Никейскимъ опредѣленіемъ неискренно, это открывается изъ дѣятельности аріанъ послѣ собора: „они то скрытно, то явно покровительствовали отвергнутымъ соборно мнѣніямъ и подтверждали ихъ различными доказательствами“ [2]). О неискреннемъ согласіи аріанъ съ догматическими Никейскими опредѣленіями извѣстно уже намъ изъ посланія Евсевія и сочиненій Аѳанасія; но у Евстаѳія объ этомъ говорится полнѣе и опредѣленнѣе. Конечно и показаніе Евстаѳія не совсѣмъ точно: оно не указываетъ опредѣленно, всѣ ли приверженцы Арія подписали (хотя и неискренно) символъ Никейскій; но за то оно указываетъ вполнѣ естественныя и дѣйствительныя причины, почему аріане согласились съ Никейскими опредѣленіями и осудили аріанство.

Мы окончили обозрѣніе повѣствованій о Никейскомъ соборѣ современниковъ и очевидцевъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя этими повѣствованіями очень важны и существенны для исторіи собора; а объединяя эти свѣдѣнія, мы можемъ составить довольно обстоятельное представленіе о соборѣ, потомучто будемъ имѣть показанія о каждой стадіи соборной дѣятельности. Но какъ ни важны свѣдѣнія, сообщаемыя современниками собора, все же они далеко недостаточны для полнаго воспроизведенія исторіи собора: они не даютъ отвѣта на многіе важные и сами собой напрашивающіеся вопросы, не разъясняютъ многихъ пунктовъ, необходимыхъ для яснаго представленія дѣла. Въ силу этого нельзя ограничиваться повѣствованіями однихъ современниковъ собора; является нужда обращаться за свѣдѣніями къ позднѣйшимъ сказаніямъ о соборѣ, которыя иногда изъясняютъ показанія современниковъ, иногда пополняютъ ихъ, а иногда даютъ и новыя показанія.

[1]) Theod. Hist. eccles. Migne t. 82. 1. 7. (по русск. изд. гл. 8).

[2]) Ibid.

Глава III-я.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ: латинскихъ—Руфина и Сульпиція Севера и греческихъ—Филосторгія, Сократа, Созомена и Ѳеодорита.

Повѣствованія о Никейскомъ соборѣ поименованныхъ церковныхъ историковъ имѣютъ неоспоримую важность и значеніе. Они не были современниками собора, а тѣмъ болѣе очевидцами его: но все-таки они находились въ такомъ положеніи въ отношеніи къ Никейскому собору, что показанія ихъ должны имѣть цѣну. Въ ихъ время (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ) могли быть еще живы современники собора и несомнѣнно живо было преданіе объ этомъ великомъ событіи въ исторіи христіанской церкви; слѣдовательно, они могли получать свѣдѣнія помимо письменныхъ документовъ, свѣдѣнія, которыя сдѣлались недоступны позднѣйшимъ повѣствователямъ. Руфинъ напр. неоднократно замѣчаетъ, что онъ пользовался устными разсказами современниковъ [1]). Далѣе, эти историки имѣли подъ руками и пользовались частными записями, письмами и сочиненіями о Никейскомъ соборѣ, существовавшими въ то время, но не дошедшими до насъ. Такъ Сократъ имѣлъ подъ руками собранія соборныхъ актовъ какого-то македоніанина Савина [2]). Тотъ же Сократъ замѣчаетъ, что онъ передѣлалъ и исправилъ 1-ю и 2-ю книги своей исторіи (въ которыхъ содержится и повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ), составленныя первоначально на основаніи исторіи Руфина, передѣлалъ потому, что ему попались сочиненія Аѳанасія и письма различныхъ людей того времени, о которомъ онъ повѣствовалъ въ этихъ книгахъ [3]). Ѳеодоритъ пользовался сочиненіями Евстаѳія Ан-

[1]) Rufin. Hist. eccles. Migne t. 21. ser. lat. lib. I. c. 5. col. 471. 472...

[2]) Сократъ. Церковн. ист. кн. I гл. 8. (Mign. t. 67).

[3]) Что приведенныя слова Сократа имѣютъ отношеніе и къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ, это видно изъ того, что Сократовъ разсказъ въ настоя-

тіохійскаго, участника и очевидца Никейскаго собора, которыя не дошли до насъ въ цѣломъ видѣ; слѣдовательно, въ нѣкоторой степени получилъ авторитетность самого Евстаѳія въ повѣствованіи о соборѣ. Наконецъ, историки имѣли подъ руками и пользовались многими документами оффиціальнаго характера—грамотами и посланіями, относящимися къ Никейскому собору; слѣдовательно, получали свѣдѣнія изъ перво-источниковъ. Если къ сказанному прибавить, что историки относились къ описываемому событію болѣе или менѣе безпристрастно, смотрѣли на него съ объективной точки зрѣнія, то мы должны отвести повѣствованіямъ церковныхъ историковъ видное и почетное мѣсто среди источниковъ исторіи Никейскаго собора.

Но признавая достоинство и важность поименованныхъ церковныхъ историковъ въ ихъ повѣствованіяхъ о Никейскомъ соборѣ, мы однако не должны забывать и того, что ихъ показанія нуждаются въ тщательномъ разборѣ и строгой критикѣ. Не всѣ историки и не во всѣхъ частяхъ своихъ повѣствованій о соборѣ вполнѣ самостоятельны и независимы какъ отъ современниковъ собора, такъ и другъ отъ друга. При повѣствованіи о соборѣ они часто дѣлаютъ большія заимствованія изъ сказаній современниковъ собора; подобнымъ же образомъ поступаютъ они и въ отношеніи другъ къ другу. Но такъ какъ повѣствованіе интересно и цѣнно только въ томъ случаѣ, если оно самостоятельно, оригинально и представляетъ новыя свѣдѣнія, сравнительно съ прежними повѣствованіями, или пополняетъ и исправляетъ эти послѣднія, въ отношеніи же къ заимствованной части его показанія, какъ производныя, при существованіи самостоятельныхъ и первостепенныхъ, не имѣютъ никакого значенія, то необходимо сличить повѣствованія историковъ съ другими болѣе ранними повѣствованіями и точно опредѣлить, насколько они самостоятельны и независимы въ своихъ показаніяхъ, какія сообщаютъ новыя свѣдѣ-

шемъ видѣ отличается отъ Руфинова, слѣдовательно, онъ исправилъ и этотъ разсказъ на основаніи вновь полученныхъ документовъ.

нія, какія представляютъ пополненія и исправленія прежнихъ, и наоборотъ—гдѣ и въ чемъ они зависимы, какія показанія ихъ представляютъ только парафразъ или даже буквальную передачу уже извѣстныхъ свѣдѣній. Притомъ, не выяснивъ отношенія того или другаго повѣствованія къ предыдущимъ, легко можно придать второстепенному показанію больше значенія, чѣмъ первостепенному, можно принять за важное и цѣнное такое показаніе, которое въ дѣйствительности представляетъ только свободный, подцвѣченный риторикою, парафразъ извѣстнаго изъ другихъ источниковъ показанія. Съ другой стороны не всѣ поименованные историки одинаково знакомы были съ обстоятельствами Никейскаго собора, не всѣ и не всегда пользовались источниками одинаковой важности и достовѣрности и, наконецъ, не всѣ и не всегда относились къ этимъ источникамъ съ одинаковою и должною критикою и разборчивостью. Одни изъ нихъ были лучше знакомы съ исторіею Никейскаго собора и имѣли подъ руками болѣе авторитетные источники, другіе такихъ источниковъ не имѣли; одни относились къ свѣдѣніямъ съ большею осторожностью, другіе—съ меньшею. Очевидно, нужно разобрать повѣствованія историковъ о Никейскомъ соборѣ и опредѣлить степень достовѣрности каждаго повѣствованія вообще, каждаго показанія въ частности. Въ противномъ случаѣ можно наряду съ вполнѣ достовѣрными показаніями помѣстить очень сомнительныя и даже отдать предпочтеніе послѣднимъ предъ первыми.—Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о повѣствованіяхъ церковныхъ историковъ перейдемъ къ частному разбору и опредѣленію степени важности и значенія, достоинствъ и недостатковъ каждаго изъ нихъ, какъ источника исторіи Никейскаго собора. Начнемъ съ латинскихъ историковъ, какъ болѣе раннихъ сравнительно съ греческими.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ Руфина и Сульпиція Севера.

Руфинъ родился, какъ полагаютъ, въ 345 или 346 году

въ Конкордіи, небольшомъ городкѣ Италіи [1]). Большую часть молодости онъ провелъ въ Аквилейскомъ монастырѣ, подъ руководствомъ старца Павла, гдѣ изучалъ свѣтскія науки и творенія отцовъ какъ латинскихъ, особенно Иларія Пуатьескаго, такъ и греческихъ, имѣвшіяся въ латинскомъ переводѣ. Здѣсь онъ познакомился съ бл. Іеронимомъ, который, возвращаясь съ востока въ Римъ, посѣтилъ Аквилею. Въ 374 году Руфинъ отправился на востокъ, былъ въ Египтѣ и Іерусалимѣ, гдѣ основалъ монастырь, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; занимался въ это время изученіемъ монашеской жизни, твореній греческихъ отцовъ и переводомъ послѣднихъ на латинскій языкъ. Въ 397 году Руфинъ возвратился на западъ, гдѣ и жилъ до самой смерти. Умеръ въ 410 году въ Сициліи.

Свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ Руфинъ сообщаетъ въ своей церковной исторіи. Время написанія и изданія исторіи Руфина приблизительно можно опредѣлить на основаніи показаній его praefatio. Въ praefatio Руфинъ говоритъ, что ему поручено было написать исторію въ то время, когда Италія подвергалась опустошенію отъ Алариха, предводителя готовъ [2]). Аларихъ нападалъ на Италію три раза: въ 400, 402 и 408 годахъ. Руфинъ не могъ писать свою исторію послѣ 3-го нападенія Алариха. Его исторія написана по порученію Хромація, епископа Аквилейскаго [3]), а въ 408 году Хромація уже не было въ живыхъ. Равнымъ образомъ нельзя допустить, что Руфинъ въ praefatio говоритъ о 2-мъ нападеніи Алариха, потомучто въ такомъ случаѣ онъ упомянулъ бы и о первомъ, между тѣмъ у Руфина нѣтъ никакихъ указаній на то, что Италія не въ первый разъ

[1]) Cellier. t. VII. p. 448.

[2]) tempore quo, diruptis Italiae claustris ab Alarico duce Gothorum se pestifer morbus infudit. Praefatio. Mign. t. 21. ser. lat. col. 461 et cet.

[3]) Ibid.

подвергается опустошенію со стороны готовъ. Ясно, что Руфинъ написалъ свою исторію до 2-го нападенія Алариха, т. е. до 402 года. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и то обстоятельство, что Руфинъ, разсказывая о Θеодосіи Великомъ, не указываетъ на отличіе его отъ Θеодосія Младшаго, который родился въ началѣ апрѣля 401 года, а въ 11 день января 402 г. объявленъ былъ Августомъ. Но если бы Руфинъ писалъ свою исторію послѣ 402 года, то онъ сталъ бы точнѣе обозначать Θеодосія Великаго и указывать его отличіе отъ другаго Θеодосія—Младшаго. Въ силу сказаннаго можно съ достовѣрностью полагать, что Руфинъ написалъ свою исторію въ 401 году.

Поводомъ къ написанію исторіи были не научные интересы, а случайныя обстоятельства. Какъ видно изъ praefatio, исторія Руфина одолжена своимъ появленіемъ Хромацію, епископу Аквилейскому; а этотъ послѣдній видѣлъ въ ней назиданіе и утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, постигшихъ Италію отъ Алариха. Когда Аларихъ опустошилъ Италію, то Хромацій поручилъ Руфину, какъ человѣку ученому, занимавшемуся переводами твореній греческихъ отцовъ на латинскій языкъ, перевести церковную исторію Евсевія для того, какъ говорится въ praefatio, чтобы при чтеніи ея духъ людей обращался къ славнымъ дѣламъ прошедшаго и забывалъ о настоящихъ бѣдствіяхъ [1]). Но Руфинъ не пожелалъ остаться только переводчикомъ. Сдѣлавъ переводъ исторіи Евсевія, онъ задумалъ продолжить ее и написалъ самостоятельно двѣ книги (10 и 11), которыя обнимаютъ собою періодъ времени отъ Никейскаго собора (или нѣсколько ранѣе) до смерти императора Θеодосія Великаго, т. е. отъ 325 (или 324) до 395 года. Въ первой изъ этихъ двухъ, самостоятельно написанныхъ, книгъ Руфинъ повѣствуетъ и о Никейскомъ соборѣ (1—6 гл.).

Оставляя въ сторонѣ исторію Руфина въ ея цѣломъ видѣ, мы остановимъ свое вниманіе только на той части ея, которая от-

[1]) Praefatio. Migп. t. 21. col. 461—464.

носится къ Никейскому собору, и эту часть только будемъ разсматривать.

Какъ повѣствователь о Никейскомъ соборѣ, Руфинъ находился въ очень благопріятныхъ условіяхъ и лучше могъ ознакомиться съ исторіею его, чѣмъ другіе писатели и историки V вѣка. Во времена Руфина еще были живы современники и очевидцы Никейскаго собора; слѣдовательно, онъ могъ получать свѣдѣнія о соборѣ изъ первыхъ рукъ. Мы не знаемъ, былъ ли знакомъ Руфинъ съ кѣмъ-либо изъ участниковъ собора; но если даже онъ и не имѣлъ непосредственныхъ сношеній съ очевидцами собора, то ихъ свѣдѣніями пользоваться онъ могъ. Западъ былъ хорошо знакомъ съ исторіею 1-го вселенскаго собора, лучше, чѣмъ съ исторіею какого-либо другаго. Не говоря уже о томъ, что нѣкоторые западные епископы были участниками Никейскаго собора и, слѣдовательно, могли сообщать свѣдѣнія о немъ своимъ соотечественникамъ, западъ видѣлъ у себя во время аріанскихъ смутъ и многихъ восточныхъ отцовъ, бывшихъ современниками и даже участниками Никейскаго собора. Одни изъ этихъ отцовъ искали на западѣ защиты и покровительства отъ аріанъ, другіе ссылаемы были на западъ по распоряженію государственной власти. Всѣ эти вольные и невольные пришельцы, конечно, могли служить хорошимъ источникомъ свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ: эти свѣдѣнія могъ получать и Руфинъ. Такимъ образомъ Руфинъ еще въ бытность свою въ Аквилеѣ могъ уже хорошо ознакомиться съ исторіею Никейскаго собора. Еще болѣе богатыя свѣдѣнія о соборѣ могъ получить Руфинъ во время продолжительнаго пребыванія на востокѣ. Положимъ, Руфинъ жилъ на востокѣ во время уже значительно отдаленное отъ собора: но за то онъ жилъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ память о Никейскомъ соборѣ и обстоятельствахъ, къ нему относящихся, должна была жить долѣе и самыя свѣдѣнія должны быть чище, чѣмъ въ другихъ странахъ. Руфинъ жилъ преимущественно въ Египтѣ и Палестинѣ. А Египетъ и Палестина должны были особенно интересоваться Никейскимъ

соборомъ. Эти страны были, такъ сказать, ареной для полувѣковой борьбы между православными и аріанами, такъ что исторія Египта и Палестины за это время тѣсно связана съ исторіею борьбы православныхъ съ аріанами. Изъ этихъ странъ вышли первые сторонники Арія; въ этихъ же странахъ явились и первые борцы противъ аріанства. Послѣ Никейскаго собора аріанство въ лицѣ своихъ представителей дѣлало особенно сильныя нападенія на эти страны съ цѣлью взять здѣсь верхъ надъ православными; но здѣсь же находились и ревностные защитники православія, дававшіе отпоръ аріанскимъ интригамъ. Такая постоянная борьба православія съ аріанствомъ должна была поддерживать интересъ къ Никейскому собору и память о немъ, какъ о такомъ событіи, гдѣ теоретически уже рѣшенъ былъ споръ между православіемъ и аріанствомъ осужденіемъ послѣдняго. Притомъ самыя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ въ этихъ странахъ были подробнѣе и чище, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Египетъ и Палестина имѣли очень многихъ представителей на соборѣ. Изъ сохранившихся списковъ епископовъ видно, что изъ Египта и его провинцій на Никейскомъ соборѣ было однихъ епископовъ 19; столько же епископовъ было и изъ Палестины. Кромѣ епископовъ, были, конечно, пресвитеры, діаконы, прочіе клирики и даже міряне. Всѣ эти лица, бывшія на соборѣ и непосредственно наблюдавшія за ходомъ его засѣданій, были авторитетными повѣствователями о соборѣ и, вѣроятно, повѣствователями охотными. Послѣднее предположеніе обосновывается на томъ интересѣ, какой возбуждалъ Никейскій соборъ своею новостью, грандіозностью и важностью своихъ опредѣленій во всѣхъ современникахъ. Кромѣ того, на распространеніе свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ въ Египтѣ и Палистинѣ, вѣроятно, имѣли вліяніе и другія обстоятельства. Въ распространеніи свѣдѣній о соборѣ пастыри и предстоятели церквей видѣли наилучшее средство доказать истинность и правдивость Никейскихъ опредѣленій и ложность аріанства, а также нелѣпость возраженій аріанъ противъ Никейскаго собора. Мы зна-

емъ напр., что Аѳанасій Александрійскій именно съ такою цѣлью писалъ два посланія, въ которыхъ сдѣлалъ краткій очеркъ соборной дѣятельности. Евсевій Кесарійскій тотчасъ послѣ собора также написалъ посланіе къ своей паствѣ, въ которомъ изложилъ часть соборныхъ дѣяній, чтобы оправдать свое согласіе съ Никейскимъ символомъ. Подобнымъ образомъ, можетъ быть, передавали извѣстія о соборѣ и другіе епископы. При этомъ самыя свѣдѣнія о соборѣ въ Египтѣ и Палестинѣ были болѣе достовѣрны, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ Египтѣ и Палестинѣ православіе имѣло перевѣсъ надъ аріанствомъ; но сильна была здѣсь и аріанская партія. Кесарія напр., митрополія Палестины, представляла въ лицѣ своихъ епископовъ сторонниковъ аріанства. Были аріане и въ Египтѣ. Понятно, при такихъ условіяхъ каждая неправильность въ передачѣ исторіи Никейскаго собора православными или аріанами, каждая неточность вызвала бы замѣчанія съ противной стороны. Евсевій Кесарійскій въ посланіи къ своей паствѣ не осмѣлился исказить историческіе факты, какъ онъ искажалъ ихъ напр. въ сочиненіи „Жизнь Константина“, хотя такое искаженіе было бы очень выгодно для него. Подобнымъ образомъ не осмѣливались, вѣроятно, допускать неправду или даже невинную прикрасу въ повѣствованіи о соборѣ и другіе разсказчики. Конечно, говоря такъ, мы не думаемъ утверждать, что свѣдѣнія о соборѣ въ Египтѣ и Палестинѣ оставались въ неприкосновенной чистотѣ. Нѣтъ. Прикрасы и легенды могли примѣшиваться къ чисто-историческимъ свѣдѣніямъ и, какъ можно судить по повѣствованію Руфина, дѣйствительно примѣшивались. Мы только утверждаемъ, что прикрасъ и легендъ среди достовѣрныхъ показаній въ Египтѣ и Палестинѣ должно быть менѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Кромѣ сказаннаго нужно обратить вниманіе еще на одно обстоятельство, вовсе немаловажное для Руфина, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ. Руфинъ прибылъ на востокъ (въ Египетъ) въ 374 году. За нѣсколько времени предъ этимъ (въ 373 году) умеръ главный защитникъ Ни-

кейскихъ опредѣленій и всего Никейскаго собора Аѳанасій Александрійскій. Смерть каждаго лица, особенно чѣмъ-нибудь замѣчательнаго, вызываетъ воспомананія о немъ и его дѣятельности, а равнымъ образомъ и о всѣхъ обстоятельствахъ, съ нимъ соприкосновенныхъ. И чѣмъ замѣчательнѣе и значительнѣе умершее лицо, тѣмъ болѣе воспоминаютъ о немъ, тѣмъ подробнѣе и яснѣе воспроизводятся черты изъ его жизни и дѣятельности, тѣмъ самыя свѣдѣнія о немъ бываютъ болѣе распространенными. Это обычное и вполнѣ естественное явленіе. Несомнѣнно, оно имѣло мѣсто и въ отношеніи къ Аѳанасію Великому. Аѳанасій былъ не изъ обычныхъ епископовъ, не выдающихся изъ ряда другихъ предстоятелей церкви. Нѣтъ. Это былъ колоссъ, гигантъ и по своему нравственному величію, и по своей дѣятельности. Во все время отъ Никейскаго собора до самой смерти Аѳанасія исторія и судьба православной церкви тѣсно соединялись съ исторіею и судьбою самого Аѳанасія. Современники единодушно считали Аѳанасія спасителемъ церкви отъ бѣдъ. Григорій Богословъ не находитъ достаточно словъ, чтобы оцѣнить заслуги Аѳанасія для церкви. Онъ говоритъ въ похвальномъ словѣ Аѳанасію [1]): „хваля Аѳанасія, я буду хвалить добродѣтель, потомучто всѣ добродѣтели въ совокупности онъ въ себѣ имѣлъ“. Главнѣйшею изъ его добродѣтелей была защита Никейскаго православія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ столпомъ церкви. „Когда Аѳанасій жилъ среди насъ, говоритъ Григорій, онъ былъ столпомъ (στῦλος) церкви“. Его ученіе сдѣлалось закономъ церкви. „Его догматы стали законами для вѣры православной“, замѣчаетъ Григорій [2]). Подобнымъ образомъ отзывается объ Аѳанасіи и Василій Великій [3]). Въ частности, съ какою любовью относились къ Аѳанасію жители Александріи, это можно видѣть изъ того, что они противились даже

[1]) Prolegomena. Elogia veterum col. 224. Migne t. 25.

[2]) См. „Вселенск. соб. IV и V вв.“ Лебедева стр. 34.

[3]) Ibid. стр. 34—35.

распоряженіямъ правительства, направленнымъ противъ Аѳанасія, такъ что изгонять Аѳанасія и поставлять на его мѣсто другихъ епископовъ можно было только при помощи вооруженной силы. Наоборотъ возвращеніе Аѳанасія въ Александрію было торжествомъ для жителей ея. Также высоко стоялъ авторитетъ Аѳанасія и въ Палестинѣ: въ Іерусалимѣ неоднократно собирались соборы для защиты дѣятельности и воззрѣній Аѳанасія [1]). Понятно, смерть такого важнаго и значительнаго лица должна была во всѣхъ пробудить память о немъ, вызвать разсказы о его трудахъ и дѣятельнести. А такъ какъ дѣятельность Аѳанасія самымъ тѣснымъ образомъ примыкала къ Никейскому собору, съ него начиналась и имъ обусловливалась, то по ассоціаціи представленій и для изъясненія самой дѣятельности Аѳанасія, вѣроятно, подвергалась тогда полному и обстоятельному воспроизведенію и исторія Никейскаго собора. Мы склонны думать, что Аѳанасій и Никейскій соборъ на востокѣ—въ Египтѣ и Іерусалимѣ въ то время, какъ прибылъ туда Руфинъ, были, такъ сказать, злобой дня: разсказы о нихъ ходили всюду и занимали всѣхъ. Особенно это нужно сказать объ отшельникахъ Египта и Палестины. Эти последніе твердо хранили Никейскія опредѣленія [2]) и были горячими сторонниками и почитателями Аѳанасія. Можетъ быть, среди этихъ пустынниковъ не только ходили устные разсказы о минувшихъ дняхъ, но существовали даже и записи о событіяхъ церковныхъ, въ томъ числѣ и о Никейскомъ соборѣ, составлявшіяся какъ на основаніи личныхъ наблюденій надъ церковною жизнью, такъ и на основаніи письменныхъ извѣстій, получавшихся отъ разныхъ лицъ. Изъ сказаннаго видно, что Руфину, прибывшему на востокъ въ 374 году и жившему тамъ очень долго и преимущественно среди монашества, представлялась полная возможность хорошо ознакомиться съ исторіею Никейскаго собора во

[1]) Созоменъ. Церк. ист. II. 25.

[2]) Созоменъ. Церк. ист. III. 13.

всѣхъ ея деталяхъ и частностяхъ, помимо письменныхъ сказаній о соборѣ, дошедшихъ до насъ.

Устное преданіе, а можетъ быть, и какія-либо частныя записи и были, кажется, главнымъ источникомъ повѣствованія Руфина о Никейскомъ соборѣ. Онъ не разъ самъ заявляетъ, что тотъ или другой фактъ передаетъ по слуху. Такъ о присутствіи на соборѣ Спиридона Тримифунтскаго онъ узналъ изъ преданія [1]), а о чудесахъ Спиридона онъ узналъ изъ устныхъ разсказовъ современниковъ Спиридона [2]). Опредѣляя число Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ, Руфинъ также указываетъ на преданіе, какъ на источникъ, откуда онъ заимствовалъ это показаніе [3]). Можно думать, что и другія показанія Руфина имѣли своимъ источникомъ преданіе: объ этомъ Руфинъ не говоритъ, но это прямо слѣдуетъ изъ того, что его показанія самостоятельны и не встрѣчаются въ болѣе раннихъ сказаніяхъ о соборѣ.

Конечно, мы не думаемъ утверждать, что Руфинъ вовсе не былъ знакомъ съ сказаніями современниковъ собора и другихъ лицъ, жившихъ ранѣе его (Руфина). Руфинъ хорошо былъ знакомъ съ произведеніями греческихъ отцовъ: почти все довольно продолжительное время своего пребыванія на востокѣ онъ посвятилъ на изученіе твореній отцовъ и учителей церкви. Вѣроятно, зналъ онъ и сказанія о Никейскомъ соборѣ. Но явной зависимости Руфина въ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ отъ греческихъ отцовъ, въ частности отъ разсмотрѣнныхъ нами показаній о соборѣ современниковъ его—вовсе не видно. Только на нѣкоторыя показанія Руфина можно смотрѣть, какъ на заимствованія изъ болѣе раннихъ произведеній, и то, впрочемъ, предпо-

1) „Dicitur fuisse etiam Spiridon Cyprius episcopus“. Ruf. Hist. eccles. 1. 5. Migne t. 21.

2) Quantum etiam nos eorum, qui eum viderant, narratione comperimus. Ibid.

3) Decem et septem soli tunc fuisse dicuntur, quibus Arii fides magis placeret. Ibid.

ложительно, такъ какъ сходство между Руфиномъ и болѣе ранними произведеніями не особенно ощутительно. Вотъ эти предположительныя заимствованія Руфина. Какъ на источникъ Руфиновой характеристики Арія, указываютъ на древнюю исторію о схизматикѣ Мелетіи. Въ этой исторіи Арій характеризуется такимъ образомъ: „Арій носилъ видъ благочестія и стремился къ учительствованію" (Arius quidam habitum portans pietatis et doctoris desiderium habens) [1]. Тѣ же черты только болѣе подробно указываетъ и Руфинъ. „Арій былъ мужъ, говоритъ Руфинъ, религіозный болѣе по виду и внѣшности, чѣмъ въ дѣйствительности (vir specie et forma magis, quam in virtute religiosus), крайне жадный до славы, похвалы и новшества" (gloriae laudisque et novitatis improbe cupidus) [2]. Показаніе о числѣ епископовъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, Руфинъ заимствовалъ изъ посланія Аѳанасія къ африканскимъ епископамъ [3]) или же изъ сочиненій Иларія Пуатьескаго [4]), съ которыми онъ хорошо былъ знакомъ, или, наконецъ, изъ перваго правила 2-го вселенскаго собора: во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ число Никейскихъ епископовъ опредѣляется въ 318. О времени собора Руфинъ говоритъ, вѣроятно, на основаніи сочиненія Евсевія „Жизнь Константина" [5]). Показаніе Руфина о томъ, что на соборѣ на сторонѣ православныхъ былъ великій сонмъ исповѣдниковъ (in eodem concilio esset confessorum magnus numerus sacerdotum), сильно противившихся нововведеніямъ Арія [6]), можетъ быть, имѣло своимъ источникомъ свидѣтельство Иларія Пуатьескаго, что Никейская вѣра подписана множествомъ святыхъ, исповѣдниковъ

[1]) Notitia. Migne t. 21. ser. lat. col. 467.

[2]) Rufin. Hist. eccles. I. 1.

[3]) Migne t. 26. col. 1032. c. 2. Твор. ч. III. 315.

[4]) Hilarii de synodis. Mign. t. 10. ser. lat. col. 538—539. c. 86. Liber contra Constantium imperatorem. Migne t. 10. col. 602. c. 27.

[5]) III. 15.

[6]) Rufin. I. 2.

и мучениковъ (tot sancti et confessores et successores martyrum ipsius [Nicaeni] tractatus conscriptores) [1]). Указанными примѣрами, кажется, и ограничивается зависимость Руфина отъ письменныхъ сказаній и извѣстій о Никейскомъ соборѣ. По крайней мѣрѣ нельзя болѣе указать ни одного мѣста, которое можно было бы признать за заимствованіе изъ какого-нибудь дошедшаго до насъ извѣстія о соборѣ. Можетъ быть, Руфинъ повѣрялъ письменными сказаніями о соборѣ свои свѣдѣнія, добытыя другимъ путемъ, но не заимствовалъ ихъ цѣликомъ.

Что касается того, пользовался ли Руфинъ какими-либо оффиціальными документами, относящимися къ Никейскому собору, грамотами, посланіями, указами и т. п., дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ нельзя. Нѣкоторыми документами этого рода Руфинъ, можетъ быть, и пользовался. Къ такому заключенію приводитъ насъ сходство Руфиновыхъ выраженій съ выраженіями документовъ. Такъ Руфинъ говоритъ, что Константинъ мнѣніе собора призналъ происшедшимъ отъ Бога, мыслію Бога [2]). Эти слова почти буквально находятся въ посланіи Константина къ Александрійской церкви послѣ Никейскаго собора. Вотъ они: „что показалось тремъ стамъ епископовъ, то не иное что есть, какъ мысль Божія“ [3]). Но, вѣроятно, документовъ этого рода у Руфина было немного и пользовался ими онъ мало. Въ пользу такого положенія говоритъ то обстоятельство, что Руфинъ не приводитъ ни одного документа, даже не упоминаетъ ни объ одномъ изъ нихъ.

Мы указали источники Руфинова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Изъ этого указанія источниковъ открывается, что Руфинъ очень мало пользовался дошедшими до насъ письменными показаніями о соборѣ; большинство его показаній заимствовано изъ

1) Hilarii Migne t. 10. col. 700. c. 2. Ex opere historico fragmentum VIII.

2) Ille (Constantinus) a Deo prolatam (sententiam) veneratur. I. c. 5.

3) Сократъ I. 9 Дѣяніе I. 178.

источниковъ самостоятельныхъ, вѣроятно, изъ устнаго преданія; вслѣдствіе этого самое повѣствованіе Руфина вполнѣ оригинально и ново. А такъ какъ преданіе, которымъ пользовался Руфинъ, было довольно чисто, то и самыя показанія Руфина очень авторитетны. Въ силу всего сказаннаго повѣствованіе Руфина о Никейскомъ соборѣ является очень интереснымъ и важнымъ: оно въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ стать въ параллель съ сказаніями современниковъ собора и во всякомъ случаѣ оно выше и интереснѣе сказаній о соборѣ греческихъ церковныхъ историковъ V вѣка, которые не были въ такихъ счастливыхъ условіяхъ, въ какихъ былъ Руфинъ. Они пользовались только письменными документами и изъ рамокъ этихъ документовъ не могли выдти; между тѣмъ для Руфина была открыта широкая область живаго преданія, изъ котораго онъ могъ получать свѣдѣнія, недоступныя для другихъ писателей. Важность Руфинова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ признавали и сами греческіе историки V вѣка: они многое переносили изъ сказанія Руфина въ свои повѣствованія.

Но самостоятельный источникъ показанія Руфина о Никейскомъ соборѣ, дѣлающій эти показанія важными, цѣнными и интересными, имѣлъ нѣкоторыя и не особенно благопріятныя послѣдствія. Преданіе не всегда бываетъ безупречно, не всегда содержитъ чистую истину: истина здѣсь часто искажается, допускаются неточности, ошибки, а также разнаго рода прикрасы и легенды. Поэтому пользоваться преданіемъ всегда нужно съ крайнею осторожностью, нужно повѣрять получаемыя изъ преданія свѣдѣнія болѣе достовѣрными источниками; въ противномъ случаѣ легко отклониться отъ истины. Руфинъ, кажется, не всегда строго держался этого правила; а потому нѣкоторыя показанія его не совсѣмъ точны и достовѣрны [1]). Такъ прежде всего Руфинъ не-

[1]) На неточности и погрѣшности Руфиновой исторіи жаловался еще Сократъ (церк. ист. II. 1).

точно опредѣляетъ сущность аріанской ереси [1]). Сущность аріанства, по Руфину, состояла въ томъ, что Сынъ Божій отдѣлялся и отсѣкался отъ вѣчной и неизреченной субстанціи, или природы Бога Отца [2]). Это не совсѣмъ вѣрно: и православные ипостасно отдѣляютъ Сына отъ Отца. Сущность ереси Арія состояла не въ томъ, что онъ отдѣлялъ Сына отъ сущности Отца, а въ томъ, что онъ самую сущность Сына признавалъ совершенно отличною отъ сущности Отца, признавалъ Сына не „единосущнымъ" (ὁμοούσιος) Отцу, а иносущнымъ (ἑτεροούσιος). Встрѣчаются неточности въ показаніяхъ Руфина и о самомъ соборѣ. Руфинъ говоритъ, что на соборѣ сторону Арія держали 17 человѣкъ. Это показаніе Руфина едва ли вполнѣ точно. Прежде всего о количествѣ Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ разногласятъ древнія показанія. Бл. Θеодоритъ говоритъ только о 13 епископахъ, заявившихъ себя приверженцами Арія [3]); Филосторгій же насчитываетъ такихъ епископовъ 22 [4]). Списокъ Филосторгія не вполнѣ вѣренъ: онъ включаетъ въ число приверженцевъ Арія 5 такихъ лицъ [5]), которыя, по свидѣтельству Аθанасія, были сторонниками Никейскаго исповѣданія [6]), но за то онъ и не полонъ сравнительно съ показаніемъ Θеодорита; нѣкоторыхъ лицъ, которыя у Θеодорита помѣщаются въ числѣ аріанъ, нѣтъ у Филосторгія [7]).

[1]) Причиною этой неточности, впрочемъ, нужно считать не преданіе, а самого Руфина: онъ, вѣроятно, опредѣлялъ сущность Аріевой ереси на основаніи личнаго знакомства съ аріанствомъ и аріанами, а не по слухамъ и опредѣлилъ неправильно по свойственной всѣмъ западнымъ богословамъ того времени неспособности къ умозрительнымъ богословскимъ тонкостямъ.

[2]) ... abscidere ac separare ab illa aeterna et ineffabili Dei Patris substantia, vel natura Filium conabatur. Ruf. I 1. Migne t. 21.

[3]) Церковная истор. I. 5 и 7 (Migne c. 4 et 6).

[4]) Дополненія къ исторіи Филосторгія кн. V. гл. 7. стр. 425-426.

[5]) Амѳіона Сигидонскаго, Леонтія и Лонгіана изъ Каппадокіи, Василія Амасійскаго и Мелетія Севастопольскаго.

[6]) Окружное посланіе къ еписк. Египта и Ливіи ч. I. 412.

[7]) Такъ Филосторгій не указываетъ въ числѣ Аріевыхъ сторонниковъ Θео-

Это разногласіе древнихъ показаній о числѣ аріанскихъ епископовъ на соборѣ подрываетъ довѣріе и къ показанію Руфина. Притомъ едва ли и возможно было точно знать число Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ. Не всѣ сторонники аріанской доктрины положительно высказывали свои воззрѣнія и открыто присоединялись къ Арію. Нѣкоторые держались середины между аріанами и православными и замаскировывали свои взгляды двусмысленными выраженіями, не дававшими права прямо причислять ихъ къ сторонникамъ Арія: таковые, вѣроятно, и не считались въ числѣ аріанъ. Можетъ быть, Руфиново число 17 обозначаетъ только лицъ, открыто высказавшихся на соборѣ въ пользу аріанства, каковы были строгіе аріане во главѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ. Но и то признать вполнѣ точнымъ и безспорнымъ это число, въ виду указаннаго нами разногласія древнихъ свидѣтельствъ, едва ли возможно. Впрочемъ и самъ Руфинъ не выдаетъ этого числа за несомнѣнно истинное; онъ получилъ это свѣдѣніе не изъ достовѣрныхъ источниковъ, а изъ слуховъ и помѣстилъ его въ своемъ повѣствованіи, кажется, только потому, что не имѣлъ другихъ показаній по этому пункту. Относительно же показанія Руфина о числѣ лицъ, отказавшихся подписать символъ и оставшихся на сторонѣ Арія послѣ его осужденія, нужно замѣтить слѣдующее. Если Руфинъ принимаетъ въ счетъ только епископовъ, то его показаніе, что 6 человѣкъ остались на сторонѣ Арія, не вѣрно, потомучто изъ посланія Константина къ никомидійцамъ [1]) и изъ соборнаго посланія къ Александрійской церкви [2]) видно, что на сторонѣ Арія осталось только два епископа— Ѳеона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій и только эти два епископа отказались подписать Никейскій символъ. Если же Ру-

дота Лаодикійскаго, Григорія Берійскаго, Аэція Лидскаго (указываемыхъ Ѳеодоритомъ въ 5 гл. исторіи) и Минофанта Ефесскаго (указ. въ 7 гл.).

[1]) Ѳеодоритъ. Церк. ист. I. 20 (Migne c. 19).

[2]) Сократъ I. 9.

финъ имѣетъ въ виду не однихъ епископовъ, а и другихъ клириковъ, то мы не имѣемъ никакихъ основаній не довѣрять его показанію, такъ какъ извѣстно, что кромѣ двухъ епископовъ остались на сторонѣ Арія и нѣкоторыя лица низшей іерархіи и вмѣстѣ съ нимъ были сосланы (напр. пресв. Евзой); слѣдовательно, всѣхъ сторонниковъ Арія могло набраться и до 6 человѣкъ.

Встрѣчаются у Руфина и такія показанія, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ своей достовѣрности. Руфинъ, какъ мы сказали выше, при написаніи своей исторіи имѣлъ въ виду назиданіе и утѣшеніе читателей. Слѣдуя этой цѣли, онъ не съ должною безпристрастностью относился къ такимъ фактамъ, которые слишкомъ подходили подъ его утилитарную цѣль, и часто безъ всякой критики помѣщалъ ихъ въ свою исторію. Не указывая всѣхъ фактовъ такого рода, которые не имѣютъ прямаго отношенія къ нашей задачѣ, мы остановимъ свое вниманіе только на одномъ фактѣ, передаваемомъ Руфиномъ,—на спорѣ философовъ съ православными епископами и посрамленіи первыхъ однимъ простымъ, необразованнымъ исповѣдникомъ [1]). Этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, не можетъ быть признанъ вполнѣ достовѣрнымъ. Прежде всего не совсѣмъ вѣроятно самое участіе языческихъ философовъ въ догматическихъ спорахъ христіанъ. Философамъ не интересно было вести споры. Они, какъ не-христіане, одинаково индифферентно относились какъ къ аріанской доктринѣ, такъ и къ православной и защищать ту или другую имъ не было никакой нужды. Они если и присутствовали на соборѣ, то только ради любопытства, для того, чтобы посмотрѣть на это новое и небывалое собраніе епископовъ, а вовсе не для спора съ ними. Да и сами православные епископы едва ли бы стали тратить время на споры съ языческими философами, людьми вовсе не-авторитетными въ области христіанскаго вѣроученія: епископы прибыли на соборъ для того,

[1]) Разсказъ этотъ помѣщается въ 3 гл. I книги исторіи Руфина.

чтобы точно формулировать церковное ученіе, а не упражняться въ діалектикѣ. Далѣе, если бы этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто на соборѣ, то Евсевій Кесарійскій непремѣнно упомянулъ бы о немъ въ своемъ сочиненіи „Жизнь Константина". Конечно, Евсевій въ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ далеко не безпристрастенъ: онъ о многомъ умалчиваетъ, многое передаетъ неопредѣленно, многое представляетъ въ неистинномъ видѣ; но онъ неправдивъ только въ тѣхъ пунктахъ повѣствованія, гдѣ искренняя передача дѣйствительности не подходила подъ его взгляды; въ остальномъ же онъ правдивъ. Въ частности Евсевію не было никакой нужды обходить глубокимъ молчаніемъ споръ философовъ съ православными епископами. Если даже допустить, что посрамленный философъ былъ сторонникомъ аріанства и защищалъ аріанскую доктрину (на что нѣсколько уполномочиваетъ контекстъ [1]), а слѣдовательно, посрамленіе его было въ нѣкоторой степени посрамленіемъ аріанства и всѣхъ аріанъ, въ томъ числѣ и самого Евсевія, то и въ такомъ случаѣ Евсевій не умолчалъ бы совершенно объ этомъ фактѣ. Признавая Евсевія сторонникомъ аріанства, не расположеннымъ къ православнымъ, мы однако не можемъ отказать ему въ горячей преданности христіанству вообще. Онъ очень неравнодушно относился къ побѣдѣ христіанства надъ язычествомъ и на всякомъ фактѣ, говорившемъ о торжествѣ и преимуществѣ перваго предъ послѣднимъ, онъ останавливался съ любовію, отмѣчалъ его съ неподдѣльною искренностью и замѣчательною тщательностію. Споръ епископовъ съ философами имѣлъ двѣ стороны. Прежде всего онъ свидѣтельствовалъ о нетвердости собственно аріанскихъ воззрѣній, защищать которыя выступили философы [2]).

[1]) Cf. Rufin. I. 2. ad finem.

[2]) Главнымъ и единственнымъ основаніемъ, почему Руфиновыхъ философовъ относятъ къ защитникамъ аріанскихъ воззрѣній, оспаривавшихъ исключительно православное ученіе, а не христіанское вообще, служатъ послѣднія слова 2-й главы, гдѣ Руфинъ говоритъ, что на сторонѣ Арія были люди опытные въ діа-

Этой сторонѣ факта Евсевій, какъ приверженецъ аріанской доктрины, естественно не могъ сочувствовать, а потому могъ опустить ее въ своемъ повѣствованіи. Но этотъ фактъ имѣлъ и другую сторону: онъ говорилъ о превосходствѣ христіанства надъ язычествомъ и побѣдѣ перваго надъ послѣднимъ, о торжествѣ даже неискуснаго въ спорахъ христіанина надъ образованнымъ и опытнымъ въ спорахъ языческимъ философомъ. Эта сторона факта вполнѣ подходила подъ воззрѣнія Евсевія и онъ несомнѣнно отмѣтилъ бы ее въ своемъ повѣствованіи о соборѣ. Равнымъ образомъ Евсевій и какъ панегиристъ Константина и церкви его времени не обошелъ бы спора философовъ съ епископами полнымъ молчаніемъ. Этотъ фактъ былъ, такъ сказать, проявленіемъ торжества христіанства надъ язычествомъ, а побѣду христіанства надъ язычествомъ Евсевій выставлялъ, какъ наилучшее украшеніе Константина и его царствованія. Итакъ та сторона факта, которая непріятна была Евсевію, какъ аріанину, не могла заставить Евсевія совсѣмъ умолчать объ этомъ фактѣ. Непріятенъ былъ для Евсевія и весь Никейскій соборъ, однако онъ не умалчиваетъ о немъ; онъ только нѣсколько тенденціозно излагаетъ его исторію. Подобнымъ образомъ онъ поступилъ бы и съ споромъ философовъ: не передалъ бы его въ полномъ истинномъ видѣ, но непремѣнно упомянулъ былъ о немъ. Если же онъ не упоминаетъ, то значитъ этого факта въ томъ видѣ, въ какомъ изображаетъ его Руфинъ, и не было.

лектикѣ и чуждавшіеся простоты вѣры. Но эти опытные въ спорахъ люди могли быть и не тождественны съ философами: аріане и сами были люди образованные, а ученіе ихъ показываетъ, что они не довольствовались простою вѣрою, а желали разрѣшить послѣднюю въ знаніе. Положимъ, при изложеніи спора Руфинъ употребляетъ слово „наши“ (nostri) для обозначенія епископовъ, споравшихъ съ философами. Но это слово указываетъ только на то, что съ философами спорили не аріане, а православные. Если же споравшихъ съ епископами философовъ не считать за прямыхъ сторонниковъ аріанства, то нельзя подыскать положительно ни одного обстоятельства, почему Евсевій опустилъ такой крупный фактъ, почему онъ не только не передалъ его подробно, но даже и не упомянулъ о немъ.

Конечно, говоря такъ, мы не думаемъ утверждать, что разсказъ Руфина о спорѣ философовъ съ епископами пустая басня, не имѣющая подъ собой никакой исторической подкладки. Фактъ, передаваемый Руфиномъ, самъ по себѣ не невѣроятенъ психологически. Искренность и сила убѣжденія всегда имѣютъ магическую силу надъ умами людей. Поэтому возможно, что зерно Руфинова разсказа составляетъ историческая дѣйствительность. На соборѣ, какъ извѣстно изъ разныхъ источниковъ [1]), была очень многочисленная партія епископовъ простыхъ, безъ богословскаго образованія, но за то сильныхъ своею вѣрою и искренностью своихъ убѣжденій, каковы были Пафнутій, Спиридонъ и др. Понятно, такія лица, безхитростно вѣрующія, но ясно сознающія истинное православное ученіе, сохраняемое всею вселенскою церковію, съ неудовольствіемъ смотрѣли на діалектическія тонкости, употребляемыя при разсужденіяхъ о вѣрѣ. Неудовольствіе простыхъ епископовъ тѣмъ болѣе было естественно, что у нихъ предъ глазами были результаты, къ которымъ ведетъ діалектика въ богословіи: это крайніе выводы аріанской доктрины, совершенно противные духу христіанскаго ученія. При такомъ настроеніи большей части епископовъ очень возможенъ случай, подобный тому, какой передаетъ Руфинъ, съ тою только разницею, что діалектиками были не языческіе философы, а аріане, также искусные въ діалектикѣ. Можетъ быть, когда аріанствующіе члены собора, при помощи діалектики, оспаривали православное ученіе и остроумно доказывали правильность своей доктрины, можетъ быть, въ это время какой-нибудь изъ простыхъ епископовъ, сердцемъ чувствовавшій фальшь аріанскаго лжеумствованія, выступилъ въ качествѣ противника діалектики и своими безъискусственными, но полными искренности и убѣжденія словами (подобными тѣмъ, какія приводитъ Руфинъ) показалъ всю неумѣстность діалектики при разсужденіи о вѣрѣ, чрезъ что вызвалъ одобреніе со сторо-

[1]) Rufin. I. 2. Θеодоритъ. Церк. ист. кн. I. гл. 7. (Migne cap. 6).

ны присутствовавшихъ и устыдилъ аріанъ, слишкомъ полагавшихся на силу діалектическаго искусства. Впослѣдствіи этотъ случай нѣсколько разукрасился и принялъ болѣе конкретную форму: мѣсто аріанъ заступили философы, конечно, для того, чтобы придать болѣе значенія силѣ простаго исповѣдника, такъ какъ съ представленіемъ о философѣ обыкновенно связывалось представленіе объ искусномъ діалектикѣ, котораго трудно побѣдить въ спорѣ, а тѣмъ болѣе убѣдить. Такой замѣнѣ аріанъ философами, вѣроятно, не мало способствовали и аналогичные разсказы о томъ, что св. Антоній Великій спорилъ съ философами и побѣждалъ ихъ простыми и безъискусственными рѣчами [1]). Можетъ быть, у отшельниковъ и получило дѣйствительное событіе такой видъ, въ какомъ передаетъ его Руфинъ. Въ пользу нашего предположенія о разукрашенности Руфинова разсказа говоритъ Сократъ. Сократъ передаетъ подобный Руфинову разсказъ о посрамленіи діалектиковъ [2]). Сущность разсказа Сократъ, вѣроятно, заимствовалъ у Руфина; но онъ передаетъ дѣло почти такъ, какъ изложили его мы, а не такъ, какъ Руфинъ. Чѣмъ объяснить такое отступленіе Сократа отъ источника? Можетъ быть, Сократъ исправилъ разсказъ Руфина на основаніи дошедшаго до него преданія: въ такомъ случаѣ наше предположеніе будетъ довольно обосновано. Но если даже допустить, что Сократъ упростилъ разсказъ Руфина только потому, что усомнился въ полной правдивости его (разсказа), то и въ такомъ случаѣ мы не одиноки съ своимъ мнѣніемъ: Сократа мы все-же будемъ имѣть на своей сторонѣ. При такомъ пониманіи разсказа Руфина легко объяснить и глубокое молчаніе Евсевія о спорѣ епископовъ съ діалектиками. Послѣдній, какъ сторонникъ аріанства, не могъ сочувственно относиться къ посрамленію своихъ единомышленниковъ: ему былъ непріятенъ этотъ фактъ, и потому онъ умолчалъ о немъ при по-

[1]) „Жизнь пр. Антонія". Твор. Аѳанасія ч. III. стр. 266 и слѣд.

[2]) Церк. истор. 1. 8.

вѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, какъ умолчалъ и о многихъ другихъ фактахъ, не подходящихъ подъ его воззрѣнія.

Кромѣ указанныхъ есть въ повѣствованіи Руфина и другіе недостатки и достоинства. Какъ на недостатокъ повѣствованія Руфина, можно указать на его краткость. Руфинъ мало касается внутренней исторіи собора, не излагаетъ самого хода и порядка засѣданій, не говоритъ, какъ и при какихъ условіяхъ составленъ былъ символъ, каноны и другія опредѣленія собора. Обо всемъ этомъ онъ передаетъ въ самыхъ краткихъ и общихъ словахъ, далеко недостаточныхъ для полнаго воспроизведенія событія, хотя онъ могъ хорошо ознакомиться съ исторіею Никейскаго собора и передать ее подробно и обстоятельно. Нѣтъ у Руфина и того обстоятельнаго, подробнаго и краснорѣчиваго описанія внѣшней исторіи собора, какое мы встрѣчаемъ въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина". Конечно, краткость повѣствованія мы не можемъ ставить въ большую вину Руфину: онъ, какъ историкъ, поставившій задачею своею изобразить историческое движеніе церковной жизни за большой періодъ времени, не могъ долго останавливаться на отдѣльныхъ событіяхъ и передавать ихъ слишкомъ подробно. Но, разсматривая повѣствованіе Руфина, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, мы все-таки должны отмѣтить краткость, какъ недостатокъ.

При указанныхъ недостаткахъ повѣствованіе Руфина имѣетъ и многія достоинства. Не излагая подробно исторіи Никейскаго собора ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны, повѣствованіе Руфина тѣмъ не менѣе важно и существенно въ томъ отношеніи, что восполняетъ многіе пробѣлы, допущенные въ прежнихъ сказаніяхъ какъ относительно внутренней, такъ и относительно внѣшней исторіи собора, и тѣмъ помогаетъ болѣе полному и правильному воспроизведенію этой послѣдней. Такъ Евсевій въ своемъ сочиненіи „Жизнь Константина" очень подробно и краснорѣчиво передаетъ внѣшнюю исторію Никейскаго собора. Въ этомъ отношеніи повѣствованіе Руфина никакимъ образомъ не можетъ срав-

няться съ сказаніемъ Евсевія. Но и Евсевій далеко не съ стенографическою подробностію передаетъ дѣло: въ своемъ повѣствованіи онъ допускаетъ значительные пробѣлы. Для своего разсказа онъ выбиралъ преимущественно такія черты изъ исторіи собора, которыя, такъ сказать, били въ глаза своимъ великолѣпіемъ и торжественностью, которыя поражали читателя своимъ внѣшнимъ величіемъ и вызывали въ немъ слишкомъ идеальное представленіе о времени Константина. Цѣль Руфиновой исторіи состояла въ томъ, чтобы доставить назиданіе и утѣшеніе своимъ читателямъ, пострадавшимъ отъ нападеній и опустошеній Алариха. Слѣдуя такой цѣли, Руфинъ останавливается не на величіи внѣшней картины собора, которая дѣйствовала только на воображеніе, но не затрогивала чувства, а на нравственной сторонѣ собора и подробно передаетъ тѣ факты изъ исторіи собора, которые говорятъ о могуществѣ вѣры и нравственномъ величіи членовъ собора, и тѣмъ восполняетъ пробѣлъ, допущенный Евсевіемъ.

Пополняетъ Руфинъ показанія, касающіяся и внутренней стороны собора. Разсмотрѣнныя нами сказанія о Никейскомъ соборѣ современниковъ его, описывающихъ внутреннюю исторію собора, конечно, полнѣе и обстоятельнѣе Руфиновыхъ показаній. Но они слишкомъ детальны: они излагаютъ только ту или другую часть соборныхъ дѣяній, не давая общаго обозрѣнія соборной дѣятельности. Руфинъ, какъ историкъ, стоитъ на другой точкѣ: онъ не вдается въ детальную передачу событія; но за то онъ даетъ общій планъ соборной дѣятельности, а чрезъ это выясняетъ самыя показанія современниковъ. Сообщаетъ Руфинъ и нѣкоторыя частныя свѣдѣнія, опущенныя по тѣмъ или другимъ причинамъ въ повѣствованіяхъ современниковъ собора: въ этомъ также не маловажное значеніе сказанія Руфина, какъ источника исторіи Никейскаго собора.

Наконецъ, какъ на достоинство повѣствованія Руфина, высоко ставящее его, мы должны указать на безпристрастность и искренность его. Руфинъ объективно относится къ описываемому

событію: онъ ни о чемъ намѣренно не умалчиваетъ, ничего намѣренно не извращаетъ; онъ передаетъ тотъ или другой фактъ по возможности ясно и раздѣльно, не прибѣгая къ пустой фразѣ и риторикѣ, не усиливается возвеличить одно и унизить другое. Это достоинство Руфинова повѣствованія тѣмъ важнѣе и существеннѣе, что не всѣ современники собора объективно изображали исторію его. Мы видѣли, что Евсевій Кесарійскій описывалъ соборъ далеко не съ объективной точки-зрѣнія: ему приходилось жертвовать безпристрастностью историка и какъ стороннику аріанства и какъ панегиристу Константина. Руфинъ при своей безпристрастности исправляетъ показанія Евсевія, совлекаетъ съ нихъ ихъ фальшивую окраску и представляетъ дѣло въ истинномъ видѣ, а безсодержательныя, общія фразы разрѣшаетъ въ раздѣльное изложеніе предмета.

Въ частности изъ повѣствованія Руфина можно заимствовать слѣдующія свѣдѣнія, которыя съ одной стороны касаются новыхъ пунктовъ, не затронутыхъ предыдущими сказаніями, а съ другой—исправляютъ эти послѣднія:

1. Руфинъ говоритъ о созваніи собора императоромъ. Объ этомъ подробно говорится въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина“ [1]); но говорится не вполнѣ согласно съ истиною. Руфинъ исправляетъ показаніе Евсевія. Онъ говоритъ, что императоръ не самъ по себѣ, не по собственной инціативѣ созвалъ соборъ, какъ утверждаетъ Евсевій, а по внушенію епископовъ [2]). Показаніе Руфина вполнѣ естественно и сообразно съ истиною. При этомъ Руфинъ и пополняетъ Евсевія. Руфинъ передаетъ, что императоръ приказалъ явиться на соборъ и Арію [3]). О призваніи на соборъ Арія Евсевій не упоминаетъ, хотя мы въ правѣ ожидать отъ него

[1]) III. 5—6.

[2]) Ille (princeps) ex sacerdotum sententia apud urbem Nicaenam episcopale concilium convocat (c, 1).

[3]) Arium trecentis decem et octo episcopis residentibus adesse jubet (c. 1).

этого показанія, такъ какъ онъ очень подробно говоритъ о созваніи епископовъ.

2. Руфинъ упоминаетъ о личныхъ несогласіяхъ епископовъ между собою по пріѣздѣ на соборъ. Они стали подавать Константину жалобы другъ на друга [1]). Намекъ на это событіе можно находить и въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина". Когда Евсевій описываетъ засѣданія собора, то между прочимъ говоритъ: „одни (изъ епископовъ) начали обвинять своихъ ближнихъ, другіе защищались и порицали другъ друга [2]). Слѣдовательно, въ достовѣрности Руфинова разсказа сомнѣваться нельзя. Этотъ фактъ впрочемъ не имѣетъ прямаго отношенія къ исторіи собора.

3. Руфинъ ясно и раздѣльно говоритъ о существованіи двухъ партій на соборѣ съ различными религіозными воззрѣніями, даетъ характеристику православныхъ и аріанъ и въ частности передаетъ разсказы о жизни и чудесахъ двухъ православныхъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ, разсказы, не имѣющіе отношенія къ исторіи собора, но не лишніе для иллюстрированія характеристики отцовъ собора. Аѳанасій и Евстаѳій въ своихъ сказаніяхъ говорятъ о существованіи партій на соборѣ; но они не указываютъ численнаго отношенія и характеристическихъ особенностей этихъ партій. Евсевій Кесарійскій даетъ краснорѣчивую характеристику членовъ собора, но вовсе умалчиваетъ о существованіи партій. Руфинъ восполняетъ пробѣлъ и исправляетъ показаніе Евсевія. Онъ очень опредѣленно говоритъ, что когда на соборѣ поднялся вопросъ о вѣрѣ, то между епископами образовались партіи, которыя отстаивали несогласныя между собою мнѣнія: одни изъ членовъ собора стояли на сторонѣ Арія, другіе и притомъ большая часть гнушались Аріева начинанія, какъ нечестиваго [3]). Указавъ на партіи, Руфинъ даетъ болѣе опредѣленную и

[1]) Ruf. c. 2.

[2]) III. 13.

[3]) „Quum in episcoporum concilio de fide quaestio verteretur, et nonnuli

точную характеристику участниковъ собора сравнительно съ характеристикой Евсевія. Сторону православныхъ, по Руфину, составляли лица, знаменитыя не образованіемъ, не искусствомъ въ спорахъ, а силою своей вѣры, своимъ нравственнымъ величіемъ. На сторонѣ православныхъ былъ великій сонмъ исповѣдниковъ [1]). Епископъ, выступившій для спора съ философами, былъ мужъ самый простой и ничего иного не зналъ, кромѣ Іисуса Христа распятаго [2]). Пафнутій Өиваидскій и Спиридонъ Кипрскій, о которыхъ подробно разсказываетъ Руфинъ [3]), также отличались не ученостью, а великимъ нравственнымъ характеромъ и могущественною вѣрою, прославились не діалектикою, а исповѣдничествомъ и чудотвореніями. А лицъ, подобныхъ Пафнутію и Спиридону, на соборѣ было, по свидѣтельству Руфина, очень много („plurimi in illo concilio fuerunt“) [4]). Были между православными и образованные епископы, искусные въ діалектикѣ („episcopi nostri viri adaeque in dialectica non improbaliter eruditi“) [5]); но эта опытность въ діалектикѣ не была общею и отличительною чертою православной стороны собора: большинство православныхъ составляли исповѣдники и они-то особенно горячо возставали противъ аріанскихъ нововведеній („omnes Arii novitatibus adversabantur“) [6]). Другимъ характеромъ отличалась партія аріанъ. Лица этой партіи чуждались простоты вѣры и вѣру стремились разрѣшить въ знаніе („Faciebant ei [Ario] viri in quaestionibus callidi et ob id simplicitati fidei adversi“) [7]).

diversa sentirent, ac vehementer coeptis Arii faverent, plures tamen erant, qui impium exsecrarentur inceptum“ (c. 2).

[1]) „en eodem concilio esset confessorum magnus numerus sacerdotum“ (c. 2).

[2]) „quidam ex confessoribus simplicissimae naturae vir et nihil aliud sciens nisi Iesum Christum et hunc crucifixum“ (c. 3).

[3]) cap. 4—5.

[4]) cap. 5.

[5]) cap. 3.

[6]) cap. 2.

[7]) Ibid.

4. Руфинъ дѣлаетъ нѣкоторыя пополненія и исправленія предшествующихъ показаній относительно самыхъ засѣданій собора. Такъ онъ указываетъ на Аѳанасія, какъ на члена православной стороны собора, говоритъ о неоднократномъ приглашеніи на соборъ Арія („evocabatur frequenter Arius in concilium") и о томъ, что воззрѣнія послѣдняго не просто отвергались, но послѣ тщательнаго разбора („assiduo tractatu assertiones ejus) [Arii] discutiebantur" [1]). Указываетъ Руфинъ и, такъ сказать, общій характеръ соборной дѣятельности: соборъ очень тщательно относился къ дѣлу. Епископы не осмѣливались сдѣлать постановленіе о вѣрѣ легкомысленно и неосмотрительно („facile aut temere"), но разсуждали съ крайнею осторожностью („summa cum libratione quaerebatur") [2]). Для этихъ тщательныхъ разсужденій отцы собирались въ продолженіи нѣсколькихъ дней („per dies singulos agitabatur conventus"), и только послѣ довольно продолжительныхъ совѣщаній установлено было опредѣленное рѣшеніе („post diutinum multumque tractatum placet omnibus") [3]). Между тѣмъ изъ предшествующихъ сказаній о соборѣ не видно, что засѣданія собора продолжались нѣсколько дней; по тѣмъ сказаніямъ представляется, что дѣятельность собора была очень непродолжительна: заразъ было осуждено аріанство, заразъ былъ составленъ и утвержденъ символъ. Руфинъ своимъ показаніемъ предохраняетъ отъ такого неправильнаго заключенія. Передаетъ Руфинъ и то, что не всѣ члены собора вполнѣ согласились съ Никейскимъ опредѣленіемъ, хотя большинство и не сочувствующихъ Никейскому символу подписалось къ нему вслѣдствіе страха ссылки. Императоръ объявилъ, что противящійся постановленію собора будетъ считаться противникомъ божественнаго постановленія и подверг-

1) cap. 5.

2) Ibid.

3) Ibid.

нется изгнанію [1]). Это-то завленіе императора и побудило многихъ аріанъ оставить свою партію и подписаться къ символу, но подписаться, конечно, неискренно „manu sola, non mente“. Главнымъ представителемъ такого лицемѣрія въ подписи былъ глава строгихъ аріанъ —Евсевій Никомидійскій [2]). Пополняя прежнія показанія, Руфинъ даетъ и новыя. Онъ свидѣтельствуетъ, что не всѣ даже и рукою только (manu sola) согласились подписать Никейскій символъ: нѣкоторые рѣшительно остались на сторонѣ Арія и не согласились приложить къ Никейскимъ опредѣленіямъ свои подписи. Это послѣднее показаніе исправляетъ свидѣтельство Евсевія, который утверждаетъ, что съ Никейскими опредѣленіями согласились всѣ присутствовавшіе на соборѣ.

5. Руфинъ приводитъ самыя постановленія собора догматическія, т. е. символъ съ приложеніемъ анаѳематствованія на Арія, и каноническія; упоминаетъ также о постановленіи собора касательно одновременнаго празднованія Пасхи [3]). Символъ приведенъ Руфиномъ не по первоначальной и древнѣйшей редакціи; сравнительно съ этою послѣднею въ символѣ Руфина есть нѣкоторыя разности, впрочемъ самыя незначительныя. Такъ къ слову „Господа“ во 2 членѣ прибавлено слово „нашего“ (nostrum), котораго нѣтъ въ первоначальной редакціи. Къ слову „ὁμοούσιος“ въ символѣ Руфина присоединено объясненіе: „единосущнаго Отцу“, читается у Руфина, т. е. одной и той же сущности съ Отцемъ (ὁμοούσιον Patri, hoc est ejusdem cum Patre substantia). Въ выраженіи: „ради насъ человѣковъ и ради нашего спасенія“ у Руфина пропущено слово „человѣковъ“, „propter nos et propter nostram salutem“. Въ анаѳематствованіи греческое слово „τρεπ-

[1]) „Cui (sententiae concilii) si quis tentasset abniti, velut contra divina statuta venientem, in exilium se protestatur acturum“ c. 5.

[2]) Cujus simulationis auctor praecipue extitit Nicomediae episcopus Eusebius. Ibid.

[3]) cap. 6.

τόν“ приведено и безъ перевода и въ переводѣ на латинскій языкъ („τρεπτόν, aut convertibilem“); между тѣмъ слово „тварь“ (κτιστόν) опущено. Къ понятію „церковь“ въ анаѳематствованіи прибавленъ эпитетъ „апостольская“. Откуда взялись эти разности, положительно отвѣтить на этотъ вопросъ мы не можемъ. Вѣроятно, пастыри церкви были не слишкомъ ревнивы въ охраненіи самой буквы символа, особенно тамъ, гдѣ незначительныя вербальныя разности не производили никакого измѣненія въ символѣ. Допускать незначительныя вербальныя разности во времена Руфина было тѣмъ естественнѣе, что тогда вербальная сторона Никейскаго символа подверглась уже оффиціальному измѣненію на 2 вселенскомъ Константинопольскомъ соборѣ. Поэтому то и Руфинъ, вѣроятно, не особенно заботился о томъ, чтобы привести въ своей исторіи Никейскій символъ по первоначальной редакціи: онъ привелъ символъ по той редакціи, которая была у него подъ руками [1]).

Гораздо больше разностей представляютъ каноны Никейскаго собора, приведенные Руфиномъ. Руфинъ приводитъ каноны не въ подлинномъ видѣ, а въ сокращеніи. При этомъ онъ не держится того раздѣленія каноновъ, какое было сдѣлано на самомъ соборѣ, или какое, по крайней мѣрѣ, существуетъ во всѣхъ каноническихъ сборникахъ. Нѣкоторыя правила онъ раздѣляетъ на два: такой участи подвергаются каноны: 6 (у Руфина 6 и 7), 8 (у Руфина 9 и 10), 16 (у Руфина 17 и 18) и 19 (у Руфина 21 и 22). Наоборотъ 9 и 10 правила у него соединяют-

[1]) Можетъ быть, Руфинъ пользовался тою редакціею Никейскаго символа, которая находится въ сочиненіи Иларія Пуатьескаго „о соборахъ“ (de synodis). Въ этой редакціи есть, какъ и у Руфина, слово „nostrum“ въ выраженіи „и во единаго Господа“, (et in unum Dominum nostrum) и разъясненіе слова „ὁμοούσιος“ (unius substantiae cum Patre, quod graece dicunt homousion); равнымъ образомъ опущено не только слово „человѣковъ“, но и все выраженіе „ради насъ человѣковъ“ (Hilarii de synodis t. 10. col. 536. c. 84). Но рѣшительно утверждать зависимость Руфина отъ Иларія въ данномъ случаѣ нельзя, потомучто между Иларіемъ и Руфиномъ есть различіе.

ся въ одно (11-е), а 20 совсѣмъ опускается. Кромѣ того въ 21 правилѣ (по гр. ред. 19) Руфинъ дѣлаетъ измѣненіе смысла подлиннаго греческаго текста. Это правило повелѣваетъ перекрещивать павликіанъ; Руфинъ павликіанъ (или павлинистовъ) отождествляетъ съ фотиніанами: „павлинисты, которые суть фотиніане“ (Paulinisti, qui sunt Photiniani)[1]. Откуда произошли эти разности въ Руфиновой редакціи каноновъ? Мѣ не имѣемъ положительныхъ данныхъ для опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, а потому представимъ только нѣкоторыя догадки. Помѣщая въ своей исторіи каноническія постановленія Никейскаго собора, Руфинъ имѣлъ въ виду передать не точный текстъ ихъ, а только смыслъ; поэтому онъ и не держался строго того раздѣленія правилъ, какое сдѣлано было на самомъ соборѣ; онъ старался главнымъ образомъ передать существенныя мысли того или другаго правила. А такъ какъ съ одной стороны не всѣ правила заключаютъ въ себѣ въ строгомъ смыслѣ слова по одному постановленію, касающемуся исключительно одного предмета, нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ по два постановленія; такъ какъ съ другой стороны есть и такіе случаи, что одинъ и тотъ же предметъ разсматривается въ нѣсколькихъ правилахъ, то Руфинъ, слѣдя за сущностью Никейскихъ правилъ, а не за ихъ формою, нѣкоторыя изъ нихъ, содержащія трактаты о разныхъ предметахъ, дѣлитъ на два, а нѣкоторыя, имѣющія въ виду одинъ и тотъ же предметъ, соединяетъ. Если мы обратимся къ самому содержанію соединенныхъ и раздѣленныхъ Руфиномъ каноновъ, то найдемъ здѣсь подтвержденіе своей догадки. Такъ 6-е Никейское правило Руфинъ дѣлитъ на 2 (6 и 7), потомучто оно содержитъ въ себѣ, собственно говоря, два постановленія: общее правило и частный случай его примѣненія, именно: въ первой половинѣ 6 правила утверждается общее положеніе, чтобы епископы подчи-

[1]) Cap. 6. пас. 21.

нялись областному епископу, или митрополиту; во второй половинѣ это общее положеніе раскрывается въ примѣненіи къ частному случаю—къ поставленію епископа: при поставленіи епископа требуется главнымъ образомъ согласіе митрополита, безъ согласія же митрополита поставленіе считается незаконнымъ. Руфинъ раздѣляетъ общее постановленіе отъ частнаго случая его примѣненія: въ 6 правилѣ онъ помѣщаетъ одно общее постановленіе объ авторитететѣ митрополита въ его области, частное же постановленіе объ авторитѣ митрополита при избраніи и поставленіи епископа онъ помѣщаетъ въ отдѣльное правило—7-е. Тоже самое, что сказали мы о 6 правилѣ, нужно сказать и о 8, 16 и 19 правилахъ, которыя Руфинъ дѣлитъ на два. Наоборотъ 9 и 10 правила первоначальной редакціи относятся къ одному и тому же предмету и содержатъ въ себѣ одну мысль, что лица, впадшія въ грѣхи, не могутъ быть возведены въ пресвитеры; если они уже возведены, то не должны быть допускаемы до священнослуженія. Различіе состоитъ только въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ (9) имѣются въ виду согрѣшившіе вообще, а въ другомъ (10) —падшіе. Руфинъ, преслѣдуя смыслъ правила, а не букву, и соединяетъ 9 и 10 правила въ одно — 11. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина, почему Руфинъ не сохранилъ того раздѣленія правилъ, какое было сдѣлано на соборѣ. Труднѣе объяснить опущеніе Руфиномъ 20 правила. Можетъ быть, Руфинъ опустилъ это правило потому, что оно имѣетъ, такъ сказать, церемоніальный характеръ, а можетъ быть и потому, что онъ считалъ его относящимся къ постановленію о Пасхѣ вообще и вслѣдствіе этого не счелъ нужнымъ упомянуть о немъ отдѣльно. Что же касается до той поправки, какую допустилъ Руфинъ въ 19 правилѣ, отождествивъ павликіанъ съ фотиніанами, то это легко объяснить сходствомъ ученія тѣхъ и другихъ. Павликіане и фотиніане одинаково отвергали ученіе о Св. Троицѣ и Іисуса Христа признавали простымъ человѣкомъ, не существовавшимъ до рожденія отъ Маріи. Руфинъ, принявъ во вниманіе сходство ереси павликіанъ

и фотиніанъ, а также то обстоятельство, что фотиніанъ подвергъ анаѳемѣ второй вселенскій соборъ [1]), отождествилъ павликіанъ и фотиніанъ и опредѣленіе Никейскаго собора, направленное на павликіанъ, распространилъ и на фотиніанъ. Такъ объясняемъ мы разности Руфиновой редакціи каноновъ сравнительно съ первоначальной редакціей. Но, можетъ быть, дѣло происходило проще. Можетъ быть, Руфинъ не самъ былъ виновникомъ этихъ уклоненій отъ первоначальной редакціи: эти уклоненія, можетъ быть, существовали въ томъ экземплярѣ каноновъ, какимъ пользовался Руфинъ [2]).

[1]) См. 1 прав.

[2]) Нѣкоторые ученые ставятъ Руфинову редакцію Никейскихъ каноновъ
въ зависимость отъ пиьма папы Иннокентія I и утверждаютъ, что Руфинъ
пользовался этимъ посланіемъ при передачѣ каноновъ въ своей исторіи. Осно-
ваніемъ для такого мнѣнія служитъ то, что въ нѣкоторыхъ каноническихъ кол-
лекціяхъ галльскихъ и испанскихъ Никейскіе каноны, сокращенные, какъ у Ру-
фина, ставятся въ зависимость отъ посланія папы Иннокентія I. Напр. въ Кор-
біанскомъ манускриптѣ (Manuscripte de Corbie № 12097, du fonds latin de la
Bibliothèque nationale) сокращенные Никейскіе каноны озаглавливаются такъ:
„Capitula canonum de exemplaribus papae Innocentii“. Въ Испанской коллекціи
сокращенные каноны имѣютъ аналогичный титуль: „Capitula Nicaeni concilii
data ab Innocentio papa“. При этомъ испанскій авторъ указываетъ и самый ис-
точникъ, откуда взяты были сокращенные Никейскіе каноны; въ заголовкѣ этихъ
каноновъ онъ дѣлаетъ такую помѣтку: „De epistola Innocentii papae ex concilio
Nicaenio“ (Revillout. Concile de Nicée. Dissertation critique. 1881. p. 155). Но съ
указаннымъ мнѣніемъ нельзя вполнѣ согласиться. Что испанскія и галльскія кол-
лекціи Никейскихъ каноновъ стоятъ въ зависимости отъ посланія папы Иннокен-
тія I, это совершенно вѣрно; но что въ такой же зависимости отъ этого посла-
нія стоитъ и Руфинъ, это очень сомнительно или, по крайней мѣрѣ, не можетъ
быть ничѣмъ доказано. Такое сомнѣніе тѣмъ болѣе естественно, что въ то вре-
мя, когда писалъ Руфинъ свою исторію, Иннокентій не былъ еще римскимъ
папою (онъ вступилъ на папскій престолъ въ 402 году), а слѣдовательно не
могъ имѣть и особеннаго авторитета въ глазахъ Руфина. Гораздо вѣроятнѣе
представлять дѣло въ обратномъ видѣ и утверждать, что не Руфинъ заимство-
валъ сокращенные каноны изъ посланія папы Иннокентія, а что папа Иннокен-
тій I, при которомъ Руфинъ, уже имѣвшій въ то время громкую извѣстность
среди западныхъ христіанъ, прибылъ въ Римъ, заимствовалъ сокращенные ка-
ноны изъ исторіи Руфина и посредствомъ своего посланія распространилъ ихъ
въ Галліи и Испаніи. Аналогичный съ этимъ примѣръ представляетъ намъ папа
Іоаннъ II (532—535). Онъ послалъ въ своемъ письмѣ серію каноновъ въ пере-
водѣ Діонисія Младшаго (Revillout. Concile de Nicée. 1881. p. 155—156).

Одновременно съ Руфиномъ жилъ другой латинскій историкъ Сульпицій Северъ [1]). Онъ оставилъ послѣ себя хронику, которая обнимаетъ періодъ времени отъ міроздания до 400 года по Р. Х. Въ этой хроникѣ [2]) Сульпицій Северъ касается и Никейскаго собора. Впрочемъ его показанія такъ кратки и сухи, что изъ нихъ нельзя извлечь ничего новаго для исторіи собора. Онъ говоритъ, что по поводу ереси аріанъ, признававшихъ Бога Отца творцомъ Сына, былъ составленъ въ 325 году вселенскій соборъ въ Никеѣ изъ 318 епископовъ, гдѣ ересь Арія была осуждена и православное ученіе принято императоромъ; говоритъ также, что аріане, не осмѣливаясь возражать противъ соборнаго рѣшенія, приняли его и соединились съ церковію, хотя въ груди своей затаили ненависть противъ защитниковъ православія. Вотъ и всѣ показанія Севера. Какъ видно, изъ нихъ ничего нельзя извлечь новаго для исторіи Никейскаго собора. Переходимъ къ обозрѣнію показаній о Никейскомъ соборѣ греческихъ историковъ V вѣка.

Сказанія о Никейскомъ соборѣ Филосторгія и Сократа.

Первое по времени мѣсто среди греческихъ церковныхъ историковъ V вѣка занимаетъ Филосторгій. О Филосторгіи и его сочиненіяхъ не упоминаетъ никто изъ древнихъ писателей до времени патріарха Фотія. Отечествомъ Филосторгія была, кажется, Каппадокія, а временемъ рожденія 364 годъ [3]). Отецъ Филосторгія назывался Картеріемъ и принадлежалъ къ ереси евноміанъ, къ которой присоединился и самъ Филосторгій. Какъ

[1]) Сульпицій Северъ родился около 360 года, получилъ хорошее образованіе и занимался адвокатурой. Смерть супруги заставила измѣнить его родъ занятій, и въ 390 году онъ посвятилъ себя монашеской жизни. Умеръ Сульпицій Северъ немного спустя послѣ 420 года.

[2]) кн. II.

[3]) Ceillier. t. III. p. 509.

видно изъ его исторіи, Филосторгій былъ человѣкъ весьма образованный и имѣлъ свѣдѣнія изъ всѣхъ наукъ, которыми украшалось тогдашнее образованное общество. О времени смерти Филосторгія ничего неизвѣстно; но въ 425 году онъ еще былъ живъ, потомучто до этого года доходитъ его исторія.

Исторія Филосторгія написана въ духѣ аріанства: Филосторгій поставилъ цѣлью своей исторіи доказать истинность аріанства, доказать, что оно древнѣе и правильнѣе православія. Поэтому онъ расточаетъ въ своей исторіи главнѣйшимъ аріанамъ похвалы, приписываетъ имъ мнимо-чудесныя дѣйствія и всю исторію аріанскихъ споровъ представляетъ въ превратномъ видѣ.

Въ полномъ и подлинномъ своемъ изложеніи исторія Филосторгія до насъ не дошла: мы имѣемъ только сдѣланное патріархомъ Фотіемъ сокращеніе изъ нея, да нѣкоторые отрывки, сохраненные другими писателями. Впрочемъ и то, что мы имѣемъ изъ исторіи Филосторгія, даетъ достаточное понятіе о ея содержаніи. Она самимъ Филосторгіемъ раздѣлена была на 12 книгъ и обнимаетъ собою періодъ времени отъ смерти Констанція Хлора, отца Константина Великаго, до начала царствованія Валентиніана III. Въ своей исторіи Филосторгій касается и Никейскаго собора.

Трудъ Филосторгія не можетъ занять виднаго мѣста среди источниковъ исторіи Никейскаго собора съ одной стороны потому, что дошедшіе до насъ отрывки изъ него слишкомъ кратки и незначительны, а съ другой—потому, что самыя показанія Филосторгія о Никейскомъ соборѣ далеко не безпристрастны: они проникнуты сильной тенденціей представить аріанъ въ наилучшемъ видѣ, а православныхъ очернить. Но при всемъ томъ мы не должны совершенно игнорировать этотъ источникъ уже въ силу правила: „audiatur et altera pars“. Конечно, мы не можемъ придавать значенія тѣмъ показаніямъ Филосторгія, гдѣ онъ вопреки истинѣ до крайности восхваляетъ аріанъ и унижаетъ православныхъ; но нѣкоторыя показанія его имѣютъ значеніе: они пополн-

няютъ и исправляютъ показанія другихъ писателей и тѣмъ помогаютъ болѣе точному воспроизведенію исторіи Никейскаго собора. Такъ изъ исторіи Филосторгія мы можемъ заимствовать слѣдующія данныя:

1. Филосторгій свидѣтельствуетъ, что еще до Никейскаго собора Александръ Александрійскій, прибывъ въ Никомидію и встрѣтившись съ Осіею Кордубскимъ и бывшими съ нимъ епископами, подготовилъ произнесеніе на соборѣ мнѣнія объ исповѣданіи Сына единосущнымъ Отцу и объ отлученіи Арія [1]). Въ полномъ видѣ это показаніе едва-ли можно признать правильнымъ. Внушеніе императору еще до собора рѣшенія о единосущіи, а тѣмъ болѣе объ изгнаніи Арія невѣроятно уже потому, что нѣкоторые изъ аріанъ были въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ императоромъ. Противъ этого же показанія говоритъ и то обстоятельство, что императоръ очень благосклонно и внимательно выслушивалъ на соборѣ всѣхъ споривших, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Евсевій [2]). Но изъ этого показанія Филосторгія открывается, что вліятельнѣйшіе православные епископы—Александръ Александрійскій, Осія Кордубскій и нѣкоторые другіе еще до собора сознали необходимость термина „ὁμοούσιος“ для обозначенія отношенія Сына Божія къ Отцу и рѣшили отстаивать этотъ терминъ на соборѣ.

2. Филосторгій приводитъ списокъ аріанствующихъ членовъ Никейскаго собора [3]). Этотъ списокъ, какъ мы замѣчали ранѣе, нельзя признавать вполнѣ правильнымъ. Но все-же этотъ списокъ не лишенъ значенія: онъ поименно перечисляетъ многихъ аріанствующихъ членовъ собора, которыхъ не указываютъ другіе источники.

3. Филосторгій свидѣтельствуетъ, что только два епископа—

[1]) кн. I. гл. 7.

[2]) „Жизнь Константина“ III. 13.

[3]) Дополненія къ исторіи Филосторгія изъ Никиты V. 7.

Ѳеона и Секундъ—отказались подписать Никейскій символъ; остальные же аріанскіе епископы—Евсевій Никомидійскій, Ѳеогнисъ Никейскій, Марисъ Халкидонскій и вся фаланга—присоединились къ собору, хотя „единосущіе" скрыли въ словѣ „подобосущіе" [1]). Вслѣдствіе этого и ссылкѣ сначала подверглись кромѣ Арія только Ѳеона и Секундъ; Евсевій же Никомидійскій, Ѳеогнисъ и Марисъ были сосланы только чрезъ три мѣсяца послѣ собора [2]), когда они опять открыто возвратились къ аріанству.

Сократъ, называемый обыкновенно схоластикомъ, родился въ Константинополѣ въ началѣ царствованія Ѳеодосія Великаго, какъ думаютъ, около 380 года [3]). Въ Константинополѣ онъ получилъ и образованіе [4]). Грамматику онъ изучалъ подъ руководствомъ извѣстныхъ въ то время наставниковъ Аммонія и Гелладія [5]); изучалъ науку краснорѣчія и, говорятъ, посѣщалъ школу софиста Троила, какъ можно догадываться объ этомъ по чрезвычайному уваженію, какое онъ питалъ къ этому человѣку, и по тѣмъ похваламъ, какими онъ превозноситъ его въ своей исторіи [6]). Оставивъ школу Троила, Сократъ, говорятъ, сталъ заниматься адвокатурой; но древнихъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ. Фотій, называя схоластиками (по нашему адвокатами) Созомена и Евагрія, не прилагаетъ этого имени къ Сократу [7]). Равнымъ образомъ и въ церковной исторіи Сократа нѣтъ ясныхъ слѣдовъ его юридическаго образованія.

Изъ воззрѣній Сократа считаемъ не лишнимъ отмѣтить двѣ

1) Сокращеніе исторіи Филосторгія I. 9. Дополненія къ исторіи Филосторгія изъ Никиты I. 5. 8.

2) Сокращ. ист. Филост. 1. 10. Дополн. изъ Никиты I. 5. 8.

3) Свѣдѣнія о Сократѣ: при русск. перев. его исторіи стр. 1; Ceillier. t. VIII. p. 514; Mign. t. 67. p. 17—26 de vita Socratis.

4) Сокр. V. 24.

5) Сокр. V. 16.

6) Сокр. VII. 1.

7) Phot. cod. 28 et 30 p. 6. Migne t. 67. Testimonia veterum col. 27—28.

черты, наложившія свой отпечатокъ на его исторію вообще, на повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ въ частности. Сократъ по своему направленію принадлежалъ къ александрійской школѣ и былъ жаркимъ почитателемъ Оригена. Вслѣдствіе этого онъ въ своей исторіи ведетъ борьбу съ противниками этого знаменитаго учителя и беретъ подъ свое покровительство какъ самого Оригена, такъ и всѣхъ сторонниковъ его. Напр. онъ защищаетъ Евсевія Кесарійскаго, который былъ послѣдователемъ Оригена. Другою чертою Сократа была его нѣсколько излишняя склонность къ новаціанству. Онъ очень интересуется новаціанствомъ, перечисляетъ новаціанскихъ епископовъ и говоритъ о представителяхъ новаціанства съ большимъ уваженіемъ и большими похвалами, чѣмъ какихъ они заслуживали; такъ что нѣкоторые (напр. Baronius, Philippus Labbeus) считали его за новаціанина [1]).

Извѣстность Сократъ пріобрѣлъ своею церковною исторіею. Важнѣйшимъ толчкомъ, который заставилъ взяться Сократа за исторію церкви, можно думать, было появленіе церковной исторіи Руфина, продолжившаго исторію Евсевія. Сократъ захотѣлъ сдѣлать то же для востока, что Руфинъ сдѣлалъ для запада. Планъ Сократа состоялъ просто въ томъ, чтобы продолжить церковную исторію Евсевія. Онъ самъ въ началѣ своего труда говоритъ, что вознамѣрился описать событія церкви съ того времени, на которомъ остановился въ своей исторіи Евсевій, и конецъ исторіи этого послѣдняго принялъ за начало своего повѣствованія [2]). Но нѣсколькими сказаніями онъ возвращается назадъ—къ первому году

[1]) Это мнѣніе не можетъ быть принято. Многія мѣста исторіи Сократа показываютъ, что онъ не былъ новаціаниномъ. Такъ во II кн. гл. 38 онъ однихъ только православныхъ признаетъ принадлежащими къ церкви, а новаціанъ противополагаетъ этимъ послѣднимъ („христіане всеобщей церкви и новаціане одинаково были гонимы“; по р. пер. стр. 224). Въ VI кн. гл. 20 и 23 новаціанъ онъ ставитъ въ число еретиковъ вмѣстѣ съ аріанами, македоніанами и евноміанами. Сократъ не могъ бы такъ говорить о новаціанахъ, если-бы самъ принадлежалъ къ новаціанской сектѣ.

[2]) Сокр. Церк. ист. I. 1.

царствованія Константина для пополненія исторіи Евсевія, такъ что онъ ведетъ свое повѣствованіе отъ 306 г. и продолжаетъ его до 439 г. по Р. Хр. Посвящаетъ онъ часть своего труда и исторіи Никейскаго собора. Повѣствованіе объ этомъ послѣднемъ содержится въ I кн. 5—14 гл. Къ обозрѣнію этой части исторіи Сократа мы и перейдемъ.

Источниками при повѣствованіи Сократа о Никейскомъ соборѣ съ одной стороны были разобранныя нами сказанія о Никейскомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго, Аѳанасія Александрійскаго и Руфина, съ другой—новые источники, намъ неизвѣстные, также грамоты и посланія.

Сократъ былъ недоволенъ „Жизнью Константина". Въ началѣ своей исторіи онъ прямо заявляетъ, что Евсевій не съ должною подробностью и обстоятельностью передалъ церковныя событія времени Константина, особенно аріанскіе споры [1]). Дѣлаетъ онъ упреки Евсевію и въ другихъ мѣстахъ своей исторіи [2]). Но не смотря на это недовольство сочиненіемъ „Жизнь Константина", какъ историческимъ произведеніемъ, Сакратъ пользовался имъ при своемъ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ и пользовался болѣе, чѣмъ какимъ-либо другимъ источникомъ. Вотъ заимствованія Сократа изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина":

а) Сократъ заимствуетъ у Евсевія изображеніе волненій, какія произведены были въ Египтѣ, особенно въ Александріи, аріанскими спорами до Никейскаго собора. Картина Сократа совершенно сходна съ картиною Евсевія. Приведемъ показанія Евсевія и Сократа:

Евсевія:	Сократа:
„Будто отъ искры (т. е. отъ несогласія между епископами)	„Малая искра (т. е. несогласіе между Александромъ и Арі-

1) I, 1.
2) I. 10.

воспламенился великій пожаръ и, начавшись какъ-бы съ главы, съ церкви Александрійской, распространился по всему Египту, Ливіи и за предѣлы верхней Ѳиваиды. Этотъ пожаръ истреблялъ уже и прочія области и города, такъ что не одни предстоятели церквей, какъ видно было, вступали другъ съ другомъ въ словесныя пренія, но и народъ раздѣлялся: одни уклонялись къ одной сторонѣ, другіе—къ другой. Видъ этихъ событій доведенъ былъ до такого неприличія, что досточтимое божественное ученіе подверглось самымъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ даже въ языческихъ театрахъ“ [1]).

емъ) превратилась въ великій пожаръ; получивъ начало въ церкви Александрійской, зло распространилось по всему Египту, Ливіи и верхней Ѳиваидѣ и пожирало уже прочія епархіи и города. Повсюду возникли безпокойства, ибо видно было, что не одни предстоятели церквей поражали другъ друга словами, но раздѣлялся и самый народъ, склоняясь частію на ту, частію на другую сторону (т. е. на сторону православныхъ или на сторону аріанъ), и дѣло дошло до такой нелѣпости, что надъ христіанствомъ стали смѣяться публично, даже въ театрахъ“ [2]).

[1]) Ἀπὸ μικροῦ σπινθῆρος μέγα πῦρ ἐξεκάετο, ἄκρας μὲν ὥσπερ ἀπὸ κορυφῆς ἀρξάμενον τῆς Ἀλεξανδρέων Ἐκκλησίας, διαδραμὸν δὲ τὴν σύμπασαν Αἴγυπτόν τε καὶ Λιβύην, τήν τ' ἐπέκεινα Θηβαΐδα· ἤδη δὲ καὶ τὰς λοιπὰς ἐπενέμετο ἐπαρχίας τε καὶ πόλεις, ὥστ' οὐ μόνους ἦν ἰδεῖν τοὺς τῶν ἐκκλησιῶν προέδρους λόγοις διαπληκτιζομένους, ἀλλὰ καὶ τὰ πλήθη κατατεμνόμενα, τῶν μὲν ὡς τούςδε, τῶν δὲ θατέροις ἐπικλινομένων. Εἰς τοσοῦτον δὲ διήλαυνεν ἀτοπίας ἡ τῶν γινομένων θέα, ὥστ' ἤδη ἐν αὐτοῖς μέσοις τῶν ἀπίστων θεάτροις τὰ σεμνὰ τῆς ἐνθέου διδασκαλίας τὴν αἰσχίστην ὑπομένειν χλεύην“. De vita Const. lib. II. cap. 61. ad finem. Migne t. 20.

[2]) Ἀνάπτεται ἀπὸ σμικροῦ σπινθῆρος μέγα πῦρ. Ἀρξάμενόν τε τὸ κακὸν ἀπὸ τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας διέτρεχε τὴν σύμπασαν Αἴγυπτόν τε καὶ Λιβύην, καὶ τὴν ἄνω Θηβαΐδα· ἤδη δὲ καὶ τὰς λοιπὰς ἐπενέμετο ἐπαρχίας τε καὶ πόλεις. (col. 41). Τὰ πάντα ἦν ταραχῆς ἀνάμεστα. Οὐ γὰρ μόνους ἦν ἰδεῖν τοὺς τῶν ἐκκλησιῶν προέδρους λόγοις διαπληκτιζομένους, ἀλλὰ καὶ πλήθη τεμνόμενα· τῶν μὲν ὡς τούτοις, τῶν δὲ θατέροις ἐπικλινομένων. Εἰς τοσοῦτον δὲ ἀτοπίας προέβη τὸ πρᾶγμα, ὥστε δημοσίᾳ καὶ ἐν αὐτοῖς θεάτροις τὸν χριστιανισμὸν γελᾶσθαι“. Socrat. Hist. eccles. lib. I. c. 6. col. 52. Migne t. 67 (по рус. пер. стр. 23—24).

b) Сократъ приводитъ половину (вторую) письма Константина къ Александру и Арію [1]), которое приведено въ сочиненіи Евсевія „Жизнь Константина“ [2]). Можетъ быть, это письмо Сократъ заимствовалъ и не у Евсевія [3]); но все-же для насъ, разсматривающихъ повѣствованіе Сократа, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, и оцѣнивающихъ его настолько, сколько оно даетъ новыхъ показаній, письмо Константина у Сократа не имѣетъ значенія, такъ какъ мы познакомились съ нимъ въ сочиненіи Евсевія и можемъ смотрѣть на него, какъ на заимствованіе или, по крайней мѣрѣ, повтореніе того, что сказано Евсевіемъ.

c) Замѣчаніе Сократа о томъ, что посланіе Константина не могло прекратить несогласій въ Александріи, очень близко подходитъ къ словамъ Евсевія по тому же поводу. Вотъ показанія того и другаго:

Евсевія:	Сократа:
Такъ боголюбезный царь, отправляя это писаніе, заботился о мирѣ Божіей церкви! Слугою же его заботливости не только по смыслу посланія, но и въ отношеніи къ особымъ наставленіямъ пославшаго, былъ человѣкъ отличный, мужъ, какъ сказано, вполнѣ благочестивый. Но дѣло зашло такъ далеко, что его нельзя было уже остановить	Такія-то дивныя и исполненныя мудрости увѣщанія предлагало имъ (т. е. главнымъ образомъ Александру и Арію) царское посланіе. Но не смотря ни на стараніе царя, ни на достоинство отправленнаго съ посланіемъ мужа, зло становилось еще сильнѣе; ибо это посланіе не смягчило ни Александра, ни Арія. Какая-то неопредѣленная

[1]) Socr. 1. 7. Migne t. 67. col. 57—60; по русск. перев. стр. 26—31.

[2]) II кн. 69—72 гл.

[3]) Впрочемъ разностей въ текстѣ письма у Сократа и Евсевія почти вовсе нѣтъ.

однимъ посланіемъ: ссора враждующихъ чрезвычайно усилилась и потокъ зла разлился по всѣмъ областямъ востока [1]).

распря и смута происходила даже въ простомъ народѣ [2]).

Очевидно все отличіе Сократа отъ Евсевія состоитъ только въ томъ, что первый въ парафразѣ передаетъ показанія втораго.

d) Показаніе Сократа о существованіи разногласія касательно празднованія Пасхи, какъ объ одномъ изъ поводовъ для созванія Никейскаго собора, заимствовано изъ сочиненія Евсевія: выраженія Сократа совершенно сходны съ выраженіями Евсевія.

Евсевія:

Появилась также и другая, сильнѣйшая и еще прежде сихъ золъ такъ долго свирѣпствовавшая, болѣзнь, появилось разногласіе касательно спасительнаго празднованія Пасхи [3]).

Сократа:

Существовала тогда (во время аріанскихъ споровъ) и другая прежняя мѣстная болѣзнь: церкви возмущены были также разногласіемъ касательно празднованія Пасхи [4]).

[1]) Ὁ θεοφιλὴς ὧδε τὰ πρὸς εἰρήνην τῆς ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ διὰ τῆς καταπεμφθείσης προὐνόει γραφῆς· διηκονεῖτο δὲ οὐ τῇ γραφῇ μόνον συμπράττων, ἀλλὰ καὶ τῷ τοῦ καταπέμψαντος νεύματι καλὸς κἀγαθὸς, καὶ ἦν τὰ πάντα θεοσεβὴς ἀνὴρ, ὡς εἴρηται. Τὸ δὲ ἦν ἄρα κρεῖττον ἢ κατὰ τὴν τοῦ γράμματος διακονίαν, ὡς αὐξηθῆναι μὲν ἐπὶ μεῖζον τὴν τῶν διαμαχομένων ἔριν, χωρῆσθαι δ' εἰς ἁπάσας τὰς ἀνατολικὰς ἐπαρχίας τοῦ κακοῦ τὴν ὁρμήν. De vita Const. II. 73. Migne t. 20.

[3]) Προυπῆρχε δ' ἄρα καὶ ἄλλη τις τούτων προτέρα νόσος ἀργαλεωτάτη ἐκ μακροῦ διεναχλοῦσα, ἡ τῆς σωτηρίου ἑορτῆς διαφωνία. Euseb. de vit. Const. III. 5. Migne t. 20.

[2]) Τοιαῦτα οὖν θαυμαστὰ καὶ σοφίας μεστὰ παρῄνει ἡ τοῦ βασιλέως ἐπιστολή. Τὸ δὲ κακὸν ἐπικρατέστερον ἦν καὶ τῆς τοῦ βασιλέως σπουδῆς, καὶ ἀξιοπιστίας τοῦ διακονησαμένου τοῖς γράμμασιν· οὔτε γὰρ Ἀλέξανδρος, οὔτε Ἄρειος ὑπὸ τῶν γραφέντων ἐμαλάσσοντο, ἀλλά τις ἦν ἄκριτος καὶ παρὰ τοῖς λαοῖς ἔρις καὶ ταραχή. Socrat I. 8. Migne t. 67. col 60; по русск. пер. стр. 31

[4]) Προυπῆρχε δὲ καὶ ἄλλη τις προτέρα νόσος τοπικὴ, τὰς ἐκκλησίας ταράττουσα, ἡ διαφωνία τῆς τοῦ Πάσχα ἑορτῆς. Socr. I. 8. Migne t. 67. col. 60; по русск. пер. стр. 31.

Впрочемъ нужно замѣтить, что далѣе Сократъ не слѣдуетъ показанію Ев-

е) О созванiи епископовъ на соборъ грамотами императора Сократъ говоритъ словами Евсевiя, выпуская лишь нѣкоторыя чисто риторическiя украшенiя послѣдняго. Вотъ слова того и другаго:

Евсевiя:	Сократа:
Константинъ, понявъ, что посланное имъ въ Александрiю письмо осталось безъ исполненiя, тотчасъ размыслилъ самъ съ собою и рѣшилъ, что по этому случаю должно идти новою войною противъ тайнаго врага, возмущавшаго церковь (гл. 5). Потомъ царь созвалъ вселенскiй соборъ, почтительными грамотами отовсюду приглашалъ епископовъ... Назначенъ былъ и городъ, приличный для собора; этотъ городъ, соименный побѣдѣ, былъ Никея, что въ Виѳинiи [1]).	Видя, что церковь возмущается тѣмъ и другимъ зломъ (т. е. арiанскими спорами и разногласiемъ касательно празднованiя Пасхи), царь своими грамотами приглашалъ всѣхъ епископовъ съѣхаться въ Никеѣ, городѣ Виѳинiи, и составилъ изъ нихъ вселенскiй соборъ [2]).

севiя; о значенiи и объемѣ разногласiя касательно времени празднованiя Пасхи онъ говоритъ независимо отъ Евсевiя (объ этомъ мы скажемъ ниже). Даже и въ приведенномъ мѣстѣ Сократъ нѣсколько отличается отъ Евсевiя: разногласiе о Пасхѣ онъ называетъ болѣзнью мѣстною (τοπικὴ νόσος), какого ограниченiя нѣтъ у Евсевiя.

[1]) Κωνσταντῖνος ἐπειδὴ... τό τε καταπεμφθὲν αὐτῷ γράμμα τοῖς κατὰ τὴν Ἀλεξάνδρειαν ἄπρακτον ἑώρα, τότε αὐτὸς ἑαυτοῦ τὴν διάνοιαν ἀνακινήσας, ἄλλον τουτονὶ καταγωνιεῖσθαι δεῖν ἔφη τὸν κατὰ τοῦ

[2]) Δι' ἀμφότερα τοίνυν ὁρῶν ὁ βασιλεὺς ταραττομένην τὴν ἐκκλησίαν, σύνοδον οἰκουμενικὴν συνεκρότει τοὺς πανταχόθεν ἐπισκόπους διὰ γραμμάτων εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας ἀπαντῆσαι παρακαλῶν.

g) Описаніе епископовъ, съѣхавшихся въ Никею, которое слѣдуетъ за приведенными словами, Сократъ просто дословно заимствовалъ у Евсевія; впрочемъ онъ самъ отмѣчаетъ это заимствованіе. Сократъ приводитъ здѣсь цѣлыя три главы (7—9) изъ сочиненіи Евсевія [1]). Но приводя дословно показанія Евсевія, Сократъ дѣлаетъ одну поправку въ опредѣленіи числа съѣхавшихся на соборъ епископовъ. Евсевій говоритъ, что епископовъ на соборѣ „было болѣе двухъ сотъ пятидесяти" [2]). Сократъ число 250 перемѣняетъ на 300: „на соборѣ находилось множество епископовъ, пишетъ онъ, числомъ болѣе трехъ сотъ" [3]). Въ объясненіе этого измѣненія Сократомъ Евсевіева показанія замѣтимъ слѣдующее. Безъ сомнѣнія Сократъ измѣнилъ числовое показаніе Евсевія потому, что считалъ его очень неточнымъ; свое же показаніе о числѣ, епископовъ онъ вѣроятно, заимствовалъ изъ посланія императора Константина Акександрійской церкви, которымъ пользовался и которое привелъ въ своей исторіи [4]); въ этомъ посланіи число епископовъ, бывшихъ на соборѣ, опредѣляется именно въ 300 [5]).

ταράττοντος τὴν ἐκκλησίαν ἀφανοῦς ἐχθροῦ πόλεμον. Εἶτε... σύνοδον οἰκουμενικὴν συνεκρότει, σπεύδειν ἀπανταχόθεν τοὺς ἐπισκόπους γράμμασι τιμητικοῖς προκαλούμενος... Ὥριστο δὲ καὶ πόλις ἐμπρέπουσα τῇ συνόδῳ νίκης ἐπώνυμος, κατὰ τὸ Βιθυνῶν ἔθνος, ἡ Νίκαια". De vita Const. III. 5—6.

Socr. I. 8. Migne t. 67, col. 60—61; по рус. пер. стр. 32.

[1]) Сократъ гл. 8. стр. 32—34 (col. 61). Евсев. III. 7—9; стр. 172—174 (col. 1060—1064).

[2]) Ἐπισκόπων πληθὺς ἦν πεντήκοντα καὶ διακοσίων ἀριθμὸν ὑπερακοντίζουσα" (cap. 8, lib. III).

[3]) Ἐπισκόπων πληθὺς τριακοσίων ἀριθμὸν ὑπερακοντίζουσα ἦν (cap. 8. col. 61; стр. 33).

[4]) Кн. I. гл. 9.

[5]) Впрочемъ здѣсь, можетъ быть, имѣли вліяніе на Сократа и другія древнія показанія, гдѣ число Никейскихъ отцовъ приблизительно опредѣляется тоже въ триста: таковы показанія Аѳанасія Александрійскаго (de Nic. decr. t. 25.

h) О собраніи епископовъ на торжественное засѣданіе собора и о приходѣ царя Сократъ говоритъ словами Евсевія, хотя гораздо короче послѣдняго. „Всѣ епископы сошлись въ одно мѣсто, пишетъ Сократъ, а послѣ нихъ явился и царь. Вошедши онъ сталъ среди ихъ и не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его. Такое-то вниманіе и уваженіе къ симъ мужамъ обладало душею царя. Тутъ сперва настала приличная времени тишина“ [1]). Приведенныя слова Сократа представляютъ собою не что иное, какъ краткое изложеніе 10 и 11 гл. III кн. сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ съ удержаніемъ большей части выраженій подлинника: у Евсевія говорится и о собраніи епископовъ въ одно мѣсто и о приходѣ послѣ нихъ царя и о безмолвіи епископовъ въ ожиданіи рѣчи царя. Но у Сократа есть различіе отъ Евсевія: по Евсевію, императоръ, пришедши на соборъ, сѣлъ не прежде, какъ далъ знакъ садиться епископамъ [2]); между тѣмъ, по Сократу, императоръ „не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его“.

i) Рѣчь императора Константина на соборѣ Сократъ приводитъ не въ подлинномъ видѣ, а въ свободномъ парафразѣ: онъ передаетъ только содержаніе рѣчи. Вторая половина этого содержанія изложена приблизительно подлинными словами рѣчи, приведенной въ сочиненіи Евсевія (первая половина соотвѣтствуетъ другой рѣчи, которая приведена у Руфина въ церковной исторіи) [3]).

col. 428. c. 3; Apologia contra arianos t. 25. col. 285. c. 23; col. 289. c. 25. Hist. arian. ad mon. t. 25. col. 773. c. 67. De synodis t. 26. col. 768. c. 43. et cet), сочиненіями котораго пользовался Сократъ.

1) Πάντες ἅμα οἱ ἐπίσκοποι εἰς ἕνα τόπον συνήρχοντο. Παρῄει δὲ καὶ ὁ βασιλεὺς μετ᾽ αὐτούς. Καὶ ἐπεὶ παρῆλθεν, εἰς μέσους ἔστη· καὶ οὐ πρότερον καθίζειν ᾑρεῖτο, πρὶν ἂν οἱ ἐπίσκοποι ἐπινεύσειαν. Τοσαύτη τις εὐλάβεια καὶ αἰδὼς τῶν ἀνδρῶν τὸν βασιλέα κατεῖχεν. Ἐπεὶ δὲ καὶ πρέπουσα τῷ καιρῷ ἡσυχία ἐγένετο (I. 8. col. 64. стр. 35).

2) „οὐ πρότερον ἢ τοὺς ἐπισκόπους ἐπινεῦσαι ἐκάθιζε“ lib. III. c. 10.

3) Сократъ гл. 8. стр. 35 (col. 65); сп. 12 гл. III кн. „Жизнь Константина“.

к) 13-ю гл. и начало 14 гл. III кн. сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“, гдѣ говорится о спорахъ епископовъ на соборѣ, объ умиротворяющей дѣятельности Константина и о постановленіяхъ собора касательно вѣры и одновременнаго празднованія Пасхи, Сократъ цѣликомъ переноситъ въ свою исторію, заявляя, впрочемъ, что это описаніе Евсевія [1]).

l) Наконецъ, изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ Сократъ перенесъ въ свою исторію посланіе императора Константина къ церквамъ о Никейскомъ соборѣ [2]). Вотъ заимствованія Сократа изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“.

Посланіе Евсевія Кесарійскаго къ паствѣ Сократъ приводитъ въ полномъ видѣ [3]).

Сочиненіями Аѳанасія Александрійскаго Сократъ пользовался при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, кажется, очень мало. Съ вѣроятностью можно указать только на одно мѣсто изъ исторіи Сократа, какъ на заимствованное у Аѳанасія,—на показаніе о дѣятельности Аѳанасія на Никейскомъ соборѣ. Вотъ показанія Сократа и Аѳанасіевой апологіи, гдѣ объ Аѳанасіи говоритъ Египетскій соборъ:

апологіи:	Сократа:
„Аѳанасій весьма часто бывалъ при епископѣ Александрѣ и имъ былъ уважаемъ. Когда-же аріане увидѣли и опытъ его	Противъ нихъ (аріанъ) мужественно подвизался Аѳанасій, который, хотя былъ діакономъ Александрійской церкви, но поль-

[1]) Сократъ. 1. 8. стр. 35—36; col. 65.

[2]) Сократъ. 9 гл. I кн. стр. 54—58. Migne col. 89—93. Евсевія „Жизнь Константина“ III кн. гл. 17—20. Текстъ посланія у Сократа не представляетъ почти никакихъ разностей съ текстомъ посланія у Евсевія.

[3]) Сократъ. гл. 8. стр. 39—45; col. 69—77. Относительно редакціи Евсевіева посланія у Сократа нужно замѣтить, что она не вполнѣ исправна. Такъ въ текстѣ Никейскаго символа есть прибавки, какихъ нѣтъ въ редакціи, сохра-

(Аѳанасія) благочестивой вѣры во Христа на соборѣ, сошедшемся въ Никеѣ, гдѣ съ дерзновеніемъ возставалъ онъ противъ нечестія аріанъ, тогда еще болѣе возрасла ихъ ненависть" [1]). зовался особеннымъ уваженіемъ епископа Александра и тѣмъ возбудилъ противъ себя ненависть" [2]).

Другихъ заимствованій изъ сочиненій Аѳанасія въ исторіи Сократа указать нельзя [3]).

Изъ исторіи Руфина Сократъ, какъ и изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина", очень много перенесъ въ свое повѣствованіе. Сначало двѣ первыя книги своей исторіи (въ которыхъ находится и повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ) Сократъ

ненной въ приложеніи къ посланію Аѳанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора". Напр. къ слову „церковь" въ анаѳематствованіи по редакціи Сократа прибавлено слово „апостольская" (ἀποστολική), а въ латинскомъ переводѣ (у Миня) и въ русскомъ еще слово „святая" (sancta). Кромѣ указанныхъ есть и другія разности между Сократовою и Аѳанасіевою редакціями Евсевіева посланія, впрочемъ разности не особенно значительныя (онѣ отмѣчены у Миня).

[1]) Ἐπειδὴ τὰ πλεῖστα συνόντα Ἀλεξάνδρῳ τῷ ἐπισκόπῳ πολυπραγμονοῦντες αὐτὸν ἤκουον, καὶ τιμώμενον παρ' αὐτοῦ. Πεῖραν δὲ αὐτοῦ καὶ τῆς εὐσεβείας τῆς εἰς Χριστὸν λαβόντες ἐκ τῆς συνόδου τῆς κατὰ Νίκαιαν συγκροτηθείσης, ἐν οἷς ἐπαῤῥησιάζετο κατὰ τῆς ἀσεβείας τῶν Ἀρειομανιτῶν, μειζόνως τὸ μῖσος ηὔξανον". Apol. contra arianos. Migne t. 25. col. 257. c. 6. Твор. ч. I. стр. 197—198.

[2]) Τούτοις δὲ γενναίως ἀντηγωνίζετο Ἀθανάσιος διάκονος μὲν τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας. Σφόδρα δὲ αὐτὸν διὰ τιμῆς ἦγεν Ἀλέξανδρος ὁ ἐπίσκοπος· διὸ καὶ φθόνος ὡπλίσατο κατ' αὐτοῦ" Socr. I. 8; col. 64; русск. пер. стр. 34.

Приведеннымъ показаніемъ Аѳанасіевой апологіи, какъ мы замѣчали ранѣе, пользовался и Руфинъ. Но на показанія Сократа нужно смотрѣть, какъ на заимствованное прямо изъ сочиненія Аѳанасія, а не чрезъ посредство Руфина, потомучто показаніе перваго по буквѣ ближе подходить къ оригиналу, чѣмъ показаніе послѣдняго.

[3]) Сократъ приводитъ въ своей исторіи окружное посланіе Александра Александрійскаго къ каѳолической церкви (гл. 6), которое приводятъ, какъ мы видѣли, и Аѳанасій (Migne t. XVIII). Но никакъ нельзя утверждать, что Сократъ пользовался Аѳанасіевой редакціей этого посланія. Въ Аѳанасіевой редакціи 5 сторонниковъ Арія называются пресвитерами, у Сократа сторонники

просто написалъ по Руфину [1]), не производя никакихъ новыхъ изысканій. Положимъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что Руфинъ допускаетъ много ошибокъ, особенно въ хронологіи, а потому началъ провѣрять его разсказы тѣми извѣстіями, какія онъ нашелъ въ твореніяхъ Аѳанасія и письмахъ частныхъ лицъ—современниковъ описываемыхъ событій, и сдѣлалъ новую редакцію первыхъ двухъ книгъ своей исторіи [2]). Но и въ этой окончательной редакціи онъ оставилъ многое заимствованное изъ исторіи Руфина. Вотъ заимствованія Сократа изъ исторіи Руфина: а) Сократъ переноситъ въ свою исторію разсказъ Руфина о посрамленіи искусныхъ въ діалектикѣ лицъ однимъ простымъ исповѣдникомъ [3]). Положимъ, у Сократа здѣсь есть разности сравнительно съ показаніемъ Руфина. Такъ Сократъ говоритъ только о мірянахъ, искусныхъ въ діалектикѣ („λαϊκοὶ διαλεκτικῆς ἔμπειροι“), а Руфинъ—о философахъ язычникахъ. Далѣе, по Сократу, діалектики показывали опыты своихъ рѣчей черни; между тѣмъ, по Руфину, философы спорили съ епископами (cum episcopis nostris). Наконецъ, по Сократу, посрамленные діалектики только сдѣлались благоразумнѣе и замолчали, а по Руфину, посрамленный философъ обратился въ христіанство (philosophus christianus effectus est). Но эти разности не столь значительны, чтобы препятствали видѣть въ данномъ случаѣ зависимость Сократа отъ Руфина. Сократъ только упростилъ разсказъ Руфина. Наше мнѣніе

Арія (кромѣ Ѳеоны и Секунда епископовъ) не раздѣляются по степенямъ священства. Далѣе, въ Аѳанасіевой редакціи есть списокъ египетскихъ пресвитеровъ, подписавшихся къ осужденію Арія и его сторонниковъ на Александрійскомъ соборѣ; у Сократа такого списка нѣтъ. Вѣроятно, Сократъ имѣлъ особый экземпляръ этого посланія и пользовался имъ независимо отъ Аѳанасія. Точно также независимо отъ Аѳанасія пользовался онъ и посланіемъ Евсевія Кесарійскаго, потомучто текстъ посланія у Сократа и Аѳанасія представляетъ не мало разностей, хотя нѣкоторые (Jeep. Quellen-Untersuchungen zu den Griechischen Kirchenhistorikern. Leipz. 1884 г. s. 110) и утверждаютъ противное.

[1]) Сократъ. II. 1.

[2]) Ibid.

[3]) Socrat. I, 8, col. 64 (стр. 34), cf. Rufin. I. 3.

поддерживаетъ и Валезій, извѣстный комментаторъ исторіи Сократа. „Этотъ разсказъ, говоритъ Валезій, Сократъ, кажется, заимствовалъ (hausisse) изъ 10 кн. (первой самостоятельно написанной) Руфина, въ которой онъ разсказываетъ о Никейскомъ соборѣ. Но Сократъ нѣчто съ намѣріемъ измѣнилъ“ [1]). Не думаемъ отказываться отъ этого мнѣнія и мы.

b) Сократъ переноситъ въ свою исторію и повѣствованіе Руфина о томъ, что епископы подавали Константину жалобы другъ на друга и что Константинъ не читая сожегъ всѣ эти жалобы [2]). Есть и здѣсь у Сократа разности по сравненію съ Руфиномъ, но эти разности—результатъ только свободнаго парафраза. Сократъ разсказываетъ объ этомъ фактѣ болѣе кратко, чѣмъ Руфинъ, и вмѣсто подлинныхъ словъ Константина приводитъ только сущность ихъ.

c) Разсказъ Руфина о Пафнутіи Ѳиваидскомъ и Спиридонѣ Тримифунтскомъ Сократъ почти дословно переноситъ въ свою исторію [3]). При этомъ Сократъ самъ замѣчаетъ, что онъ заимствовалъ разсказъ о Спиридонѣ изъ исторіи Руфина.

Пользуясь въ большихъ размѣрахъ намъ извѣстными сказаніями о Никейскомъ соборѣ, Сократъ имѣлъ подъ руками много и новыхъ источниковъ, относящихся къ Никейскому собору. Къ этому разряду относятся:

Грамоты и посланія императора и епископовъ. Сократъ жилъ въ Константинополѣ, столицѣ византійскихъ императоровъ и центрѣ государственной жизни, гдѣ, конечно, хранились всѣ оффиціальные документы; слѣдовательно, Сократу удобно было пользоваться разными грамотами и посланіями, гораздо удобнѣе, чѣмъ напр. Руфину, жившему сначала среди египетскихъ и палестинскихъ отшельниковъ, а потомъ на западѣ—въ отдаленіи отъ

[1]) Valesii annotationes. Migne t. 67. col. 64.

[2]) Ruf. c. 2; Сокр. гл. 8. стр. 35. col. 64.

[3]) Сокр. гл. 11—12; cf. Ruf. I, c. 4—5.

центра государственной жизни. И дѣйствительно, у Сократа было, кажется, очень много документовъ этого рода, т. е. грамотъ и посланій. Онъ многія посланія приводитъ въ своей исторіи. Такъ кромѣ посланій императора Константина къ Александру и Арію до собора и къ церквамъ послѣ собора Никейскаго, посланія Евсевія къ кесарійцамъ и окружнаго посланія Александра Александрійскаго къ каѳолической церкви по поводу низложенія Арія на Александрійскомъ соборѣ, кромѣ этихъ посланій, Сократъ приводитъ слѣдующія посланія въ своей исторіи: a) соборное посланіе къ церкви Александрійской и прочимъ церквамъ Египта объ опредѣленіяхъ собора и о низложеніи Арія и его единомышленниковъ[1]; b) посланіе императора Константина къ Александрійской церкви[2]; c) посланіе Константина къ епископамъ и народамъ[3] и d) покаянную грамоту Евсевія Никомидійскаго и Ѳеогниса Никейскаго[4]. Имѣлъ Сократъ подъ руками и другія посланія. Приведя въ 9 главѣ нѣкоторыя посланія императора, Сократъ продолжаетъ: „писалъ царь и другія посланія въ родѣ рѣчей противъ Арія и его единомышленниковъ... Но такъ какъ эти посланія длинны, то я призналъ излишнимъ дать имъ мѣсто въ своей исторіи“[5].

Экземпляръ постановленій Никейскаго собора въ редакціи Аѳанасія Александрійскаго. Этотъ источникъ Сократъ указываетъ самъ. Перечисливъ нѣкоторыхъ епископовъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, Сократъ замѣчаетъ: „присутствовали на Никейскомъ соборѣ и прочіе, имена которыхъ вполнѣ значатся въ сборникѣ Александрійскаго епископа Аѳанасія“[6]. Очевидно, что и самъ Сократъ имѣлъ подъ руками этотъ сбор-

1) гл. 9. стр. 45—49. col. 77—84.

2) гл. 9. стр. 50—53. col. 84—88.

3) гл. 9. стр. 53—54. col. 88—89.

4) гл. 14.

5) гл. 9.

6) гл. 13.

никъ (который былъ не что иное, какъ экземпляръ соборныхъ оп- редѣленій), иначе онъ не сталъ бы отсылать къ нему своихъ чи- тателей. Къ этому же предположенію приводятъ и дальнѣйшія слова Сократа о времени Никейскаго собора. Сократъ говоритъ: „что же касается до времени собора, то самая помѣтка его по- казываетъ (ὡς ἐν παρασημειώσεσιν εὕρομεν), что онъ состоялся въ консульство Павлина и Юліана" [1]). Слово „παρασημείωσις" обозначаетъ хронологическую дату, или помѣтку, которая стави- лась на актахъ оффиціальнаго характера [2]). Слѣдовательно, Со- кратъ имѣлъ точный списокъ соборныхъ опредѣленій, который носилъ на себѣ хронологическую дату, иначе онъ не сталъ бы указывать на помѣтку (παρασημείωσιν), какъ на показаніе о времени со- бора.

Соборные акты, собранные македоніаниномъ Савиномъ. Сократъ самъ неоднократно ссылается на эти акты [3]). Что это былъ за трудъ, представлялъ ли онъ изъ себя простой сборникъ соборныхъ актовъ или что-то въ родѣ исторіи соборовъ, опредѣ- ленно неизвѣстно, такъ какъ трудъ этотъ до насъ не дошелъ и всѣ свѣдѣнія о немъ мы получаемъ только изъ нѣсколькихъ бѣг- лыхъ замѣтокъ самого Сократа. Но если принять во вниманіе по- лемику Сократа съ Савиномъ, гдѣ первый обвиняетъ послѣдняго въ неправильной передачѣ фактовъ, въ неправильной характери- стикѣ тѣхъ или другихъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ собо- рамъ [4]), то болѣе основаній полагать, что трудъ Савина былъ не простымъ собраніемъ соборныхъ постановленій, а чѣмъ-то въ родѣ исторіи, что Савинъ, приводя тѣ или другіе документы, снабжалъ ихъ и различнаго рода критическими замѣчаніями. Въ

1) гл. 13.

2) Съ такимъ именно значеніемъ слово „παρασημείωσις" употреблено и Ев- севіемъ въ церковной исторіи кн. I. гл. 9: „ἐν οἷς πρῶτος αὐτοὺς ὁ τῆς παρασημειώσεως χρόνος τῶν πεπλακότων ἀπελέγχει τὸ ψεῦδος" Migne t. 20. gr. ser.

3) гл. 8. стр. 36—37. col. 65—68; гл. 9. стр. 53, col. 84.

4) Ibid. см. также IV, 22.

противномъ случаѣ Сократу не зачѣмъ было бы полемизировать съ Савиномъ. Что же касается того, насколько зависимъ Сократъ въ своемъ повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ отъ труда Савина, то этотъ вопросъ рѣшаютъ различно. Іеепъ старается доказать, что Сократъ очень много заимствовалъ изъ труда Савина для своей исторіи [1]). Но это едвали такъ, и кажется, можно съ правомъ утверждать противное. Какъ видно изъ замѣчаній Сократа [2]), Савинъ далеко недобросовѣстно и небезпристрастно изложилъ дѣянія Никейскаго собора. „Въ этой вѣрѣ (Никейской), говоритъ Сократъ, иное онъ (Савинъ) произвольно выпустилъ, иное извратилъ, а все вообще больше направилъ къ своей цѣли". Сократъ, не сочувствуя искаженіямъ Савина, конечно, не имѣлъ нужды пользоваться собраніемъ послѣдняго, какъ положительнымъ источникомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ подъ руками другой, совершенно исправный экземпляръ соборныхъ опредѣленій въ синодикѣ Аѳанасія Александрійскаго. Притомъ вѣскимъ аргументомъ въ пользу того, что собраніе Савина не было положительнымъ источникомъ для Сократа при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, служитъ слѣдующее обстоятельство. Почти всѣ показанія о Никейскомъ соборѣ заимствуются Сократомъ или изъ болѣе раннихъ сказаній, намъ извѣстныхъ, или изъ документовъ оффиціальнаго характера, большую часть которыхъ (документовъ) онъ приводитъ въ подлинникѣ. Тѣже показанія, источники которыхъ съ достовѣрностью неизвѣстны, такого свойства, что не могутъ считаться за заимствованныя изъ собранія Савина. Савинъ, какъ можно заключать изъ замѣчаній Сократа, былъ очень невысокаго мнѣнія о Никейскомъ соборѣ и его участникахъ; надъ отцами Никейскими напр. онъ смѣялся, какъ надъ людьми поверхностными и простоватыми (ὡς ἀφελεῖς καὶ ἰδιώτας διέσυρε) [3]). Но

[1]) Quellen-Untersuchun zu den Griech. Kirchenhistor. s. 114—116.
[2]) кн. I. гл. 8. стр. 36—37.
[3]) кн. I. гл. 8. стр. 37. col. 65.

Сократъ былъ не такого мнѣнія о Никейскомъ соборѣ, и мы не видимъ у него ни одного показанія вообще, въ частности изъ числа тѣхъ, источникъ которыхъ неизвѣстенъ, которое бы подходило подъ воззрѣнія Савина и могло быть приписано послѣднему. Въ одномъ только пунктѣ можно, пожалуй, допустить вліяніе Савина на Сократа, именно въ уваженіи Сократа къ Евсевію Кесарійскому и въ томъ довѣріи, съ какимъ онъ пользуется сказаніями послѣдняго о Никейскомъ соборѣ. Савинъ былъ высокаго мнѣнія объ Евсевіи и хвалилъ его, какъ свидѣтеля достовѣрнаго [1]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого взгляда и Сократъ слишкомъ довѣрялъ Евсевію; но только можетъ быть, потомучто для уваженія Евсевія у Сократа была и другая причина, которую мы указали ранѣе.

Можно съ увѣренностью полагать, что Сократъ кромѣ перечисленныхъ имѣлъ подъ руками и другіе источники, какъ напр. исторію Филосторгія, исторію Филиппа Сидета, которая, по словамъ Сократа, была очень обширна, доходила до 1000 томовъ [2]), и нѣкоторые другіе. Но опредѣлить зависимость Сократа отъ этихъ источниковъ съ точностью нельзя, потомучто объ этихъ источникахъ мы знаемъ очень немного.

Кромѣ письменныхъ сказаній и документовъ въ качествѣ источника при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ служило для Сократа и устное преданіе. Сократъ жилъ довольно много спустя послѣ Никейскаго собора, притомъ жилъ въ такое время, когда память объ этомъ соборѣ должна была значительно ослабѣть. Никейскій вселенскій соборъ во времена Сократа не былъ уже явленіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ, безпримѣрнымъ въ исторіи христіанской церкви, какимъ онъ считался до послѣдней четверти IV столѣтія. Современники Сократа знали о 2 вселенскомъ соборѣ — Константинопольскомъ и 3 — Ефесскомъ, а потому Никей-

[1]) Сокр. I. 8; стр. 37, col. 65.

[2]) кн. VII. 27.

скій соборъ не производилъ на нихъ такого исключительнаго обаянія, какое онъ производилъ въ IV вѣкѣ. Но не смотря на все это, Сократъ, благодаря счастливой случайности, могъ пользоваться и дѣйствительно пользовался преданіемъ. Сократъ зналъ одного старца Авксанона, новаціанскаго пресвитера, который дожилъ до царствованія Ѳеодосія Младшаго. Авксанонъ вмѣстѣ съ Акесіемъ, новаціанскимъ епископомъ, присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ и потомъ разсказывалъ Сократу, когда послѣдній былъ еще очень молодымъ, о нѣкоторыхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на соборѣ [1]). Какія свѣдѣнія Сократъ заимствовалъ у Авксанона, это, кажется, можно опредѣлить безошибочно. Авксанонъ былъ новаціаниномъ и разсказывалъ Сократу, по его собственному сознанію, что касалось Акесія и Евтихіана [2]), лицъ новаціанской секты. Вѣроятно, только эти разсказы Сократъ и заимствовалъ изъ преданія. Къ этому заключенію приводитъ какъ то обстоятельство, что Сократъ лишь объ этихъ разсказахъ говоритъ, что они заимствованы изъ преданія, такъ и то, что самъ Авксанонъ, по замѣчанію Сократа [3]), былъ на соборѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ; поэтому сомнительно, чтобы онъ могъ удержать въ памяти ясное представленіе о дѣятельности собора; да вѣроятно, онъ не много обращалъ и вниманія на эту дѣятельность: его вниманіе приковывалъ къ себѣ одинъ Акесій, а не соборъ [4]). Вотъ источники Сократова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.

Суммируя сказанное, мы видимъ, что Сократъ многое перенесъ въ свое повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ изъ извѣстныхъ намъ сказаній: $^1/_4$ всего его повѣствованія состоитъ изъ повто-

[1]) Сокр. I. 13.

[2]) Сокр. I. 13.

[3]) Ibid.

[4]) Самъ Сократъ указываетъ еще на разсказъ о Спиридонѣ, епископѣ Кипрскомъ, какъ не заимствованный изъ преданія (I. 12). Но не смотря на такое заявленіе Сократа, его повѣствованіе о Спиридонѣ нужно ставить въ зависимость отъ исторіи Руфина, потомучто разсказъ Сократа буквально сходенъ съ разсказомъ Руфина.

ренія стараго. Конечно, заимствованная часть повѣствованія Сократа не имѣетъ для насъ никакого значенія: мы имѣемъ ее въ оригиналѣ, а потому не нуждаемся въ копіи. Мало того, заимствованія Сократа не только не могутъ имѣть положительнаго значенія въ научномъ отношеніи, но даже понижаютъ значеніе повѣствованія. Сократъ слишкомъ довѣряетъ своимъ руководителямъ; а такъ какъ эти руководители не всегда безупречны съ точки зрѣнія строго-исторической, то и заимствованія его далеко не безупречны. Такъ, слѣдуя Евсевію, Сократъ вмѣсто яснаго и раздѣльнаго изложенія дѣла, что для него, какъ имѣвшаго подъ руками много документовъ, было вполнѣ доступно, передаетъ безсодержательныя фразы Евсевія: таковы описанія епископовъ, торжественнаго засѣданія собора и участія императора въ спорахъ. Подчинившись Евсевію, Сократъ, подобно этому послѣднему, не различаетъ партій на соборѣ. По его повѣствованію выходитъ, что епископы, пріѣхавшіе на соборъ, не имѣли никакого раздѣленія въ вопросѣ объ отношеніи Сына Божія къ Отцу и только послѣ утвержденія символа нѣкоторые оказались разномыслящими. А умолчаніе о партіяхъ лишило Сократа возможности рельефно охарактеризовать членовъ Никейскаго собора. Не предпославъ объяснительныхъ замѣчаній къ посланію Евсевія къ кесарійцамъ, Сократъ, такъ сказать, санкціонируетъ ту фальшь, которая проникаетъ это посланіе. Положимъ Сократъ иногда поправляетъ свои источники, какъ напр. онъ поправляетъ Евсевіево показаніе о числѣ епископовъ, бывшихъ на соборѣ; иногда онъ упрощаетъ разсказы своихъ источниковъ, какъ напр. въ болѣе простой формѣ онъ передалъ разсказъ Руфина о спорѣ философовъ съ епископами; иногда, наконецъ, онъ ослабляетъ извѣстія источниковъ, поставляя рядомъ съ ними другія извѣстія иного характера, какъ напр. непосредственно послѣ посланія Евсевія къ кесарійцамъ онъ приводитъ посланія самого собора и императора Константина къ церкви Александрійской, которыя измѣняютъ то общее сужденіе о соборѣ и его дѣятельности, какое получается отъ одного посланія

Евсевія, или приведя выдержки изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ объ участіи императора въ засѣданіяхъ собора и объ установленіи общаго согласія касательно спорныхъ предметовъ, Сократъ далѣе ослабляетъ силу этой выдержки, когда говоритъ, что 5 человѣкъ, ухватившись за слово „единосущный“ (т. е. не согласившись съ нимъ), не принимали Никейской вѣры [1]). Итакъ Сократъ, пользуясь многими документами и часто сопоставляя ихъ показанія между собою, не совсѣмъ подчинился болѣе раннимъ сказаніямъ о Никейскомъ соборѣ, спасся отъ полнаго рабства, но все таки онъ во многомъ остался и зависимымъ отъ не безупречныхъ своихъ источниковъ. Въ этой зависимости Сократа первый недостатокъ его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.

Нельзя признать Сократа вполнѣ безупречнымъ и тамъ, гдѣ онъ передаетъ свѣдѣнія о соборѣ независимо отъ болѣе раннихъ сказаній. Сократъ не всегда съ должною критикою относился къ получаемымъ свѣдѣніямъ, вслѣдствіе этого его повѣствованіе не чуждо такихъ показаній, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ своей достовѣрности и точности. Прежде всего къ разряду такихъ показаній относится слишкомъ точное опредѣленіе Сократомъ числа епископовъ, подписавшихся подъ Никейскимъ символомъ, и указаніе на то, что 5 человѣкъ не согласились съ Никейскими опредѣленіями и не подписались къ нимъ: „эту вѣру (Никейскую), пишетъ Сократъ, признали и приняли единогласно и единомысленно изложили триста восемнадцать мужей. Пять только человѣкъ, ухватившись за слово „единосущный“, не принимали ея“ [2]). Мы уже не разъ говорили, что число епископовъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, точно неизвѣстно; слѣдовательно, неизвѣстно было точно и число епископовъ, принявшихъ Никейскую вѣру. Равнымъ образомъ при разборѣ повѣствованія Руфина мы замѣчали, что только 2 епископа не подписались подъ Никейскимъ

[1]) Сокр. гл. 8. стр. 38.
[2]) Ibid.

символомъ, а не 5, какъ утверждаетъ Сократъ. Къ числу недостовѣрныхъ разсказовъ нужно отнести, по нашему мнѣнію, и сказаніе Сократа о призваніи на Никейскій соборъ Акесія, новаціанскаго епископа. a) Этотъ разсказъ не подтверждается никакими свидѣтельствами древности: ни одинъ изъ древнихъ писателей не упоминаетъ объ Акесіи [1]): странность, мало находящая для себя оправданія. Особенно странно то, что объ этомъ фактѣ не упоминаетъ Евсевій Кесарійскій. Этотъ фактъ вполнѣ подходилъ подъ воззрѣнія Евсевія и могъ показывать заботы Константина о водвореніи мира и единогласія между христіанами, а такіе факты Евсевій не пропускалъ. b) Ни Сократъ, ни Созоменъ не указываютъ, въ какомъ городѣ епископствовалъ Акесій; такое указаніе необходимо для удостовѣренія въ истинности самого сказанія, да оно и обычно: всѣ древніе повѣствователи, говоря объ епископахъ, указываютъ обыкновенно города и мѣста ихъ служенія. c) Не совсѣмъ вѣроятно, чтобы Константинъ сталъ приглашать на Никейскій соборъ сектантскаго епископа, не имѣвшаго никакого отношенія къ догматическому вопросу, которымъ главнымъ образомъ занимался соборъ. Если Константинъ призвалъ Акесія на соборъ для возстановленія полнаго согласія и единомыслія въ церкви, то на томъ же основаніи онъ долженъ бы призвать на Никейскій соборъ епископовъ и другихъ сектъ: однако онъ этого не дѣлаетъ. Наконецъ, d) самый источникъ, откуда Сократъ заимствуетъ разсказъ объ Акесіи, не заслуживаетъ, кажется, особеннаго довѣрія. Сократу разсказывалъ объ Акесіи Авксанонъ, новаціанскій пресвитеръ, который вмѣстѣ съ Акесіемъ былъ на Никейскомъ соборѣ и дожилъ до царствованія Ѳеодосія Младшаго. Отъ Никейскаго собора до начала царствованія Ѳеодосія Младшаго (онъ вступилъ на престолъ въ 408 году) прошло 83 года.

[1]) Созоменъ передаетъ этотъ фактъ въ своей исторіи (I. 22). Но свидѣтельство Созомена нельзя считить самостоятельнымъ, отдѣльнымъ отъ Сократова. Созоменъ заимствовалъ разсказъ объ Акесіи у Сократа, какъ это мы покажемъ ниже (Annot. Valesii. t. 67. col. 99 not. 79).

Если положить, что Авксанонъ во время Никейскаго собора былъ 20 лѣтъ (потомучто нельзя допустить, чтобы на соборъ взяли юношу, не имѣвшаго и 20 лѣтъ), то выйдетъ, что Авксанону было болѣе 100 лѣтъ, когда онъ передавалъ Сократу разсказъ объ Акесіи. А такой возрастъ не располагаетъ вѣрить въ ясную память разсказчика. Очевидно, Сократъ здѣсь отдалъ дань своему пристрастію къ новаціанству и новаціанамъ.

Какъ на недостатокъ повѣствованія Сократа, мы должны указать на непослѣдовательность въ распорядкѣ и передачѣ историческихъ фактовъ и событій. Сократъ часто располагаетъ событія вовсе не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они совершались въ дѣйствительности, иногда поставляетъ рядомъ такія событія, которыя были вовсе неодновременны; наоборотъ, одновременныя раздѣляетъ и представляетъ ихъ неодновременными. По Сократу, епископы обвиняли другъ друга и подавали жалобы императору во время торжественнаго засѣданія собора (при началѣ его). Сократъ заимствуетъ этотъ разсказъ изъ исторіи Руфина, но ставитъ его въ иной послѣдовательности. По Руфину, епископы подавали жалобы, а Константинъ сжегъ ихъ до открытія засѣданій собора, когда еще не начались разсужденія о вѣрѣ. И намъ думается, что у Руфина дѣло представлено вѣрнѣе и послѣдовательнѣе. Не совсѣмъ вѣроятно, чтобы епископы стали заявлять о личныхъ дѣлахъ въ то время, когда назначено торжественное засѣданіе для окончательнаго рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса: для подобныхъ дѣлъ было другое время. Сторонникомъ нашего мнѣнія является и Созоменъ, который приводитъ этотъ разсказъ [1]) и ставитъ его въ той послѣдовательности, въ какой онъ находится у Руфина, а не въ той, въ какой стоитъ у Сократа [2]). Приве-

[1]) Созом. I. 17.

[2]) Противъ нашего мнѣнія, по видимому, говоритъ намекъ Евсевія (13 гл.), по которому случай съ жалобами можно относить къ торжественному засѣданію собора, и показаніе самого Сократа (гл. 8. 34), которое даетъ поводъ думать, что Константинъ пріѣхалъ въ Никею только предъ началомъ торжественныхъ засѣда-

демъ другіе примѣры непослѣдовательности Сократова повѣствованія. Сократъ говоритъ объ осужденіи и изгнаніи Евсевія Никомидійскаго и Θеогниса Никейскаго непосредственно послѣ разсказа объ осужденіи соборомъ Арія и его ученія, такъ что изъ разсказа Сократа получается тотъ выводъ, что Евсевій и Θеогнисъ были осуждены одновременно съ Аріемъ и одновременно же прямо съ собора отправлены были въ ссылку. „Соборъ и Арію и всѣмъ его единомышленникамъ, пишетъ Сократъ, произнесъ анаθему, прибавивъ къ тому, что онъ не долженъ и возвращаться въ Александрію, а царь издалъ повелѣніе какъ его, такъ и Евсевія и Θеогниса отправить въ ссылку. Но Евсевій и Θеогнисъ вскорѣ по отъѣздѣ въ ссылку прислали покаянную грамоту“ [1]). Здѣсь полная непослѣдовательность въ передачѣ фактовъ. Прежде всего не правильно то показаніе, что Евсевій Никомидійскій и Θеогнисъ Никейскій были осуждены на самомъ соборѣ. Оба эти епископа подписали опредѣленія собора [2]); слѣдовательно, собору не за что было под-

ній. Но это только по видимому. Евсевій о засѣданіяхъ собора вообще говоритъ очень кратко, и по его показаніямъ не возможно возстановить послѣдовательный ходъ событія. По его сказанію напр. выходитъ, что засѣданія собора продолжались очень недолго, что епископы для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ собрались только одинъ разъ; между тѣмъ изъ исторіи Руфина мы знаемъ, что засѣданія собора продолжались довольно значительное время („per dies multos“ cap. 2; „per dies singulos“; „post diutinum multumque tractatum placet omnibus“ cap. 5). Что касается показанія Сократа, то изъ него нельзя также вывести ничего рѣшительнаго противъ нашего мнѣнія. Сократъ говоритъ, что царь прибылъ въ Никею послѣ окончанія побѣднаго торжества надъ Ликиніемъ и, какъ можно догадываться, послѣ собранія въ Никеѣ епископовъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не имѣлъ времени сжечь жалобы епископовъ до торжественнаго засѣданія собора. Императоръ былъ въ Никеѣ еще 23 мая, какъ объ этомъ можно заключить изъ указа, изданнаго въ этомъ городѣ противъ ростовщиковъ Палестины. (Лекц. Станлея. Пр. Об. 1863 г. III. 316). Очень можетъ быть, что въ это время онъ сжегъ жалобы епископовъ другъ на друга и посовѣтовалъ имъ заняться вопросомъ о вѣрѣ, ради котораго они и были приглашены на соборъ, а самъ возвратился въ Никомидію праздновать свою побѣду надъ Ликиніемъ, откуда прибылъ въ Никею незадолго до начала торжественныхъ засѣданій собора.

[1]) Сократ. 8. стр. 39.

[2]) Подписи Евсевія и Θеогниса значатся во всѣхъ спискахъ, до насъ до-

вергать ихъ осужденію, а императору—отправлять въ ссылку; соборное же посланіе къ церкви Александрійской, которое приведено у самого Сократа, свидѣтельствуетъ, что только два епископа Ѳеона и Секундъ остались на сторонѣ Арія и подверглись одинаковому съ нимъ наказанію. Евсевій и Ѳеогнисъ были осуждены и сосланы, но не прямо послѣ собора, а спустя нѣкоторое время, когда они снова открыто стали на сторону аріанства, а главное, когда Константинъ узналъ, что Евсевій Никомидійскій строилъ противъ него козни и былъ сторонникомъ Ликинія [1]). По свидѣтельству Филосторгія [2]), Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій сосланы были черезъ три мѣсяца послѣ собора [3]). Равнымъ образомъ показаніе Сократа о томъ, что Евсевій и Ѳеогнисъ вскорѣ послѣ отправленія въ ссылку прислали покаянную грамоту, и помѣщеніе самой грамоты ихъ непосредственно послѣ разсказа о соборѣ никакъ нельзя назвать иначе, какъ непослѣдовательностью. Евсевій и Ѳеогнисъ вскорѣ послѣ собора были только сосланы, а не возвращены изъ ссылки. Филосторгій говоритъ [4]), что Евсевій, Марисъ и Ѳеогнисъ возвратились изъ ссылки спустя цѣлыхъ три года послѣ собора. Такое показаніе вполнѣ согласно съ свидѣтельствами всѣхъ другихъ историковъ. Всѣ историки согласны въ томъ, что Евсевій, по возвращеніи изъ ссылки, началъ составлять соборы для утвержденія аріанскихъ мнѣній

шедшихъ, среди подписей епископовъ Виѳиніи (Mansi. t. II. col. 696, 700. Pitra. Anacecta sacra t. IV. 1883. pag. 461). Исключеніе составляетъ только армянскій списокъ (Pitra. Analecta sacra 1883. t. IV. pag. 464). Здѣсь вмѣсто Евсевія Никомидійскаго стоитъ подпись Геласія Никомидійскаго. Но это, вѣроятно, ошибка переписчика.

[1]) Посланіе къ никомидійцамъ. Ѳеод. I. гл. 20. Migne t. 82. cap. 19. Дѣян. I. 199—203.

[2]) Сокращ. у Фотія I. 10.

[3]) Непослѣдовательность Сократа ввела въ заблужденіе даже извѣстнаго. нѣмецкаго ученаго Мёлера, который также утвеждаетъ, что Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій были отправлены въ ссылку прямо съ собора (Athanase le grand et l' église de son temps. t. II, p. 20—21).

[4]) Сокр. у Фот. II кн. 7 гл.

и удаленія защитниковъ вѣры Никейской. Первое нападеніе сдѣлано было на Евстаѳія Антіохійскаго, который посредствомъ клеветы и низложенъ былъ въ 329 или 330 году. Слѣдовательно, показаніе Филосторгія близко подходитъ къ истинѣ: наоборотъ, показаніе Сократа не вѣрно. Еще болѣе очевидна и поразительна непослѣдовательность Сократа въ другомъ мѣстѣ. Среди посланій собора и императора къ церквамъ о Никейскомъ соборѣ и объ опредѣленіяхъ его Сократъ помѣщаетъ три посланія императора: два къ Евсевію Кесарійскому и одно къ Макарію Іерусалимскому; при этомъ дѣлаетъ такое замѣчаніе, которое даетъ поводъ думать, что эти посланія были одновременны съ ранѣе помѣщенными и относятся, какъ эти послѣднія, къ Никейскому собору или по крайней мѣрѣ къ аріанамъ. Помѣстивъ эти три посланія, Сократъ продолжаетъ: „писалъ царь и другія посланія въ родѣ рѣчей противъ Арія и его единомышленниковъ, смѣясь надъ нимъ и поражая его нѣкоторымъ родомъ ироніи, и эти посланія разсылалъ всюду по городамъ“ [1]). Но въ дѣйствительности эти посланія не имѣютъ никакого отношенія къ Никейскому собору: въ одномъ посланіи къ Евсевію императоръ говоритъ о возстановленіи церквей, а въ другомъ поручаетъ Евсевію изготовить нѣсколько экземпляровъ библіи; въ посланіи же къ Макарію Іерусалимскому говоритъ о построеніи церкви въ Іерусалимѣ на мѣстѣ гроба Господня, но ни слова не говоритъ о Никейскомъ соборѣ и аріанахъ. Далѣе, эти три посланія и неодновременны съ другими, которыя помѣщены у Сократа выше. Первое посланіе къ Евсевію о возстановленіи церквей, какъ видно изъ самого содержанія, написано еще до Никейскаго собора. Содержаніе этого посланія показываетъ, что оно написано вскорѣ послѣ окончательнаго торжества Константина надъ Ликиніемъ, потомучто Константинъ о прекращеніи языческаго тиранства и о торжествѣ христіанъ говоритъ какъ о событіи настоящемъ, только что со-

[1]) Церк. ист. I, гл. 9, стр. 63.

вершившемся [1]). Наше мнѣніе подтверждаетъ и Евсевій Кесарійскій: онъ помѣстилъ это посланіе во II кн. 46 гл. своего сочиненія „Жизнь Константина“ непосредственно послѣ разсказа о дѣлахъ Константина послѣ окончательной побѣды надъ Ликиніемъ и ранѣе повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Два другія посланія—одно къ Евсевію, другое къ Макарію—были написаны уже послѣ Никейскаго собора и, какъ можно догадываться, не непосредственно послѣ него.

Мы отмѣтили недостатки повѣствованія Сократа о Никейскомъ соборѣ. Но при указанныхъ недостаткахъ это повѣствованіе имѣетъ много достоинствъ и, какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, очень важно. Большинство показаній Сократа отличается достовѣрностью и авторитетностью. Онъ самъ говоритъ, что не писалъ ничего, не удостовѣрившись въ истинѣ событія [2]). Положимъ, эти слова Сократа не вездѣ оправдываются, но къ большей части его повѣствованія они имѣютъ отношеніе. Его показанія основываются преимущественно на документахъ и вслѣдствіе этого получаютъ характеръ несомнѣнности.

Собственно какъ источникъ исторіи Никейскаго собора, повѣствованіе Сократа важно въ томъ отношеніи, что оно представляетъ нѣкоторыя новыя данныя для исторіи собора, пополняющія и уясняющія показанія прежнихъ повѣствованій, а равнымъ образомъ и тѣмъ, что приводитъ въ подлинномъ видѣ много документовъ, относящихся къ Никейскому собору. Изъ этихъ документовъ можно также почерпнуть многія несомнѣнно достовѣрныя и важныя данныя для исторіи Никейскаго собора. Вотъ данныя, получаемыя изъ самого повѣствованія Сократа:

1) Повѣствованіе Сократа указываетъ поводъ къ созванію собора въ аріанскихъ волненіяхъ и разногласіи касательно празднованія Пасхи [3]). Это показаніе Сократа само по себѣ далеко не

1) Церк. ист. I, гл. 9. стр. 58—59; col. 93.

2) Ibid. V. 19.

3) Сокр. гл. 5–8; стр. 14—32.

новое: но оно важно тѣмъ, что разъясняетъ серьезность аріанскихъ споровъ и исправляетъ показаніе Евсевія. Евсевій, говоря о поводахъ къ созванію собора, останавливается преимущественно на разногласіи относительно Пасхи, чтобы чрезъ это нѣсколько затушевать аріанскіе споры. По его словамъ, разногласіе о Пасхѣ было весьма сильною болѣзнью, которою заражены были всѣ народы, отъ которой божественныя постановленія приходили въ замѣшательство и между христіанами происходилъ величайшій раздоръ. Между тѣмъ Сократъ показываетъ, что главною причиною созванія собора была аріанская ересь; вопросъ же о Пасхѣ, хотя и разсматривался на соборѣ, на какъ вопросъ второстепенный, потомучто разногласіе о праздновании Пасхи имѣло мѣсто только на востокѣ (поправка Евсевіева показанія), притомъ христіане, разноглася касательно времени празднованія Пасхи, отнюдь не расторгали общенія, а только проводили этотъ праздникъ печальнѣе [1]) (новая поправка Евсевіева показанія).

2. Сократъ указываетъ годъ, консульство, мѣсяцъ и число созванія собора. „Соборъ состоялся въ консульство Павлина и Юліана, въ двадцатый день мѣсяца мая [2]), а это былъ 636

[1]) гл. 8, стр. 31—32.

[2]) Валезій, комментаторъ Сократа, видитъ въ показаніи послѣдняго: τῇ Εἰκάδι τοῦ Μαΐου μηνός“ не болѣе, какъ ошибку. Если предположить, говоритъ онъ (въ замѣчаніи на 15 гл. III кн. Жизни Константина. Migne t. 20. col. 1071), что соборъ Никейскій собрался въ 20-й день мѣсяца мая, какъ утверждаетъ Сократъ, то останется слишкомъ мало времени для тѣхъ дѣлъ, которыя пришлось выполнить Константину въ промежутокъ между окончательнымъ пораженіемъ Ликинія и Никейскимъ соборомъ. Окончательное пораженіе Ликинія произошло 324 г. въ 15-е октябрскихъ календъ, т. е. 20 сентября при Халкидонѣ, какъ показывается въ Фастахъ Идація (in Fastis Idatii) и въ Александрійской хроникѣ. Въ слѣдующій день Ликиній сдался Константину, который послѣ этого и вступилъ въ Никомидію. Въ то время, какъ Константинъ находился въ Никомидіи, собираясь осматривать восточныя провинціи, пришло извѣстіе изъ Александріи объ аріанскихъ смутахъ и расколѣ Мелетія. Константинъ отправляетъ въ Александрію Осію Кордубскаго съ своимъ писмомъ къ Александру и Арію. Осія возвратился изъ Александріи нескоро; если взять самый краткій срокъ, то путешествіе Осіи продолжалось не менѣе 3 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, возвращеніе Осіи въ Никомидію нужно относить никакъ не ранѣе января. Ког-

годъ отъ Александра, царя Македонскаго", т. е. 325 годъ отъ Рождества Христова. Здѣсь Сократъ существенно дополняетъ Евсевія, опредѣляющаго только время окончанія собора.

3. Сократъ поименно указываетъ нѣкоторыхъ членовъ Никейскаго собора какъ православныхъ, такъ и аріанствующихъ. Изъ аріанствующихъ членовъ собора онъ указываетъ на Евсевія

да императоръ узналъ отъ Осіи, что волненія въ Александріи не могутъ быть прекращены иначе, какъ только вселенскимъ соборомъ, онъ разсылаетъ гонцовъ по всѣмъ провинціямъ съ грамотами къ епископамъ, чтобы они прибыли на соборъ въ Виѳинскій городъ Никею. Для убѣжденія императора въ необходимости созванія собора и для приготовленія грамотъ къ епископамъ опять нужно было время, такъ что отправленіе гонцовъ нужно относить не ранѣе, какъ къ марту мѣсяцу. Теперь, продолжаетъ Валезій, едва-ли можно допустить, что епископы могли съѣхаться въ Никею ранѣе іюля мѣсяца, особенно если принять во вниманіе, что епископы ѣхали не водою, а сухимъ путемъ, какъ это видно изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина". (кн. III. гл. 6). Вотъ аргументы Валезія, изложенные въ примѣчаніи къ 15 гл. III кн. „Жизни Константина". Въ замѣткахъ на текстъ церковной исторіи Сократа кн. I гл. 13 (Patr. t. 67. col. 109) къ этимъ аргументамъ онъ присоединяетъ еще нѣсколько. Въ греческой коллекціи, говоритъ Валезій, которую издалъ Тулій (Tulius), есть показаніе, что соборъ Никейскій составился въ 13-е іюльскихъ календъ, т. е. въ 19 день мѣсяца іюня. Это показаніе подтверждаютъ авторъ хроники Александрійской, Халкидонскій соборъ и латинская коллекція, которую Бароній называетъ кресконіанской (cresconiana). Итакъ, заключаетъ Валезій, если можно дѣлать догадки, то, кажется, Сократъ пользовался неисправнымъ кодексомъ (vitioso codice), въ которомъ 13-е календъ „юньскихъ" написано вмѣсто „іюльскихъ".—Не нужно много внимательности, чтобы замѣтить слабость и несостоятельность аргументовъ Валезія. Откуда напр. Валезій знаетъ, что Осія употребилъ на путешествіе въ Александрію не менѣе 3 мѣсяцевъ? На чемъ основываетъ онъ свое мнѣніе, что императоръ разослалъ гонцовъ не ранѣе марта? Можетъ быть, Осія употребилъ на путешествіе въ Александрію только $2^1/_2$ мѣсяца; а рѣшеніе императора о созваніи собора состоялось не черезъ 2, а только черезъ $1^1/_2$ или даже одинъ мѣсяцъ. Предположенія эти имѣютъ одинаковую степень достовѣрности съ предположеніями Валезія, а между тѣмъ они дѣлаютъ вполнѣ вѣроятнымъ показаніе Сократа. Далѣе, Валезій говоритъ, что на путешествіе епископовъ требовалось много времени, такъ какъ они ѣхали сухимъ путемъ, а не моремъ. Но въ эпоху Никейскаго собора въ Римской имперіи устроены были хорошія почтовыя дороги, такъ что большинство епископовъ могло безъ затрудненій явиться на соборъ. „Пути сообщенія, говоритъ Станлей, подобно желѣзнымъ дорогамъ, тянулись прямо, какъ стрѣлы, отъ одного конца имперіи до другаго (Ник. соб. изъ лекцій Станлея. Прав. Обозр. 1863 г. II т. 40 стр.). Положимъ, очень

Никомидійскаго, Өеогниса Никейскаго, Мариса Халкидонскаго [1]), также Секунда Птолемаидскаго и Өеону Мармарикскаго [2]). Изъ православныхъ членовъ собора, кромѣ діакона Аөанасія Александрійскаго, Сократъ указываетъ слѣдующихъ лицъ: Осію Кордубскаго, Витона и Викентія, римскихъ пресвитеровъ, Александра Египетскаго, Евстаөія Антіохійскаго, Макарія Іерусалимскаго, Гарпократіона, епископа Кинополиса [3]). Но перечисляя епископовъ,

отдаленныя путешествія и при хорошихъ дорогахъ были затруднительны. Напр. изъ Бордо до Константинополя нужно было ѣхать $1^1/_2$ мѣсяца. На пути отъ Бордо до Константинополя было 200 почтовыхъ станцій и 91 гостинница; въ полдня можно было доѣхать отъ одной гостинницы до другой (ibid). Но нужно принять во вниманіе и то, что епископовъ изъ особенно отдаленныхъ мѣстъ было на соборѣ немного: такъ западныхъ епископоповъ было только семь; большинство же епископовъ было изъ восточныхъ епархій, недалеко отстоящихъ отъ Никеи. Слѣдовательно, епископамъ не требовалось много времени на путешествіе. Что же касается свидѣтельства Александрійской хроники, Халкидонскаго собора и др. памятниковъ, относящихъ начало Никейскаго собора къ 19 числу іюня, то и эти показанія, намъ думается, вовсе не требуютъ заподозрѣвать достовѣрность Сократова повѣствованія. Вѣроятно, различныя показанія о времени собора имѣютъ въ виду различные моменты соборной дѣятельности. Сократъ указываетъ время собранія епископовъ, а другія свидѣтельства—время открытія торжественныхъ засѣданій собора, или точнѣе—время составленія символа Никейскаго. Показаніе напр. Халкидонскаго собора несомнѣнно говоритъ о времени составленія символа. А если такъ, то не зачѣмъ и сомнѣваться въ показаніи Сократа и строить ни на чемъ не основанныя догадки, что Сократъ пользовался неисправнымъ, испорченнымъ кодексомъ, а потому занесъ въ свою исторію неправильное показаніе. Въ пользу показанія Сократа говоритъ древній обычай и преданіе греческой церкви. Восточные соборы, обыкновенно, назначались весной, около праздника Пятидесятницы, вѣроятно, потому, что съ открытіемъ плаванія по Средиземному морю и съ возвращеніемъ теплой погоды путешествіе становилось легко. Къ этому именно времени греки относятъ и начало перваго вселенскаго собора. Воскресеніе, слѣдующее за Вознесеніемъ, они называютъ „Воскресеніемъ святыхъ Отецъ, или 318 Никейскихъ богоносцевъ". Впрочемъ нужно замѣтить, что преданіе въ данномъ случаѣ не особенно авторитетно, такъ какъ оно разногласитъ: сирійцы напр. празднуютъ Никейскій соборъ 1-го іюля, армяне 7 сентября, египтяне 5 ноября (Пр. Обозр. 1863 г. т. II, стр. 39. Лекц. Станлея).

[1]) гл. 8. стр. 34.

[2]) гл. 8. стр. 38.

[3]) гл. 13. стр. 70.

Сократъ ничего не говоритъ о дѣятельности того или другаго епископа въ частности.

4. Сократъ даетъ показаніе объ общемъ характерѣ соборной дѣятельности. „Опредѣленія вѣры производились не просто и какъ-нибудь (οὐχ ἁπλῶς, οὐδὲ ὡς ἔτυχε), пишетъ Сократъ, но объявлены послѣ долгаго изслѣдованія и испытанія и не такъ, что одно показано, а о другомъ умолчано, но взято во вниманіе все, что относилось къ составленію догмата (πρὸς σύστασιν τοῦ δόγματος), и что вѣра не просто опредѣлена, но напередъ тщательно разсмотрѣна, такъ что устранено всякое мнѣніе, представляющее поводъ къ обоюдности, либо къ раздвоенію мыслей. Притомъ члены собора были просвѣщены Богомъ и благодатію Святаго Духа, въ силу чего они не могли отступить отъ истины. Поэтому судъ всѣхъ собравшихся епископовъ былъ судомъ Божіимъ и согласіе между епископами установлено Духомъ Святымъ [1]). Подобную характеристику соборной дѣятельности мы находили у Руфина; но та характеристика была слишкомъ кратка и обща; здѣсь она гораздо полнѣе и рельефнѣе.

5. Сократъ указываетъ, какія возраженія дѣлали аріане на соборѣ противъ составленнаго символа. Евсевій въ своемъ посланіи къ кесарійцамъ говоритъ, что когда епископы составили символъ, то смыслъ словъ, въ него включенныхъ, былъ тщательно изслѣдованъ [2]). Но онъ не говоритъ прямо, въ чемъ состояло это изслѣдованіе. Сократъ пополняетъ этотъ пробѣлъ. Онъ говоритъ, что аріане главнымъ образомъ возставали противъ термина „ὁμοούσιος“ [3]). Возраженіе аріанъ противъ „ὁμοούσιος“ состояло въ томъ, что будто это слово вноситъ матеріальныя представленія въ понятіе Божества: „единосущнымъ называется то, что изъ чего-либо есть, либо чрезъ отдѣленіе, либо чрезъ истеченіе, либо

[1]) Сокр. гл. 9. стр. 52—53; col. 85—88.

[2]) Дѣян. I. 195.

[3]) гл. 8. стр. 38. col. 68.

чрезъ побѣгъ (ἔφασαν, ὁμοούσιον εἶναι, ὃ ἐκ τινός ἐστιν, ἢ κατὰ μερισμὸν, ἢ κατὰ ῥεῦσιν, ἢ κατὰ προβολήν): чрезъ побѣгъ напр. какъ растеніе изъ корня, чрезъ истеченіе, какъ дѣти изъ отцовъ, чрезъ отдѣленіе, какъ два или три сосуда изъ слитка; но ни одинъ изъ этихъ способовъ происхожденія, говорили они, (т. е. аріане), не приложимъ къ Сыну Божію (κατ' οὐδέν δὲ τούτων ἐστὶν ὁ Υἱός) [1]).

6. Сократъ отмѣчаетъ результаты соборныхъ разсужденій. Эти результаты слѣдующія: a) осужденіе аріанъ и ихъ ученія и составленіе символа вѣры. „Соборъ и Арію и всѣмъ его единомышленникамъ произнесъ анаѳему, прибавивъ къ тому, что онъ не долженъ возвращаться въ Александрію, а царь издалъ повелѣніе отправить Арія въ ссылку [2]). Но анаѳематствованы не только Арій и его единомышленники, пишетъ Сократъ въ другомъ мѣстѣ, но и самое изложеніе его ученія. Въ частности запрещена была Аріева книга Ѳалія, которая, по замѣчанію Сократа, была похожа на сотадійскія пѣсни“ [3]). Символъ Никейскій, приведенный Сократомъ, во всемъ сходенъ съ древнѣйшею редакціею, которая находится въ сочиненіяхъ Аѳанасія, въ приложеніи къ посланію объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора. Исключеніе составляетъ только прибавленіе двухъ эпитетовъ къ слову церковь „святая и апостольская“ (ἁγία καὶ ἀποστολική). b) Опредѣленіе о Пасхѣ. Сократъ только указываетъ, что установлено было опредѣленіе о Пасхѣ, но не объясняетъ, въ чемъ именно состояло это опредѣленіе. „Епископы согласились, пишетъ онъ, касательно Пасхи“ [4]). c) Опредѣленіе о Мелетіи и мелетіанахъ. Здѣсь Со-

[1]) гл. 8. стр. 38. col. 68—69.

[2]) гл. 8. стр. 39. col. 69.

[3]) гл. 9. стр. 49—50. col. 84. Сотадисъ—критскій стихотворецъ, крайне безстыдный по качеству своихъ стихотвореній. Онъ о самыхъ важнѣйшихъ и достойныхъ благоговѣнія таинствахъ легкомысленно объяснялся самыми срамными стихами (ямбическими).

[4]) Ibid. стр. 49. col. 84.

кратъ также очень кратокъ: онъ говоритъ только, что Мелетій былъ принятъ въ общеніе и за нимъ оставленъ былъ санъ епископа, хотя у него отнято было право поставлять епископовъ [1]). Впрочемъ, нужно замѣтить, что послѣднія два показанія Сократа, т. е. объ опредѣленіяхъ касательно Пасхи и Мелетія, представляютъ собою не болѣе, какъ выводъ изъ соборнаго посланія къ церкви Александрійской, которое Сократомъ приведено въ подлинномъ видѣ: потому-то между прочимъ эти показанія и кратки: подробнѣе они изложены въ самомъ посланіи. d) Каноническія постановленія. Сократъ не приводитъ самого текста каноновъ, не передаетъ содержанія ихъ, не указываетъ даже числа ихъ, но за то указываетъ время ихъ составленія: они составлены въ концѣ соборныхъ засѣданій, предъ самымъ отъѣздомъ епископовъ. „Бывшіе на соборѣ епископы, написавъ и другія постановленія (καὶ ἄλλα τινὰ ἐγγράψαντες), которыя обыкновенно они называли правилами (κανόνας), возвращались опять въ свои города“ [2]). Кромѣ того, Сократъ разсказываетъ объ одномъ очень интересномъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто при установленіи каноновъ. Въ первые вѣка весьма многіе изъ пресвитеровъ и діаконовъ, а еще болѣе изъ епископовъ оставались безбрачными; но запрещенія вступать имъ въ бракъ (только ранѣе рукоположенія) не было [3]). Соборъ Никейскій между прочимъ имѣлъ разсужденіе объ этомъ предметѣ: онъ хотѣлъ установить общія, положительныя правила и склонялся, кажется, къ полному безбрачію священно-служителей. „Епископамъ, пишетъ Сократъ, думалось ввести новый законъ, чтобы посвященные — разумѣю епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ—не спали вмѣстѣ съ женами, на которыхъ женились, бывъ еще мірянами“ [4]). Но тутъ выступилъ Пафнутій, епископъ Θиваидскій. Самъ дѣвственникъ и строгій

[1]) Ibid. стр. 49. col. 84.

[2]) гл. 13. стр. 70. col. 108.

[3]) Апост. пр. 5. 26.

[4]) гл. 11.

подвижникъ, человѣкъ, какъ говоритъ Сократъ, „не знавшій брачныхъ узъ или, просто сказать, не знавшій жены, ибо съ дѣтства воспитывался въ скитѣ и цѣломудріемъ славился болѣе, чѣмъ кто-нибудь“, онъ убѣдилъ отцовъ не принимать этого правила, какъ ига, не для всѣхъ удобоносимаго. „Пафнутій, пишетъ Сократъ, сталъ среди епископовъ и громко воззвалъ: „не возлагайте тяжкаго ига на мужей посвященныхъ; честенъ бракъ и ложе не скверно“. Пафнутій счелъ нужнымъ только оградить строжайшими правилами нравственность клира, въ особенности тѣхъ изъ клириковъ, которые желали оставаться безбрачными. „Все сословіе посвященныхъ, замѣчаетъ Сократъ, согласилось съ мнѣніемъ Пафнутія и вопросъ о безбрачіи преданъ былъ молчанію, только предоставлено было расположенію желающихъ удаляться отъ сожитія съ женами“ [1]). Эта мысль и составляетъ сущ-

[1]) гл. 11. col. 104. стр. 66. Валезій въ своихъ примѣчаніяхъ къ 11 гл. I. кн. церковной исторіи Сократа (Migne. t. 67. col. 111—112). считаетъ этотъ разсказъ о Пафнутіи и целибатствѣ сомнительной достовѣрности. Основанія такого мнѣнія слѣдующія: a) Руфинъ, у котораго Сократъ заимствуетъ разсказъ о Пафнутіи, ничего не говоритъ о целибатствѣ и возраженіяхъ противъ него Пафнутія; b) Пафнутій вовсе не упоминается въ числѣ Египетскихъ епископовъ, присутствовавшихъ на Никейскомъ соборѣ; c) о целибатствѣ существуютъ постановленія папъ Сириція, Иннокентія и Льва,—доказательство, что на Никейскомъ соборѣ не поднимался вопросъ о целибатствѣ. Но эти аргументы Валезія очень слабы. Если папы издавали опредѣленія въ пользу целибатства, то это еще нисколько не говоритъ противъ разсказа Сократа: папы далеко не всегда точно исполняли соборныя постановленія и часто допускали самовольныя отступленія отъ нихъ. Противъ втораго аргумента Валезія замѣтимъ слѣдующее. Дѣйствительно, въ существующихъ спискахъ Никейскихъ отцовъ нѣтъ Пафнутія. Но это не служитъ доказательствомъ того, что Пафнутія не было на соборѣ: подлиннаго списка епископовъ до насъ не дошло, а дошедшіе крайне не исправны, такъ что отвергать на основаніи ихъ фактъ, засвидѣтельствованный древнимъ историкомъ, слишкомъ произвольно. Далѣе, Сократъ дѣйствительно заимствуетъ разсказъ о Пафнутіи у Руфина, но не весь, а только первую половину его; для другой же половины онъ несомнѣнно имѣлъ другіе источники. Поэтому отвергать показаніе Сократа на томъ основаніи, что такого показанія нѣтъ у Руфина, положительно нельзя. Очевидно, Валезію хочется подорвать довѣріе къ показанію Сократа о Пафнутіи потому единственно, что это показаніе обличаетъ укоренившійся въ Римской церкви обычай целибатства. Но отвергать историческіе факты ради

ность 3 Никейскаго правила. Это правило, дѣйствительно, не требуетъ отъ священно-служителей совершеннаго безбрачія и не запрещаетъ духовнымъ лицамъ быть въ супружествѣ, ибо оно говоритъ не о законныхъ женахъ, а о сожительствующихъ (συνεισάκται), подъ именемъ которыхъ разумѣлись посторонпія, незамужнія лица женскаго пола, принятыя въ домъ неженатыхъ для домашняго хозяйства и услуженія или для воспитанія или подъ видомъ духовнаго братства.

Теперь укажемъ значеніе для исторіи Никейскаго собора тѣхъ документовъ—грамотъ и посланій, которые приводятся Сократомъ въ его повѣствованіи о соборѣ.

Посланіе Никейскаго собора къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египетскимъ. Это посланіе имѣло спеціальною своею задачею сообщить объ опредѣленіяхъ Никейскихъ церквамъ Египетскимъ, а потому обращаетъ преимущественное вниманіе только на тѣ опредѣленія, какія особенно и главнымъ образомъ относились къ Египту и церкви Александрійской. Вслѣдствіе этого о нѣкоторыхъ постановленіяхъ собора, напр. о каноническихъ—ничего не говоритъ. Съ другой стороны, передавая соборныя опредѣленія, посланіе размѣщаетъ ихъ по степени ихъ важности для церквей Египетскихъ, а не по времени ихъ изданія на Никейскомъ соборѣ. Такъ напр. по этому посланію выходитъ, что вопросомъ о мелетіанахъ соборъ занимался непосредственно послѣ разсмотрѣнія дѣла Арія и составленія символа; вопросъ же о Пасхѣ былъ послѣднимъ вопросомъ, которымъ занимался соборъ. Понятно, почему посланіе послѣ сообщенія о соборномъ рѣшеніи касательно Арія тотчасъ же передаетъ о рѣшеніи касательно мелетіанъ. Расколъ мелетіанъ слишкомъ близко касался церквей Египетскихъ и интересовалъ эти послѣднія болѣе, чѣмъ какіе-

равданія мѣстныхъ обычаевъ не законно. Притомъ разсказъ Сократа имѣетъ ручательство за свою достовѣрность въ томъ обстоятельствѣ, что мнѣніе Пафнутія впослѣдствіи утверждено было императорскимъ закономъ и изложено въ 16 кн. Ѳеодосіева кодекса.

либо другіе предметы соборныхъ разсужденій (за исключеніемъ, конечно, вопроса объ аріанствѣ). Наоборотъ, вопросъ о Пасхѣ мало интересовалъ церкви египетскія, такъ какъ въ Египтѣ и ранѣе соблюдался тотъ обычай, какой утвердилъ Никейскій соборъ; поэтому о постановленіи касательно празднованія Пасхи въ посланіи указано въ концѣ и то кратко. Въ дѣйствительности же соборныя постановленія шли не въ такомъ порядкѣ. Изъ показаній Сократа [1]) мы знаемъ, что вторымъ дѣломъ собора было разсужденіе о Пасхѣ, а не о мелетіанахъ. Равнымъ образомъ и всѣ другіе повѣствователи о соборѣ утверждаютъ, что вопросъ о Пасхѣ подвергся соборному рѣшенію непосредственно послѣ рѣшенія догматическаго вопроса [2]). Но не смотря на такую непослѣдовательность въ передачѣ соборныхъ опредѣленій, это посланіе очень важно. Во 1-хъ оно указываетъ на сообщниковъ Арія, оставшихся твердыми въ своихъ мнѣніяхъ и подвергшихся одинаковому съ Аріемъ наказанію; такими сообщниками были: Ѳеона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій. Этимъ показаніемъ посланіе исправляетъ свидѣтельство Руфина, который говоритъ, что послѣ соборнаго рѣшенія на сторонѣ Арія осталось 6 человѣкъ, и самого Сократа, который говоритъ о 5 сторонникахъ Арія. Во 2-хъ это посланіе очень подробно и обстоятельно излагаетъ сущность соборнаго опредѣленія о Мелетіи и мелетіанахъ. Въ 3-хъ это посланіе показываетъ, въ чемъ состояло постановленіе о Пасхѣ. Соборъ опредѣлилъ, чтобы празднованіе Пасхи совершалось не вмѣстѣ съ іудеями, а согласно съ обычаемъ Римской, Александрійской и др. церквей. Другихъ постановленій собора посланіе не указываетъ, но оно ясно свидѣтельствуетъ, что таковыя были. „Что же касается до прочихъ указаній и постановленій въ присутствіи владыки и почтеннѣйшаго сослужителя и брата нашего Александра, читаемъ въ посланіи, то возвратившись онъ, какъ

[1]) гл. 8. стр. 49. col. 84.

[2]) Евсевій „Жизнь Константина“. III. 14.

владыка и участникъ въ событіяхъ, самъ подробнѣе донесетъ вамъ о нихъ“ [1]).

Посланіе Константина Августа каѳолической Александрійской церкви. Изъ этого посланія мы получаемъ показаніе объ участіи императора въ дѣлахъ собора. Равнымъ образомъ изъ этого посланія узнаемъ и о томъ, что аріане на соборѣ исповѣдали свою вѣру, состоящую изъ ужасныхъ хуленій на Сына Божія, которую и отвергли епископы, просвѣщенные Духомъ Святымъ.

Посланіе Константина къ епископамъ и народамъ. Это посланіе показываетъ намъ, что соборныя опредѣленія относительно Арія и его сочиненій получили силу и значеніе государственныхъ законовъ, за неисполненіе которыхъ самъ императоръ назначилъ наказаніе, какъ за неисполненіе законовъ государственныхъ: „онъ повелѣваетъ передать сожженію сочиненія Арія, а за утаеніе ихъ угражаетъ смертію чрезъ отсѣченіе главы“.

Покаянное посланіе Евсевія Никомидійскаго и Ѳеогниса Никейскаго. Это посланіе писано приблизительно года 3 спустя послѣ собора. Но оно важно тѣмъ, что указываетъ одинъ фактъ изъ исторіи собора, именно, что Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій на соборѣ подписали только символъ, но отказались подписать анаѳематствованіе на Арія.—Этимъ мы закончимъ обозрѣніе повѣствованія Сократа.

Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ Эрмія Созомена.

Эрмій Созоменъ происходилъ изъ богатаго рода въ Палестинѣ, вѣроятнѣе всего въ Газѣ. По крайней мѣрѣ дѣдъ Созомена жилъ въ селеніи Веѳиліи близъ Газы [2]). Получивъ первоначальное вос-

[1]) гл. 9. стр. 49—48; col. 81.

[2]) Созоменъ. Церк. ист. V, 15.

питаніе подъ руководствомъ своихъ родственниковъ, Созоменъ предположилъ потомъ изучить судебное законовѣдѣніе и, какъ полагаютъ, изучилъ его въ Финикійскомъ городѣ Беритѣ [1]), въ которомъ процвѣтало знаменитое въ то время училище правовѣдѣнія. Неизвѣстно, сколько времени оставался онъ въ Беритѣ; но послѣ онъ жилъ уже въ Константинополѣ, гдѣ пріобрѣтенныя изъ науки познанія прилагалъ къ дѣлу и занимался адвокатурой [2]). Здѣсь въ Константинополѣ онъ написалъ и церковную исторію.

Для опредѣленія времени написанія исторіи существуютъ нѣкоторые намеки у самого Созомена. Онъ посвящаетъ свою исторію Θеодосію Младшему и, въ своемъ посвященіи восхваляя царя, говоритъ, что Θеодосій во время похода въ Ираклію Понтійскую, палимый зноемъ и засыпаемый пылью, не хотѣлъ принять подносимый ему прихладительный напитокъ, размышляя, что въ его войскѣ никто не отказался бы утолить свою жажду подобною жидкостью, и однакожь воины лишены этого удовольствія. Приводимое здѣсь въ пахвалу Θеодосія обстоятельство относится къ 443 году [3]); слѣдовательно, Созоменъ началъ писать свою исторію послѣ этого времени; продолжался же его трудъ далѣе 446 года, потомучто въ послѣдней книгѣ онъ упоминаетъ о Константинопольскомъ епископѣ Проклѣ, какъ объ архипастырѣ уже умершемъ; но Проклъ умеръ въ 446 году.

По предначертанію Созомена, его исторія должна была обнимать событія церкви отъ 3-го консульства кесарей Константина и Криспа до 17-го консульства Θеодосія Младшаго, т. е. отъ 324 до 439 г. [4]). Однако это предначертаніе не совсѣмъ вы-

[1]) Valesii de vita et script. Socrat. atque Sosom Migne t. 67. col. 23.

[2]) Созоменъ. II, 3.

[3]) Нѣкоторые относятъ это путешествіе Θеодосія къ 437 г., а вслѣдствіе этого и написаніе исторіи къ 439 г. Но въ 437 г. Θеодосій доходилъ только до Кизикіи и то не сухимъ путемъ, а моремъ; слѣдовательно, съ нимъ не могло быть тѣхъ приключеній, на которыя указываетъ Созоменъ.

[4]) Praefatio. col. 852, стр. 13.

полнено Созоменомъ: его исторія оканчивается не 439, а только 423 годомъ. Что было причиною этого, рѣшительно сказать трудно. Можетъ быть, какія-либо обстоятельства (по мнѣнію нѣкоторыхъ смерть) помѣшали ему докончить свой трудъ; а можетъ быть, какъ думаютъ другіе, исторія Созомена доведена была до конца, только не дошла до насъ въ полномъ видѣ. Для нашей задачи недостатокъ конца исторіи Созомена не важенъ. Для насъ важно то, что исторія Созомена начинается, вполнѣ согласно съ предначертаніемъ, съ 324 года и содержитъ въ себѣ повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ. Это повѣствованіе находится въ 15—25 гл. I кн. исторіи Созомена.

Относительно источниковъ всей вообще исторіи Созомена существуютъ разныя мнѣнія. Одни говорятъ, что Созоменъ не имѣлъ подъ руками почти никакихъ источниковъ, никакихъ самостоятельныхъ документовъ, что его исторія не болѣе, какъ передача въ парафразѣ исторіи Сократа. Такъ Валезій, извѣстный комментаторъ Сократа и Созомена, утверждаетъ, что Созоменъ просто списалъ свою исторію съ исторіи Сократа, и прямо называетъ перваго литературнымъ воромъ (plagiarius) [1]. Того же мнѣнія держится и нѣмецкій ученый Гарнакъ. „Если сравнить церковную исторію Созомена съ церковною исторіею Сократа, пишетъ Гарнакъ, то открывается, что первая есть плагіатъ второй и притомъ плагіатъ самый широкій и полный... Три четвертыхъ всего историческаго содержанія исторіи Созомена, даже въ одномъ и томъ же порядкѣ, заимствованы просто изъ исторіи Сократа“ [2]. Другіе ученые, не отрицая вполнѣ зависимости Созомена отъ Сократа, не признаютъ, однако, перваго простымъ плагіаторомъ втораго: они стараются доказать, что Созоменъ самъ читалъ бо̀льшую часть источниковъ и такимъ образомъ обнаружилъ себя въ значительной степени независимымъ отъ своего предше-

[1]) De vita et script. Socr. et Sosom. Migne t. 67. col. 24—25.

[2]) Herzog-Plitt-Hauck. Encyclopäd. B. 14. s. 416.

ственника. Такого мнѣнія держится напр. нѣмецкій ученый Іеепъ [1]). Намъ, конечно, нѣтъ нужды разбирать, на сколько справедливо каждое изъ приведенныхъ мнѣній относительно всей вообще исторіи Созомена: это выходитъ за предѣлы нашей задачи. Мы разсмотримъ то и другое мнѣніе примѣнительно только къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ.

Отмѣтимъ сходныя мѣста въ повѣствованіяхъ Сократа и Созомена. 15 гл. I кн. исторіи Созомена, содержащая въ себѣ разсказъ объ аріанскихъ смутахъ въ Александріи до Никейскаго собора и о распространеніи аріанскихъ споровъ за предѣлы Египта, вполнѣ соотвѣтствуетъ 5—6 гл. I кн. исторіи Сократа. Положимъ, у Созомена разсказъ идетъ не въ томъ порядкѣ, какъ у Сократа: у него есть добавленія и сокращенія, есть даже нѣсколько новыхъ показаній, не приводится въ подлинномъ видѣ письма Александра Александрійскаго къ каѳолической церкви, а передается только содержаніе его; но въ общемъ у Сократа и Созомена одно и тоже. Въ 16 гл. I кн. Созоменовой исторіи передается содержаніе письма, которое отправилъ Константинъ къ Александру и Арію, говорится о существованіи разногласія касательно Пасхи и, наконецъ, дается характеристика Осіи Кордубскаго, посланнаго въ Александрію для прекращенія споровъ и разногласій. Эти всѣ показанія находятся и въ исторіи Сократа. Письмо императора къ Александру и Арію приводится Сократомъ въ подлинникѣ, хотя и не въ цѣломъ видѣ. Замѣчательно здѣсь особенно то, что и Созоменъ передаетъ содержаніе не всего посланія императора, а только той части его, которая приведена въ исторіи Сократа. О разногласіи касательно времени празднованія Пасхи Созоменъ говоритъ тоже самое, что и Сократъ; различіе между ними только въ словахъ, а не существѣ дѣла. Вотъ показанія того и другаго:

[3]) Ieep. Quellen-Untersuchungen zu den Griechischen Kirchenhist. s. 137—151.

Сократа:

Существовала (тогда) мѣстная болѣзнь, возмущавшая церкви, разногласіе касательно празднованія Пасхи. Это разногласіе было только на востокѣ, гдѣ одни хотѣли праздновать ее по-іудейски, а другіе подражали всѣмъ въ мірѣ христіанамъ. Впрочемъ разногласяи такимъ образомъ въ отношеніи къ сему празднику, христіане отнюдь не расторгали общенія, а только, по причинѣ разногласія, проводили этотъ праздникъ печальнѣе“ [1]).

Созомена:

„Не менѣе прискорбно было ему (Константину) слышать, что нѣкоторые совершаютъ праздникъ Пасхи не вмѣстѣ со всѣми; ибо тогда въ городахъ востока иные, разногласяи между собою касательно сего предмета, удалялись отъ взаимнаго общенія, совершали праздникъ болѣе по-іудейски и разномысліемъ въ этомъ отношеніи явно вредили свѣтлости праздника“ [2]).

По видимому, между Сократомъ и Созоменомъ здѣсь разногласіе: одинъ (Созоменъ) говоритъ о расторженіи взаимнаго общенія между христіанами вслѣдствіе разногласія въ праздновании Пасхи, другой (Сократъ) утверждаетъ, что распоряженія въ общеніи не было; но только повидимому. Въ дѣйствительности и Созоменъ не говоритъ о полномъ расторженіи общенія, какое отрицаетъ Сократъ. Созоменъ говоритъ только о разобщеніи христіанъ

[1]) ... Προυπῆρχε... νόσος τοπικὴ, τὰς ἐκκλησίας ταράττουσα, ἡ διαφωνία τῆς τοῦ Πᾶσχα ἑορτῆς· ἥτις περὶ τὰ τῆς ἑῴας μέρη μόνον ἐγένετο· τῶν μὲν Ἰουδαϊκώτερον ἑορτὴς ποιεῖν ἐσπουδακότων, τῶν δὲ μιμουμένων σύμπαντας τοὺς κατὰ τὴν οἰκουμένην χριστιανούς. Διαφωνοῦντες δὲ οὕτω περὶ τῆς ἑορτῆς, τῆς κοινωνίας μὲν οὐδαμῶς ἐχωρίζοντο, στυγνοτέραν δὲ τὴν ἑορτὴν τῇ διαφωνίᾳ εἰργάζοντο“. Socr. I, 8. Migne t. 67. col. 60. по рус. изд. стр. 32.

[2]) Χαλεπῶς δὲ ἔφερε, πυνθανόμενός τινας ἐναντίως πᾶσι τὴν τοῦ Πᾶσχα ἄγειν ἑορτήν. Τηνικαῦτα γὰρ ἐν τοῖς πρὸς Ἕω πόλεσι διαφερόμενοί τινες περὶ τοῦτο, τῆς μὲν πρὸς ἀλλήλους οὐκ ἀπείχοντο κοινωνίας, Ἰουδαϊκώτερον δὲ τὴν ἑορτὴν ἦγον, καὶ ὡς εἰκὸς τῇ περὶ τούτου διχονοίᾳ τὴν λαμπρότητα τῆς πανηγύρεως ἔβλαπτον“. Sosom. I, 16. Migne t. 67. col. 909; по рус. изд. стр. 61.

въ празднованіи Пасхи, а не о полномъ расторженіи общенія, такъ какъ это расторженіе общенія, по его же словамъ, вредило только свѣтлости праздника (на что̀ указываетъ и Сократъ), а не всей вообще церковной жизни, что̀ несомнѣнно послѣдовало бы за полнымъ расторженіемъ общенія между христіанами. Слѣдовательно, Соземенъ говоритъ тоже, что и Сократъ, только не такъ точно, какъ послѣдній.—Объ Осіи Кордубскомъ Созоменъ говоритъ очень сходно съ Сократомъ. Конечно, разница въ словахъ и выраженіяхъ есть; но общій характеръ показаній того и другаго одинъ и тотъ же. Вотъ ихъ показанія:

Сократа:

„Узнавъ объ этомъ (разногласіяхъ), царь сильно возскорбѣлъ въ душѣ своей и, почитая эту опасность собственною, старался немедленно погасить возгорѣвшееся зло и съ мужемъ надежнымъ, по имени Осіею, отправилъ посланіе къ Александру и Арію. Осія былъ епископъ одного изъ Испанскихъ городовъ, называвшагося Кордовою. Царь очень любилъ и уважалъ его“ [1]).

Созомена:

„Думая, что можно предотвратить зло, прежде чѣмъ оно сообщится большинству народа, царь послалъ отъ себя мужа, знаменитаго своею вѣрою и жизнію, и еще въ прежнія времена прославившагося многими опытами исповѣданія вѣры, и поручилъ ему примирить споривших въ Египтѣ касательно извѣстнаго догмата и разногласившихъ на востокѣ во времени празднованія Пасхи. Этотъ посланный былъ Кордовскій епископъ Осія“ [2]).

1) Ταῦτα δὲ πυθόμενος ὁ βασιλεὺς καὶ τὴν ψυχὴν ὑπεραλγήσας, συμφοράν τε οἰκείαν εἶναι τὸ πρᾶγμα ἡγησάμενος, παραχρῆμα τὸ ἀναφθὲν κακὸν κατασβέσαι σπου-

2) Νομίσας τε δύνασθαι προκαταλαβεῖν τὸ κακὸν, πρὶν εἰ πλείους χωρῆσθαι, πέμπει ἄνδρα τὸν ἀμφ' αὐτὸν πίστει καὶ βίῳ ἐπίσημον, καὶ τοῖς ὑπὲρ τοῦ δόγματος

Нельзя не замѣтить, что у Созомена нѣтъ ничего новаго сравнительно съ Сократомъ, если не считать нѣкоторыхъ риторическихъ украшенiй.—Въ первой половинѣ 17 гл. Созоменъ говоритъ о созванiи собора, называетъ по имени нѣкоторыхъ епископовъ, даетъ общую характеристику членовъ собора и указываетъ общее число ихъ. Все это и въ томъ же самомъ видѣ есть и у Сократа. Вотъ слова того и другаго о созванiи собора:

Сократа:

Видя, что церковь возмущается тѣмъ и другимъ зломъ (арiанскими спорами и разногласiемъ касательно времени празднованiя Пасхи), царь своими грамотами приглашалъ всѣхъ епископовъ съѣхаться въ Никеѣ, городѣ Виѳинiи, и составилъ изъ нихъ вселенскiй соборъ. Въ Никею явились епископы многихъ областей и городовъ (гл. 8, стр. 32). Осiя, епископъ Кордовскiй изъ Испанiи, Витонъ и Викентiй — римскiе пресвитеры, Александръ Египетскiй, Евстаѳiй, епископъ

Созомена:

„Когда посланный для водворенiя мира возвратился безъ успѣха, то царь рѣшился созвать соборъ и всѣмъ предстоятелямъ церквей предписалъ явиться къ опредѣленному дню въ Никею Виѳинскую. Въ этомъ собранiи отъ апостольскихъ престоловъ участвовали Макарiй Iерусалимскiй, Евстаѳiй, уже управлявшiй церковiю Атiохiи, что при Оронтѣ, Александръ, епископъ Александрiи, что при озерѣ Мареотскомъ. Но римскiй епископъ Юлiй за старостью не прiѣхалъ: вмѣсто его присут-

δάζων, γράμματα πρὸς Ἀλέξανδρον καὶ Ἄρειον πέμπει δι' ἀνδρὸς ἀξιοπίστου, ᾧ ὄνομα μὲν ἦν Ὅσιος, μιᾶς δὲ τῶν ἐν τῇ Ἱσπανίᾳ πόλεων ὄνομα Κουδρούβης, ὑπῆρχεν ἐπίσκοπος· πάντα τε αὐτὸν ἠγάπα, καὶ διὰ τιμῆς ἦγεν ὁ βασιλεύς". Socr. I, 7. Migne t. 67. col. 53—56; по рус. изд. стр. 26.

ὁμολογίαις ἐν τοῖς πρόσθεν χρόνοις εὐδοκιμηκότα, διαλλάξοντα τοὺς ἐν Αἰγύπτῳ διὰ τὸ δόγμα στασιάζοντας, καὶ τοὺς πρὸς Ἕω περὶ τὴν ἑορτὴν διαφερομένους. ἦν δὲ οὗτος Ὅσιος ὁ Κορδούβης ἐπίσκοπος". Sosom. I, 16. Mig. col. 909—912. стр. 62.

великой Антіохіи, Макарій Іерусалимскій“ (гл. 13, стр. 70) [1]). ствовали пресвитеры той же церкви—Витонъ и Викентій“ (гл. 17, стр. 62) [2]).

Изъ представленной параллели ясно, что Созоменъ и Сократъ въ сущности говорятъ одно и тоже. Все различіе состоитъ только въ томъ, что Сократъ передаетъ дѣло нѣсколько подробнѣе (мы привели показаніе Сократа съ пропусками) и помѣщаетъ свои показанія въ разныхъ мѣстамъ. Впрочемъ, у Созомена есть въ данномъ случаѣ и существенно новыя показанія сравнительно съ Сократомъ. Такъ онъ указываетъ причину отсутствія на соборѣ Римскаго епископа (старость лѣтъ), о чемъ не упоминаетъ Сократъ (но говоритъ Евсевій: „Жизнь Константина“ III, 7), а равнымъ образомъ называетъ по имени Римскаго епископа, чего также не дѣлаетъ Сократъ.—Созоменова характеристика епископовъ, съѣхавшихся на соборъ, составляетъ простую риторическую передѣлку той, которую приводитъ Сократъ. Положимъ, Сократъ не самостоятельно характеризуетъ епископовъ: онъ приводитъ подлинныя слова Евсевія; но мы констатируемъ только фактъ, что характеристика Созомена не новая, она существуетъ и у Сократа. Вотъ подлинныя слова Сократа и Созомена:

[1]) Δι' ἀμφότερα τοίνυν ὁρῶν ὁ βασιλεὺς ταραττομένην τὴν ἐκκλησίαν σύνοδον οἰκουμενικὴν συνεκρότει, τοὺς πανταχόθεν, ἐπισκόπους διὰ γραμμάτων εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας ἀπαντῆσαι παρακαλῶν. Παρῆσαν τε ἐκ πολλῶν ἐπαρχιῶν καὶ πόλεων οἱ ἐπίσκοποι... (cap. 8, col. 60—61).... Ῥώμης Βίτων καὶ Βικεντῖνος πρεσβύτεροι· Αἰγύπτου Ἀλέξανδρος· Ἀντιοχείας τῆς μεγάλης Εὐστάθιος· Ἱεροσολύμων Μακάριος. Socrat. cap. 13, col. 108.

[2]) Ἐπεὶ... ἄπρακτός τε ἐπανήει ὁ τὴν εἰρήνην βραβεῦσαι ἀπεσταλμένος, συνεκάλεσε σύνοδον εἰς Νίκαιαν τῆς Βιθυνίας καὶ πανταχῆ τοῖς προεστῶσι τῶν ἐκκλησιῶν ἔγραφεν εἰς ῥητὴν ἡμέραν παρεῖναι. Ἐκοινώνουν δὲ τούτου τοῦ συλλόγου, τῶν μὲν ἀποστολικῶν θρόνων, Μακάριος ὁ Ἱεροσολύμων, καὶ Εὐστάθιος ἤδη τὴν Ἀντιοχείας τῆς πρὸς τῷ Ὀρόντῃ ἐκκλησίαν ἐπιτραπεὶς, καὶ Ἀλέξανδρος ὁ Ἀλεξανδρείας τῆς πρὸς τὴν Μαρείαν λίμνην. Ἰούλιος δὲ Ῥωμαίων ἐπίσκοπος διὰ γῆρας ἀπελιμπάνετο. Παρῆσαν δὲ ἀντ' αὐτοῦ Βίτων καὶ Βικέντιος, πρεσβύτεροι τῆς αὐτῆς ἐκκλησίας“. Sosom. I, 17, Mig. col. 912.

Сократа:

„Въ настоящемъ собранiи (на Никейскомъ соборѣ) находилось множество епископовъ числомъ болѣе трехъ сотъ, а сопровождавшимъ ихъ пресвитерамъ, дiаконамъ и многимъ другимъ и числа не было. Изъ служителей Божiихъ одни знамениты были словомъ мудрости, другiе украшались строгостiю жизни и подвижничествомъ, а иные украшались мѣрностью нрава. Были между ними и такiе, которыхъ уважали за долголѣтiе, были и другiе, блиставшiе юностью и бодростью душевною, были также лица, еще недавно вступившiя на поприще служенiя“ [1]).

Созомена:

„На соборъ съѣхалось много превосходныхъ и доблестныхъ мужей изъ разныхъ провинцiй: одни изъ нихъ отличались способностью мышленiя и краснорѣчiя; другiе славились знанiемъ свящ. Писанiя и прочихъ наукъ; иные знамениты были добродѣтельною жизнiю, а нѣкоторые прiобрѣли извѣстность тѣмъ и другимъ. Всѣхъ епископовъ на соборѣ находилось около 320. Вѣроятно, не малое также количество находилось пресвитеровъ и дiаконовъ, прiѣхавшихъ вмѣстѣ съ епископами“ [2]).

[1]) Ἐπεὶ δὲ τῆς παρούσης χορείας ἐπισκόπων μὲν πληθὺς τριακοσίων ἀριθμὸν ὑπερακοντίζουσα ἦν· ἑπομένων δὲ τούτοις πρεσβυτέρων καὶ διακόνων, ἀκολούθων τε πλείστων ὅσων ἑτέρων, οὐδὲ ἦν ἀριθμός. Τῶν δὲ τοῦ Θεοῦ λειτουργῶν οἱ μὲν διέπρεπον σοφίας λόγῳ· οἱ δὲ βίου στεῤῥότητι καὶ καρτερίας ὑπομονῇ· οἱ δὲ τῷ μέσῳ τρόπῳ κατεκοσμοῦντο. Ἦσαν δὲ τούτων οἱ μὲν χρόνου μήκετε τετιμημένοι· οἱ δὲ νεότητι καὶ ψυχῆς ἀκμῇ διαλάμποντες· οἱ δὲ ἄρτι παρελθόντες ἐπὶ τὸν τῆς λειτουργίας δρόμον“. Socr. I, 8; col. 61; стр. 33.

[2]) ... Πλεῖστοι καλοὶ καὶ ἀγαθοὶ (ἐπίσκοποι) ἐκ διαφόρων ἐθνῶν συνῆλθον οἱ μὲν νοεῖν καὶ λέγειν ἱκανοί, εἰδήσει τε τῶν ἱερῶν βίβλων καὶ τῆς ἄλλης παιδεύσεως ἐπίσημοι ἐν ἀρετῇ βίου διαπρέποντες· οἱ δὲ κατ' ἀμφότερον εὐδοκιμοῦντες. Ἦσαν δὲ ἐπίσκοποι ὑπὲρ ἀμφὶ τριακόσιοι εἴκοσι· πρεσβυτέρων τε καὶ διακόνων ὡς εἰκὸς ἑπομένων οὐκ ἦν ὀλίγον πλῆθος“. Sosom. I, 17; col. 912; стр. 62—63.

Какъ видно, Созоменъ не прибавляетъ ничего, кромѣ риторики, къ характеристикѣ епископовъ, которая находится у Сократа. Наше мнѣніе поддерживаетъ и Валезій. О приведенномъ мѣстѣ изъ исторіи Созомена онъ замѣчаетъ: „Здѣсь Созоменъ подражаетъ Евсевію (Sosomenus hic imitatur Eusebium) [1]), характеристику котораго привелъ въ своей исторіи Сократъ. Разница между Сократомъ и Созоменомъ только въ обозначеніи числа епископовъ, бывшихъ на соборѣ. По Созомену на соборѣ епископовъ было около 320, а по Сократу—болѣе 300. Но и эта разница только внѣшняя, а не дѣйствительная. Сократъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ о числѣ епископовъ неопредѣленно, приспособляясь, вѣроятно, къ неопредѣленному показанію Евсевія. Въ другомъ мѣстѣ онъ даетъ болѣе точныя показанія; такъ онъ говоритъ, что символъ Никейскій подписали 318 епископовъ, а 5 епископовъ отказались подписать его“ [2]). Изъ этого показанія Сократа открывается, что епископовъ на соборѣ было около 320. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ показаніе Созомена не ново сравнительно съ показаніемъ Сократа.—Въ 17 гл. Созоменъ говоритъ о присутствіи на соборѣ діалектиковъ—мірянъ. Это показаніе буквальнно находится и у Сократа.

Показаніе Сократа:	Показаніе Созомена:
„Были на соборѣ и многіе искусные въ діалектикѣ міряне, готовые защищать свою сторону“ [3]).	„Вмѣстѣ съ ними (епископами) явились и мужи искусные въ діалектикѣ, намѣрєвавшіеся помогать имъ словомъ“ [4]).

1) Valesii Annotat. Migne t. 67. col. 911.

2) Сократъ кн. I, гл. 8, стр. ?8.

3) „Συμπαρῆσαν δὲ λαϊκοὶ πολλοὶ διαλεκτικῆς ἔμπειροι ἐν ἑκατέρῳ μέρει συνηγορεῖν προθυμούμενοι“. Socr. I, 8. col. 64; стр. 34.

4) Συμπαρῆσαν δὲ αὐτοῖς ἄνδρες διαλέξεων ἔμπειροι ἐκείνοις βοηθεῖν λόγοις σπουδάζοντες“. Sosom. I, 17; col. 912; стр. 63.

Наконецъ, въ 17 же главѣ Созоменъ говоритъ о дѣятельности Аѳанасія Александрійскаго на Никейскомъ соборѣ и опять говоритъ тоже, что есть у Сократа. Приведемъ показанія того и другаго историка:

Сократа:	Созомена:
„Противъ нихъ (вождей аріанства) мужественно подвизался Аѳанасій, который хотя былъ діакономъ Александрійской церкви, но пользовался особеннымъ уваженіемъ епископа Александра“ [1]).	„Аѳанасій Александрійскій, бывшій тогда еще діакономъ и обращавшійся съ епископомъ Александромъ, началъ принимать особенное участіе въ разсужденіяхъ (собора)“ [2]).

Въ 20 гл. Созоменъ подробно говоритъ о торжественномъ засѣданіи собора. Объ этомъ говоритъ и Сократъ [5]) на основаніи Евсевія, но гораздо короче Созомена.—Въ началѣ 21 гл. Созоменъ разсказываетъ объ участіи императора въ разсужденіяхъ собора; это есть и у Сократа [6]). Различіе между ними только въ томъ, что Сократъ приводитъ подлинныя слова Евсевія, а Созоменъ кратко передаетъ ихъ сущность.—Середина 21 гл., гдѣ Созоменъ говоритъ о подписи Евсевія Кесарійскаго къ символу, объ осужденіи Арія, его ученія и сообщниковъ и о другихъ обстоятельствахъ, бывшихъ въ это время, не представляетъ собою почти ничего новаго сравнительно съ показаніями Сократа. Различіе состоитъ лишь въ томъ, что у Созомена показанія приведены въ

[1]) Τούτοις δὲ γενναίως ἀντηγωνίζετο Ἀθανάσιος, διάκονος μὲν τῆς Ἀλεξανδρέων ἐκκλησίας. Σφόδρα δὲ αὐτὸν διὰ τιμῆς ἦγεν Ἀλέξανδρος ὁ ἐπίσκοπος“. Socr. I, cap. 8; col. 64; стр. 34.

[2]) Ἀθανάσιος ὁ Ἀλεξανδρείας ἔτι τότε διάκονος, Ἀλεξάνδρῳ τῷ ἐπισκόπῳ συνών, πλεῖστον εἶναι ἔδοξε μέρος τῆς περὶ ταῦτα βουλῆς“. Sosom. I, 17; col. 913; стр. 61.

[3]) Церк. Ист. гл. 8, стр. 39.

[4]) Ibid. стр. 35—36.

одномъ мѣстѣ, а у Сократа они разсѣяны по разнымъ мѣстамъ. Сходство между Сократомъ и Созоменомъ будетъ вполнѣ ясно, если мы параллельно приведемъ показанія того и другаго, при чемъ показанія Сократа размѣстимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ идутъ соотвѣтствующія показанія Созомена.

Показанія Сократа:	Показанія Созомена:
„Бывшій на соборѣ Евсевій, по прозванію Памфиловъ,.... немного затруднялся и недоумѣвалъ, слѣдуетъ-ли принять изложенную формулу вѣры, но потомъ, согласившись со многими другими, подписалъ ее (гл. 8, стр. 39)... Соборъ и Арію и всѣмъ его единомышленникамъ произнесъ анаѳему, прибавивъ къ тому, что онъ не долженъ и возвращаться въ Александрію (ibid)... Анаѳематствованы не только Арій и его единомышленники, но и самое изложеніе его ученія. Надобно также знать, что свое ученіе Арій изложилъ въ книгѣ и озаглавилъ ее „Ѳалія“. Характеръ этой книги отрывочность и несвязность, похожая на измѣренную рѣчь, или сотадійскія пѣсни. Тогдашній соборъ запретилъ ее (гл. 9, стр. 49—50). Евсевій и Ѳеогнисъ обна-	„Евсевій Памфиловъ сначала нѣсколько колебался, а потомъ разсмотрѣлъ Никейское вѣроизложеніе и также подписалъ. Соборъ отлучилъ Арія вмѣстѣ съ единомышленникмми и положилъ не принимать его въ Александріи. Мало этого, онъ запретилъ и тѣ самыя выраженія, въ какихъ высказывались его мнѣнія, и книгу его объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ „Ѳалія“. Характеръ этой Ѳаліи, какъ я слышалъ, но не читалъ, —безсвязность, по которой она походитъ на сотадійскія пѣсни. Надобно замѣтить однакожь, что Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій, принявъ символъ вѣры, не согласились на низложеніе Арія и не подписали соборнаго опредѣленія объ этомъ. Не смотря на то, царь назначилъ Арію ссылку и какъ всѣмъ епископамъ, такъ и на-

родованную вѣру подписали, а съ опредѣленіемъ о низложеніи Арія согласиться не хотѣли (гл. 14, стр. 72). Царь издалъ повелѣніе Арія отправить въ ссылку (гл. 8, стр. 39). Если найдется какое-либо изъ Аріевыхъ сочиненій (писалъ Константинъ епископамъ и народамъ), повелѣваемъ предать его огню, чтобы такимъ образомъ дурное его ученіе не только исчезло, но и не вспоминалось. Объявляю также, что кто будетъ обличенъ въ утаеніи написаннаго Аріемъ сочиненія, кто тотчасъ же не представитъ и не сожжетъ его, тому наказаніемъ будетъ смерть, тому немедленно, по открытіи вины, отсѣчена будетъ голова (гл. 9, стр. 53—54). Писалъ царь и другія посланія въ родѣ рѣчей противъ Арія и его единомышленниковъ... и эти посланія разсылалъ всюду по городамъ (гл. 9, стр. 63)... Царь издалъ повелѣніе Евсевія и Θеониса отправить въ ссылку“ (гл. 8, стр. 39) [1]).

роду письменно повелѣлъ считать его и единомыслящихъ съ нимъ за людей нечестивыхъ и если найдется какое-либо написанное ими сочиненіе, предавать его огню, такъ чтобы о немъ и введенномъ отъ него ученіи даже и помину не было. А кто будетъ замѣченъ въ утайкѣ, кто тотчасъ же не объявитъ и не сожжетъ, тотъ въ наказаніе подвергнется смерти и уголовной казни. Разослалъ онъ по городамъ и другое посланіе противъ Арія и его единомышленниковъ. Евсевію же и Θеогнису повелѣлъ выѣхать изъ городовъ, въ которыхъ они епископствовали“ (гл. 21, стр. 71) [2]).

[1]) Τότε ἐν τῇ συνόδῳ Εὐσέβιος, ὁ τὴν Παμφίλου προσωνυμίαν ἔχων... μικρὸν ἐπιστήσας καὶ διασκεψάμενος εἰ δεῖ προσδέξασθαι τὸν ὅρον τῆς πίστεως οὕτως

[2]) Εὐσέβιος ὁ Παμφίλου μικρὸν ἐπισχὼν ἐπεσκέψατο τούτην καὶ ἐπῄνεσεν. Ἡ δὲ σύνοδος ἀπεκήρυξεν Ἄρειον καὶ τοὺς ὁμοίως αὐτῷ φρονοῦντας, Ἀλεξανδρείας

Какъ видно, показанія Созомена очень сходны съ показаніями Сократа. Замѣчательно особенно то, что Созоменъ и Сократъ допускаютъ одинаковую непослѣдовательность: оба свидѣтельствуютъ, что Евсевій Никомидійскій и Θеогнисъ Никейскій отправлены были въ ссылку непосредственно послѣ собора. Въ частности

ἅμα τοῖς πολλοῖς πᾶσι συνῄνεσέν τε καὶ συνυπέγραφεν (c. 8, col. 69). Ἡ σύνοδος Ἄρειον μὲν καὶ τοὺς ὁμοδόξους αὐτοῦ ἀναθεμάτισεν ἅπαντας, προσθέντες μήτε ἐπιβαίνειν τῆς Ἀλεξανδρείας αὐτόν (col. 69)... Οὐ μόνον Ἄρειον καὶ τοὺς ὁμοδόξους αὐτοῦ ἀνεθεμάτισαν, ἀλλὰ καὶ τὰς λέξεις τῆς δόξης αὐτοῦ (c. 9, col. 84)... Ἰστέον δὲ, ὅτι Ἄρειος βιβλίον συνέγραψε περὶ τῆς ἑαυτοῦ δόξης, ὃ ἐπέγραψε Θάλειαν. Ἔστι δὲ ὁ χαρακτὴρ τοῦ βιβλίου χαῦνος καὶ διαλελυμένος, τοῖς σωταδίοις ᾄσμασιν, ἤτοι μέτροις παραπλήσιος· ὅπερ καὶ αὐτὸ τότε ἡ σύνοδος ἀπεκήρυξεν (ibid). Εὐσέβιος καὶ Θέογνις μὲν τῇ ὑπαγορευθείσῃ πίστει ὑπεσημήναντο, τῇ δὲ καθαιρέσει Ἀρείου σύμψηφοι γενέσθαι οὐκ ἐβουλήθησαν (c. 14, col. 113)... Βασιλέως πρόσταγμα Ἄρειον εἰς ἐξορίαν ἀπέστειλεν (c. 8, col. 69). Εἴ τι σύγγραμμα ὑπὸ Ἀρείου συντεταγμένον εὑρίσκοιτο, τοῦτο πυρὶ παραδίδοσθαι, ἵνα μὴ μόνον τὰ φαῦλα αὐτοῦ τῆς διδασκαλίας ἀφανισθείη, ἀλλὰ μηδὲ ὑπόμνημα αὐτοῦ ὅλως ὑπολείποιτο. Ἐκεῖνο μέντοι προαγορεύω ὡς εἴ τις σύγγραμμα ὑπὸ Ἀρείου συνταγὲν φωραθείη κρύψας, καὶ μὴ εὐθέως προσενεγκὼν πυρὶ καταναλώσῃ, τούτῳ θάνατος ἔσται ἡ ζημία· παραχρῆμα γὰρ ἁλοὺς ἐπὶ τούτῳ κεφαλικὴν ὑποστήσεται τιμωρίαν (c. 9. col. 88—89)... Καὶ ἄλλας δὲ ἐπιστολὰς ὁ βασιλεὺς κατὰ Ἀρείου καὶ τῶν ὁμοδόξων αὐτοῦ πανηγυρικώτερον γράψας, πανταχοῦ κατὰ πόλεις προσέθηκε (c. 9, col. 97).... Βασιλέως πρόσταγμα Εὐσέβιον καὶ Θέογνιν εἰς ἐξορίαν ἀπέστειλεν". Socr. c. 8, col. 69.

τε μὴ ἐπιβαίνειν αὐτὸν ἐψηφίσατο. Οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὰς λέξεις τῆς αὐτοῦ δόξης ἀπεκήρυξαν καὶ τὸ βιβλίον ὃ περὶ ταύτης συντάξας Θαλείαν ἐπέγραψε. Τούτου δὲ τοῦ συντάγματος, ὡς ἐπυθόμην, οὐ γὰρ ἐνέτυχον διαλελυμένος ἐστὶν ὁ χαρακτὴρ, ὡς ἐμφερὴς εἶναι τῇ χαυνότητι τοῖς Σωτάδου ᾄσμασιν. Ἰστέον μέντοι, ὡς τῇ Ἀρείου καθαιρέσει οὔτε ἔθεντο, οὔτε ὑπέγραψαν Εὐσέβιος ὁ Νικομηδείας καὶ Θέογνις ὁ Νικεὺς, καίπερ τῇ γραφῇ τῆς πίστεως συναινέσαντες. Ὁ δὲ βασιλεὺς Ἄρειον μὲν ὑπερορίῳ φυγῇ ἐζημίωσε· καὶ τοῖς πανταχῇ ἐπισκόποις καὶ λαοῖς νομοθετῶν ἔγραψεν, ἀσεβεῖς ἡγεῖσθαι αὐτόν τε καὶ τοὺς αὐτοῦ ὁμόφρονας καὶ πυρὶ παραδοῦναι εἴ τε αὐτῶν εὑρίσκοιτο σύγγραμμα, ὥς τε μήτε αὐτοῦ, μήτε δόγματος οὗ εἰσηγήσατο, ὑπόμνημα φέρεσθαι. Εἰ δέ τις φωραθείη κρύπτων καὶ μὴ παραχρῆμα καταμηνύσας ἐμπρήσῃ θάνατον εἶναι τὴν ζημίαν, καὶ τιμωρίαν εἰς κεφαλήν. Καὶ ἄλλας δὲ κατὰ πόλιν ἐπιστολὰς διεπέμψατο κατὰ Ἀρείου καὶ τῶν ὁμοδόξων αὐτοῦ. Εὐσέβιον δὲ καὶ Θεόγνιον, φεύγειν προσέταξεν, ἃς ἐπισκόπου πόλεις" Sosom. I, c. 21, col. 921—924.

о причинахъ ссылки Евсевія и Ѳеогниса Сократъ и Созоменъ говорятъ на основаніи одного и того же посланія императора Константина къ никомидійцамъ и говорятъ много общаго, до буквальности сходнаго, напр. о козняхъ Евсевія противъ Константина [1]). Но вообще здѣсь Созоменъ говоритъ гораздо подробнѣе Сократа.—22 гл. исторіи Созомена, содержащая въ себѣ разсказъ о призваніи на соборъ новаціанскаго епископа Акесія, буквально сходна съ 10 гл. исторіи Сократа. Разница только та, что Созоменъ не указываетъ источниковъ разсказа и не жалуется, что никто ранѣе его не писалъ объ этомъ фактѣ, какъ жалуется Сократъ.—23 гл. Созомена, содержащая показаніе объ установленіи на соборѣ каноническихъ правилъ, въ частности о вліяніи Пафнутія Ѳиваидскаго на составленіе 3-го канона, представляетъ собою дословное повтореніе показаній Сократа, находящихся въ 13 и 11 гл. [2]). Разность между Сократомъ и Созоменомъ состоитъ только въ томъ, что первый говоритъ о предложеніи ввести безбрачіе для епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, а второй—и для иподіаконовъ. Впрочемъ, по нѣкоторымъ спискамъ (напр. по Флорентійскому кодексу) слова: „καὶ ὑποδιακόνους“ есть и въ исторіи Сократа [3]); слѣдовательно, и эта разность между Сократомъ и Созоменомъ пропадаетъ.—24 гл. исторіи Созомена представляетъ изложеніе соборныхъ постановленій о мелетіанахъ, каковыя постановленія находятся въ посланіи Никейскаго собора къ Александрійской церкви, которое приведено въ 9 гл. исторіи Сократа.—Въ концѣ 25 гл. исторіи Созомена кратко излагается содержаніе посланія императора Константина къ Александрійской церкви: это посланіе приведено и въ исторіи Сократа [4]).

[1]) Ср. Созом. I, стр. 71—72 (Migne col. 924) и Сокр. I, 14.

[2]) Ср. Созм. I, 23 гл. и Сокр. гл. 13, кн. I, стр. 70 (Migne col. 108) гл. 11, стр. 65—66 (col. 101—104).

[3]) Annotat. Valesii (80). Migne t. 67, col. 101.

[4]) I, 9, стр. 50—52 (Migne col. 84—88).

Мы отмѣтили сходныя мѣста въ повѣствованіяхъ Сократа и Созомена. Если результаты сличенія перевести на языкъ математики, то окажется, что $^{3}/_{5}$ повѣствованія Созомена находится почти въ буквальномъ видѣ въ повѣствованіи Сократа. Откуда такое сходство? Его, конечно, нельзя объяснить однимъ сходствомъ источниковъ. Самое сходство источниковъ при самостоятельности двухъ писателей — явленіе положительно невѣроятное. Между тѣмъ цитируемые документы и источники у Сократа и Созомена одни и тѣже. Еще болѣе странно и непонятно то, что Сократъ и Созоменъ заимствуютъ и изъ преданія одни и тѣже свѣдѣнія. Напр. Сократъ прямо заявляетъ, что о призваніи на Никейскій соборъ Акесія, новаціанскаго епископа, онъ говоритъ исключительно на основаніи преданія, потомучто объ этомъ обстоятельствѣ никто изъ древнихъ писателей не упомянулъ. Но этотъ же самый разсказъ и въ томъ же самомъ видѣ находится и у Созомена. Очевидно, если объяснять сходство между Сократомъ и Созоменомъ однообразіемъ источниковъ, то должно допустить, что они и преданіемъ пользовались одинаково и получали изъ него одни и тѣже извѣстія; а это допуститъ трудно, если не положительно невозможно. Наконецъ, какъ у Сократа, такъ и у Созомена встрѣчаются одинаковыя ошибки и неправильности. Напр. тотъ и другой одинаково неправильно свидѣтельствуютъ, что Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій отправлены были въ ссылку прямо съ собора, какъ и Арій. Такое явленіе положительно не объяснимо однимъ сходствомъ источниковъ. Очевидно, сходство между Сократомъ и Созоменомъ нужно объяснять не сходствомъ источниковъ, а зависимостью одного изъ нихъ отъ другаго, — тѣмъ, что одинъ списывалъ съ другаго. Мы не можемъ признать такимъ плагіаторомъ Сократа. Сократъ писалъ свою исторію ранѣе Созомена: это единогласно признаютъ всѣ древніе и новые изслѣдователи. Въ пользу этого мнѣнія, кромѣ общаго признанія, можно привести довольно вѣскія доказательства и изъ самыхъ трудовъ Сократа и Созомена. Сократъ, разсказавъ

о призваніи на соборъ императоромъ Константиномъ новаціанскаго епископа Акесія, замѣчаетъ: „объ этомъ не упомянулъ ни Евсевій Памфиловъ, никто другой". Такое замѣчаніе очень выразительно говоритъ, что въ то время, когда Сократъ писалъ свою исторію, исторіи Созомена еще не существовало, потомучто въ этой послѣдней есть разсказъ объ Акесіи [1]). Далѣе, Сократъ въ большинствѣ случаевъ документы, которыми пользовался, приводитъ въ подлинникѣ; между тѣмъ Созоменъ большею частью передаетъ только ихъ содержаніе. Слѣдовательно, нужно признать, что Сократъ независимо отъ Созомена пользовался документами, такъ какъ нельзя по краткому изложенію возстановить подлинный видъ документа. Итакъ непремѣнно долженъ слѣдовать тотъ выводъ, что Созоменъ пользовался повѣствованіемъ Сократа о Никейскомъ соборѣ, или проще: многое списалъ съ повѣствованія Сократа.

Но утверждая, что Созоменъ пользовался исторіею Сократа, мы, однако, не утверждаемъ того, что всѣ указанныя нами сходныя мѣста въ повѣствованіяхъ Сократа и Созомена несомнѣнно списаны послѣднимъ у перваго. Мы утверждаемъ полную зависимость Созомена отъ Сократа только по отношенію къ бо́льшей части сходныхъ мѣстъ, но не всѣхъ. Сократъ самъ не вездѣ самостоятеленъ: онъ много заимствуетъ изъ другихъ болѣе ранихъ сказаній о Никейскомъ соборѣ, напр. изъ „Жизни Константина" Евсевія, церковной исторіи Руфина и др.; при этомъ нѣкоторыя показанія своихъ источниковъ и документы онъ приводитъ въ подлинномъ видѣ. Очень можетъ быть, что всѣми этими показаніями и документами, заимствованными Сократомъ изъ болѣе раннихъ сказаній, Созоменъ пользовался и не чрезъ посредство Сократа. Доказать противное мы ничѣмъ не можемъ. А что дѣйствительно Созоменъ имѣлъ подъ руками нѣкоторые источники и документы и самостоятельно, а не по исторіи Сократа ознакомил-

[1]) кн. I, гл. 22.

ся съ ними,—въ этомъ едвали можно сомнѣваться. Созоменъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправляетъ показанія Сократа, заимствованныя изъ другихъ источниковъ, и исправляетъ именно словами первоисточника; нѣкоторыя показанія приводитъ полнѣе, чѣмъ Сократъ: приводитъ подлинныя слова вмѣсто краткаго изложенія; наконецъ, иногда приводитъ одно и тоже показаніе въ двухъ видахъ—по Сократу и по первоисточнику. Все это нельзя иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что Созоменъ самостоятельно ознакомился съ нѣкоторыми источниками и документами и изъ нихъ дѣлалъ заимствованія для своего повѣствованія о соборѣ.

Такъ прежде всего несомнѣнно Созоменъ знакомъ былъ независимо отъ Сократа съ сочиненіемъ Евсевія „Жизнь Константина". Изъ этого сочиненія онъ сдѣлалъ слѣдующія самостоятельныя заимствованія: 1) о причинѣ отсутствія на соборѣ Римскаго епископа и о присутствіи вмѣсто него двухъ пресвитеровъ [1]). Такого показанія нѣтъ у Сократа, но оно почти дословно есть у Евсевія [2]). 2) Почти вся 19 гл. (за исключеніемъ первыхъ строкъ), гдѣ говорится о торжественномъ засѣданіи собора, о приходѣ императора, о рѣчи епископа къ императору и императора къ епископамъ, заимствована Созоменомъ у Евсевія и опять самостоятельно, а не чрезъ посредство Сократа. Что она заимствована у Евсевія, въ этомъ нельзя сомнѣваться: Созоменъ говоритъ почти тѣми же самыми словами, какими говоритъ и Евсевій, и иногда только короче передаетъ показанія послѣдняго [3]). Особенность Созомена состоитъ лишь въ томъ, что онъ день торжественнаго собранія епископовъ называетъ днемъ воскреснымъ (κύρια) и прямо указываетъ, что рѣчь императору произносилъ Евсевій Памфиловъ, чего нѣтъ у Евсевія. А что всѣ эти показанія, или по крайней мѣрѣ бóльшая часть изъ нихъ заимствована не чрезъ посред-

[1]) Созом. I, 17, стр. 62. Migne, col. 912.

[2]) „Жизнь Константина" III, 7.

[3]) Сн. Созомен. I, 19 и „Жизнь Константина" III, 10—12.

ство Сократа, это видно изъ слѣдующаго: а) Созоменъ здѣсь поправляетъ Сократа и поправляетъ словами Евсевія. Сократъ говоритъ, что императоръ, по приходѣ на соборъ, не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его" [1]); между тѣмъ Созоменъ передаетъ, что императоръ сѣлъ самъ, при чемъ повелѣно было сѣсть и собору" [2]). Созоменово показаніе ближе подходитъ къ Евсевіеву, по которому императоръ сѣлъ самъ, хотя не прежде, какъ далъ знакъ садиться епископамъ [3]). b) Созоменовъ разсказъ подробнѣе Сократова: Созоменъ напр. приводитъ въ подлинномъ видѣ рѣчь императора собору, чего не дѣлаетъ Сократъ. 3) 25 гл. исторіи Созомена (за исключеніемъ послѣдняго показанія о посланіи къ церкви Александрійской), гдѣ говорится о пиршествѣ, которое устроилъ Константинъ послѣ собора для епископовъ, о подаркахъ епископамъ, о совѣтахъ—быть въ мирѣ и единомысліи между собою, наконецъ, о грамотахъ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ, заимствована у Евсевія [4]). Все различіе между Созоменомъ и Евсевіемъ состоитъ въ томъ, что первый передаетъ показанія послѣдняго не буквально, а въ свободномъ парафразѣ, иногда прибавляя къ подлиннику риторическія украшенія. Вотъ самостоятельныя заимствованія Созомена у Евсевія.

Независимо отъ Сократа знакомъ былъ Созоменъ и съ церковною исторіею Руфина. Прямо изъ нея, а не чрезъ посредство Сократа, онъ не мало заимствуетъ для своего повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. 1) Такъ изъ церковной исторіи Руфина Созоменъ заимствовалъ разсказъ о сожженіи императоромъ жалобъ, поданныхъ епископами другъ на друга, равнымъ образомъ показаніе о разногласіи епископовъ по вопросамъ вѣры въ частныхъ

[1]) кн. I, гл. 8, стр. 35.

[2]) кн. I, гл. 19, стр. 68.

[3]) „Жизнь Константина" III, 10.

[4]) „Жизнь Константина" III, гл. 15—16. 21.—Сократъ объ этомъ вовсе не говоритъ.

совѣщаніяхъ. Что Созоменъ изъ исторіи Руфина заимствовалъ разсказъ о сожженіи епископскихъ жалобъ императоромъ, это не требуетъ доказательствъ: это видно при первомъ сличеніи разсказовъ Руфина и Созомена [1]). Равнымъ образомъ и дальнѣйшія показанія Созомена о разногласіи епископовъ въ частныхъ совѣщаніяхъ окажутся явно заимствованными у Руфина, если подвергнуть анализу разсказъ Созомена и сличить его съ разсказомъ Руфина. Вотъ показанія Руфина и Созомена:

Руфина:	Созомена:
„Когда въ продолженіи нѣсколькихъ дней поднимался вопросъ о вѣрѣ, то между нѣкоторыми обнаружились разногласія (nonnulli diversa sentirent): одни сильно сочувствовали предпріятіямъ Арія (vehementer coeptis Arii faverent), другіе и притомъ большая часть (plures)—гнушались нечестиваго начинанія (impium exsecrarentur inceptum). На томъ соборѣ былъ великій сонмъ исповѣдниковъ и всѣ они возставали противъ нововведеній Арія. На сторонѣ же Арія стояли мужи опытные въ состязаніяхъ (in quae-	„Еще прежде срока епископы, сходясь между собою, призывали Арія и, предлагая на общее изслѣдованіе свои мысли, вступали въ разсужденія. Однакожь изслѣдованіе ихъ, какъ обыкновенно бываетъ, послужило только источникомъ къ различнымъ вопросамъ: одни совѣтовали не дѣлать нововведеній (μὴ νεωτερίζειν) въ преданной изъ древности вѣрѣ и это были особенно тѣ, которымъ простота нравовъ внушала безхитростно (ἀπεριέργως) принимать вѣру въ Бога; а другіе утверждали, что древнѣйшимъ мнѣніямъ не долж-

[1]) Ср. Созом. I, 17, стр. 63—64 (Migne col. 913), Rufin. Hist. eccles. I, c. 2.—О жалобахъ епископовъ другъ на друга передаетъ и Сократъ (гл. 8, стр. 35); но Созоменъ говоритъ гораздо подробнѣе Сократа и ближе къ Руфину: напр. увѣщаніе императора у Созомена и Руфина передается дословно сходно, между тѣмъ у Сократа нѣсколько иначе.

stionibus callidi) и потому противящіеся простотѣ вѣры (simplicitati fidei adversi) [1]. | но слѣдовать безъ повѣрки ихъ (μὴ χρῆναι ἀβασανίστως ταῖς παλαιοτέραις δόξαις ἕπεσθαι). Изъ собравшихся тогда епископовъ и находившихся при нихъ клириковъ многіе славились, какъ люди въ діалектикѣ сильные и въ бесѣдахъ такого рода опытнѣйшіе (δεινοὶ διαλέγεσθαι καὶ τὰς τοιαύτας μεθόδους τῶν λόγων ἠσκημένοι") [2].

На первый разъ представляется, что Созоменъ говоритъ что-то новое сравнительно съ Руфиномъ. Но если всмотрѣться внимательнѣе, то дѣло представится въ иномъ видѣ: все, по видимому, новое явится не болѣе, какъ свободнымъ парафразомъ Руфиновыхъ показаній. Созоменъ говоритъ, что епископы сходились на предварительныя, частныя совѣщанія; Руфинъ прямо этого не говоритъ, но изъ хода его разсказа можно догадываться, что онъ имѣетъ въ виду тоже частныя совѣщанія. Руфинъ говоритъ о возникновеніи несогласій между епископами и раздѣленіяхъ между ними. Разногласіе и раздѣленіе, по его разсказу, явилось не вдругъ, а какъ результатъ продолжительнаго разсужденія о вѣрѣ (per dies multos.... de fide quaestio verteretur et nonnulli diversa sentirent) [3]. Но подобнаго процесса раздѣленія не могло быть на торжественныхъ засѣданіяхъ собора. Тамъ, какъ мы знаемъ изъ сказаній Евсевія, Аѳанасія и Евстаѳія, прямо выступали партіи вполнѣ сформировавшіяся (а не образовывающіяся только). Слѣдовательно, продолжительныя разсужденія епископовъ

[1]) Rufin. I, c. 2. col. 469.
[2]) Созом. I, 17; стр. 64. Migne col. 913.
[3]) Rufin. I. 2.

о вѣрѣ, послужившія къ образованію партій, о которыхъ (разсужденіяхъ) говоритъ Руфинъ, имѣли мѣсто не на торжественныхъ засѣданіяхъ собора, а на предварительныхъ совѣщаніяхъ. Такимъ образомъ Созоменъ только прямо высказалъ то, что по Руфину лишь подразумѣвается. Далѣе, по Созомену между епископами появились разногласія; тоже самое и по Руфину: nonnulli diversa sentirent. По Созомену одни предлагали не дѣлать нововведеній, другіе требовали повѣрки прежнихъ мнѣній. По видимому, соотвѣтствующаго показанія нѣтъ у Руфина; но только по видимому. Руфинъ говоритъ, что сторонники Арія, какъ люди образованные, искусные въ изысканіяхъ, чуждались простоты вѣры; слѣдовательно, православные защищали простоту вѣры. Такой выводъ необходимо слѣдуетъ изъ той противоположности, какую устанавливаетъ Руфинъ между православными и аріанами. Такой выводъ подтверждается и положительными показаніями Руфина: исповѣдники противились нововведеніямъ Арія. Такимъ образомъ изъ показанія Руфина выходитъ, что на предварительныхъ совѣщаніяхъ одни отстаивали простоту вѣры и противились нововведеніямъ, другіе отвергали простоту вѣры и защищали нововведенія. А этотъ выводъ вполнѣ согласенъ съ показаніемъ Созомена, что одни предлагали не дѣлать нововведеній, другіе требовали повѣрки прежнихъ мнѣній. Слѣдовательно, показаніе Созомена вполнѣ можно признать за заимствованіе у Руфина, только заимствованіе не буквальное, а въ свободной передѣлкѣ. Если же принять во вниманіе то обстоятельство, что и предыдущія и послѣдующія показанія Созомена, составляющія контекстъ разбираемаго нами показанія, заимствованы у Руфина, то нашъ выводъ о зависимости Созомена отъ Руфина въ разбираемомъ мѣстѣ—будетъ очень вѣроятенъ [1]. Что касается послѣд-

[1]) Признавъ показаніе Созомена о разногласіи между епископами по вопросу о методѣ веденія дѣла при рѣшеніи спорнаго догматическаго вопроса за заимствованіе у Руфина, мы тѣмъ самымъ рѣшаемъ спорный вопросъ о томъ, какъ понимать слова Созомена: „одни предлагали не дѣлать нововведеній, дру-

няго показанія Созомена: „многіе епископы и клирики были сильны въ діалектикѣ и славились въ бесѣдахъ такого рода“,—то оно есть прямой парафразъ Руфинова выраженія: „in quaestionibus callidi“. Въ представленной параллели у Руфина не достаетъ сравнительно съ Созоменомъ указанія на призываніе Арія. Но и это указаніе у Руфина есть, только оно приведено въ другомъ мѣстѣ [1]). Вотъ оно: „часто призывался на соборъ и Арій и его положенія разсматривались тщательно“. Какъ видно, показаніе Созомена и относительно этого пункта не представляетъ ничего новаго сравнительно съ Руфиномъ. 2) Первая половина 18 гл. Созоменовой исторіи, содержащая въ себѣ разсказъ о посрамленіи философовъ однимъ простымъ старцемъ, составляетъ повтореніе 3 гл. исторіи Руфина, повтореніе хотя не дословное, но очень близко подходящее къ подлиннику [2]). Правда, между Созоменомъ и Руфиномъ есть различіе въ указаніи причинъ и побужденій, въ силу которыхъ философы явились на соборъ. По Созомену, одни изъ языческихъ мудрецовъ явились на соборъ съ цѣлью ознакомиться съ христіанскимъ ученіемъ, другіе—съ цѣлью возбудить между христіанами вражду и противорѣчія во мнѣніяхъ [3]); между тѣмъ, по Руфину, философы

гіе требовали повѣрки прежнихъ мнѣній“? Кого разумѣть подъ первыми, кого—подъ вторыми? Нѣкоторые ученые (напр. о. Иванцовъ. „Религіозныя движенія IV и V в.“ стр. 79—80, и др.) рѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что и подъ вторыми нельзя разумѣть однихъ аріанъ, а нужно разумѣть и православныхъ. Но съ такимъ рѣшеніемъ трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что довольно странно приписывать православнымъ отцамъ тенденцію подновлять вѣру (νεωτερίζειν πίστην) и не сообразно съ взглядами даже образованнѣйшихъ изъ нихъ (см. у проф. Лебедева: „Изъ исторіи вселен. соборовъ IV и V в.“ стр. 73—75), мы должны относить первую половину словъ Созомена къ православнымъ, вторую (другіе....)—къ аріанамъ на томъ основаніи, что эти слова составляютъ парафразъ Руфинова показанія, а Руфинъ отличительною чертою православныхъ выставляетъ простоту и безхитростность въ вѣрѣ.

[1]) cap. 5.

[2]) Этотъ разсказъ есть и у Сократа (гл. 8); но разсказъ Созомена гораздо ближе подходитъ къ Руфинову разсказу, чѣмъ къ Сократову.

[3]) гл. 18.

явились на соборъ исключительно ради любопытства, съ цѣлью послушать споры христіанъ между собою [1]). Но это различіе едвали столь существенно, чтобы ради его отвергать зависимость въ данномъ случаѣ Созомена отъ Руфина. Созоменъ здѣсь просто разукрасилъ сказанное Руфиномъ, какъ онъ поступаетъ и во многихъ другихъ случаяхъ. „Греки замѣчаетъ Валезій по поводу этого мѣста Созомена, имѣли обыкновеніе къ разсказу, заимствуемому у другихъ писателей, прибавлять кое-что свое, чего нѣтъ въ оригиналѣ [2]). Впрочемъ, можетъ быть, Созоменъ о побужденіяхъ и причинахъ присутствія на соборѣ философовъ говоритъ и не отъ себя, а на основаніи Сократа [3]), который, перемѣнивъ языческихъ философовъ на діалектиковъ мірянъ, цѣлью присутствія послѣднихъ на соборѣ полагаетъ участіе въ разсужденіяхъ и спорахъ. 3) Начало 19 гл. исторіи Созомена, гдѣ говорится о тщательности отцовъ въ изслѣдованіи догматическаго вопроса на предварительныхъ совѣщаніяхъ, почти въ буквальномъ видѣ находится въ исторіи Руфина [4]). Вотъ показанія Руфина и Созомена:

Руфина:

„Часто призывали на соборъ и Арія; его положенія изслѣдовались тщательнымъ образомъ, и что противъ него должно было постановить, объ этомъ разсуждали съ величайшею внимательностью“.

Созомена:

„Часто сходясь, епископы выводили на середину Арія и ревностно испытывали его положенія, ибо остерегались, какъ бы подавая мнѣнія въ пользу той или другой стороны, не сказать чего-либо опрометчиво“.

1) cap. 3.

2) Valesii annotat. Migne t. 67, col. 915—916.

3) Сокр. гл. 8. стр. 24.

4) cap. 5.

4) Показаніе о числѣ аріанъ на соборѣ и о постепенномъ уменьшеніи этого числа послѣ того, какъ императоръ склонился на сторону православныхъ, Созоменъ также заимствуетъ у Руфина. Созоменъ указываетъ даже тотъ самый источникъ свѣдѣній о числѣ Аріевыхъ сторонниковъ на соборѣ, какой указываетъ Руфинъ, т. е. преданіе, слухи (λέγονται), хотя едва-ли для Созомена доступенъ былъ этотъ источникъ [1]).

Независимо отъ Сократа пользовался Созоменъ и окружнымъ посланіемъ Александра Александрійскаго. Въ 15 гл. Созоменъ перечисляетъ сторонниковъ Арія въ Египтѣ до Никейскаго собора и, можно думать, перечисляетъ на основаніи окружнаго посланія Александра, потомучто въ этомъ посланіи указываются тѣ сторонники Арія, какихъ указываетъ и Созоменъ. Окружное посланіе Александра приведено и въ исторіи Сократа [2]); но Созоменъ пользовался несомнѣнно другой редакціей посланія. У Созомена въ числѣ сторонниковъ Арія указывается 5 пресвитеровъ, у Сократа этого нѣтъ; у Созомена упоминается, какъ сторонникъ аріанства, какой-то Макрій или Макарій, у Сократа опять нѣтъ. Наоборотъ, у Созомена не указываются въ числѣ аріанъ Лукій и Гаій, которые указываются у Сократа. Очевидно, Созоменъ пользовался не Сократовою редакціею окружнаго посланія Александра, а какою-либо другою.

Пользовался-ли Созоменъ самостоятельно и независимо отъ Сократа еще какими-либо источниками при повѣствованіи о Никейскомъ соборѣ, достовѣрно неизвѣстно. Іеепъ утверждаетъ, что Созоменъ самостоятельно пользовался еще исторіею Филосторгія, Зосимы и другими источниками [3]); но по отношенію къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ для такого мнѣнія нѣтъ основаній. Правда, Созоменъ дѣлаетъ нѣкоторыя добавленія къ прежнимъ

[1]) Сн. Созом. I, 20, стр. 69 (col. 920). Rufin. I, 5.

[2]) кн. I, гл. 6.

[3]) Іеер. Quellen-Unters. s. 147—154.

сказаніямъ о соборѣ, но заключать на основаніи этихъ добавокъ о новыхъ источникахъ—нельзя: всѣ добавки его можно принимать не за слѣды знакомства съ новыми источниками, а за результатъ риторики или простыхъ догадокъ, потомучто эти добавки по мѣстамъ очень неудачны.

Подводя итогъ сказанному, мы можемъ сдѣлать такое заключеніе относительно источниковъ повѣствованія Созомена о Никейскомъ соборѣ. Созоменъ пользовался повѣствованіемъ Сократа, пользовался очень много, но все же его нельзя считать, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ повѣствованію о Никейскомъ соборѣ—такимъ жалкимъ компиляторомъ, какимъ представляетъ его Гарнакъ. Не $^3/_4$, а только $^3/_5$, даже можетъ быть и гораздо менѣе $^3/_5$ содержанія Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ можно считать за заимствованіе изъ исторіи Сократа. Притомъ Созоменъ независимо отъ Сократа знакомъ былъ съ сочиненіемъ Евсевія „Жизнь Константина", церковною исторіею Руфина и нѣкоторыми другими источниками. Вѣроятно, Созоменъ, положивъ въ основаніе своего труда исторію Сократа, если не всегда, то въ большинствѣ случаевъ подыскивалъ процитованныя въ послѣдней мѣста и самъ переработывалъ ихъ: иногда приводилъ ихъ подробнѣе, чѣмъ у Сократа, иногда короче, иногда украшалъ ихъ риторикою, а иногда и исправлялъ. Слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ Созоменъ является писателемъ самостоятельнымъ и независимымъ отъ Сократа.

Мы нѣсколько возстановили честь Созомена, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ и со своимъ выводомъ близко подошли (но не совсѣмъ) къ сужденію о Созоменѣ нѣмецкаго ученаго Іеепа, которое мы привели въ началѣ рѣчи объ источникахъ Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Но отъ этого мало выигрываетъ самое повѣствованіе Созомена. Пусть Созоменъ списывалъ не съ одного Сократа; но для насъ не имѣютъ значенія и тѣ заимствованія его, которыя онъ самостоятельно сдѣлалъ изъ „Жизни Константина" Евсевія, изъ церковной исторіи Ру-

фина и другихъ извѣстныхъ намъ источниковъ. Для насъ важно и цѣнно то повѣствованіе, которое даетъ новыя сравнительно съ прежними сказаніями свѣдѣнія о соборѣ. Между тѣмъ этого новаго у Созомена почти нѣтъ: за самыми небольшими исключеніями все повѣствованіе Созомена является мозаическимъ произведеніемъ, составленнымъ изъ показаній болѣе раннихъ писателей. Несамостоятельность и есть первый и главный недостатокъ Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.

Кромѣ несамостоятельности есть въ повѣствованіи Созомена и другіе недостатки. Созоменъ даетъ намъ очень мало новыхъ показаній; но большая часть и этого малаго количества грѣшитъ противъ истины и не можетъ быть принята за достовѣрное свидѣтельство. Такъ въ началѣ 17 гл. своей исторіи Созоменъ, указывая на основаніи Евсевія и Сократа нѣкоторыхъ членовъ Никейскаго собора, даетъ одно показаніе совершенно новое: онъ по имени называетъ Римскаго епископа временъ Никейскаго собора. „Римскій епископъ Юлій, пишетъ Созоменъ, за старостью не пріѣхалъ“ [1]). Но это новое показаніе Созомена очень неудачно. Римскимъ епископомъ во время Никейскаго собора былъ не Юлій, а Силивестръ [2]). Такая ошибка едва-ли извинительна для историка первой половины V в. [3]). Въ 21 гл. Созоменъ перечисляетъ нѣкоторыхъ аріанствующихъ членовъ Никейскаго собора, подписав-

[1]) По рус. изд. стр. 62. Migne col. 912.

[2]) Юлій вступилъ на римскую каѳедру 11 лѣтъ спустя послѣ Никейскаго собора—въ 336 году.

[3]) Нѣкоторые стараются оправдать Созомена и желаютъ видѣть въ данномъ случаѣ не болѣе, какъ ошибку переписчиковъ, которые будто бы написали Ἰούλιος вм. πόλιος (род. пад. отъ слова „πόλις“—городъ) (Annot. varior. Migne t. 67, col. 911—912) или вм. „πολιός“ (сѣдой, бѣлый, старый) (Migne t. 85. col. 1190. De tempore, quo celebratum fuit concilium Nicaenum). Догадку эту основываютъ на томъ, что самъ Созоменъ во многихъ мѣстахъ своей исторіи показываетъ, что онъ не считалъ Юлія современникомъ Никейскаго собора. Напр. изложивши въ I кн. своей исторіи повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ, онъ въ 1 гл. II кн. замѣчаетъ: „такъ окончилось все, происходившее въ Никеѣ, и священнослужители разъѣхались по домамъ“,—и во II кн. своей исторіи онъ говоритъ о событіяхъ послѣ Никейскаго собора: объ интригахъ

шихся подъ составленнымъ вѣроизложеніемъ. Здѣсь Созоменъ поправляетъ Сократа: Сократъ говоритъ, что 5 человѣкъ—Евсевій Никомидійскій, Өеогнисъ Никейскій, Марисъ Халкидонскій, Өеона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій—не принимали Никейскаго символа [1]). Въ своемъ мѣстѣ мы показали, что это свидѣтельство Сократа не вѣрно. Созоменъ утверждаетъ тоже самое; онъ говоритъ, что Никейское опредѣленіе подписали: Евсевій Никомидійскій, Өеогнисъ Никейскій, Марисъ, Патрофилъ Скиөопольскій.... Это прямо противъ Сократа и къ выгодѣ истины... Но далѣе и Созоменъ не могъ уберечься отъ ошибки: въ числѣ принявшихъ и подписавшихъ Никейскій символъ онъ ставитъ и Секунда Птолемаидскаго [2]). Такое показаніе Созомена - положительная ошибка. Показаніе Сократа мы признали неправильнымъ; но его показаніе можно понимать такъ, что сначала не хотѣли принимать Никейскій символъ 5 человѣкъ, а потомъ изъ этихъ пяти трое подписались къ символу; слѣдовательно, можно снять

аріанъ, объ Антіохійскомъ соборѣ, низложившемъ св. Евстаөія (гл. 14) и между прочимъ въ 20 гл. II кн. о вступленіи на римскую епископскую каөедру Юлія. „Около того же времени, пишетъ Созоменъ, на римскій престолъ послѣ Марка, который недолго былъ преемникомъ Силивестра, вступилъ Юлій". Очевидно, Созоменъ зналъ, что Юлій сдѣлался римскимъ епископомъ много спустя послѣ Никейскаго собора. Въ пользу той же мысли указываютъ еще на нѣсколько подобныхъ мѣстъ изъ исторіи Созомена. (См. De tempore, quo celebratum fuit concilium Nicaenum". Migne t. 85, col. 1189—1192). Мы съ своей стороны не будемъ оспаривать этого предположенія; мы склонны думать, что оно не лишено вѣроятности. Но при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что противъ такого предположенія можно привести довольно вѣскія возраженія. Во 1-хъ ни въ одной редакціи Созоменовой исторіи не стоитъ вм. „Ἰούλιος"—„πόλιος" или „πολιός". Во 2-хъ „Ἰούλιος" вѣроятно чрезъ Созомена перешло во многія другія древнія сказанія о Никейскомъ соборѣ; слѣдовательно, ошибка эта вкралась въ исторію Созомена очень рано. Въ частности относительно догадки, что „Ἰούλιος" стоитъ вм. „πόλιος", нужно замѣтить слѣдующее: „πόλιος" (род. пад. вм. πόλεως) употребляется только въ поэтической рѣчи, но никогда у историковъ; а относительно второй догадки нужно сказать, что въ случаѣ замѣны „Ἰούλιος" словомъ «πολιός"—получится тавтологія: „*старый* епископъ римскій не пріѣхалъ *за старостью*" (πολιὸς ὁ Ῥωμαίων ἐπίσκοπος διά γῆρας ἀπελιμπάνετο).

1) кн. I, гл. 8, стр. 38.

2) гл. 21, стр. 70. Migne col. 921.

часть вины съ Сократа и обвинять его только въ неточности, а не въ неправильности. Созомена же извинить вовсе нельзя. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ писателей, Секундъ Птолемаидскій съ Ѳеоною Мармарикскимъ остались на сторонѣ Арія и не приняли Никейскаго символа [1]).

Къ отмѣченнымъ недостаткамъ повѣствованія Созомена о Никейскомъ соборѣ можно прибавить еще нѣкоторые. Такъ Созоменъ любитъ пускаться въ риторику, а вслѣдствіе этого онъ часто измѣняетъ смыслъ подлинника. Напр. увлекшись риторикою, онъ неправильно передалъ Руфиново показаніе о причинахъ присутствія на Никейскомъ соборѣ философовъ. Иногда въ исторію собора онъ вставляетъ разсказъ о томъ, что не имѣло мѣста на соборѣ; такъ, разсказавъ о философахъ, посрамленныхъ однимъ простымъ старцемъ, онъ тутъ же передаетъ сродный этому и по своему содержанію и, кажется, по достовѣрности разсказъ о томъ, что подобнымъ образомъ посрамилъ философовъ и Александръ Константинопольскій, хотя посрамилъ и не на соборѣ.

Мы указали недостатки Созоменова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ. Но это повѣствованіе имѣетъ и достоинства и можетъ оказать немаловажныя услуги при изложеніи исторіи Никейскаго собора.

Прежде всего повѣствованіе Созомена даетъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія о соборѣ: 1) Созоменъ подробнѣе предыдущихъ повѣствователей говоритъ о развитіи аріанскихъ споровъ до Ни-

[1]) Іеепъ по поводу даннаго мѣста исторіи Созомена дѣлаетъ предположеніе, что въ текстѣ пропущено отрицаніе (οὐκ), т. е. по его мнѣнію, Созоменъ здѣсь говоритъ, какъ и Сократъ, что 5 епископовъ не подписались къ символу, и говоритъ на основаніи Сократа (Іеер. Quellen-Unters. s. 145). Это предположеніе само по себѣ не невѣроятно, такъ какъ Созоменъ несомнѣнно зналъ о твердости въ аріанствѣ Секунда. Но дѣло въ томъ, что у Созомена перечисляются не тѣ епископы, какіе у Сократа; у послѣдняго указывается Ѳеона Мармарикскій, а у перваго Патрофилъ Скиѳопольскій. Откуда такая разница? Объяснять и эту разность ошибкой, или опиской, какъ дѣлаетъ Іеепъ (ibid.), нѣтъ основаній.

кейскаго собора и лучше выясняетъ необходимость созванія вселенскаго собора для прекращенія смутъ. Созоменъ говоритъ, что постановленіямъ помѣстныхъ соборовъ аріане не подчинялись и даже отмѣняли эти постановленія.

2. Созоменъ свидѣтельствуетъ, что торжественное засѣданіе епископовъ происходило въ „день воскресный“ (κύρια) [1]. Это показаніе не возбуждаетъ сомнѣнія въ своей достовѣрности: вполнѣ естественно было открыть торжественное засѣданіе собора и въ день торжественный, какимъ былъ день воскресный.

3. Созоменъ приписываетъ честь произнесенія на соборѣ привѣтственной рѣчи—Евсевію Памфилу. Относительно достовѣрности этого показанія мы уже говорили ранѣе.

Но главное достоинство повѣствованія Созомена, какъ источника исторіи Никейскаго собора, состоитъ не въ новыхъ показаніяхъ, а въ раздѣльности и ясности изложенія исторіи собора. Созоменъ первый ясно и раздѣльно показалъ, что соборныя разсужденія имѣли двѣ стадіи: первую стадію составляли частныя, предварительныя совѣщанія, безъ участія императора. „Еще прежде срока (назначеннаго императоромъ), пишетъ Созоменъ, епископы, сходясь между собою, призывали и Арія и, предлагая на общее изслѣдованіе свои мысли, вступали въ разсужденія“ [2]). Вторую стадію составляли торжественныя засѣданія, происходившія во дворцѣ въ присутствіи самого императора. „Когда насталъ воскресный день, пишетъ Созоменъ, въ который опредѣлено было пресѣчь недоумѣнія, они (епископы) сошлись во дворецъ, такъ какъ и самодержцу угодно было участвовать въ ихъ совѣтѣ“ [3]). Обозначая двѣ стадіи въ разсужденіяхъ собора, Созоменъ опредѣленно указываетъ и дѣятельность собора въ той и другой стадіи. Во время первой стадіи (до 19 гл. по исторіи Созомена)

[1]) Созом. I, 19, стр. 67. Migne col. 917.

[2]) Созом. I, 17.

[3]) Созом. I. 19.

выяснились воззрѣнія членовъ собора на спорныя пункты, опредѣленно обозначились партіи, велись предварительные споры и выработывались тѣ пріемы и тѣ данныя, которыми пользовались въ присутствіи итператора. На этихъ же засѣданіяхъ подвергался тщательному допросу и Арій. Во время второй стадіи (съ 19 гл. по исторіи Созомена за выпускомъ первыхъ строкъ) —на торжественныхъ засѣданіяхъ произошла, такъ сказать, только генеральная битва между спорившими сторонами, на которую члены собора явились уже съ выработанными пріемами, съ готовыми возраженіями и отвѣтами. Здѣсь установлены были и опредѣленія собора. Съ отмѣченной нами внѣшней, формальной стороны повѣствованіе Созомена выше всѣхъ другихъ сказаній о соборѣ и разъясняетъ эти послѣднія. Такъ сказанія о Никейскомъ соборѣ современниковъ его прямо начинаютъ разсказъ съ торжественнаго засѣданія собора; вслѣдствіе этого самыя показанія ихъ не вполнѣ ясны. Въ нихъ указывается прямо на выступленіе партій съ готовыми вѣроизложеніями. Но откуда взялись партіи? Партіи могутъ явиться только послѣ выясненія воззрѣній между членами; а здѣсь выступленіемъ партій открываются самыя разсужденія собора. Откуда явились также готовыя вѣроизложенія? Эти и подобные вопросы остаются неразрѣшенными въ повѣствованіяхъ современниковъ собора; но они получаютъ ясный и опредѣленный отвѣтъ въ указаніи Созомена на предварительныя совѣщанія членовъ собора. Въ частности повѣствованіе Созомена опредѣляетъ, какое мѣсто должны занимать сказанія современниковъ въ исторіи собора. Показанія современниковъ относятся къ тому моменту соборной дѣятельности, во время котораго составленъ былъ самый символъ; но изъ этихъ повѣствованій не видно, когда началось это установленіе символа, тотчасъ послѣ собранія епископовъ въ Никеѣ, или спустя нѣкоторое время. Созоменъ показываетъ, что составленіе символа относится ко второй стадіи соборной дѣятельности.—Разъясняя и распредѣляя сказанія современниковъ собора, Созоменъ распредѣляетъ и сказанія ранѣе его писавшихъ историковъ—Руфина и Сократа. Оба эти

историка не отмѣчаютъ стадій соборной дѣятельности, а вслѣдствіе этого не указываютъ, какія изъ ихъ показаній относятся къ частнымъ совѣщаніямъ, какія—къ торжественнымъ засѣданіямъ собора. Созоменъ разъясняетъ и распредѣляетъ ихъ показанія и даетъ возможность правильно понимать ихъ и правильно пользоваться ими. Такъ, благодаря Созомену, выясняется, что показанія Руфина, заключающіяся во 2, 3, 4 и первой половинѣ 5 гл., относятся къ предварительнымъ совѣщаніямъ собора, а показанія второй половины 5 гл.—къ торжественному засѣданію. Равнымъ образомъ на показаніе Сократа [1]) о томъ, кто держалъ сторону Арія и кто противъ нихъ подвизался, благодаря Созомену, можно смотрѣть, какъ на краткое и общее изображеніе предварительной дѣятельности собора, отличной отъ той, которую описываетъ Сократъ далѣе; между тѣмъ безъ руководства Созомена это показаніе Сократа легко признать за общее сужденіе, относящееся къ торжественному засѣданію собора. При этомъ Созоменъ и исправляетъ показаніе Сократа. По разсказу Сократа выходитъ, что епископы высказывали императору личныя неудовольствія другъ на друга во время торжественнаго засѣданія собора (при началѣ его); тутъ же произошло и сожженіе ихъ жалобъ императоромъ. Мы уже говори выше, что подобное распредѣленіе событій не вѣрно. Созоменъ подтверждаетъ нашу мысль: онъ говоритъ, что этотъ фактъ (подача жалобъ и сожженіе ихъ) имѣлъ мѣсто предъ началомъ разсужденій собора, но не торжественныхъ, а частныхъ.

Заканчивая обозрѣніе повѣствованія Созомена о Никейскомъ соборѣ, мы можемъ сказать слѣдующее: это повѣствованіе даетъ намъ очень немного новыхъ показаній о соборѣ, но тѣмъ не менѣе оно, въ качествѣ источника исторіи собора, очень важно: оно даетъ намъ послѣдовательное изложеніе тѣхъ показаній, какія находятся въ болѣе раннихъ сказаніяхъ о Никейскомъ соборѣ.

[1]) гл. 8, стр. 34.

Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ бл. Өеодорита Кирскаго.

Блаженный Өоодоритъ, епископъ Кирскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ учителей и писателей церковныхъ V вѣка, родился въ Антіохіи въ 387 г. Согласно обѣту матери онъ воспитывался въ одномъ монастырѣ. По смерти родителей своихъ онъ въ этомъ же монастырѣ вступилъ въ должность чтеца и проходилъ ее до 423 г., когда противъ воли былъ рукоположенъ въ епископа Кирскаго. Въ качествѣ епископа Өеодоритъ ревностно боролся съ еретиками, которыхъ было много въ его епископіи, чѣмъ возбудилъ ненависть ихъ противъ себя и подвергался преслѣдованію съ ихъ стороны. Во время несторіанскихъ споровъ Өеодоритъ держалъ сторону Несторія, за что былъ лишенъ церковнаго общенія, а по указу Өеодосія Младшаго лишенъ былъ права участвовать въ соборномъ управленіи церковью и выѣзжать за предѣлы своей епархіи. Во время монофизитскихъ споровъ Өеодоритъ былъ жаркимъ противникомъ евтихіанства, въ силу чего постановленіемъ разбойничьяго собора, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Діоскора, былъ низложенъ; а императоръ Өеодосій Младшій предписалъ ему оставить свою паству и жить безвыходно въ томъ самомъ монастырѣ, въ которомъ онъ нѣкогда получилъ воспитаніе. Здѣсь Өеодоритъ жилъ до восшествія на престолъ Маркіана. Императоръ Маркіанъ возвратилъ ему свободу; но онъ все еще оставался въ монастырѣ, пока не призванъ былъ для присутствія на Халкидонскомъ соборѣ. На этомъ соборѣ (во время 8-го засѣданія) Өеодоритъ отрекся отъ Несторія, произнесъ на него анаөему и былъ признанъ православнымъ. Соборъ возвратилъ ему прежнюю епископію, а императоръ отмѣнилъ касательно его указъ Өеодосія. Послѣ этого прибывъ въ Киръ, онъ управлялъ своею паствою еще около 5 лѣтъ и умеръ въ 458 году.

Өеодоритъ оставилъ послѣ себя очень много сочиненій; но для нашей задачи имѣетъ значеніе только одна его церковная исторія. Время написанія исторіи, обыкновенно, относятъ къ 450 г.,

когда Θеодоритъ, по указу Θеодосія, безвыѣздно жилъ въ монастырѣ и, слѣдовательно, имѣлъ много свободнаго времени. Что Θеодоритъ написалъ свою исторію около 450 года, это видно изъ многихъ мѣстъ его исторіи [1]). Цѣль исторіи Θеодорита, какъ говоритъ онъ самъ, состояла въ томъ, чтобы передать потомству достопамятныя событія, случившіяся въ церкви Христовой съ того времени, до котораго довелъ повѣствованіе Евсевій Кесарійскій [2]). Исторія Θеодорита состоитъ изъ пяти книгъ и своими повѣствованіями обнимаетъ 105 лѣтъ—періодъ отъ появленія аріанства до смерти епископовъ Θеодора и Θеодота, или до 427 г. Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ заключается въ I кн. 1—12. 19 гл., а по русскому изданію въ 2—13. 20 гл.

Относительно исторіи Θеодорита нѣкоторые ученые высказываютъ очень нелестныя сужденія и не придаютъ ей почти никакого значенія. Такое мнѣніе высказалъ въ недавнее время нѣмецкій ученый Іеепъ. Сущность его изысканій о Θеодоритѣ можетъ быть передана въ слѣдующихъ словахъ. „Θеодоритъ безъ сомнѣнія есть самый незначительный историкъ въ ряду прочихъ греческихъ историковъ. Онъ тѣмъ менѣе имѣетъ значенія, что писалъ свою исторію не только позднѣе Сократа, но и Созомена... Θеодоритъ хотѣлъ пополнить то, что пропустили его предшественники,... но въ большинствѣ случаевъ передаетъ тоже, что Сократъ и Созоменъ, и ссылается на тѣже источники, которыми пользовались эти авторы [3]). Какъ скоро это вѣрно, то для насъ теряютъ всякій интересъ описанія Θеодоритомъ тѣхъ событій, которыя раньше его были изложены Сократомъ и Созоменомъ; къ тому же нужно добавить, что всѣми документами, какіе у него вполнѣ согласны съ документами Сократа, онъ безъ сомнѣнія одолженъ этому послѣднему историку. По мѣстамъ пользуясь готовыми

[1]) См. свѣдѣнія о Θеодоритѣ при рус. пер. его исторіи.

[2]) кн. I, гл. 1.

[3]) Іеер. Quellen-Unters. s. 154.

извѣстіями своихъ предшественниковъ, онъ дѣлаетъ съ своей стороны лишь то, что или риторически подцвѣчиваетъ ихъ или извращаетъ [1])... Результатъ своихъ изслѣдованій Іеепъ резюмируетъ такъ: отъ этого писателя мы не вправѣ ожидать ничего добраго, а касательно пользованія имъ, какъ источникомъ, должны быть очень осторожны [2]).

Наша задача не требуетъ обозрѣнія всей исторіи Θеодорита; поэтому мы не будемъ разбирать сужденіе Іеепа во всей его полнотѣ; мы разсмотримъ только, насколько сужденіе Іеепа справедливо въ примѣненіи къ той части исторіи Θеодорита, которая содержитъ повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ. Θеодоритъ, несомнѣнно, писалъ свою исторію послѣ Сократа и Созомена и зналъ труды этихъ послѣднихъ. Въ предисловіи онъ между прочимъ говоритъ. „Я постараюсь описать то, что осталось не внесеннымъ въ исторію церкви“ (κἀγὼ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας τὰ λειπόμενα [λείποντα] συγγράψαι πειράσομαι) [3]). Изъ этихъ словъ Θеодорита видно, что онъ имѣлъ намѣреніе пополнить своей исторіей труды своихъ предшественниковъ Сократа и Созомена; слѣдовательно, зналъ эти послѣдніе. Согласимся также и съ тѣмъ положеніемъ Іеепа, что Θеодоритъ пользовался исторіей Сократа и Созомена, приводитъ тѣ документы и цитируетъ тѣхъ авторовъ, которые приводятъ и которыми пользовались Сократъ и Созоменъ. Такъ прежде всего Θеодоритъ пользовался для своего повѣствованія сочиненіемъ Евсевія „Жизнь Константина“, которымъ, какъ мы знаемъ, очень много пользовались Сократъ и Созоменъ. Изъ „Жизни Константина“ Θеодоритъ заимствуетъ показаніе, что императоръ дозволилъ епископамъ для путешествія на соборъ брать общественныхъ ословъ, муловъ и лошадей, а по пріѣздѣ ихъ въ

1) Ibid. s. 155.

2) Idid. s. 157.

3) Theodor. praefatio. Migne t. 82; по русск. изд. гл. 1.

Никею приказалъ доставлять имъ въ избыткѣ все нужное [1]). Это показаніе составляетъ парафразъ Евсевіева показанія, что однимъ епископамъ дано было право ѣхать на счетъ казны, другимъ доставлено много вьючныхъ животныхъ" [2]), и что „всѣмъ епископамъ, по повелѣнію царя, щедро выдавалось каждодневное содержаніе" [3]). Далѣе, Өеодоритъ заимствуетъ изъ Жизни Константина описаніе дворцовой палаты, въ которой назначено было торжественное засѣданіе собора, и самого императора по приходѣ его на соборъ. Все различіе между Өеодоритомъ и Евсевіемъ только въ томъ, что первый говоритъ гораздо короче втораго; но сущность показаній, даже выраженія—одни и тѣже. Вотъ описанія Евсевія и Өеодорита:

Евсевія:

Въ день, назначенный для разрѣшенія спорющихъ, всѣ, приглашенные въ собраніе, вступили во внутреннѣйшую палату дворца, которая своею обширностью превосходила прочія и въ которой по обѣимъ сторонамъ разставлено было въ порядкѣ множество сѣдалищъ,—вступили и заняли приличныя себѣ мѣста... Вошелъ одинъ,

Өеодорита:

„Когда всѣ собрались, царь повелѣлъ приготовить во дворцѣ обширную палату и поставить въ ней множество скамей и креселъ, чтобы достаточно ихъ было для всего собора архіереевъ. Приготовивъ же такимъ образомъ все подабающее ихъ чести, онъ пригласилъ ихъ войти и разсуждать о предложенномъ дѣлѣ, потомъ послѣ этого

[1]) Συνήγειρε σύνοδον, δημοσίοις ὄνοις καὶ ὀρεῦσι καὶ ἵπποις χρήσασθαι τοὺς ἐπισκόπους, καὶ τοὺς σὺν τούτοις ἀφικνουμένους παρεγγυήσας.... παραχρῆμα πάντα ἀφθόνως αὐτοῖς χορηγεῖσθαι προσέταξεν". Theod. 1, 6. по рус. изд. гл. 7.

[2]) Οἷς μὲν ἐξουσίαν δημοσίου παρέχον δρόμου, οἷς δὲ νωτοφόρων ὑπηρεσίας ἀφθόνους".... De vita Constant. III, 6.

[3]) ...Οἷς δὴ πᾶσι βασιλεὺς ἐφ' ἑκάστης ἡμέρας τὰ σιτηρέσια δαψιλῶς χορηγεῖσθαι διετέτακτο". Ibid. III. 9.

потомъ другой, наконецъ третій изъ приближенныхъ государя; входили и другіе изъ вѣрныхъ его друзей... Вошелъ и самъ царь и выступилъ на середину собранія... Онъ превосходилъ окружавшихъ себя и высотою роста, и величественною стройностню тѣла, и крѣпостью непобѣдимой силы.. Дошедши до начала рядовъ, онъ сперва остановился по серединѣ; когда же поставили предъ нимъ небольшое, сдѣланное изъ золота, кресло,—сѣлъ, но не прежде, какъ далъ знакъ садиться епископамъ. Послѣ царя всѣ такъ и поступили [1]).

[1]) Ἐπεὶ δ' ἡμέρας ὁρισθείσης τῇ συνόδῳ, καθ' ἣν χρῆν λύσιν ἐπιθεῖναι τοῖς ἀμφισβητουμένοις, παρῆν ἕκαστος τῷ μεσετάτῳ εἴκῳ τῶν βασιλείων, ὃς δὴ καὶ ὑπερφέρειν ἐδόκει μεγέθει τοὺς πάντας· βύθρων τ' ἐν τάξει πλειόνων ἐφ' ἑκατέραις τοῦ εἴκου πλευραῖς διατεθέντων, εἴσω παρῆσαν οἱ κεκλημένοι, καὶ τὴν προσήκουσαν ἕδραν οἱ παντες ἀπελάμβανον... Εἰσῄει δέ τις πρῶτος, κἄπιτα δεύτερος καὶ τρίτος τῶν ἀμφὶ βασιλέα...., αὐτὸς δὲ λοιπὸν διέβαινε μέσος.... τὸ μέγεθός τε ὑπερβάλλον μὲν τοὺς ἀμφ' αὐτὸν ἅπαντας· τῷ τε κάλλει τῆς ὥρας, καὶ τῷ μεγαλοπρεπεῖ τῆς τοῦ σώματος εὐπρεπείας, ἀλκῇ τε ῥώμης ἀμάχου· ἃ δὴ τρόπων ἐπιεικείᾳ πραότητί τε βασιλικῆς ἡμερότητος ἐγκεκραμένα, τὸ τῆς διανοίας ὑπερφυὲς, παντὸς κρεῖττον ἀπέφαινον λόγου. Ἐπεὶ

вошелъ и самъ въ сопровожденіи немногихъ. Онъ имѣлъ прекрасный ростъ и привлекательную красоту, но особенно удивлялъ скромностью, выражавшеюся на его лицѣ. Когда поставили для него въ серединѣ небольшой тронъ, онъ сѣлъ, испросивъ предварительно дозволеніе на то у епископовъ; вмѣстѣ съ нимъ сѣлъ и весь этотъ божественный сонмъ“ [2]).

[2]) Συνεληλυθότων δὲ πάντων, οἶκον μέγιστον ἐν τοῖς βασιλείοις ηὐτρέπισεν ὁ βασιλεὺς, βόθρα καὶ φρόνους ὅτι μάλιστα πλείστους ἐν τούτῳ τεθῆναι κελεύσας, τῷ τῶν ἀρχιερέων ἀποχρῶντας συλλόγῳ. Οὕτω τὸ πρέπον αὐτοῖς εὐτρεπίσας γέρας, εἰσελθεῖν τε ἐπέτρεψε, καὶ περὶ τῶν προκειμένων βουλεύσασθαι. Εἰσελήλυθε δὲ καὶ αὐτὸς ἔσχατος σὺν ὀλίγοις, ἀξιέπαινον μὲν ἔχων τὸ μέγεθος ἀξιάγαστον δὲ τὴν ὥραν, θαυμασιώτεραν δὲ τὴν τοῖς μετώποις ἐπικαθημένην αἰδῷ. Θρόνον δὲ σμικροῦ τεθέντος ἐν μέσῳ κεκάθικεν, ἐπιτρέψαι τοῦτο τοὺς ἐπισκόπους αἰτήσας· σὺν αὐτῷ δὲ καὶ ἅπας ὁ θεῖος ἐκεῖνος ἐκαθέσθη χόρος“. Theodor. I. c. 6; по русск. изд. гл. 7.

Особенно бросается въ глаза сходство между Θеодоритомъ и Евсевіемъ въ описаніи императора: первый описывываетъ императора краснорѣчивымъ языкомъ втораго [1]). Изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина" [2]) Θеодоритъ перенесъ въ свое повѣствованіе посланіе Константина къ епископамъ, не бывшимъ на соборѣ [3]). На основаніи Евсевіевой „Жизни Константина" Θеодоритъ говоритъ о пиршествѣ, которое устроилъ императоръ для епископовъ послѣ собора, и дарахъ, которыми онъ одарялъ ихъ. Вотъ показанія Θеодорита и Евсевія:

Евсевія:

„Царь учредилъ пиръ и праздновалъ на немъ вмѣстѣ съ примиренными служителями Божіими... Одни изъ нихъ возлегали вмѣстѣ съ царемъ, а другіе размѣстились на скамьяхъ по обѣимъ сторонамъ палаты (гл. 15)......Послѣ торжественнаго

Θеодорита:

„Тѣхъ епископовъ, которые собрались въ числѣ трехъ сотъ осьмнадцати, царь обласкалъ многими привѣтствованіями и дарами и, приказавъ приготовить большое число столовъ, угостилъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, — достойнѣйшихъ принялъ за свой столъ, а

δὲ παρελθὼν ἐπὶ τὴν πρώτην τῶν ταγμάτων ἀρχὴν μέσος πρῶτος ἔστη, σμικροῦ τινος αὐτῷ καθίσματος ὕλης χρυσοῦ πεποιημένου προτεθέντος, οὐ πρότερον ἢ τοὺς ἐπισκόπους ἐπινεῦσαι, ἐκάθιζε. Ταυτὸ δ' ἔπραττον πάντες μετὰ βασιλέα" De vita Const. III. 10.

1) Что касается описанія дворцовой палаты, то можетъ быть Θеодоритъ заимствовалъ его не прямо изъ „Жизни Константина", а чрезъ посредство Созомена (I, 19, стр. 67—68), который также описываетъ царскую палату на основаніи Евсевія.

2) Ш, 17—20.

3) Θеод. I, 10 (Migne cap. 9).

угощенія царь къ своей привѣтливости присоединилъ еще и то, что каждаго изъ епископовъ по степени ихъ достоинства почтилъ дарами" (III, 16)[1]). прочихъ размѣстилъ за другими" [2]).

Въ 12 гл. (по русск. изд. 13) своей исторіи Өеодоритъ приводитъ буквальныя выдержки изъ „Жизни Константина": кн. III, гл. 13 и начало 14-й, конецъ 21-й и 22-ю гл.

Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ Өеодоритъ приводитъ въ полномъ видѣ [3]).

Пользовался Өеодоритъ для своего повѣствованія о Никейскомъ соборѣ и церковною исторіею Руфина. Изъ исторіи Руфина, кажется, Өеодоритъ заимствовалъ показаніе, что императоръ особенное уваженіе и почтеніе оказывалъ исповѣдникамъ, принявшимъ страданія за имя Христово. Өеодоритъ здѣсь говоритъ тоже самое, что Руфинъ, только гораздо общѣе. Руфинъ свидѣтельствуетъ, что императоръ оказывалъ уваженіе Пафнутію Өиваидскому. Өеодоритъ расширяетъ показаніе Руфина и говоритъ, что императоръ оказывалъ уваженіе всѣмъ исповѣдникамъ. Вотъ показаніе того и другаго:

Руфина:

Къ Пафнутію Константинъ

Өеодорита:

„Замѣтивъ, что у нѣкоторыхъ

1) Τοῖς τοῦ Θεοῦ λειτουργοῖς, εὐωχίας αὐτὸς ἐξῆρχε βασιλεὺς, συμποσιάζων εἰρηνεύσασι. Οἱ μὲν αὐτῷ συνανεκλίνοντο, οἱ δ' ἀμφὶ τὰς ἐξ ἑκατέρων προσανεπαύοντο κλινάδας (III. 15)... Ἐπεὶ δὲ λαμπρῶς τὰ τῆς εὐωχίας προὐχώρει, ἔτι καὶ τοῦτο βασιλεὺς δεξιούμενος τοὺς πάντας προσετίθει, μεγαλοψύχως ἕκαστον κατὰ τὴν πρέπουσαν ἀξίαν τοῖς παρ' αὐτοῦ τιμῶν ξενίοις". (16).

2) Τοὺς συνεληλυθότας, ὀκτωκαίδεκα δὲ ἦσαν καὶ τριακόσιοι, πολλοῖς μὲν ἐφιλοφρονήσατο καὶ λόγοις καὶ δώροις· πολλὰς δὲ στιβάδας εὐτρεπεσθῆναι κελεύσας, κατὰ ταὐτὸν ἑιστιάσεν ἅπαντας, τοὺς μὲν ἀξιωτέρους ὁμοτραπέζους λαβὼν, τοὺς δὲ ἄλλους διελὼν εἰς τὰς ἄλλας". Theodor. I, 10; по. рус. изд. 11.

3) Текстъ Өеодоритовой редакціи посланія отличается во многомъ отъ текста какъ Аөанасіевой, такъ и Сократовой редакціи. См. примѣчанія къ 11 гл. I кн. исторіи Өеодорита у Миня (t. 82, col. 936—946).

питалъ такое уваженіе и расположенность, что часто, призывая во дворецъ, обнималъ его и съ любовію цѣловалъ (avidioribus osculis demulceret) глазъ его, выколотый за исповѣданіе вѣры“ [1]).

(епископовъ) исторгнуто по правому глазу, и узнавъ, что это страданіе они потерпѣли за твердость въ вѣрѣ, онъ прикасался губами къ ихъ язвамъ съ полною вѣрою, что извлечетъ отсюда благословеніе для своей любви“ [2]).

Въ 10-й же гл. (по рус. изд. 11) Ѳеодоритъ передаетъ разсказъ о сожженіи императоромъ жалобъ на епископовъ. Подобный разсказъ находится въ исторіи Руфина [3]). Можетъ быть, Ѳеодоритъ въ данномъ случаѣ зависимъ отъ Руфина. Впрочемъ положительно утверждать этого нельзя. Ѳеодоритъ передаетъ разсказъ съ значительными измѣненіями сравнительно съ Руфиномъ, такъ что между Ѳеодоритовымъ и Руфиновымъ разсказами общаго осталось только то, что императоръ не пожелалъ разбирать жалобы на епископовъ и сжегъ ихъ; а на основаніи лишь такого сходства нельзя рѣшительно говорить о зависимости Ѳеодорита отъ Руфина, потомучто содержаніе разсказа Ѳеодоритъ могъ заимствовать у Сократа [4]) или Созомена [5]), у которыхъ есть подобный же разсказъ.

Изъ церковной исторіи Сократа, можетъ быть, Ѳеодоритъ заимствовалъ соборное посланіе къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египетскимъ [6]), хотя прямо утверждать этого нельзя, потомучто посланіе у Ѳеодорита имѣетъ нѣкоторыя разности сравнительно съ посланіемъ у Сократа. Такъ къ концу по-

1) Rufin. I, c. 4.

2) I гл. 10 (по рус. изд. 11).

3) I, c. 2.

4) lib. I, c. 8, col. 64—65 (стр. 35).

5) I, 17.

6) Сокр. I, 99, стр. 45—49 (col. 77—84), Ѳеодор. I, 9 (Migne c. 8).

сланія у Θеодорита прибавлено выраженіе: „Троица единосущная и вѣчная“ (ἡ Τριὰς ὁμοούσιος καὶ ἀΐδιος)[1]. Есть и другія разности въ текстѣ посланія у того и другаго историка[2].

Что касается исторіи Созомена, то Θеодоритъ, кажется, вовсе не пользовался ею. Мы ранѣе замѣчали, что изъ исторіи Созомена, можетъ быть, Θеодоритъ заимствовалъ описаніе дворцовой палаты, назначенной для торжественныхъ засѣданій собора. Но это одно только предположеніе; несомнѣнныхъ же заимствованій изъ исторіи Созомена мы не находимъ.

Пользуясь сказаніями церковныхъ историковъ, Θеодоритъ пользовался и сказаніями церковныхъ писателей и пользовался, нужно замѣтить, гораздо болѣе своихъ предшественниковъ—историковъ. Такъ прежде всего Θеодоритъ пользовался сочиненіями Епифанія Кипрскаго. Вѣроятно, изъ сочиненія Епифанія „Панарій“[3]) заимствовалъ Θеодоритъ въ подлинномъ видѣ письмо Арія къ Евсевію Никомидійскому[4]. Болѣе своихъ предшественниковъ историковъ пользовался Θеодоритъ и сочиненіями Аθанасія Александрійскаго. Онъ помѣстилъ въ свое повѣствованіе въ цѣломъ видѣ разсказъ Аθанасія о Никейскомъ соборѣ, находящійся въ посланіи къ африканскимъ епископамъ[5]; между тѣмъ другіе историки, въ ущербъ полнотѣ своихъ повѣствованій, вовсе не пользовались показаніями Аθанасія о внутренней исторіи собора. Далѣе, Θеодоритъ пользовался письмами Евстаθія Антіохійскаго[6]. Какъ много заимствовалъ Θеодоритъ изъ этого источника, опре-

[1]) Migne t. 82, col. 932 (стр. 54).

[2]) Разности отмѣчены у Миня: t. 82, col. 927—932.

[3]) Ересь 69, гл. 6; по рус. изд. Тв. Епиф. ч. 4. Migne ser. gr. t. 42.

[4]) Θеодоритъ. Церк. ист. гл. 5, кн. I. (Migne cap. 4). Впрочемъ въ текстѣ письма у Θеодорита и Епифанія есть разности; онѣ отмѣчены у Миня: t. 82 gr. ser. col. 909—912.

[5]) Къ африк. еписк. Тв. Аθ. ч. III, 320—322 (Mign. t. 26, col. 1037—1040); см. Θеодор. церк. ист. гл. 8. (Mign. c. 7) стр. 47—50 (col. 921—925).

[6]) Предшественники Θеодорита вовсе незнакомы были съ соч. Евстаθія.

дѣлить съ точностью нельзя, потомучто до насъ почти ничего не дошло изъ сочиненій Евстаѳія, относящихся къ Никейскому собору. Съ вѣроятностью можно указать только на два мѣста, какъ на заимствованныя изъ посланій Евстаѳія: на начало 7 гл. (по рус. изд. 8-й) и конецъ 6-й (по рус. изд. 7-й). Относительно перваго мѣста Ѳеодоритъ прямо замѣчаетъ, что оно есть выдержка изъ сочиненія Евстаѳія [1]), а второе мѣсто есть не болѣе, какъ парафразъ перваго. Различіе между парафразомъ и подлинникомъ очень незначительно: въ первомъ по имени называются нѣкоторые сторонники Арія, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ такихъ указаній нѣтъ. Другихъ заимствованій Ѳеодорита изъ писемъ Евстаѳія мы указать не можемъ по ранѣе обозначенной причинѣ. Но можно думать, что Ѳеодоритъ дѣлалъ и другія заимствованія. Евстаѳій, какъ мы замѣчали выше, писалъ много сочиненій противъ аріанъ, въ которыхъ, несомнѣнно, касался и исторіи Никейскаго собора. Ѳеодоритъ же, поставившій цѣлью своего труда пополнить сказанія предшественниковъ, вѣроятно, постарался воспользоваться сочиненіями Евстаѳія, какъ такими, которыми не пользовались его предшественники и изъ которыхъ поэтому онъ могъ извлечь новыя свѣдѣнія.

Наконецъ, Ѳеодоритъ имѣлъ нѣсколько новыхъ документовъ, которыхъ не имѣли или, по крайней мѣрѣ, не приводили въ подлинномъ видѣ его предшественники. Эти документы слѣдующіе: a) посланіе Александра Александрійскаго къ соименному ему Александру Константинопольскому [2]); b) посланіе императора Константина къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Ѳеогниса [3]). Пользовался-ли Ѳеодоритъ для повѣствованія о Никейскомъ соборѣ

[1]) Ѳеодор. Церк. ист. I, 7.

[2]) Ѳеодор. I гл. 4 (Migne cap. 3).

[3]) Это посланіе извѣстно было Сократу и Созомену; тотъ и другой указываютъ на него (Сокр. I, 9, стр. 63; Созом. I, 21); но ни тотъ, ни другой не приводятъ его въ подлинномъ видѣ.

еще какими-либо источниками, кромѣ указанныхъ нами, неизвѣстно.

Резюмируя сказанное, мы можемъ сдѣлать такой выводъ касательно повѣствованія Θеодорита о Никейскомъ соборѣ. Θеодоритъ многое переноситъ въ свое повѣствованіе изъ прежнихъ сказаній о Никейскомъ соборѣ, много говоритъ такого, что извѣстно и безъ него; $^3/_7$ его повѣствованія не имѣютъ для насъ никакого значенія, потомучто все это извѣстно и находится въ болѣе раннихъ повѣствованіяхъ. Но въ тоже время Θеодоритъ во многомъ является и независимымъ отъ своихъ предшественниковъ: $^4/_7$ его повѣствованія составляютъ его чистую собственность, на которую не имѣютъ никакого права посягать прежніе повѣствователи о Никейскомъ соборѣ. Слѣдовательно, Θеодоритъ по самостоятельности своего повѣствованія если уступаетъ Сократу, то на много превосходитъ Созомена. Положимъ, можетъ быть, значительная часть новыхъ показаній Θеодорита заимствована изъ писемъ Евстаθія; но такъ какъ эти послѣднія до насъ не дошли, то заимствованія Θеодорита получаютъ значеніе оригинала. Такимъ образомъ замѣчанія Іеепа о полной несамостоятельности Θеодорита оказываются слишкомъ рѣзкими и несправедливыми.

Разсматривая повѣствованія Θеодорита съ внѣшней и внутренней стороны, мы не можемъ не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ недостатковъ. Такъ во первыхъ онъ не вездѣ послѣдовательно передаетъ событія. Напр. онъ говоритъ, что императоръ предалъ сожженію жалобы на епископовъ уже послѣ соборныхъ совѣщаній, когда уже былъ утвержденъ миръ. „Когда не было возстановлено согласіе между епископами, царь принималъ доносы,... но потомъ, когда миръ былъ утвержденъ, онъ принесъ поданные ему доносы въ присутствіе епископовъ и предъ ними сожегъ ихъ“ [1]). Между тѣмъ, по свидѣтельству другихъ церковныхъ историковъ, этотъ

[1]) Θеодоритъ I, 11 (Migne cap. 10).

фактъ случился до начала соборныхъ совѣщаній. Далѣе, по Өеодориту, каноническія правила соборъ составилъ непосредственно послѣ окончанія догматическихъ разсужденій, т. е. до совѣщанія относительно празднованія Пасхи и относительно мелетіанъ. „Послѣ того (осужденія Арія и его сторонниковъ), пишетъ Өеодоритъ, епископы собрались снова и написали 20 правилъ касательно церковнаго благочинія“ [1]). Между тѣмъ изъ исторіи Сократа мы знаемъ, что каноническія правила были установлены предъ самымъ отъѣздомъ епископовъ въ свои епархіи [2]). Во вторыхъ встрѣчаются у Өеодорита неправильныя показанія. Такъ напр. онъ утверждаетъ, что привѣтственную рѣчь императору на соборѣ произносилъ Евстаөій Антіохійскій, что, какъ мы показали ранѣе, нельзя признать справедливымъ. Въ третьихъ—Өеодоритъ не вездѣ безпристрастенъ: онъ иногда старается слишкомъ очернить еретиковъ и не въ мѣру усердно охранять честь православныхъ, и для достиженія этой цѣли иногда намѣренно неправильно передаетъ смыслъ своихъ источниковъ. Такъ, передавая фактъ сожженія жалобъ на епископовъ, Өеодоритъ скрываетъ, что эти жалобы и доносы подавали сами же епископы, о чемъ прямо говорятъ Руфинъ, Сократъ и Созоменъ; онъ утверждаетъ, что доносы на епископовъ выходили не изъ среды самихъ же епископовъ, а отъ стороннихъ людей. „Какіе-то сварливые люди (φιλαπεχθήμονες ἄνδρες) взнесли обвиненія на нѣкоторыхъ епископовъ и свои доносы подали царю письменно“ [3]). Здѣсь Өеодоритъ намѣренно, съ цѣлью скрыть истину относительно нѣкоторыхъ, собравшихся на соборъ, епископовъ, неправильно передаетъ показанія болѣе раннихъ историковъ. Скрывая недостатки православныхъ, Өеодоритъ аріанъ наоборотъ слишкомъ унижаетъ. Онъ смотритъ на аріанство, какъ на произведеніе демоновъ. Говоря напр. о происхожденіи аріан-

[1]) Ibid. I, 8 (Migne cap. 7).

[2]) Сокр. I, 13.

[3]) Өеодор. I, 11 (Migne 10).

ства, онъ выражается слѣдующимъ образомъ. „Для лукаваго и завистливаго демона, губителя людей, пишетъ Θеодоритъ, невыносимо было видѣть плаваніе церкви при попутномъ вѣтрѣ; онъ составилъ злокозненные замыслы и старался потопить ее, управляемую Творцомъ и Владыкою всяческихъ.... Но онъ не открыто воздвигъ войну на Бога и Спаса Нашего, но нашелъ людей, удостоенныхъ наименованія христіанъ и однакоже поработившихся любочестію и тщеславію, и ихъ-то употребилъ въ орудіе своихъ замысловъ, а чрезъ нихъ вовлекъ въ прежнее заблужденіе и много другихъ, не заставляя ихъ боготворить тварь, но располагая причислить къ твари Самого Творца и Создателя“ [1]). Характеризуя членовъ Никейскаго собора, Θеодоритъ, послѣ указанія на высокія нравственныя качества православныхъ епископовъ, такъ описываетъ аріанствующихъ членовъ собора. „Это божественное и приснопамятное собраніе (Никейскій соборъ) не обошлось безъ людей и противнаго свойства: въ немъ участвовали также, хотя не въ большемъ числѣ, люди коварные, подобные подводнымъ камнямъ; они скрывали свое ученіе и тайно одобряли богохульное ученіе Арія“ [2]).

Страдая указанными недостатками, повѣствованіе Θеодорита о Никейскомъ соборѣ, какъ источникъ исторіи этого послѣднэго, все же очень важно и существенно. Θеодоритъ, какъ мы замѣчали, пользовался посланіями Евстаθія Антіохійскаго. Евстаθій Антіохійскій былъ участникомъ и очевидцемъ собора: слѣдовательно, его разсказы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основывающіяся на нихъ показанія Θеодорита имѣютъ характеръ полной авторитетности. Въ этомъ отношеніи Θеодоритъ стоитъ выше своихъ предшественниковъ—историковъ. Въ то время какъ другіе историки для описанія соборныхъ дѣяній, для изображенія внутренней исторіи собора пользовались цвѣтистыми, но мало содержательными

1) Θеодор. I, 2 (Migne 1).

2) Ibid. I, 7 (Migne 6).

и далеко не безпристрастными описаніями Евсевія, Өеодоритъ для этой цѣли пользуется вполнѣ авторитетными и правдивыми показаніями Евстаөія. Кромѣ того Өеодоритъ сохранилъ намъ нѣсколько документовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Никейскаго собора. Въ частности повѣствованіе Өеодорита даетъ намъ слѣдующія данныя для исторіи собора.

1) Өеодоритъ даетъ характеристику православныхъ епископовъ собора. Отличительною особенностью православной стороны была глубокая, твердая вѣра, засвидѣтельствованная исповѣдничествомъ и страданіями за имя Христово, прославленная чудотвореніями [1]). Подобную характеристику даетъ и Руфинъ [2]). Но Өеодоритова характеристика яснѣе и выразительнѣе. „Въ то время, пишетъ Өеодоритъ, много было мужей, украшавшихся дарами апостольскими (πολλοὶ ἀποστολικοῖς χαρίσμασι διαπρέποντες); много было и такихъ, которые, по словамъ апостола Павла, носили язвы Господа Іисуса на тѣлѣ своемъ (πολλοὶ... τὰ στίγματα τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ.... ἐν τῷ σώματι φέροντες)... Кратко сказать, тамъ можно было видѣть собравшійся въ одно мѣсто сонмъ мучениковъ (ἁπαξαπλῶς ἦν ἰδεῖν δῆμον μαρτύρων κατὰ ταυτὸν συνηθροισμένον)". При этомъ Өеодоритъ указываетъ на Іакова Низибійскаго, Павла Неокесарійскаго и Пафнутія Өиваидскаго, какъ выразителей перечисленныхъ свойствъ православныхъ епископовъ. Нужно замѣтить, что два первыя лица ранѣе Өеодорита не указывались въ числѣ православныхъ членовъ собора.

2) Өеодоритъ даетъ списокъ аріанствующихъ членовъ собора [3]). Этотъ списокъ важенъ тѣмъ, что онъ исправляетъ и дополняетъ списокъ Филосторгія; но и его нельзя считать полнымъ и точнымъ.

3) Өеодоритъ передаетъ содержаніе рѣчи Константина собору, отличной отъ той, которую приводитъ въ своемъ сочиненіи

[1]) Өеодор. I, 7 (Migne cap. 6).

[2]) Rufin. I, c. 2.

[3]) Өеодор. Цер. ист. I, гл. 5 и 7 (Migne стр. 4 et 6).

Евсевій [1]). На эту рѣчь императора никто ранѣе Θеодорита не указывалъ: онъ первый выводитъ ее на свѣтъ.

4) Θеодоритъ очень опредѣленно свидѣтельствуетъ, что на сторонѣ Арія, послѣ соборнаго осужденія его ученія, остались только два епископа: Θеона Мармарикскій и Секундъ Птолемаидскій [2]). Это показаніе мы встрѣчали уже въ соборномъ посланіи къ Александрійской церкви; но тамъ это показаніе не совсѣмъ опредѣленно. Тамъ утверждается только то, что Секундъ и Θеона остались на сторонѣ Арія, но не говорится прямо, что другихъ епископовъ на сторонѣ Арія не осталось. И если бы у насъ было одно показаніе посланія, то еще оставалось бы сомнѣніе, дѣйствительно-ли только два епископа остались на сторонѣ Арія? Можетъ быть, посланіе не упоминаетъ о другихъ епископахъ потому, что оно имѣло въ виду сообщить лишь то, что близко касалось Египта. Θеодоритъ устраняетъ возможность такого сомнѣнія. „Аріане, пишетъ Θеодоритъ, убоялись и, вставъ первые, кромѣ Секунда и Θеоны, отлучили Арія“. Этимъ показаніемъ Θеодоритъ исправляетъ показанія другихъ историковъ—Евсевія, утверждающаго, что съ опредѣленіями собора согласились всѣ [3]), Руфина [4]), по которому на сторонѣ Арія осталось 6 человѣкъ, Сократа [5]), по которому съ Аріемъ осталось 5 человѣкъ, и Созомена [6]), утверждающаго, что символъ подписалъ вмѣстѣ съ другими и Секундъ Птолемаидскій.

[1]) Ibid. гл. 7 (Migne c. 6).—Какъ примирить въ данномъ случаѣ Θеодорита съ Евсевіемъ, которую рѣчь признать дѣйствительною рѣчью, и если обѣ признать за произнесенныя на соборѣ, то какъ размѣстить ихъ, къ какой стадіи соборной дѣятельности отнести одну рѣчь и къ какой—другую, на всѣ эти вопросы мы постараемся дать отвѣтъ послѣ, при разборѣ повѣствованія о Никейскомъ соборѣ Геласія Кизическаго, у котораго эта рѣчь приведена въ полномъ видѣ.

[2]) Θеодор. I, гл. 7—8 (Migne c. 6—7).

[3]) „Жизнь Константина“ III, 13—14.

[4]) Ruf. I. c. 5.

[5]) I. 8.

[6]) I. 21.

Теперь разберемъ документы, сохраненные Өеодоритомъ.

1) *Посланіе Александра Александрійскаго къ Александру Константинопольскому*. Посланіе это у Өеодорита озаглавливается такъ, какъ мы сейчасъ указали. Но такое заглавіе едва-ли принадлежитъ самому автору посланія. Прежде всего не рѣшенъ еще вопросъ, былъ-ли Александръ Константинопольскій епископомъ до Никейскаго собора. Что онъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ въ качествѣ представителя Византійской церкви, въ этомъ согласна вся древность. Но какъ онъ присутствовалъ,—въ качествѣ ли епископа Византійскаго или въ качествѣ только легата своего епископа Митрофана,—въ этомъ разногласятъ [1]). Далѣе, Александръ не могъ называться во время написанія посланія „Константинопольскимъ". Византія была переименована въ Константинополь уже послѣ Никейскаго собора. Наконецъ, это посланіе, какъ видно изъ самого содержанія, назначалось не для одного епископа, а для многихъ. Въ немъ Александръ всегда обращается къ своимъ адресатамъ во множественномъ числѣ. „Вы возлюбленные", „вы возлюбленные и единодушные братья",—вотъ обычныя обращенія Александра въ этомъ письмѣ [2]). Притомъ и Өеодоритъ, приведя письмо Александра, замѣчаетъ: „по такому же посланію отправилъ Александръ къ Филогонію, предстоятелю церкви Антіохійской, къ Евстаөію, которому ввѣрено было тогда управленіе церкви Берейской, и ко всѣмъ прочимъ защитникамъ апостольскихъ догматовъ" [3]). Очевидно, посланіе не было назначено исключительно для Александра Византійскаго: оно было окружнымъ посланіемъ, которое Александръ Александрійскій разсылалъ по всѣмъ церквамъ. То же заглавіе, какое оно носитъ теперь, вѣроятно, появилось случайно. Это письмо найдено было среди документовъ

[1]) О разногласіи по этому вопросу см. Historia con. Nic. Ittigii § 27, p. 30—31.

[2]) См. по рус. изд. стр. 29, 32, 35 и др. ист. Өеодорита.

[3]) Өеодор. I, 4 (Migne cap. 3).

Александра Константинопольскаго, а потому переписчикъ озаглавилъ его такъ, какъ оно озаглавивается теперь.—Написано это посланіе ранѣе другаго—окружнаго. Въ одномъ мѣстѣ разбираемаго нами посланія Александръ выражается такъ: „узнавъ о жизни ихъ (аріанъ) и нечестивомъ предпріятіи, хотя это свѣдѣніе, по причинѣ скрытности ихъ, получено нами и поздно, мы съ общаго согласія изгнали ихъ изъ церкви“... [1]). Изъ этихъ словъ несомнѣнно слѣдуетъ, что посланіе было написано при первомъ появленіи аріанства. Въ другомъ мѣстѣ Александръ выражается такъ: „аріане утверждаютъ, будто бы на ихъ сторонѣ есть и епископы, держащіеся того же образа мыслей“ [2]). Очевидно, Александру не были извѣстны еще Ѳеона и Секундъ, которые въ окружномъ посланіи объявляются уже отлученными отъ церкви. Для исторіи Никейскаго собора это посланіе важно тѣмъ, что оно говоритъ о состояніи аріанства до Никейскаго собора, перечисляетъ сторонниковъ Арія въ Египтѣ и даетъ очень выразительную, хотя и нечуждую полемическихъ увлеченій, характеристику аріанъ.

2) *Посланіе императора Константина къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Ѳеогниса*. Посланіе это важно тѣмъ, что оно показываетъ козни и хитрыя уловки Евсевія Никомидійскаго, его упорную защиту аріанскихъ воззрѣній какъ ранѣе Никейскаго собора, такъ и на самомъ соборѣ. Говоритъ также это посланіе о присутствіи на соборѣ самого императора и о его желаніи привести всѣхъ къ единомыслію.

Мы разсмотрѣли сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ V в. Какъ видно изъ анализа этихъ сказаній, историки, повторяя отчасти то, что находится въ сказаніяхъ современниковъ собора, дѣлаютъ много новыхъ и цѣнныхъ добавленій къ сообщеніямъ послѣднихъ. Но изъ этого анализа видно и то,

[1]) Ibid. Ѳеодор. стр. 18—19 (Migne col. 889).

[2]) Ѳеодор. I, 4, стр. 19 (Migne cap. 3, col. 892).

что разсмотрѣнныя нами повѣствованія далеко не представляютъ исторіи собора съ тою полнотою, обстоятельностью и отчетливостью, которыя бы вполнѣ удовлетворяли пытливымъ изысканіямъ интересующагося этимъ вопросомъ ума и дѣлали излишними всѣ другія свѣдѣнія о соборѣ. Эта недостаточность и неполнота свѣдѣній о Никейскомъ соборѣ дѣлаютъ не только нелишнимъ, но положительно необходимымъ обращеніе къ церковнымъ писателямъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ. Къ обозрѣнію извѣстій и сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ мы теперь и перейдемъ.

Глава IV-я.

Извѣстія и сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ.

Извѣстія и сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей, во многомъ уступая повѣствованіямъ о томъ же предметѣ современниковъ собора и церковныхъ историковъ, не лишены всетаки значенія для исторіи Никейскаго собора. Нѣкоторые изъ этихъ писателей, оставившихъ намъ извѣстія о соборѣ, были почти современниками его (напр. Епифаній Кипрскій); слѣдовательно, хорошо были знакомы съ обстоятельствами этого великаго въ исторіи христіанской церкви события. Другіе могли пользоваться частными записями и устнымъ преданіемъ мѣстныхъ церквей, епископы которыхъ присутствовали на Никейскомъ соборѣ; слѣдовательно, опять могли получать свѣдѣнія изъ источниковъ довольно чистыхъ и въ тоже время недоступныхъ для церковныхъ историковъ, которые не могли собрать преданія всѣхъ мѣстныхъ церквей и

частныхъ лицъ. Наконецъ, нѣкоторые писатели спеціально занимались исторіею Никейскаго собора, собирали извѣстія о немъ, документы, относящіеся къ нему, и издавали болѣе полныя описанія этого событія, чѣмъ какія мы имѣемъ отъ современниковъ собора и церковныхъ историковъ. Такова напр. исторія Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ. Что извѣстія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей не лишены значенія, доказательствомъ этого служитъ уже тотъ фактъ, что сами церковные историки по мѣстамъ пользовались этими извѣстіями.

Но признавая значеніе и достоинство за извѣстіями и сказаніями о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей, мы однако должны очень осторожно относиться къ нимъ; и если сказанія современниковъ собора и церковныхъ историковъ нуждались въ критикѣ и разборѣ, то еще болѣе нуждаются въ этомъ сказанія и извѣстія церковныхъ писателей. Церковные писатели, такъ или иначе касавшіеся въ своихъ сочиненіяхъ Никейскаго собора, не имѣли въ виду строго-исторической, научной цѣли: они дѣлали замѣтки о соборѣ или даже составляли цѣлыя сказанія о немъ съ цѣлію практическою [1]). А эта практическая цѣль, оказавшая, какъ мы видѣли, не особенно благопріятное вліяніе на сказанія современниковъ собора, должна была оказать и дѣйствительно оказала еще болѣе невыгодное вліяніе на сказанія и извѣстія церковныхъ писателей послѣдующаго времени. Преслѣдуя свои практическія цѣли, церковные писатели очень мало заботились о точности историческихъ показаній и допускали иногда невѣроятныя ошибки (таковы анахронизмы Епифанія). Далѣе, ради практическихъ цѣлей церковные писатели иногда въ ущербъ истинѣ слишкомъ довѣряли разнымъ преданіямъ и легендамъ или

[1]) Изъ этого не составляетъ исключенія даже и Геласій Кизическій съ своею исторіею Никейскаго собора, потомучто и онъ, какъ увидимъ ниже, при написаніи своей исторіи имѣлъ въ виду не историческую, а скорѣе практическую цѣль.

какимъ-либо совершенно безавторитетнымъ записямъ, если послѣднія подходили къ ихъ цѣлямъ. Вслѣдствіе этого въ ихъ сказаніяхъ наряду съ достовѣрными и цѣнными показаніями встрѣчаются и чисто баснословныя. Наконецъ, большинство сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей находится въ сильной зависимости отъ ранѣе разсмотрѣнныхъ нами повѣствованій о соборѣ. Если къ сказанному мы прибавимъ, что большая часть сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей принадлежитъ сравнительно довольно позднему времени, то мы поймемъ необходимость самой внимательной и тщательной критики этихъ сказаній.

Извѣстія и замѣтки о Никейскомъ соборѣ встрѣчаются въ очень многихъ сочиненіяхъ церковныхъ писателей IV, V и послѣдующихъ вѣковъ. Церковные писатели имѣли много поводовъ обращаться къ Никейскому собору и упоминать о томъ или другомъ фактѣ, имѣвшемъ мѣсто на соборѣ, или о томъ или другомъ лицѣ, присутствовавшемъ тамъ. Напр. разсуждая объ извѣстномъ догматическомъ или каноническомъ вопросѣ, они часто ссылаются на Никейскій соборъ, какъ на доказательство за или противъ извѣстнаго положенія, если Никейскій соборъ разсуждалъ объ этомъ вопросѣ, или признаютъ необходимымъ самостоятельное изслѣдованіе о томъ или другомъ предметѣ на томъ основаніи, что соборъ не касался его. Таковы напр. свидѣтельства западныхъ писателей—Амвросія Медіоланскаго о нѣкоторыхъ Никейскихъ канонахъ, бл. Іеронима о каноническомъ достоинствѣ книги Іудиѳь, признанномъ будто бы Никейскимъ соборомъ, бл. Августина о правилѣ Никейскаго собора, запрещающемъ поставлять двухъ епископовъ въ одномъ городѣ; таковы же свидѣтельства восточныхъ отцевъ—напр. Василія Великаго и Епифанія Кипрскаго о томъ, что на соборѣ не поднимался вопросъ о Св. Духѣ [1]). Равнымъ образомъ церковные писатели, касаясь жизни

[1]) Всѣ эти свидѣтельства мы разсматривали выше въ разныхъ мѣстахъ.

и дѣятельности того или другаго лица, бывшаго на соборѣ, передаютъ нѣкоторыя обстоятельства и изъ исторіи самого собора. Много было у церковныхъ писателей и другихъ поводовъ обращаться къ Никейскому собору; вслѣдствіе этого у нихъ очень много и замѣтокъ о соборѣ. Конечно эти отрывочныя замѣчанія нельзя въ строгомъ смыслѣ относить къ источникамъ исторіи Никейскаго собора, а потому мы не будемъ перечислять, а тѣмъ болѣе разбирать всѣ эти извѣстія. Мы считаемъ достаточнымъ сдѣлать только слѣдующее общее замѣчаніе о всѣхъ этихъ извѣстіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ извѣстій очень важны и если мало даютъ новыхъ чертъ для характеристики собора, то за то разъясняютъ свѣдѣнія, полученныя изъ другихъ источниковъ; но встрѣчаются между ними и такія, которыя грѣшатъ противъ истины.

Кромѣ отрывочныхъ замѣтокъ и извѣстій у церковныхъ писателей есть и цѣльныя сказанія о Никейскомъ соборѣ. Эти послѣднія могутъ считаться въ числѣ источниковъ исторіи Никейскаго собора и требуютъ частнаго разбора. Къ этому разбору сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и слѣдующихъ вѣковъ мы и перейдемъ.

Извѣстія о Никейскомъ соборѣ св. Епифанія Кипрскаго.

Среди церковныхъ писателей, касавшихся въ своихъ сочиненіяхъ исторіи Никейскаго собора, писателей не бывшихъ очевидцами собора, первое по времени мѣсто занимаетъ Епифаній Кипрскій съ своимъ Панаріемъ.—Епифаній, по происхожденію палестинецъ, родился около 310 года [1]). Въ молодости онъ перешелъ въ христіанство [2]) и воспитывался подъ строгимъ аскетическимъ вліяніемъ подвижниковъ Палестины и Египта. Въ 367 году онъ избранъ былъ въ епископа Кипрскаго и съ этого времени жилъ

[1]) Cellier. Hist. gener. t. VI, p. 375.

[2]) Vita Epiphanii. Migne gr. ser. t. 41. col. 23–31.

преимущественно въ Констанціи—главномъ городѣ острова. Впрочемъ и отсюда онъ предпринималъ путешествія: былъ въ Египтѣ, Палестинѣ, Константинополѣ и даже Римѣ. Умеръ около 404 года [1]).

Къ составленію Панарія Епифаній приступилъ по просьбѣ почитателей своихъ и бывшихъ учениковъ—пресвитеровъ Акакія и Павла, архимандритовъ изъ Халкиды и Веріи изъ Кесаріи, въ 11 годъ Валентиніана и Валента, въ 8 годъ Граціана, т.е. вѣроятно въ началѣ 375 года [2]). Цѣль этого сочиненія состояла въ томъ, чтобы описать и обличить всѣ ереси отъ сотворенія міра до временъ Епифанія. Задавшись такою цѣлью, онъ описываетъ расколъ Мелетія (68 ер.) и ересь аріанъ, или аріоманитовъ (69 ер.), а вмѣстѣ съ тѣмъ касается и Никейскаго собора, который разсматривалъ дѣло объ аріанахъ и мелетіанахъ.

Епифаній, можно сказать, былъ современникомъ собора, и память объ этомъ великомъ событіи была, вѣроятно, такъ жива во времена Епифанія, что сохраняла даже подробности и детали событія. Равнымъ образомъ во времена Епифанія удобно было пользоваться многими письменными документами—грамотами и посланіями, относящимися къ Никейскому собору. Самъ Епифаній по поводу одного посланія Константина противъ аріанъ замѣчаетъ, что это посланіе въ цѣломъ видѣ хранится и теперь у добролюбцевъ [3]). Вообще Епифаній по обилію источниковъ могъ бы быть хорошимъ повѣствователемъ о Никейскомъ соборѣ. Но онъ такимъ не сдѣлался. Горячій по натурѣ и крайне суровый въ отношеніи къ еретикамъ, онъ занимался не столько изложеніемъ исторіи ересей, сколько ихъ опроверженіемъ и обличеніемъ. Вслѣдствіе этого и при описаніи Мелетіева раскола и аріанской ереси, онъ, такъ сказать, только указываетъ на Никейскій соборъ, какъ на одинъ

[1]) Ceillier. Hist. gener. t. VI p. 375—381.

[2]) Иванцовъ. Ереси и расколы 1-хъ 3-хъ вѣковъ; стр. 297—298.

[3]) Ер. 69, гл. 9. Твор. Епиф. въ р. пер. ч. IV; см. также стр. 69, гл. 5.

изъ моментовъ исторіи этихъ сектъ, но не описываетъ его. Отсюда Епифаніевъ разсказъ о Никейскомъ соборѣ является лишь сухимъ перечнемъ опредѣленій этого собора о разсматриваемыхъ ересяхъ, не дающимъ никакихъ свѣдѣній о самомъ ходѣ дѣлъ на соборѣ. При краткости и сухости своихъ показаній о соборѣ Епифаній впадаетъ еще и въ погрѣшности. Онъ очень не внимателенъ къ хронологическимъ показаніямъ и въ своемъ повѣствованіи допускаетъ такіе анахронизмы, которые кажутся положительно невѣроятными въ писателѣ почти современникѣ Никейскаго собора. Такъ смерть Арія онъ полагаетъ до Никейскаго собора. „Блаженный Константинъ, пишетъ Епифаній, собралъ соборъ въ городѣ Никеѣ и ересь Арія предана проклятію послѣ его смерти [1]). Епископъ Александрійскій Ахиллъ, предшественникъ Александра, по Епифанію, является преемникомъ ему. „Когда Арій былъ проклятъ и дѣло было сдѣлано на Никейскомъ соборѣ, въ томъ же году оканчиваетъ жизнь свою Александръ и преемствуетъ ему Ахиллъ“ [2]). Евсевій, епископъ Никомидійскій и потомъ Константинопольскій, умершій при императорѣ Констанціи, является современникомъ императора Валента [3]).

Но при всей своей краткости и неточности въ хронологіи, показанія Епифанія имѣютъ нѣкоторое значеніе для исторіи Никейскаго собора.

1. Епифаній подробно говоритъ о состояніи аріанства до Никейскаго собора [4]).

2. Въ подлинномъ видѣ приводитъ письмо Арія къ Евсевію Никомидійскому [5]). Это письмо перечисляетъ нѣкоторыхъ аріанствующихъ епископовъ и показываетъ, что аріанство до собора

[1]) Ер. 68, гл. 4; ср. ер. 69, гл. 10—11.

[2]) Ер. 69. гл. 11.

[3]) Ер. 69, гл. 13.

[4]) Ер. 69, гл. 2—8.

[5]) Ер. 69, гл, 6.

Никейскаго получило значительное распространеніе, такъ что созваніе вселенскаго собора для рѣшенія аріанскихъ споровъ было дѣломъ необходимости.

3. Епифаній приводитъ въ подлинномъ видѣ письмо Арія къ Александру Александрійскому [1]). Это письмо указываетъ сторонниковъ Арія, осужденныхъ въ Александріи и бѣжавшихъ изъ нея.

Дѣянія Никейскаго собора по дѣлу низложенія Арія, въ которыхъ между прочимъ находится и разсказъ о жизни св. царя Константина Великаго [2]).

Относительно этого произведенія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: неизвѣстенъ ни авторъ его, ни время, ни мѣсто его происхожденія. Фотій [3]), сдѣлалъ отзывъ о немъ, какъ литературномъ произведеніи, ничего не говоритъ о его происхожденіи. Произведеніе это носитъ названіе „актовъ, или дѣяній Никейскаго собора“ (acta synodi Nicaenae); но носитъ незаконно. За это ручается уже вторая половина заглавія: „μερικὴ διήγησις τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως“: разсказъ о жизни Константина не можетъ имѣть мѣста въ актахъ собора. Еще болѣе за незаконность заглавія говоритъ самое содержаніе памятника: содержаніе его не представляетъ ничего подобнаго актамъ. Эти „дѣянія“ начинаются разсказомъ о гоненіи Діоклетіана на христіанъ; потомъ говорятъ о возведеніи Константина въ званіе кесаря, о его борьбѣ съ своими соправителями и, наконецъ,

[1]) Ер. 69, гл. 7.

[2]) Въ подлинникѣ заглавіе этого сочиненія слѣдующее: „Τὰ πραχθέντα ἐν Νικαίᾳ παρὰ τῆς συνόδου ἐπὶ καθαιρέσει Ἀρείου ἐν οἷς καὶ μερικὴ διήγησις τοῦ βίου τοῦ ἁγίου Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως“. Это сочиненіе почти въ цѣломъ видѣ находится въ библіотекѣ Фотія (с. 256). Въ новое время это произведеніе издано въ Парижѣ въ 1648 году „in novo auctario“ Combefesis t. II.

[3]) Cenzura Photii. Combefesis. Nov. auctar. t. II, col. 692.

о достиженіи имъ единовластія. Далѣе излагается исторія Никейскаго собора довольно кратко: здѣсь говорится о началѣ аріанства, о созваніи собора, указываются нѣкоторые члены собора, какъ-то: Александръ, пресвитеръ Константинопольскій, замѣнявшій своего епископа Митрофана, Аѳанасій, архидіаконъ Александрійскій, бывшій вмѣстѣ съ епископомъ Александромъ, Пафнутій Ѳиваидскій и Спиридонъ Тримифунтскій; указывается также число аріанскихъ сторонниковъ при началѣ соборныхъ разсужденій и при концѣ ихъ; о самыхъ же засѣданіяхъ собора не говорится ничего. Затѣмъ идетъ рѣчь о событіяхъ послѣ Никейскаго собора, именно: о назначеніи Митрофаномъ Константинопольскимъ въ преемника себѣ пресвитера Александра, о возвращеніи изъ ссылки Арія, благодаря ходатайству Констанціи, объ интригахъ аріанъ и о смерти Арія. Оканчивается это произведеніе замѣчаніемъ о смерти Александра Константинопольскаго. Какъ видно изъ представленнаго содержанія, разбираемое нами произведеніе не можетъ быть названо актами, или дѣяніями собора; это не болѣе какъ повѣствованіе о временахъ Константина, о Никейскомъ соборѣ и Константинопольскихъ епископахъ.

Кто былъ авторъ этого произведенія, какъ мы сказали, неизвѣстно. На основаніи самого содержанія произведенія можно догадываться, что онъ былъ жителемъ Константинополя. Онъ очень подробно говоритъ объ Александрѣ Константинопольскомъ, о его заслугахъ на Никейскомъ соборѣ, о его избраніи на каѳедру Константинопольскаго епископа и о его борьбѣ съ аріанствомъ. Такое вниманіе къ представителю Константинопольской іерархіи несомнѣнно говоритъ за автора константинопольца. На соборѣ были лица болѣе извѣстныя своими заслугами, чѣмъ Александръ Константинопольскій, и однако нашъ авторъ объ этихъ лицахъ ничего не говоритъ, или говоритъ очень мало, какъ-бы мимоходомъ. Притомъ еслибы авторъ разсматриваемаго нами произведенія не былъ жителемъ Константинополя, то ему не откуда было бы и получить подробныхъ свѣдѣній объ Александрѣ Константинополь-

скомъ. О дѣятелнности Александра никто изъ другихъ церковныхъ писателей не говоритъ ничего. Очевидно, свѣдѣнія эти хранились въ преданіи Константинопольской церкви, которыми естественно удобно было пользоваться только жителямъ Константинополя.

Относительно личности, или лучше сказать, относительно имени автора можно сдѣлать одно предположеніе. Наше произведеніе имѣетъ много сходнаго съ сочиненіемъ Геласія Кизическаго „исторія Никейскаго собора". Такъ нашъ авторъ и Геласій—оба начинаютъ свой разсказъ съ начала царствованія Константина (нашъ авторъ нѣсколько ранѣе), говорятъ о борьбѣ Константина съ Максенціемъ и Ликиніемъ и полной побѣдѣ его надъ ними [1]). Положимъ, Геласій говоритъ гораздо подробнѣе, чѣмъ нашъ авторъ, но планъ и порядокъ разсказа у того и другаго одинъ и тотъ же. Далѣе, какъ Геласій, такъ и нашъ авторъ опредѣляютъ продолжительность Никейскаго собора въ $3^1/_2$ года. Соборъ продолжался, пишетъ нашъ авторъ, 3 года и 6 мѣсяцевъ: начался въ апрѣлѣ, а окончился въ сентябрѣ чрезъ 3 года" [2]). А Геласій о продолжительности собора выражается такъ: „императоръ собралъ святый соборъ епископовъ въ 16-й годъ 6-й мѣсяцъ своего царствованія, какъ значится въ древнихъ исторіяхъ, закрылъ же засѣданія собора въ 20-й годъ" [3]). Еще: оба автора говорятъ объ Александрѣ Конттантинопольскомъ, занимавшемъ мѣсто своего епископа Митрофана, какъ объ одномъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ членовъ Никейскаго собора: оба они говорятъ о немъ прежде, чѣмъ о другихъ членахъ собора, и съ большимъ уваженіемъ [4]), чего не видно у другихъ повѣствователей о соборѣ. Наконецъ, оба автора говорятъ о томъ, что епи-

1) Combefes. col. 573--577. „Acta synodi Nicaenae"; Gel. Cyz. l. I. Migne t. 85. gr. ser.

2) Combef. col. 584.

3) Gelas. Cyz. lib. II, c. 36; col. 1341; lib. II, c. 5.

4) Combef. col. 580. Gel. Cyz. lib. II, c. 5.

скопы, бывшіе на соборѣ, постарались распространить опредѣленія Никейскаго собора всюду; при этомъ тотъ и другой указываютъ на Осію Кордубскаго, принесшаго опредѣленія Никейскаго собора на западъ, Аѳанасія Александрійскаго, распространившаго эти опредѣленія въ Египтѣ и пограничныхъ съ нимъ странахъ, и Александра Константинопольскаго, познакомившаго съ этими опредѣленіями Ѳракію и Иллирикъ [1]). Положимъ, Геласій и здѣсь передаетъ дѣло подробнѣе нашего автора, онъ указываетъ не троихъ только сейчасъ перечисленныхъ вѣстниковъ Никейскаго собора, а 13; но опять замѣтимъ, что сущность показаній обоихъ авторовъ одна и таже. Мы не имѣемъ конца исторіи Геласія, а потому мы не можемъ провести дальнѣйшаго сравненія между его исторіею и разбираемымъ нами произведеніемъ. Но и указаннаго достаточно, чтобы видѣть сходство въ планѣ и нѣкоторыхъ показаніяхъ у Геласія съ нашимъ авторомъ. Это сходство приводитъ къ заключенію, что одинъ изъ нихъ пользовался произведеніемъ другаго. Такое заключеніе тѣмъ болѣе естественно, что нѣкоторыя сходныя показанія Геласія и нашего автора—единственныя въ своемъ родѣ, не встрѣчающіяся у другихъ повѣствователей о Никейскомъ соборѣ; таково напр. показаніе о продолжительности собора; таково же показаніе о видной дѣятельности на соборѣ Александра Константинопольскаго и о томъ что онъ присутствовалъ на соборѣ еще въ санѣ пресвитера. Кого же изъ двухъ авторовъ признать болѣе раннимъ писателемъ? По нашему мнѣнію, болѣе раннимъ писателемъ нужно признать анонимнаго автора разбираемаго нами произведенія. Въ пользу такого предположенія можно указать слѣдующія основанія: а) нашъ авторъ, опредѣляя продолжительность Никейскаго собора въ $3^1/_2$ года, въ подтвержденіе своего показанія ссылается на Александра (вѣроятно Константинопольскаго), записавшаго акты собора. „Такъ, говоритъ нашъ авторъ, обозначилъ продолжительность собора (въ $3^1/_2$ года) мудрый Александръ, записавшій ак-

[2]) Combef. col. 581; Gel. Cyz. lib. II, c. 36, col. 1341—1344.

ты собора“ [1]). Мы, конечно, не будемъ отстаивать правильность цитаціи нашего автора. Акты въ смыслѣ опредѣленій—были, но въ нихъ не могло быть такого показанія о времени собора. Для насъ важно здѣсь то, что анонимъ ссылается не на какое-либо позднее повѣствованіе, а на первоисточникъ, хотя и испорченный; слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ онъ даетъ самостоятельное показаніе. Не то мы находимъ у Геласія. Онъ въ подтвержденіе своего показанія ссылается на какія то „древнія исторіи“ (τὰ παλαιὰ διηγήματα) [2]), а не на первоисточникъ. b) Геласій говоритъ объ Александрѣ Константинопольскомъ съ такимъ же уваженіемъ, съ такими же похвалами, какъ и нашъ авторъ. Признавъ нашего автора константинопольцемъ, мы понимаемъ его стремленіе возвысить Александра. Но откуда могло явиться у Геласія такое стремленіе? Онъ не былъ жителемъ Константинополя, а потому у него не могло быть и поводовъ особенно возвеличивать Константинопольскаго іерарха. Не могъ не откуда онъ и заимствовать такихъ панегирическихъ показаній объ Александрѣ, потомучто у древнихъ писателей (ранѣе Геласія) ничего не говорится о дѣятельности Александра на соборѣ. Предположивши же, что нашъ авторъ служилъ источникомъ для Галасія, мы поймемъ, почему Геласій говоритъ объ Александрѣ Константинопольскомъ: поставивъ себѣ цѣлью, насколько возможно, подробнѣе передать исторію Никейскаго собора, Геласій воспользовался и показаніями нашего автора объ Александрѣ Константинопольскомъ. Наконецъ, c) въ пользу нашего предположенія говоритъ слѣдующее. Геласій свидѣтельствуетъ, что при написаніи исторіи Никейскаго собора пользовался сочиненіями какого-то пресвитера Іоанна, мужа очень древняго и опытнаго въ писаніи [3]). Намъ неизвѣстно, кто былъ пресвитеръ Іоаннъ и какія были его сочиненія; можно полагать только, что эти сочиненія имѣли отношеніе къ

[1]) Combef. t. II, col. 584.

[2]) Gel. Cyz. lib. II. c. 36, col. 1341.

[3]) Gel. Cyz. Praefatio. col. 1197.

Никейскому собору. Но такъ какъ въ V вѣкѣ Никейскій соборъ былъ у всѣхъ въ большомъ уваженіи, даже еретики признавали авторитетъ его, то трудно допустить, чтобы въ это время пропали какія-либо сочиненія, относящіяся къ Никейскому собору: ихъ, вѣроятно, берегли и распространяли, а не уничтожали. Трудно поэтому допустить, чтобы пропали и сочиненія пресвитера Іоанна... Нельзя ли признать за сочиненія пресвитера Іоанна, а также и за тѣ „древнія исторіи“ (τὰ παλαιὰ διηγήματα), которыми пользовался Геласій, разбираемое нами произденіе?... Мы не имѣемъ препятствій къ такому предположенію; а между тѣмъ отъ такого предположенія многое объясняется изъ исторіи Геласія: объясняются нѣкоторыя его показанія о соборѣ и свидѣтельство о пресвитерѣ Іоаннѣ. Принявъ это предположеніе, мы не будемъ задаваться вопросомъ, какъ могли пропасть сочиненія пресвитера Іоанна? Равнымъ образомъ при такомъ предположеніи не потребуютъ объясненія и показанія Геласія объ Александрѣ Константипольскомъ, о времени собора и др. Въ пользу нашего предположенія о тождествѣ сочиненій Іоанна съ разбираемымъ нами произведеніемъ говоритъ и отзывъ Геласія о сочиненіяхъ пресвитера Іоанна. Геласій называетъ Іоанна „мужемъ опытнымъ въ писаніи“ (ἄγαν γραφικός—scribendi abmodum peritus) [1]); а вотъ рецензія патріарха Фатія о разбираемомъ нами произведеніи. „Эта исторія не вполнѣ совершенна, но всетаки она замѣчательна по изложенію и мыслямъ, далеко не ничтожна и не заслуживаетъ пренебреженія“ [2]). Какъ видно, отзывъ Геласія о сочиненіяхъ Іоанна близко подходитъ къ отзыву Фотія о разбираемомъ нами произведеніи. Конечно, на основаніи приведенныхъ аргументовъ, мы не думаемъ считать свое предположеніе твердымъ и вѣрнымъ; мы смотримъ на него только какъ на догадку, гипотезу.

[1]) Gel. Cyz. praefatio. col. 1197.

[2]) Censura Photii. Combefes. t. II, col. 592.

Принявъ предположеніе о зависимости Геласія отъ анонимнаго произведенія и о тождествѣ послѣдняго съ сочиненіями пресвитера Іоанна, мы приблизительно можемъ опредѣлить и время происхожденія анонимнаго произведенія, или по крайней мѣрѣ опредѣлить крайній пунктъ, позднѣе котораго нельзя полагать его происхожденіе. Геласій, какъ видно изъ praefatio, писалъ исторію Никейскаго собора около 476 года. Въ это время Іоаннъ былъ уже древнимъ писателемъ и его сочиненія Геласій называетъ „древними тетрадями" (τετραδίοις παλαιοῖς); слѣдовательно, нужно относить происхожденіе этихъ тетрадей не позднѣе какъ къ половинѣ V вѣка или даже къ болѣе раннему времени. Вотъ одинъ крайній пунктъ происхожденія анонимнаго произведенія. Постараемся указать другой. Наше произведеніе имѣетъ много общаго съ церковною исторіею Руфина. Разсказъ о Пафнутіи Египетскомъ и Спиридонѣ Кипрскомъ у нашего автора и Руфина излагается почти дословно сходно; различіе только въ томъ, что у нашего автора не достаетъ нѣкоторыхъ фразъ (но не мыслей) сравнительно съ Руфиномъ [1]). О числѣ Аріевыхъ сторонниковъ въ началѣ собора и въ концѣ его, о неискренности подписи Евсевія Никомидійскаго и другихъ аріанъ подъ Никейскими опредѣленіями Руфинъ и нашъ авторъ говорятъ одно и тоже: оба они опредѣляютъ число аріанъ на соборѣ въ 17 человѣкъ, изъ которыхъ отказались подписать Никейскія опредѣленія и остались на сторонѣ Арія только 6 человѣкъ; остальные же 11 подписали опредѣленія собора, хотя подписали неискренно; примѣръ такого лицемѣрія первый подалъ Евсевій Никомидійскій [2]). Точно также дословно сходно говорятъ нашъ авторъ и Руфинъ объ обстоятельствахъ послѣ Никейскаго собора: о возвращеніи изъ ссылки Арія и Евзоя по ходатайству Констанціи и о смерти Арія. Но что особенно замѣчательно, оба автора впадаютъ въ грубый анахро-

[1]) Rufin. Histor. eccles. lib. I, c. 4—5; conf. Combef. t. II, col. 580—581.
[2]) Rufin. lib. I, c. 5 ad finem; cf. Combef. t. II, col. 581.

низмъ: смерть Арія полагаютъ послѣ смерти Константина [1]). Такое сходство нельзя объяснить ничѣмъ другимъ, какъ только зависимостью одного автора отъ другаго. Кто же изъ нихъ зависимъ? По нашему мнѣнію анонимный авторъ зависимъ отъ Руфина. Вотъ основанія для такого предположенія. a) Если допустить, что произведеніе анонимнаго автора появилось ранѣе исторіи Руфина, то появилось во всякомъ случаѣ незадолго до послѣдней, не ранѣе конца IV вѣка, потомучто въ немъ встрѣчаются такіе анахронизмы, которые положительно невѣроятны въ авторѣ близкомъ по времени къ собору; таково показаніе о продолжительности собора, о смерти Арія послѣ смерти Константина [2]). Теперь является вопросъ: если происхожденіе анонимнаго произведенія отнести къ послѣдней четверти IV столѣтія, могъ-ли Руфинъ воспользоваться имъ при написаніи своей исторіи? Едвали. Нашъ авторъ, какъ мы показали, былъ жителемъ Константинополя; а Руфинъ жилъ на западѣ; изъ восточныхъ же странъ былъ только въ Египтѣ и Палестинѣ, куда по всей вѣроятности не успѣло еще дойти, во время пребыванія тамъ Руфина, произведеніе нашего автора, такъ какъ незначительныя произведенія вообще распространяются очень медленно. b) Руфинъ ничего не говоритъ о Митрофанѣ Константинопольскомъ и о его пресвитерѣ Александрѣ, о которыхъ подробно говоритъ нашъ авторъ. Если бы Руфинъ пользовался нашимъ авторомъ, то онъ несомнѣнно помѣстилъ бы и разсказъ объ Александрѣ Константинопольскомъ, тѣмъ болѣе что онъ безъ особенной критики относился къ историческимъ разсказамъ: очевидно, Руфинъ не имѣлъ подъ руками разсматриваемаго нами произведенія. Слѣдовательно, пользовался не Руфинъ нашимъ авторомъ, а нашъ авторъ Руфиномъ. Отсюда опредѣляется другой крайній пунктъ происхожденія разбираемаго нами произведенія:

1) Rufin. lib. I, c 11—13; cf. Combef. col. 585—589.

2) Что такіе анахронизмы въ концѣ IV в. были возможны, видно на примѣрѣ Епифанія и Руфина.

оно появилось послѣ церковной исторіи Руфина, т. е. не ранѣе конца 1-й или начала 2-й четверти V-го вѣка. Къ этому же времени приводитъ и сличеніе нашего произведенія съ исторіею Сократа и Созомена. У Созомена есть разсказъ о посрамленіи Александромъ Константинопольскимъ языческихъ философовъ [1]). У нашего автора нѣтъ ничего подобнаго и, намъ думается, нѣтъ потому, что онъ не зналъ исторіи Созомена, или проще: писалъ свое произведеніе ранѣе Созомена. Если же бы онъ зналъ исторію Созомена, то несомнѣнно помѣстилъ бы разсказъ о посрамленіи Александромъ языческихъ философовъ, такъ какъ онъ поставилъ цѣлью своего произведенія говорить о дѣятельности Александра. У Сократа въ его исторіи есть одно показаніе буквально сходное съ показаніемъ разбираемаго нами произведенія и притомъ показаніе единственное, не встрѣчающееся ни въ какихъ другихъ повѣствованіяхъ о соборѣ. Говоря о торжественномъ засѣданіи собора, Сократъ свидѣтельствуетъ, что „императоръ, вошедши (въ собраніе), сталъ среди епископовъ и не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ епископы пригласили его“ [2]). Буквально такое же показаніе встрѣчаемъ мы и у нашего автора [3]). Кто у кого заимствовалъ это показаніе? Если бы нашъ авторъ былъ знакомъ съ исторіею Сократа, то онъ избѣжалъ бы грубыхъ хронологическихъ ошибокъ какъ въ опредѣленіи времени собора, такъ и въ опредѣленіи смерти Арія: ясно, нашъ авторъ не зналъ исторіи Сократа и не пользовался ею. Наоборотъ то предположеніе, что Сократъ заимствовалъ приведенное выраженіе у нашего автора, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Сократъ критически относился къ своимъ источникамъ; поэтому онъ не внесъ въ свою исторію тѣхъ ошибокъ, какія находятся у нашего автора, хотя и зналъ произведеніе послѣдняго. Онъ увлекся только однимъ пока-

[1]) Созом. I, 18.

[2]) Сократъ I, 8; стр. 35. Migne t. 67, col. 64.

[3]) Combefes. t. II, col. 580.

заніемъ анонима и предпочелъ его болѣе вѣрному показанію Евсевія. Если же мы допустимъ, что разбирамое произведеніе явилось ранѣе исторіи Созомена и Сократа, то опять должны относить его происхожденіе къ концу 1-й или началу 2-й четверти V вѣка.

Для исторіи Никейскаго собора разбираемое произведеніе не имѣетъ почти никакого значэнія. О Никейскомъ соборѣ въ этомъ произведеніи говорится очень мало и то на основаніи извѣстныхъ намъ источниковъ. Такъ объ аріанствѣ до Никейскаго собора говорится, кажется, на основаніи посланія Александра Александрійскаго къ Александру Константинопольскому, потомучто нашъ авторъ, какъ и посланіе, свидѣтельствуетъ, что на сторонѣ Арія было 9 человѣкъ изъ простыхъ клириковъ [1]). О посольствѣ Осіи Кордубскаго въ Александрію съ цѣлью умиротворенія споровшихъ и о созваніи Никейскаго собора нашъ авторъ говоритъ на основаніи сочиненія Евсевія „Жизнь Константина" [2]). Наконецъ, о нѣкоторыхъ епископахъ, участвовавшихъ на соборѣ, и о дѣятельности собора нашъ авторъ говоритъ на основаніи Руфина: это мы показали ранѣе.

Тѣ же показанія нашего автора, которыя можно назвать новыми, представляютъ мало вѣроятнаго. Таково напр. показаніе о продолжительности Никейскаго собора. Всѣ церковные историки [3]) единодушно говорятъ, что Никейскій соборъ происходилъ въ 20-й

[1]) Впрочемъ, нашъ авторъ въ числѣ сторонниковъ Арія указываетъ и двухъ епископовъ—Ѳеону и Секунда, о которыхъ не говоритъ посланіе къ Александру Византійскому. Вѣроятно, нашъ авторъ дополнялъ показанія посланія на основаніи другихъ источниковъ, можетъ быть,—окружнаго посланія Александра; нашъ авторъ свидѣтельствуетъ, что въ Александріи сторонники Арія преданы были анаѳемѣ по рѣшенію 100 епископовъ (Combef. col. 577); а это показаніе окружнаго посланія Александра (Дѣян. I, 35). Равнымъ образомъ и указаніе нашего автора на Евсевія Никомидійскаго, какъ на сторонника Арія, основано, вѣроятно, на томъ же окружномъ посланіи (Combef. col. 557; cf. Дѣян. I, 33).

[2]) „Жизнь Константина" II, 73; III, 5—6; cf. Combef. II, col. 577—580.

[3]) Евсевій „Жизнь Константина" III, 15; Rufin. I, 1; Сокр., I, 13.

годъ царствованія Константина, въ консульство Павлина и Юліана. На этотъ же 20-й годъ царствованія Константина, 325-й по Р. Хр. указываютъ, какъ на время собора: Александрійская хроника, 4-й вселенскій соборъ (дѣяніе 2-е) и всѣ каноническія коллекціи. Наконецъ, къ 325 году, какъ ко времени собора, приводитъ и самый ходъ событій. Какъ видно изъ свидѣтельства церковныхъ историковъ, Никейскій соборъ созванъ былъ послѣ окончательной побѣды Константина надъ Ликиніемъ; эта побѣда совершилась по указанію Фастъ Идація (Fasti Idatii) и Александрійской хроники [1]) въ 324 году по Р. Хр., въ 15-е октябрскихъ календъ, т. е. 18-го сентября; а соборъ окончился, по указанію Евсевія, въ 325 году. Очевидно, показаніе о $3^1/_2$ годовой продолжительности Никейскаго собора не болѣе, какъ басня.

Все значеніе разбираемаго произведенія состоитъ въ томъ, что оно опредѣленно свидѣтельствуетъ о присутствіи на Никейскомъ соборѣ Александра Константинопольскаго.

Сочиненіе Геласія Кизическаго „Исторія Никейскаго собора".

Исторія Геласія Кизическаго есть самое обширное и полное изъ всѣхъ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, какія мы только имѣемъ [2]). Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ этой исторіи очень

[1]) Valesii annotationes. Migne t. 20 gr. ser. col. 1071.

[2]) Полное заглавіе этого труда таково: Γελασίου τοῦ Κιζικήνου τῶν κατὰ ἐν Νικαίᾳ συνόδου πραχθέντων σύνταγμα (Gelasii Cyziceni actorum concilii Nicaeni commentarius). Въ древности это сочиненіе обращалось подъ именемъ исторіи Никейскаго собора; съ такимъ заглавіемъ извѣстно было оно Фотію, Никитѣ Хоніату и др. писателямъ, которые дѣлали о немъ свои замѣтки (Testimonia veterum. Migne t. 85. curs. patr. col. 1187—1189). Въ новое время въ 1-й разъ исторія Геласія была найдена въ Ватиканской библіотекѣ въ греческомъ манускриптѣ Альфонсомъ Пизаномъ и издана была подъ именемъ актовъ Никейскаго собора. Съ латинскимъ переводомъ и настоящимъ названіемъ исторія Геласія издана была трудами Бельфорея. Послѣднее изданіе было сдѣлано не съ того экземпляра, который открылъ въ Ватиканской библіотекѣ Альфонсъ Пизанъ, а съ

скудны, или вѣрнѣе: мы не знаемъ о немъ почти ничего. Отецъ его былъ священникомъ въ Кизики при архіепископѣ Далматіи [1]). Въ домѣ отца Геласій, вѣроятно, получилъ и первоначальное образованіе; по крайней мѣрѣ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства, онъ, еще живя въ домѣ отца (ἔτι ἐν τῇ πατρῴᾳ οἰκίᾳ διάγων), былъ настолько образованъ, что читалъ древнюю книгу, въ которой заключалось описаніе Никейскаго собора, и понялъ ея значеніе: онъ старался выучить ее наизустъ и если не выучилъ, то только по причинѣ ея громадности [2]). Это свидѣтельство Геласія о существованіи книги очень сомнительно; но изъ этого свидѣтельства несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ еще во время жизни въ домѣ отца получилъ образованіе; иначе онъ не могъ бы заявлять о своемъ знакомствѣ съ книгою архіепископа Далматія. Изъ дальнѣйшей жизни Геласія извѣстно только то, что онъ въ царствованіе Василиска, въ 476 году, прибылъ въ Виѳинію и здѣсь имѣлъ споръ съ послѣдователями Евтихія, заявлявшими, что они держатся вѣры, утвержденной отцами Никейскаго собора [3]). О своемъ общественномъ положеніи, о своихъ занятіяхъ и дѣятельности самъ Геласій ничего не говоритъ; также ничего не говорятъ и другіе писатели. Каве (Cave) [4]) назы-

другаго, который нашелъ на островѣ Хіосѣ Францъ де-Ноаль (François de Noailles), епископъ и посланникъ въ Константинополѣ (Cave. Hist. litter. vol. I, p. 455; Ceillier Hist. gen. t. X p. 533). Но это изданіе было неполно: изданы были только двѣ первыя книги исторіи Геласія. Болѣе полныя изданія Геласіевой исторіи появились въ соборныхъ дѣяніяхъ, какъ-то: Binii, Labbei, Harduini, Mansi. Изъ изданія Манси исторія Геласія перепечатана въ изданіе Миня: Cursus completus patrologiae gr. ser. t. 85, col. 1185 et cet. Нужно впрочемъ замѣтить, что и въ настоящемъ своемъ видѣ исторія Геласія не полна: третья книга этой исторіи не имѣетъ конца. Конецъ ея еще не изданъ; онъ находится въ рукописи амвросіанской библіотеки. Содержаніе этой неизданной части Геласіевой исторіи передалъ Franz Oeheler. (Zeitschrift für Wissenchaftliche Theologie. 1861. Gft. 4).

[1]) Gel. Cyz. Migne. t. 85, col. 1193.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid. col. 1193—1196.

[4]) Cave. Hist. litteraria t. I, col. 454.

ваетъ его епископомъ Кесаріи Палестинской на томъ основаніи, что такъ Геласій назывался въ экземплярѣ его исторіи, который былъ въ рукахъ Фотія [1]). Другіе (Фабрицій [2]), Гефеле) [3]) называютъ его епископомъ Кизическимъ. Наконецъ, третьи перемѣщаютъ Геласія въ Виѳинію на томъ основаніи, что свою исторію Никейскаго собора онъ писалъ не въ Кизики и не въ Кесаріи, а въ Виѳиніи, какъ это видно изъ praefatio. Которое изъ этихъ мнѣній справедливо, рѣшить трудно по неимѣнію положительныхъ данныхъ. Вѣроятнѣе же представляется то мнѣніе, по которому Геласій былъ епископомъ Кизическимъ въ Протопондѣ [4]).

Извѣстность Геласій пріобрѣлъ своимъ трудомъ, изданнымъ подъ именемъ „исторіи Никейскаго собора". Поводомъ къ написанію исторіи, какъ видно изъ praefatio, послужило слѣдующее обстоятельство. Въ царствованіе Василиска, извѣстнаго покровителя монофизитовъ, Геласій прибылъ въ Виѳинію. Покровительство императора дѣлало монофизитовъ слишкомъ смѣлыми: они пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нападать и злословить православныхъ. Геласій вступилъ съ ними въ споръ. Монофизиты въ защиту себя и въ опроверженіе своего оппонента указывали на то, что они слѣдуютъ постановленіямъ Никейскаго собора [5]). Геласій имъ доказалъ, что они жестоко ошибаются,—ут-

1) „Γελασίου τοῦ ἐπισκόπου Καισαρείας τῆς Παλεστίνης". Testimonia veterum script. Migne t. 85, col. 1189.

2) Notitia. Migne t. 85, col. 1179—1180.

3) Hefele. Concilien-geschichte. Band. I, s. 284.

4) Это мнѣніе мы принимаемъ какъ потому, что оно болѣе распространен-
ное и общее, такъ и потому, что другія мнѣнія мало имѣютъ данныхъ въ свою
пользу. Мнѣніе Каве не выдерживаетъ критики, такъ какъ другой экземпляръ
той же исторіи, который имѣлъ Фотій, обозначался именемъ Геласія Кизическа-
го, а не Кесарійскаго. Притомъ въ 484 году епископомъ Кесаріи былъ Тимоѳей,
а не Геласій (Ceillier. Hist. gen. t. X, p. 533); очевидно, надпись на исторіи
Геласія: „епископа Кесарійскаго"—ошибка. Написаніе исторіи собора Никей-
скаго въ Виѳиніи также не можетъ ручаться за то, что и мѣстомъ служенія
Геласія была Виѳинія.

5) „προβαλλομένων ἡμῖν ὑπούλως, τὴν ἐν Νικαίᾳ, φημὶ, ὑπὸ τῶν πατέρων κρατεῖν πίστην". Migne t. 85, col. 1193—1196.

верждаютъ то, чего хорошо не знаютъ [1]), и, изложивши предъ ними исторію Никейскаго собора, заставилъ ихъ согласиться съ тѣмъ, что принципы ихъ секты не правильны и подвергаются тому же анаѳематствованію, которому подверглось аріанство. Такой успѣхъ въ диспутѣ показалъ Геласію, какъ много пользы въ спорахъ съ еретиками можетъ принести подробная и обстоятельная исторія Никейскаго собора, собора всѣми уважаемаго, на который ссылались всѣ, какъ на непоколебимый авторитетъ и непреложную истину, и отвергать который не осмѣливался никто. Этотъ диспутъ показалъ Геласію, что дѣянія Никейскаго собора можно выставлять въ качествѣ аргумента противъ всѣхъ еретиковъ и въ защиту православныхъ. И вотъ онъ рѣшился розыскать все, что относится къ исторіи Никейскаго собора и составить по возможности полное и обстоятельное изложеніе исторіи Никейскаго собора для того, чтобы этимъ повѣствованіемъ можно было пользоваться какъ орудіемъ противъ еретиковъ, чтобы принести практическую пользу читателямъ исторіи. „Когда я собралъ кое-что изъ разныхъ источниковъ, говоритъ Геласій, то нашелъ нужнымъ написать это въ настоящей книгѣ для общей пользы и для утвержденія тѣхъ, которымъ попадутся эти записки“ [2]).

Рѣшившись написать исторію Никейскаго собора, Геласій не думалъ, однако, ограничиваться изображеніемъ одного собора: онъ намѣтилъ болѣе широкіе размѣры для своего сочиненія. По его предначертанію, исторія должна была обнимать все царствованіе Константина. „Начнемъ свою рѣчь, пишетъ Геласій въ praefatio, со временъ благочестивѣйшаго и христоноснаго (τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ χριστοφόρου) императора Константина, по приказанію котораго собранъ былъ соборъ епископовъ въ городѣ Никеѣ“ [3]). Гела-

[1]) „οἱ διηλέγχοντο πρὸς ἡμῶν πολέμιοι ἐκείνοις ὑπάρχοντες. Οὐ γὰρ ᾔδεισαν τί λέγουσιν, ἢ περὶ τίνων διαβεβαιοῦνται“. Ibid. col. 1196.

[2]) Gel. Cyz. Migne t. 85, col. 1197.

[3]) Ibid.

сій думалъ даже описать время, предшествовавшее царствованію Константина. „Если Богу угодно будетъ, то я въ другой книгѣ (ἐν ἑτέρῳ λόγῳ), пишетъ Гeлacій, передамъ о рожденіи боголюбезнаго императора Константина и о временахъ, въ которыя царствовалъ отецъ его" [1]). Исполнено-ли это послѣднее предначертаніе Геласія, мы не знаемъ; первое же его предначертаніе исполнено. Его исторія состоитъ изъ трехъ книгъ, которымъ предшествуетъ введеніе, или praefatio. Въ praefatio Геласій говоритъ о поводахъ къ написанію исторіи и объ источникахъ, какими онъ пользовался для своего произведенія. Въ 1-й книгѣ Геласій разсказываетъ исторію царствованія Константина, начиная со времени войны его съ Максенціемъ и кончая полною побѣдою его надъ Ликиніемъ. Во 2-й книгѣ Геласій говоритъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ Никейскому собору и вызвавшихъ этотъ послѣдній, и передаетъ очень подробно исторію самого собора; при этомъ онъ приводитъ въ подлинникѣ всѣ документы —посланія, грамоты, опредѣленія. 3-я книга содержитъ три письма Константина.

Намъ нѣтъ нужды входить въ подробный разборъ всей исторіи Геласія. Разборъ 1-й книги этой исторіи, какъ посвященной событіямъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ исторіи Никейскаго собора, выходитъ за предѣлы нашей задачи. Намъ нужно обратить особенное вниманіе на 2-ю книгу, въ которой излагается исторія Никейскаго собора, и отчасти на 3-ю, какъ содержащую въ себѣ документы, соприкосновенные съ Никейскимъ соборомъ [2]).

Первый вопросъ, который мы ставили при разборѣ повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, не современныхъ ему, былъ вопросъ

[1]) Gel. Cyz. Migne t. 85. col. 1197.

[2]) 3-я книга исторіи Геласія, какъ мы замѣчали, издана еще не вся. Но этотъ недостатокъ для насъ не особенно чувствителенъ. Намъ нужны только описанія Никейскаго собора, а эти описанія кончаются, какъ свидѣтельствуетъ Геласій (lib. II, c. 36, col 1341), во 2-й книгѣ.

объ источникахъ этихъ повѣствованій. Тотъ-же вопросъ мы поставимъ первымъ и при разборѣ исторіи Геласія. Какими источниками пользовался Геласій при написаніи исторіи Никейскаго собора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ самъ Геласій въ praefatio. Первымъ и самымъ главнымъ источникомъ для Геласія, по его свидѣтельству, служили акты Никейскаго собора. Онъ говоритъ, что въ молодости, когда еще жилъ въ домѣ отца, нашелъ одну старинную книгу, принадлежащую Далматію, архіепископу Кизическому; въ этой книгѣ описано было все, что говорили, дѣлали и постановили на Никейскомъ соборѣ (πάντα τὰ ἐν ἐκείνῃ τῇ ἐναρέτῳ καὶ ἁγίᾳ συνόδῳ λεχθέντα τε καὶ πραχθέντα καὶ διατυπωθέντα); въ ней находился и подробный трактатъ объ единствѣ Божества Сына и Св. Духа, Которое (Божество) прежде вѣкъ существуетъ, не имѣетъ начала, но всегда съ Богомъ и Отцемъ пребываетъ; о неизреченномъ воплощеніи Бога Слова отъ Богородицы Дѣвы Маріи (ἐκ τῆς Θεοτόκου Παρθένου Μαρίας) въ послѣднее время для нашего спасенія и объ апостольскихъ постановленіяхъ для церкви. Равнымъ образомъ Геласій встрѣтилъ въ книгѣ Далматія божественныя и по-истинѣ апостольскія мнѣнія (θείας καὶ ἀληθῶς ἀποστολικὰς ἐννοίας), которыя Константинъ высказывалъ на соборѣ [1]). Найденная книга произвела на Геласія глубокое впечатлѣніе. „Я такъ былъ услажденъ всѣмъ, что содержалось въ этой книгѣ, пишетъ Геласій, что невольно воскликнулъ: „Господи, какъ пріятны Слова Твои гортани моей, слаще меда устамъ моимъ“ (Пс, 108, 103). Онъ прилагалъ много старанія, чтобы выучить всю книгу наизусть, но не могъ этого сдѣлать, потомучто книга по своему содержанію была громадна, какъ необъятное море (τὸ ἄφατον πέλαγος) [2]). Не успѣвъ выучить всей книги, онъ однако многое замѣтилъ изъ нея (πλεῖστα ἐπεσημηνάμην—plurima annotavi), какъ-то:

[1]) Praefatio. Migne t. 85. col. 1193.
[2]) Ibid.

догматы ученія отцевъ (διδασκαλίας πατέρων δόγματα), письменно изложенныя опроверженія аріанскаго богохульства, направленнаго беззаконными аріанами не только противъ Сына Божія, но и противъ Св. Духа, возраженія нанятыхъ аріанами философовъ и опроверженія ихъ софизмовъ православными епископами [1]). Всѣмъ этимъ Геласій воспользовался, когда сталъ писать исторію Никейскаго собора [2]). Но такъ какъ этого всеже далеко было недостаточно для послѣдовательнаго и обстоятельнаго изображенія исторіи Никейскаго собора, а самая книга уже затерялась, то онъ обратился къ другимъ источникамъ. Такъ онъ пользовался сочиненіями нѣкоего давно жившаго и искуснаго въ писаніи пресвитера Іоанна; равнымъ образомъ пользовался сочиненіями Евсевія Памфила, епископа Кесарійскаго, Руфина, пресвитера Римскаго (Ρουφίνου πρεσβυτέρου Ῥώμης), которые присутствовали на Никейскомъ соборѣ (τῶν τῇ ἁγίᾳ ἐκείνῃ κοινωνησάντων συνόδῳ), и многихъ другихъ писателей [3]). Вотъ показанія самого Геласія объ источникахъ его исторіи Никейскаго собора. Провѣримъ эти показанія.

Первымъ и главнымъ источникомъ для Геласія служила, по его свидѣтельству, книга Далматія. Геласій считаетъ эту книгу за точную запись всего происходившаго на соборѣ, т. е. за экземпляръ актовъ Никейскаго собора. Можно-ли согласиться съ Геласіемъ? Постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ на основаніи тѣхъ замѣчаній, какія дѣлаетъ о книгѣ Далматія самъ Геласій. Геласій свидѣтельствуетъ, что, по сказанію книги Далматія, аріане ко времени Никейскаго собора богохульно учили не только о Сынѣ Божіемъ, но и о Св. Духѣ [4]); поэтому на Никейскомъ соборѣ, на ряду съ вопросомъ объ отношеніи сущности Сына Бо-

1) Ibid.

2) Ibid. col. 1197.

3) Ibid.

4) Ibid. col. 1193.

жія къ сущности Отца, поднимался и рѣшался вопросъ и объ отношеніи Св. Духа къ двумъ первымъ лицамъ Св. Троицы, рѣшался, нужно замѣтить, очень точно и опредѣленно, какъ на 2-мъ вселенскомъ соборѣ. Такъ напр. въ 12-й гл. II-й кн. своей исторіи Геласій передаетъ, что соборъ чрезъ Осію Кордубскаго выражалъ въ слѣдующемъ видѣ свои мысли о Св. Троицѣ: „Вмѣстѣ съ Отцемъ и Сыномъ существуетъ и Духъ Святый, Который имѣетъ ту же сущность и власть, какъ Отецъ и Сынъ. Итакъ мы должны исповѣдывать единое произволеніе, единое царство, единую силу, единое господство надъ всѣми сотворенными существами, видимыми и умопредставляемыми, единое Божество и ту же сущность Отца и Сына и Св. Духа“ [1]). Въ 24-й гл. той же книги Геласій, также несомнѣнно на основаніи книги Далматія, говоритъ, что епископы единодушно согласились исповѣдывать, что Сынъ и Св. Духъ одной и той же сущности съ Отцемъ [2]). Въ частности Геласій изъ книги Далматія приводитъ длинные протоколы споровъ между языческими философами, наемниками Арія, и православными епископами по вопросу о Божествѣ и отношеніи Св. Духа къ Отцу и Сыну. Философы рѣшительно говорили противъ Божества Св. Духа. „Что вы имѣете сказать о Св. Духѣ“? спрашиваетъ философъ епископовъ. „Не дерзновенно-ли утверждаютъ, что Духъ Святый есть творецъ какой-либо созданной твари? Гдѣ свидѣтельства, показывающія, что Онъ создалъ какую-либо изъ тварей видимыхъ или невидимыхъ? Кто изъ богодухновенныхъ писателей говоритъ о Немъ такъ же прямо, какъ и о Сынѣ?“ [3]). Епископы съ своей стороны положительно утверждали единосущіе Св. Духа съ Отцемъ и Сыномъ. „Духъ Святый, говоритъ напр. Леонтій, епископъ Кесаріи Каппадокійской, имѣетъ одно Божество, одну и ту же сущность и силу съ Отцемъ и Сы-

[1]) Gel. Cyz. lib. II c. 12. „Дѣянія I т., 159 стр.

[2]) Ibidem. c. 24.

[3]) Ibid. c. 20. Дѣян. I, стр. 133.

номъ и всегда существуетъ съ Отцемъ и Сыномъ“ [1]). Также положительно говорятъ епископы и объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца. „Вѣрую во единаго Отца, говоритъ Леонтій, неизреченно рождающаго Сына, и Сына отъ Него рожденнаго, и Духа Св., отъ того же Отца исходящаго и собственнаго Сыну (τοῦ ἁγίου Πνεύματος τοῦ ἐκπορευομένου ἐξ αὐτοῦ τοῦ Πατρὸς, ἰδίου δὲ ὄντος τοῦ Υἱοῦ“) [2]). Но подобныхъ разсужденій о Св. Духѣ на Никейскомъ соборѣ не было. Далѣе, по свидѣтельству Геласія, въ книгѣ Далматія Дѣва Марія прямо называется „Богородицею“ (Θεοτόκος) [3]); а православные епископы въ спорахъ съ философами особенно настаиваютъ на дѣйствительномъ и полномъ воплощеніи Сына Божія, на одновременномъ, неслитномъ и нераздѣльномъ пребываніи въ Іисусѣ Христѣ двухъ природъ—Божеской и человѣческой. „Богъ Слово, говоритъ напр. Евсевій Памфиловъ въ рѣчи противъ философа, восприялъ плоть, чтобы чрезъ неизмѣнное соединеніе съ Собою (διὰ τῆς πρὸς αὐτὸν ἀτρέπτου ἐνώσεως) избавить плоть отъ смерти; невидимый явился въ видимомъ, чтобы видимое могло снести; сдѣлался человѣкомъ во времени, но на самомъ дѣлѣ былъ то и другое: Богъ и человѣкъ, человѣкъ и Богъ одинъ и тотъ же, одинъ и тотъ же Христосъ изъ обоихъ; былъ и есть Богъ, но сдѣлался человѣкомъ по строительству спасенія (ὡς ἄνθρωπος ὑπὸ χρόνου, ἀλλ᾽ ἀληθείᾳ κατ᾽ ἀμφότερα Θεὸς καὶ ἄνθρωπος, ἄνθρωπος καὶ Θεὸς ὁ αὐτός· εἷς γὰρ ἐξ ἀμφοῖν Χριστὸς νουμέτης καὶ γνωριζομένης τῆς διαφορᾶς τῶν οὐσιῶν, τῆς τε θεότητος αὐτοῦ καὶ τῆς σαρκὸς, Θεὸς ἦν καὶ ἔστι· γέγονεν ἄνθρωπος δι᾽ οἰκονομίαν“) [4]). Вотъ еще слова собора, высказанныя чрезъ Макарія Іерусалимскаго: „Сынъ Божій безтѣлесный восприялъ вѣлесную сущность. Воспрі-

[1]) Gel. Cyz. lib. II, c. 20, col. 1288. Дѣян. I, 138.

[2]) Ibid.

[3]) Praefatio. col. 1193.

[4]) Gelas. Cyz. l. II, c. 19 col. 1280. Дѣян. I, 130.

ялъ Онъ плоть отъ жены, ибо такимъ образомъ Онъ уподобился намъ и по рожденію, чтобы сообщить намъ, какъ подобно-рожденнымъ, славу свою и спасти жену своимъ рожденіемъ, ибо сказано: „спасется жена чадородія ради (I Тим. 2, 15)“ [1]. Слово „Богородица—Θεοτόκος“ прямо указываетъ на времена несторіанскихъ споровъ, а настойчивое утвержденіе, что въ Іисусѣ Христѣ—двѣ природы, говоритъ уже о монофизитскихъ волненіяхъ. Такимъ образомъ книга Далматія приписываетъ Никейскому собору то, что было много спустя послѣ собора, въ V вѣкѣ, а потому никакимъ образомъ не можетъ быть признана за акты Никейскаго собора. Въ частности относительно протоколовъ споровъ между философами и православными епископами, которые Геласій заимствовалъ изъ книги Далматія, нужно замѣтить, что они рѣшительно не могутъ принадлежать Никейскому собору. Мы уже при разборѣ показаній Руфина замѣчали, что разсказъ о спорѣ философовъ съ епископами нельзя принять за вполнѣ достовѣрный. Относительно споровъ, представленныхъ Геласіемъ, это мнѣніе можетъ быть высказано еще болѣе категорически. Кромѣ того, что сказали мы о разсказѣ Руфина, кромѣ также вопроса о Св. Духѣ и двухъ природахъ въ Іисусѣ Христѣ, очень опредѣленно разрѣшаемаго православными епископами по поводу возраженій философовъ,—вѣскимъ доказательствомъ неподлинности этихъ споровъ служитъ еще одно обстоятельство. Въ числѣ епископовъ, горячо защищавшихъ единосущіе и равенство Сына Божія съ Отцемъ, былъ, по свидѣтельству Геласія, и Евсевій Кесарійскій: онъ говоритъ длинныя (гл. 18—19, кн. II) и одушевленныя рѣчи въ пользу православнаго ученія; объ ученіи же Арія выражается очень рѣзко и съ крайнимъ негодованіемъ. Приведемъ для образца нѣкоторые отвѣты Евсевія на возраженія философовъ. „Премудрость Бога и Отца, говоритъ напр. Евсевій, есть воистину Богъ отъ Самаго Бога, вѣчный отъ вѣч-

[1]) Gel. Cyz. lib. II, c. 23, col. 1301. Дѣян. I, 152.

наго, истинный отъ истиннаго, потомучто Онъ по существу всегда есть Сынъ вѣчнаго Бога и Отца (τοῦ Θεοῦ καὶ Πατρὸς σοφία Θεός ἐστι ἀληθῶς, ἐξ αὐτοῦ τοῦ Θεοῦ αἴδιος ἐξ αἰδίου, καὶ ἀληθινὸς ἐξ ἀληθινοῦ, φύσει ὢν ἀεὶ ὄντος Θεοῦ καὶ Πατρός") [1]. Въ другомъ мѣстѣ Евсевій такъ заключаетъ свою рѣчь: „Богъ Отецъ, Богъ и рожденный отъ Него Сынъ (Θεὸς ο Πατὴρ, Θεὸς καὶ ὁ ἐξ αὐτοῦ γεγεννημένος Υἱός); совершенъ Отецъ и совершенъ Сынъ Его (τέλειος ὁ Πατὴρ, τέλειος οὐτοῦ καὶ ὁ Υἱός)... Вѣришь-ли ты, филисофъ, тому, что единородный Сынъ Божій рожденъ изъ сущности Отца (ὅτι γεγέννηται ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Πατρὸς ὁ μονογενὴς Υἱός)? [2]) Наоборотъ, объ Аріи и аріанскомъ ученіи Евсевій говоритъ съ неудовольствіемъ. Онъ называетъ это ученіе богохульнымъ (βλάσφημα), нечестіемъ (μαχθηρία) и пропастью нечестія (βυθὸς τῆς μαχθηρίας). „Ты повергаешься въ пропасть Аріева нечестія, говоритъ Евсевій философу, или лучше сказать, погрязаешь въ ней. Ты предпочитаешь, несчастный, апостольскимъ догматамъ хульныя слова Арія, который называетъ Сына Божія тварью и орудіемъ" [3]). Мы рѣшительно утверждаемъ, что Евсевій не могъ такъ выражаться. Онъ былъ сторонникомъ аріанскихъ воззрѣній, по крайней мѣрѣ въ умѣренной формѣ и далекъ былъ отъ того горячаго сочувствія православному ученію о единосущіи и равенствѣ Сына Божія съ Отцемъ, какимъ проникнуты рѣчи его у Геласія противъ философовъ. Сводя все сказанное, мы можемъ положительно утверждать, что книга Далматія вообще, протоколы споровъ между философами и епископами, заимствованные изъ этой книги, въ частности—не могутъ быть признаны за запись дѣйствительныхъ дѣяній Никейскаго собора.

Что же такое представляла изъ себя книга Далматія, если

[1]) Ibid. c. 18., col. 1276. Дѣян. I, 125.

[2]) Ibid. c. 19, col. 1277. Дѣян. I, 127.

[3]) Ibid. col. 1281. Дѣян. I, 132.

ее нельзя признать за точную запись дѣяній Никейскаго собора?— Можетъ быть, Геласій нигдѣ и никогда не видалъ книги Далматія, о которой свидѣтельствуетъ въ введеніи къ своей исторіи: на эту книгу онъ, можетъ быть, указывалъ только для того, чтобы придать авторитетъ своему произведенію въ глазахъ читателей. Протоколы же споровъ между философами и епископами онъ составилъ самъ или на основаніи преданія. Такое предположеніе имѣетъ за себя нѣкоторыя доказательства. Геласій говоритъ, что у Далматія, архіепископа Кизическаго, была большая книга, относящаяся къ Никейскому собору: но почему же объ этой книгѣ никто и нигдѣ не упоминаетъ? Если бы у Далматія была такая замѣчательная книга, то на нее обратили бы вниманіе и указали бы, какъ на источникъ, откуда можно получить полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ. Далѣе, если бы такая книга дѣйствительно существовала, то куда она могла пропасть? Такая книга, какъ рѣдкая, а можетъ быть и единственная въ своемъ родѣ, сохранялась, вѣроятно, очень тщательно и утратиться ей было довольно трудно. Между тѣмъ она по какой-то роковой случайности утратилась и утратилась въ то самое время, когда особенно была нужна, когда Геласій сталъ писать исторію Никейскаго собора... Почему затѣмъ Геласій не взялъ этой книги въ Виѳинію, куда онъ отправился для спора съ монофизитами? Онъ зналъ, что эта книга содержитъ въ себѣ все, относящееся къ Никейскому собору; зналъ также и то, что на монофизитовъ можно сильно повліять обстоятельнымъ и подробнымъ изложеніемъ исторіи Никейскаго собора: ему нужно бы запастись этой книгой и въ спорахъ съ монофизитами указывать на нее. Но Геласій этого не дѣлаетъ: книгу Далматія онъ оставилъ на своей родинѣ. Еще одно довольно странное обстоятельство. Геласій, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ, когда читалъ книгу Далматія, то замѣтилъ (ἐπεσημηνάμην—annotavi) споры философовъ съ епископами и потомъ внесъ ихъ въ свою исторію. Какъ онъ „замѣтилъ“ эти споры? Контексъ рѣчи требуетъ понимать это по-

казаніе въ томъ смыслѣ, что Геласій, не успѣвъ выучить всей книги Далматія на память, часть ея, въ томъ числѣ и протоколы споровъ философовъ съ епископами, всеже выучилъ, такъ какъ обратилъ особенное вниманіе, „замѣтилъ". Но если мы такъ поймемъ показаніе Геласія, то нельзя будетъ признать споры, помѣщенные въ его исторіи, за подлинные. Длинныя рѣчи нельзя удерживать въ памяти долгое время; при счастливыхъ обстоятельствахъ ихъ можно передать только съ приблизительною точностію, но никакъ не болѣе. Слѣдовательно, только сущность содержанія споровъ, приведенныхъ Геласіемъ, можно признать за заимствованіе изъ книги Далматія, все же осталъное относится къ измышленію самого Геласія; а съ этимъ послѣдній не согласенъ. Если же придать глаголу „ἐπισημαίνω" производное значеніе и выразить его по-русски: „записываю для памяти", то тогда мы не будемъ недоумѣвать, какъ Геласій могъ сохранить въ памяти длинныя рѣчи епископовъ; но за то будемъ недоумѣвать тому, почему Гуласій выписалъ именно споры философовъ съ епископами, т. е. то, чего нѣтъ въ другихъ повѣствованіяхъ о соборѣ? Онъ, конечно, не могъ въ этомъ случаѣ руководиться тѣми соображеніями, что споровъ нѣтъ въ другихъ источникахъ, слѣдовательно, они важны для болѣе полнаго воспроизведенія исторіи собора, такъ какъ онъ съ источниками исторіи Никейскаго собора познакимился послѣ, когда задумалъ писать исторію собора и когда книги Далматія уже не оказалось. Съ другой стороны, если бы онъ зналъ, что въ существующихъ источникахъ исторія Никейскаго собора излагается неполно, то онъ или сдѣлалъ бы болѣе значительныя выдержки изъ книги Далматія или же приберегъ бы ее въ цѣломъ видѣ. Очевидно, онъ случайно, чисто случайно выписалъ изъ книги Далматія именно то, чего нѣтъ въ извѣстныхъ намъ сказаніяхъ о соборѣ. Но такая случайность едвали вѣроятна.—Правдоподобнѣе представлять дѣло такъ. Геласій не видалъ и не читалъ никакой древней книги. Когда же въ спорѣ съ евтихіанами онъ увидѣлъ важность подробной и обстоятельной исторіи Никей-

скаго собора, то началъ отыскивать все, относящееся къ исторіи собора, и все найденное заносилъ въ свое произведеніе, не разбирая того, все ли, что выдается за принадлежащее Никейскому собору, дѣйствительно принадлежитъ ему. Такъ встрѣтивъ разсказъ Руфина о спорѣ философовъ, онъ заноситъ его въ свою исторію. Но такъ какъ этотъ разсказъ былъ очень сухъ и не могъ удовлетворять цѣли Геласія—побѣждать еретиковъ, то онъ, воспользовавшись сюжетомъ Руфинова разсказа, создалъ цѣлую драму: сочинилъ длинныя рѣчи и приписалъ ихъ епископамъ. Въ этихъ рѣчахъ епископы изъясняютъ мѣста Св. Писанія, на которыя ссылались аріане въ защиту своихъ воззрѣній и объясненіе которыхъ дается во многихъ сочиненіяхъ отцевъ церкви [1]). Но такъ какъ Геласій имѣлъ въ виду поразить исторіею собора не аріанъ только, а и другихъ еретиковъ, явившихся послѣ Никейскаго собора, то въ споры философовъ съ православными онъ вводитъ такіе предметы, которые возбуждали вопросы много спустя послѣ собора, какъ-то: о Св. Духѣ, о Его единосущіи и равенствѣ съ Отцемъ и Сыномъ, объ Его исхожденіи отъ Отца, а также о двухъ природахъ въ Іисусѣ Христѣ. И вотъ у Геласія получились настоящіе споры философовъ съ епископами. Впрочемъ, говоря такъ, мы не думаемъ рѣшительно отвергать и другаго предположенія. Можетъ быть Геласій и не самъ былъ авторомъ „споровъ“; можетъ быть, дѣйствительно онъ имѣлъ подъ руками какую-либо запись, содержащую въ себѣ разныя легендарныя сказанія о Никейскомъ соборѣ. Таковъ, по нашему мнѣнію, первый источникъ Геласіевой исторіи.

Вторымъ источникомъ служили для Геласія сочиненія пресвитера Іоанна. Относительно этого источника ничего нельзя сказать положительнаго. Кто такой былъ пресвитеръ Іоаннъ, какія

[1]) Напр. въ сочиненіяхъ Аѳанасія: „окружное посланіе къ епископамъ Египта и Ливіи“. Тв. ч. I, стр. 425; „2-е слово противъ аріанъ“. Тв. ч. II; „2-е посланіе къ Серапіону“; ч. III; также въ сочиненіи Епифанія „Панарій“. стр. 69. Тв. ч. IV.

его были сочиненія и что заимствовалъ изъ нихъ Геласій для своей исторіи, мы не знаемъ. Самъ Геласій не сообщаетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни объ Іоаннѣ, ни о его сочиненіяхъ, ни о своихъ заимствованіяхъ изъ нихъ; онъ говоритъ только, что заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Никейскомъ соборѣ изъ древнихъ тетрадей нѣкоего пресвитера Іоанна мужа, древняго и опытнаго въ писаніи (Ἰωάννῃ μέν τινι πρεσβυτέρῳ, ἀνδρὶ παλαιῷ ἄγαν γραφικῷ, ἐν τετραδίος παλαιοῖς λίαν...) [1]). Если же принять высказанную нами выше догадку о тождествѣ анонимнаго автора Никейскихъ актовъ съ Геласіевымъ пресвитеромъ Іоанномъ, то дѣло нѣсколько прояснится. Положимъ, своею догадкою мы немного прибавимъ свѣдѣній о личности самого Іоанна, кромѣ того развѣ, что онъ былъ жителемъ Константинополя; но за то тогда мы можемъ опредѣленно указать, что заимствовалъ Геласій изъ сочиненія Іоанна. Собственно для исторіи Никейскаго собора Геласій сдѣлалъ слѣдующія заимствованія: 1) показаніе о продолжительности Никейскаго собора. Правда, между Геласіемъ и анонимомъ есть нѣкоторое различіе: анонимъ опредѣляетъ только общую продолжительность собора [2]), а Геласій раздѣльно указываетъ, съ какого года царствованія Константина и по какой продолжался соборъ [3]). Но это различіе не существенно. Геласій зналъ изъ показанія Евсевія, что соборъ окончился въ 20-ти-лѣтіе царствованія Константина; отбросивъ отъ 20 три съ половиною года, Геласій нашелъ, что начало собора падаетъ на 16-й годъ 6-й мѣсяцъ царствованія Константина. 2) Показаніе о присутствіи на Никейскомъ соборѣ Александра Константинопольскаго, замѣнявшаго своего епископа Митрофана. Объ этомъ Геласій и анонимъ говорятъ одно и тоже; разница между ними только въ словахъ [4]). 3) Показаніе о томъ, чрезъ какихъ епископовъ и гдѣ

[1]) Praefatio. col. 1197.

[2]) Combefesis. Nov. auctar. t. II, col. 584.

[3]) Gel. Cyz. II, 5, col. 1229; c. 36, col. 1341.

[4]) Gel. Cyz. II, c 36; Combefes. II, col. 581.

распространены были Никейскія опредѣленія [1]). Вотъ заимствованія Геласія изъ сочиненія Іоанна, или точнѣе—изъ анонимнаго сказанія о Никейскомъ соборѣ.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами, для Геласія въ качествѣ источниковъ служили сочиненія Евсевія, Руфина и другихъ авторовъ. Укажемъ опредѣленнѣе зависимость Геласія отъ этихъ источниковъ.

Предположительно, какъ на заимствованія изъ сочиненія Евсевія „Жизнь Константина“ [2]), можно указать на слѣдующія мѣста II книги исторіи Геласія [3]). 4-я гл. II кн. исторіи Геласія содержитъ часть письма Константина къ Александру и Арію, которая находится и въ сочиненіи Евсевія [4]). Въ 5-й гл. Геласій описываетъ епископовъ, съѣхавшихся на соборъ, словами Евсевія, какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ: 5-я гл. Геласія повторяетъ 7—9 гл. III кн. „Жизни Константина“. Впрочемъ, здѣсь Геласій допускаетъ нѣкоторыя отступленія отъ Евсевія. Такъ число епископовъ, прибывшихъ на соборъ, Геласій опредѣляетъ не въ 250, какъ у Евсевія, а въ 300, какъ у Сократа; говоритъ о присутствіи на соборѣ, вмѣсто Римскаго епископа Силивестра, Осіи Кордубскаго и двухъ пресвитеровъ—Витона и Викентія, а вмѣсто Митрофана Константинопольскаго—его пресвитера Александра, о чемъ не говоритъ Евсевій [5]). 28 гл. Геласія [6]), гдѣ говорится объ

[1]) Gel. Cyr. II, c. 36; Combef., col. 581.

[2]) Мы говоримъ „предположительно“, потомучто, можетъ быть, Геласій заимствовалъ показанія не прямо изъ Евсевіевой „Жизни Константина“, а чрезъ посредство Сократа.

[3]) Мы разсматриваемъ источники только 2-й книги исторіи Геласія, потомучто 1-я книга не относится къ исторіи собора. О 1-й книгѣ Геласіевой исторіи замѣтимъ только то, что она почти вся (а также I гл. 2-й кн.) состоитъ изъ выдержекъ, заимствованныхъ изъ церковной исторіи Евсевія и отчасти изъ „Жизни Константина“.

[4]) гл. 69—72, II кн.

[5]) О присутствіи на соборѣ Осіи Кордубскаго и о неприсутствіи Римскаго епископа Евсевій говоритъ (III, 7); но онъ не говоритъ, что Осія Кордубскій былъ легатомъ Римскаго епископа; не называетъ также по имени Римскихъ пресвитеровъ, замѣнявшихъ своего епископа.

[6]) Съ половины главы—со словъ: πλεῖστων δεῖται ὑφ' ἑκατέρου τάγματος προτεινομένων... до конца главы.

участіи императора въ засѣданіяхъ собора и объ умиротвореніи имъ споривших, представляетъ буквальное повтореніе 13 и начала 14 гл. III кн. „Жизни Константина". Въ 36-й гл. Геласій помѣщаетъ посланіе Константина къ епископамъ, не присутствовавшимъ на соборѣ, о догматическихъ опредѣленіяхъ и о согласіи касательно празднованія Пасхи[1]), которое (посланіе) находится въ Жизни Константина[2]). Конецъ 36-й гл.[3]), гдѣ говорится о возвращеніи епископовъ въ свои епархіи и о совѣтахъ императора возвращающимся епископамъ, представляетъ буквальное заимствованіе изъ 21 гл. (конца)[4]) III кн. Жизни Константина, заимствованіе, несомнѣнно сдѣланное безъ посредства Сократа, такъ какъ у Сократа этого заимствованія нѣтъ.

Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ Геласій приводитъ въ полномъ видѣ: II кн. 34—35[5]).

Какъ на источникъ, Геласій указываетъ еще на церковную исторію Руфина. Геласій называетъ Руфина пресвитеромъ Римскимъ и утверждаетъ, что онъ присутствовалъ на Никейскомъ соборѣ. Извѣстный намъ Руфинъ не былъ пресвитеромъ Римскимъ и на Никейскомъ соборѣ не присутствовалъ. Но отсюда нельзя заключать, что Геласій имѣлъ подъ руками и пользовался сочиненіями какого-то другаго Руфина, а не извѣстнаго намъ. Геласій здѣсь допускаетъ ошибку или намѣренно, съ цѣлью придать болѣе авторитета тѣмъ свѣдѣніямъ, какія онъ заимствуетъ изъ исторіи Руфина, или ненамѣренно, по незнанію. Изъ исторіи Руфина онъ заимствовалъ слѣдующее. Первая половина 2-й гл.

[1]) Это посланіе у Миня не напечатано; у Манси оно есть: Sacr. Concil. t. II, col. 921—925; lib. II, c. 36.

[2]) кн. III, гл 17—20.

[3]) Со словъ: οὕτω δὴ τοὺς ἁγίους ἐπισκόπους... и кончая словами: ὧδε γεραίρων τὴν ἑορτὴν τῆς εἰκοσαετοῦς αὐτοῦ βασιλείας. Migne t. 85, col. 1341.

[4]) Со словъ: οὕτω δὴ συνταξάμενος ἐπὶ τὰ σφῶν οἰκεῖα τοὺς πάντας ἐπανιέναι ἠφίει...

[5]) Этого посланія нѣтъ у Миня; у Манси оно напечатано: t. II, col. 91?—917.

II кн. исторіи Геласія, гдѣ говорится о началѣ аріанства, характеризуется Арій и передается сущность аріанскаго ученія, представляетъ почти буквальное заимствованіе изъ 1-й гл. I кн. исторіи Руфина. Замѣчательно здѣсь то, что Геласій удерживаетъ и самую неточность Руфина въ опредѣленіи сущности аріанства. Въ 7-й гл. Геласій опредѣляетъ число Аріевыхъ сторонниковъ на Никейскомъ соборѣ. Сказавъ, что изъ 318 епископовъ—300 были православнаго образа мыслей, Геласій продолжаетъ: „остальные же числомъ 17 (δέκα καὶ ἑπτὰ τὸν ἀριθμὸν ὄντες) старались дать торжество мнѣнію Арія“ [1]). Это показаніе заимствовано изъ 5-й гл. исторіи Руфина. Первая половина 8-й гл. Геласія [2]), гдѣ разсказывается объ уничтоженіи императоромъ епископскихъ жалобъ, представляетъ буквальное заимствованіе изъ 2-й гл. исторіи Руфина. Конецъ 8-й гл., гдѣ говорится о разногласіи епископовъ при рѣшеніи вопроса объ отношеніи Сына Божія къ Отцу, представляетъ собою не что иное, какъ риторически распространенный парафразъ конца 2-й гл. исторіи Руфина. Въ 9-й гл. Геласій говоритъ о Пафнутіи Египетскомъ и говоритъ то, что Руфинъ въ 4 главѣ. 10 и первая половина 11-й гл Геласія, гдѣ содержится разсказъ о чудесахъ Спиридона Тримифунтскаго, буквально заимствованы изъ первой половины 5-й гл. исторіи Руфина. Съ половины 11 гл. Геласій говоритъ объ участіи Аѳанасія Александрійскаго въ спорахъ съ аріанами и о дѣятельности собора; всѣ показанія здѣсь не болѣе, какъ парафразъ Руфиновыхъ показаній, заключающихся въ 5 гл. Въ 13-й гл. Геласій разсказываетъ о посрамленіи философа простымъ и необразованнымъ христіаниномъ: его разсказъ есть свободный парафразъ [Руфинова разсказа о томъ же фактѣ. Первую половину разсказа Геласій передаетъ въ очень свободномъ парафразѣ; вторую же половину,

[1]) Migue t. 85. col. 1241.

[2]) Кончая словами: τασαύτη ἡ τοῦ βασιλέως πρὸς τοὺς ἱερεῖς τοῦ Θεοῦ εὐλαβεια, ἣ θαυμάσειαν ἅπαντες οἱ εὖ φρονοῦντες“.

гдѣ собственно говорится о посрамленіи философа (со словъ: ἵνα δείξῃ ὁ Θεός..., ὅτι οὐκ ἐν λόγῳ ἡ βασιλεία αὐτοῦ... и до конца главы), онъ излагаетъ дословно сходно съ Руфиномъ. Конецъ 26 гл., гдѣ сообщается объ утвержденіи символа вѣры императоромъ и о неискренности Аріевыхъ сторонниковъ, подписавшихъ символъ, представляетъ явное заимствованіе изъ 3 гл. исторіи Руфина. Въ данномъ мѣстѣ Геласій удерживаетъ даже и сомнительное показаніе Руфина о числѣ лицъ, рѣшительно оставшихся на сторонѣ Арія. Таковы заимствованія Геласія изъ церковной исторіи Руфина.

Кромѣ Евсевія и Руфина Геласій не называетъ по имени другихъ писателей, сочиненіями которыхъ онъ пользовался: онъ говоритъ только, что пользовался и другими писателями. Къ этимъ другимъ писателямъ прежде всего принадлежитъ Сократъ. Геласій не указываетъ прямо на исторію Сократа, какъ на свой источникъ, а между тѣтъ онъ пользовался ею болѣе, чѣмъ какими-либо другими источниками, и во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ повѣствованіями Евсевія и Руфина, на которыя Геласій указывалъ. Нужно замѣтить, что, можетъ быть, изъ исторіи Сократа Геласій заимствовалъ и то, на что мы указывали, какъ на заимствованіе изъ „Жизни Константина“. Такое предположеніе вовсе не невѣроятно. Геласій изъ „Жизни Константина“ дѣлаетъ тѣ же самыя выдержки и въ той же послѣдовательности, какъ и Сократъ. Такъ Геласій приводитъ не все посланіе Константина къ Александру и Арію, а только ту часть его, которую приводитъ Сократъ. Для характеристики епископовъ Геласій заимствуетъ у Евсевія то же самое, что и Сократъ, и при этомъ дѣлаетъ одинаковую съ Сократомъ поправку Евсевіева показанія о числѣ епископовъ: вмѣсто 250 ставитъ 300. Точно также и во всѣхъ другихъ случаяхъ (за исключеніемъ одного, отмѣченнаго нами выше) Геласій заимствуетъ изъ сочиненія Евсевія то самое, что заимствуетъ Сократъ. Очевидно, Геласій дѣлалъ выдержки изъ сочиненія Евсевія не прямо, а чрезъ посредство Сократа, или

по крайней мѣрѣ руководился исторіею послѣдняго при своихъ заимствованіяхъ изъ „Жизни Константина“. Но кромѣ этихъ, такъ сказать, вѣроятныхъ заимствованій изъ исторіи Сократа, у Геласія много и положительныхъ. Вотъ они. Конецъ 2-й гл., гдѣ Геласій говоритъ о распространеніи аріанства за предѣлы Александріи и объ осужденіи Арія Александромъ, можно считать парафразомъ начала 6-й гл. исторіи Сократа. Конецъ 3 гл. (со словъ: τοιαῦτα τοῖς ἁπανταχοῦ...) Геласій буквально заимствовалъ изъ исторіи Сократа [1]). Конецъ 4-й гл. Геласія буквально сходенъ съ началомъ 8-й гл. Сократа. Приведя въ подлинномъ видѣ посланіе Константина къ Александру и Арію, Геласій такими словами заключаетъ 4-ю главу: „Такія-то дивныя и исполненныя премудрости увѣщанія предлагало имъ царское посланіе. Но не смотря ни на стараніе царя, ни на достоинство отправленнаго съ посланіемъ мужа, зло становилось еще сильнѣе, ибо это посланіе не смягчило ни Александра, ни Арія“ [2]). Буквально тоже самое говоритъ и Сократъ [3]). Въ началѣ 5-й гл. Геласій говоритъ о созваніи императоромъ собора въ Никеѣ и говоритъ буквально сходно съ Сократомъ [4]); различіе состоитъ только въ томъ, что Геласій указываетъ здѣсь между прочимъ время созванія собора: 16-й годъ 6 мѣсяцъ царствованія Константина, каковаго показанія нѣтъ у Сократа. Первая половина 6-й гл. Геласія буквально заимствована изъ исторіи Сократа [5]). Геласій удерживаетъ здѣсь и то показаніе Сократа, что императоръ, взойдя въ собраніе епископовъ, не прежде захотѣлъ сѣсть, какъ когда епископы пригласили его. Конецъ 7-й гл., гдѣ Геласій перечисляетъ нѣкоторыхъ сторонниковъ Арія на Никейскомъ соборѣ, указыва-

1) гл. 6, стр. 23 (col. 52) и гл. 7, стр. 26 (col. 53—56).

2) Gel. Cyz. II, c. 4. Mansi. Socr. conc. t. II, col. 805.

3) Socrat. I, c. 8, col. 60.

4) гл. 8, стр. 32 (col. 61).

5) гл. 8, стр. 34 (col. 61—64) и стр. 35 (col. 64).

сть на Аѳанасія, какъ на мужественнаго защитника православія, почти дословно заимствованъ изъ исторіи Сократа [1]). Различіе между Геласіемъ и Сократамъ только въ томъ, что первый вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ указываетъ, какъ на защитника православія, и на Александра Константинопольскаго, между тѣмъ Сократъ указываетъ на одного Аѳанасія. Разсказъ Геласія объ Акесіи, призванномъ императоромъ Константиномъ на соборъ, равнымъ образомъ разсказъ о томъ, какъ отцы собора думали установить обязательное безбрачіе для лицъ духовнаго сана и какъ воспротився этому Пафнутій Ѳиваидскій, заимствованы изъ исторіи Сократа, такъ что 29 гл. Геласія представляетъ дублетъ 10 гл. исторіи Сократа, а конецъ 31-й и начало 32-й гл. Геласія— дублетъ 11-й гл. Сократа. Все различіе между Геласіемъ и Сократомъ состоитъ лишь въ томъ, что первый, какъ и Созоменъ, говоритъ о намѣреніи отцевъ собора утвердить безбрачіе не только для епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, но и для иподіаконовъ. Но это различіе объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Геласій, подобно Созомену, имѣлъ подъ руками другой экземпляръ Сократовой исторіи, въ которомъ есть слово: „ὑποδιάκονοι“ [2]). Въ 33 главѣ Геласій помѣщаетъ посланіе собора къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египта объ опредѣленіяхъ собора и о низложеніи Арія и его единомышленниковъ [3]). Это посланіе въ подлинномъ видѣ находится въ исторіи Сократа [4]). Можетъ быть, Геласій заимствовалъ это посланіе изъ исторіи Сократа [5]). Въ 36

[1]) гл. 8, стр. 34 (col. 64).

[2]) Впрочемъ, можетъ быть, дѣло было проще: можетъ быть, Геласій имѣлъ такую же редакцію Сократовой исторіи, какою пользуемся и мы; слово же „ὑποδιάκονοι“ взялъ изъ исторіи Созомена (I, 23), которую онъ зналъ и которой пользовался, какъ это мы увидимъ ниже.

[3]) У Миня это посланіе не напечатано; издатель отсылаетъ къ церковной исторіи Ѳеодорита; въ изданіи Манси оно напечатано: t. II, col. 909—911.

[4]) гл. 9. стр. 45—49 (col. 77—84).

[5]) Впрочемъ, положительно опредѣлить, откуда заимствовалъ Геласій это посланіе, довольно трудно. Самый текстъ Геласіевой редакціи посланія не при-

гл. Геласій помѣстилъ три посланія Константина; два первыя посланія а) къ епископамъ и народамъ и b) къ александрійцамъ и всѣмъ православнымъ противъ Арія—находятся и въ церковной исторіи Сократа [1]); вѣроятно, отсюда Геласій и перенесъ эти посланія въ свою исторію.

Немало заимствованій сдѣлъ Геласій и изъ церковной исторіи Созомена, хотя онъ не указываетъ ея въ числѣ своихъ источниковъ. Конецъ 7-й гл., гдѣ говорится о призываніи на соборъ Арія, Геласій заимствовалъ изъ исторіи Созомена. Положимъ, Созоменъ не говоритъ буквально того, что говоритъ Геласій; но изъ показаній Созомена [2]) прямо слѣдуетъ то, что передаетъ Геласій, такъ что показанія послѣдняго можно принимать за парафразъ показаній Созомена. 25 гл. исторіи Геласія, гдѣ говорится объ осужденіи Арія и его мнѣній, представляетъ (за исключеніемъ конца) компиляцію, составленную на основаніи разныхъ мѣстъ исторіи Созомена [3]), съ нѣкоторыми, впрочемъ, варіаціями.

Пользовался Геласій и церковною исторіею Өеодорита. Объ исторіи Өеодорита Геласій упоминаетъ въ своемъ сочиненіи и даже отсылаетъ къ ней читателей, когда говоритъ объ интригахъ Евсевія Никомидійскаго и Өеогниса Никейскаго [4]), но не говоритъ, что пользовался ею. Заимствовалъ Геласій изъ церковной исторіи Өеодорита слѣдующее. Въ 25-й гл. Геласій, разсказывая объ осужденіи аріанъ, между прочимъ замѣчаетъ, что письменное вѣ-

водить ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. Въ текстѣ Геласіевой редакціи есть много сходнаго съ Сократовой редакціей и отличнаго отъ редакціи Өеодоритовой; но немало и такихъ мѣстъ, гдѣ Геласіева редакція сходится съ Өеодоритовой и расходится съ Сократовой. Вѣроятнѣе впрочемъ полагать, что Геласій заимствовалъ это посланіе изъ церковной исторіи Өедорита (I кн. гл. 9. Migne t. 82. c. 8), потомучто начало 33 главы, предшествующее тексту посланія, заимствовано Геласіемъ у Өеодорита, а не у Сократа.

[1]) гл. 9, col. 88 et 84.

[2]) I кн. гл. 17, стр. 64 (col. 913) и гл. 19, стр. 67 (col. 917).

[3]) I, 21, стр. 70—73 (col. 921).

[4]) Gel. Cyz. II, c. 32, col. 1337.

роизложеніе аріанъ было разодрано на соборѣ. Это показаніе Геласій несомнѣнно заимствовалъ у Ѳеодорита, который одинъ только свидѣтельствуетъ объ этомъ фактѣ [1]). Въ 33-й гл. Геласій передаетъ, что соборъ сдѣлалъ постановленіе и относительно Мелетія, и приводитъ посланіе собора къ Александрійской церкви и прочимъ церквамъ Египта. Откуда взято самое посланіе, рѣшительно сказать нельзя; но предшествующія этому посланію показанія Геласій взялъ у Ѳеодорита [2]). Въ 36-й гл. Геласій говоритъ о пиршествѣ и дарахъ, которыми Константинъ выражалъ свою пріязнь епископамъ, бывшимъ на соборѣ, и говоритъ совершенно сходно съ Ѳеодоритомъ [3]). Вотъ заимствованія Геласія изъ церковной исторіи Ѳеодорита.

Кромѣ церковныхъ историковъ Геласій пользовался сочиненіями Аѳанасія Александрійскаго, хотя онъ самъ не упоминаетъ объ этомъ источникѣ. Изъ сочиненій Аѳанасія Геласій заимствовалъ окружное посланіе Александра Александрійскаго [4]). Это посланіе есть и въ исторіи Сократа [5]). Но Геласій заимствовалъ его не у Сократа: Геласіева редакція отлична отъ Сократовой. У Сократа не приводится списка пресвитеровъ, подписавшихся подъ опредѣленіями Александрійскаго собора о низложеніи Арія и его единомышленниковъ; между тѣмъ у Геласія этотъ списокъ, какъ и у Аѳанасія, приводится. Положимъ, между Геласіевой и Аѳанасіевой редакціями посланія есть не мало разностей въ текстѣ, особенно въ именахъ присвитеровъ, подписавшихся подъ опредѣленіями собора [6]), но эти разности не столь значительны, чтобы

[1]) Gel. Cyz. II, c. 25; cf. Theod. Hist. eccles. I. 6 (по рус. изд. гл. 7).

[2]) I, 9. Migne c. 8.

[3]) Ѳеодор. Церк. ист. I, 11 (Migne c. 10).

[4]) Посланіе находится въ 3 гл. II кн. исторіи Геласія. У Миня оно не напечатано; издатель отсылаетъ (не совсѣмъ удачно...) къ исторіи Сократа; у Манси оно есть: t. II, col. 793—801.

[5]) Сокр. I, 6.

[6]) Разности отмѣчены у Миня: Cur. patr. t. 18 gr. ser. col. 572—581 (въ

Геласіеву редакцію посланія считать за самостоятельную и отличную отъ Аѳанасіевой: эти разности, особенно въ именахъ пресвитеровъ, легко могли произойти отъ невнимательности и ошибокъ переписчиковъ. Изъ сочиненій Аѳанасія, вѣроятно, заимствовалъ Геласій и показанія о томъ, какъ епископы противопоставляли аріанскимъ терминамъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ другіе термины, выражающіе православное ученіе [1]). Правда, Геласій въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ дословныхъ заимствованій изъ сочиненій Аѳанасія, онъ передаетъ только смыслъ того полемическаго процесса, которымъ православные епископы замѣнили аріанскія выраженія ортодоксальными; но такъ какъ объ этомъ процессѣ передаетъ одинъ только Аѳанасій въ своихъ двухъ посланіяхъ: „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора“ и „къ африканскимъ епископамъ“, то въ данномъ случаѣ можно ставить Геласія въ зависимость отъ Аѳанасія [2]).

Какіе у Геласія были еще источники, кромѣ указанныхъ, неизвѣстно; но что они были, это несомнѣнно, потомучто онъ приводитъ нѣкоторые новые документы—грамоты и посланія, которыхъ мы не встрѣчали въ болѣе раннихъ сказаніяхъ о соборѣ, и нравоучительныя опредѣленія собора, или діатипозы, о которыхъ никто изъ повѣствователей о Никейскомъ соборѣ даже не упоминаетъ.

Мы указали источники, которыми пользовался Геласій, и отмѣтили заимствованія, какія онъ сдѣлалъ изъ этихъ источниковъ. Изъ обзора источниковъ прежде всего открывается, что Геласій въ своей исторіи очень много повторяетъ уже извѣстнаго намъ изъ болѣе раннихъ повѣствованій о соборѣ; болѣе $^2/_3$ его

примѣчаніяхъ), гдѣ напечатано окружное посланіе Александра по Аѳанасіевой редакціи.

1) Gel. Cyz. II, 11, col. 1248—1249.

2) Можетъ быть, Геласій заимствовалъ изображеніе процесса замѣны аріанскихъ терминовъ православными не прямо изъ сочиненій Аѳанасія, а чрезъ посредство Ѳеодорита, который въ своей исторіи (I, 7, по рус. изд. 8) приводитъ отрывокъ изъ посланія Аѳанасія „къ африканскимъ епископамъ“.

второй книги (въ которой собственно и излагается исторія Никейскаго собора) составляютъ заимствованія изъ сочиненій Евсевія, Руфина, Сократа, Созомена, Θеодорита, Аθанасія Александрійскаго и анонимнаго автора. Слѣдовательно, новаго въ исторіи Геласія не такъ много, какъ можно было-бы ожидать отъ такого обширнаго повѣствованія. Во вторыхъ, изъ того-же обзора источниковъ Геласіевой исторіи видно, что Геласій въ своихъ показаніяхъ не вездѣ безупреченъ съ точки зрѣнія исторической достовѣрности. Онъ безъ всякой критики относится къ своимъ источникамъ и безъ всякаго колебанія заноситъ въ свою исторію всякое показаніе, какъ вполнѣ достовѣрное. А такъ какъ не всѣ показанія источниковъ, которыми пользовался Геласій, достовѣрны: нѣкоторыя изъ нихъ довольно сомнительны, а нѣкоторыя—положительно ложны, то вслѣдствіе этого въ исторію Геласія вкралось много неточностей, ошибокъ и даже легендъ. Эти неточныя и недостовѣрныя показанія по своему объему составляютъ болѣе $^1/_8$ всего повѣствованія Геласія о соборѣ. Мало того, Геласій не только вноситъ въ свою исторію неправильныя показанія источниковъ, но на основаніи этихъ неправильныхъ свидѣтельствъ составляетъ и свои показаня, конечно, также ложныя. Напр. помѣстивъ въ своей исторіи споры философовъ съ епископами, въ которыхъ философы касались и вопроса о Св. Духѣ, Геласій и самъ въ своемъ praefatio свидѣтельствуетъ, что на Никейскомъ соборѣ поднимался и рѣшался вопросъ не только о Сынѣ Божіемъ, но и о Св. Духѣ; въ 12-й гл. II книги онъ говоритъ, что соборъ чрезъ Осію Кордубскаго разъяснилъ, какъ нужно понимать три лица въ одномъ Божествѣ, и при этомъ очень опредѣленно выразилъ ученіе о единосущіи и равенствѣ съ Отцемъ Сына и Св. Духа[1]). Равнымъ образомъ, помѣстивъ споры философовъ съ епископами, гдѣ выводится въ качествѣ защитника православія Евсевій Кесарійскій, Геласій дѣлаетъ самые лестные отзы-

[1]) См. также 24 гл. II кн.

вы о послѣднемъ, называетъ его заслуживающимъ удивленія (θαυμάσιος) [1]) и ставитъ его по твердости въ православіи на ряду съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ и Евстаѳіемъ Антіохійскимъ [2]). Точно также принявъ показаніе анонима (или пресвитера Іоанна) о $3^1/_2$ годовой продолжительности Никейскаго собора, Геласій на основаніи этого показанія и вопреки свидѣтельству церковныхъ историковъ, полагаетъ довольно много времени на самыя засѣданія собора. По его свидѣтельству, епископы собирались для предварительныхъ разсужденій въ продолженіи многихъ дней и мѣсяцевъ [3]), между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Руфина, на предварительныя совѣщанія употреблено было только нѣсколько дней [4]).

Кромѣ указанныхъ есть у Геласія и другія немаловажныя погрѣшности. Такъ Геласій говоритъ, что Никейскій соборъ издалъ не только догматическія и каноническія опредѣленія, но и нравоучительныя, или діатипозы, часть которыхъ онъ приводитъ въ своей исторіи [5]). Онъ утверждаетъ, что нравоучительныя опредѣленія (діатипозы) изданы отцами собора по настоянію императора послѣ рѣшенія догматическаго вопроса и вопроса о Пасхѣ и мелетіанахъ [6]). Постановленій этихъ, какъ можно догадываться изъ словъ Геласія, издано было довольно много, потомучто Геласій, приведя въ своей исторіи нѣкоторыя изъ нихъ (постановленій), замѣчаетъ: „мы помѣстили въ своемъ сочиненіи эти церковныя постановленія, изданныя св. отцами нашими, помѣстили немногія изъ многихъ (μικρὰ ἐκ πολλῶν) [7]). Но, кажется, не нужно много жалѣть о томъ, что Геласій привелъ не всѣ діатипозы, а только

1) Praefatio. col. 1197.
2) Gel. Cyz. II, c. 26, col. 1310.
3) Ibid. c. 8, col. 1245.
4) Ruf. Hist. eccles. I, c. 2.
5) Gel. Cyz. lib. II, c. 30.
6) Ibid. II, c. 28.
7) Ibid. II, c. 30, col. 1320.

небольшую часть ихъ; и по этой небольшой части можно судить о достоинствѣ и принадлежности ихъ Никейскому собору. Діатипозы представляютъ изъ себя общія правила и наставленія, касающіяся разныхъ предметовъ догматическихъ, нравственныхъ и дисциплинарныхъ. Первое правило въ самыхъ общихъ выраженіяхъ совѣтуетъ обращаться ко Христу, Который есть нашъ свѣтъ. „Будемъ бесѣдовать со свѣтомъ, который есть Христосъ, какъ ближніе Его, какъ окружающіе Его, чтобы намъ руководиться освящающими молитвами; ибо молитвы освящаютъ, если мы обращаемся къ Божественному Слову. Слово же Божественное присутствуетъ тамъ, гдѣ сердце въ смиреніи сохраняется. Трудился Израиль, принося жертвы; взывали пророки къ Богу: „пошли свѣтъ твой и истину твою" (Пс. 42, 3); они взывали, а мы получимъ; они трудились, какъ говоритъ Господь, а мы въ трудъ ихъ взойдемъ. Ибо пришелъ къ намъ Господь, говоря: Я—свѣтъ, Я—истина (Іоан. 8, 12; 14, 6): безъ труда мы принимаемъ благодать, но съ трудомъ намъ должно сохранять ее". Второе наставленіе направлено противъ тѣхъ, которые на основаніи словъ Спасителя: „не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть" (Матѳ. 6, 25), утверждаютъ, что христіанамъ не слѣдуетъ трудиться, въ частности не слѣдуетъ обработывать и воздѣлывать землю. Должно доказать, что не такъ сказалъ Господь, читаемъ въ наставленіи. Мы можемъ трудиться и быть спокойны, зная и вѣря, что приращеніе и плодъ даетъ Господь, Который сказалъ: „царствіе Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ въ землю сѣмя; и спитъ и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ (Мар. 4, 26—27)". Третье наставленіе касается лицъ священнаго сана. „Лица священнаго сана, читаемъ въ наставленіи, должны быть типами и образами небесныхъ степеней. Епископъ долженъ занимать мѣсто Господа, какъ глава церкви, которую принялъ; пресвитеръ—мѣсто серафима; діаконъ—мѣсто херувима; имъ долженъ прислуживать помощникъ". Четвертое наставленіе—дисциплинарнаго характера: оно

запрещаетъ мірянамъ входить на амвонъ, кромѣ тѣхъ, которые должны читать или пѣть. Пятое наставленіе говоритъ о крещеніи: здѣсь указывается значеніе крещенія, какъ очищенія отъ грѣховъ дѣйствіемъ Св. Духа. Шестое наставленіе говоритъ о таинствѣ евхаристіи (хотя ничего не говоритъ о пресуществленіи); седьмое—о воскресеніи изъ мертвыхъ; восьмое—о единствѣ церкви; девятое—о провидѣніи. Всѣ эти наставленія основываются на текстахъ св. Писанія, или вѣрнѣе: они представляютъ изъ себя собраніе разныхъ изреченій св. Писанія, относящихся къ тому или другому предмету. Вообще, діатипозы имѣютъ большое сходство съ гномами, съ которыми мы имѣли дѣло при разборѣ коптскихъ текстовъ. Діатипозы—такія же общія наставленія, касающіяся разныхъ предметовъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, какъ и гномы. Различіе состоитъ только въ томъ, что діатипозы Геласія не проникнуты аскетизмомъ. Но это различіе не особенно существенно. Поэтому и относительно принадлежности діатипозовъ Никейскому собору нужно сказать тоже, что мы сказали о гномахъ: діатипозы не могутъ принадлежать Никейскому собору по своей общности и неопредѣленности. Притомъ нѣкоторыя изъ постановленій, приписываемыхъ Геласіемъ Никейскому собору, не могутъ быть признаны за Никейскія потому, что они принадлежатъ другимъ соборамъ. Таково четвертое постановленіе. Это постановленіе издано соборомъ Лаодикійскимъ и находится въ числѣ его правилъ (прил. 15). Но собору Лаодикійскому, бывшему послѣ Никейскаго [1]), не зачѣмъ было бы издавать такое правило, если бы его издалъ Никейскій соборъ. Вселенскій соборъ имѣетъ болѣе авторитета, чѣмъ помѣстный, и обык-

[1]) Время Лаодикійскаго собора съ точностью неизвѣстно. Можно только замѣтить, что во всѣхъ извѣстныхъ собраніяхъ правилъ Лаодикійскій соборъ полагается послѣ Антіохійскаго; поэтому вѣроятнѣе то мнѣніе, что Лаодикійскій соборъ былъ во второй половинѣ IV вѣка, незадолго до 2-го вселенскаго собора. Беверегій полагаетъ его около 365 года. Соборъ вселенскій VI при исчисленіи соборовъ полагаетъ Лаодикійскій между Антіохійскимъ (341 г.) и 2-мъ вселенскимъ (381 г.). „Опытъ курса церковн. законовѣдѣнія“ еп. Іоанна стр. 421.

новенно вселенскіе соборы подтверждали опредѣленія помѣстныхъ,
а не наоборотъ. Вѣроятно, Геласій заимствовалъ діатипозы изъ
какого-нибудь частнаго сборника правилъ и наставленій, обра-
щавшихся подъ именемъ Никейскихъ. Существованіе такихъ сбор-
никовъ въ V вѣкѣ вполнѣ естественно и понятно. Никейскій со-
боръ въ V вѣкѣ былъ всѣми принятъ и опредѣленія его очень
уважались. Поэтому разныя постановленія и предписанія очень
выгодно было выдавать за Никейскія, чтобы придать имъ больше
авторитета и значенія. Мы имѣемъ образцы подобнаго подлога.
Напр. каноническія правила Сардикійскаго собора первоначально
соединялись съ правилами Никейскими и во многихъканониче-
скихъ сборникахъ извѣстны были подъ именемъ этихъ послѣднихъ.
Другой подлогъ представляютъ коптскіе тексты. Здѣсь общія нрав-
ственныя предписанія выдаются за Никейскія постановленія—не-
сомнѣнно для того, чтобы придать больше важности этимъ пред-
писаніямъ. Наконецъ, болѣе явный подлогъ представляютъ араб-
скіе каноны: они содержатъ въ себѣ постановленія, относящіяся къ
разнымъ вѣкамъ и изданныя разными соборами вселенскими и по-
мѣстными, и однако выдаются за каноны Никейскіе. Нѣтъ ни-
чего невѣроятнаго предположить нѣчто подобное и по отношенію
къ Геласію. Можетъ быть, Геласій нашелъ сборникъ постановле-
ній и сентенцій, обращавшихся подъ именемъ Никейскихъ, и изъ
этого сборника сдѣлалъ нѣкоторыя извлеченія для своей исторіи.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя погрѣшности Геласія противъ ис-
торической правды. Мы ранѣе напр. замѣчали, что Руфина онъ
называетъ римскимъ пресвитеромъ и считаетъ его очевидцемъ со-
бора. Эта погрѣшность въ строгомъ смыслѣ слова къ исторіи со-
бора не относится; но есть у Геласія непростительныя погрѣш-
ности и относительно самого собора. Такъ онъ свидѣтельствуетъ,
что Осія Кордубскій былъ легатомъ папы вмѣстѣ съ пресвитера-
ми Витономъ и Викентіемъ. „Вмѣстѣ со многими другими, пи-
шетъ Геласій, присутствовалъ на соборѣ самъ знаменитый Осія
изъ Испаніи, который вмѣстѣ съ римскими пресвитерами — Ви-

тономъ (или Витомъ) и Викентіемъ занималъ мѣсто Силивестра, епископа великаго Рима" [1]). Это показаніе Геласія объ Осіи, какъ представителѣ папы, едва-ли вѣрно. По свидѣтельству Евсевія [2]), Созомена [3]) и Ѳеодорита [4]), римскаго епископа замѣняли только два пресвитера, но ни одинъ изъ поименованныхъ источриковъ не указываетъ, какъ на легата папы, и на Осію Кордубскаго. Вѣроятно, Осія былъ самостоятельнымъ членомъ собора; источникомъ же Геласіева показанія были, нужно полагать, латинскія тенденціи о главенствѣ папы, которыя послѣ 4-го вселенскаго Халкидонскаго собора стали довольно ощутительно и опредѣленно заявлять себя. Не избѣгъ Геласій и той ошибки, съ которой мы уже встрѣчались, будто Никейскій соборъ анаѳематствовалъ не только Арія, но и другихъ еретиковъ—Савеллія, Фотина, Павла Самосатскаго, манихеевъ, Валентина, Маркіона и др.

Страдая со стороны своей достовѣрности, исторія Геласія не безупречна и въ другихъ отношеніяхъ. Геласій, не вездѣ послѣдовательно излагаетъ исторію собора, не всегда тому или другому факту отводитъ надлежащее мѣсто: фактъ, совершившійся ранѣе другаго, онъ иногда ставитъ послѣ; факты, совершившіеся непосредственно одинъ за другимъ, иногда разъединяетъ. Вотъ примѣры такой непослѣдовательности. По сказанію Геласію, извѣстный намъ фактъ сожженія императоромъ жалобъ епископовъ другъ на друга имѣлъ мѣсто на самыхъ засѣданіяхъ собора и, какъ кажется, на засѣданіяхъ торжественныхъ. Къ торжественнымъ же засѣданіямъ собора Геласій пріурочиваетъ и споры философовъ съ епископами. Опредѣленіе о Мелетіи и мелетіанахъ, по указанію Геласія, было составлено на соборѣ уже послѣ всѣхъ

1) Gelas. Cyz. II, 5.

2) „Жизнь Константина". III 7.

3) Церковн. исторія. I 17.

4) Церковн. исторія. I, 7 (Migne cap. 6).

другихъ постановленій, въ самомъ концѣ соборной дѣятельности. Евсевій Никомидійскій и Ѳеогнисъ Никейскій, по Геласію, были осуждены на самомъ соборѣ и тутъ же каѳедры ихъ были замѣщены Амфіономъ и Христомъ. „Евсевій, Ѳеогнисъ и другіе аріане, которые были съ ними, принужденные скрѣпить изложеніе истинной вѣры, но отказавшіеся анаѳематствовать Арія, по рѣшенію собора епископовъ и суду благочестивѣйшаго императора, подверглись изгнанію, а вмѣсто нихъ въ ихъ епархіи, по рѣшенію собора, клира и народа каждой изъ этихъ епархій, поставлены были Амфіонъ къ церкви Никомидійской, Христъ—къ Никейской“ [1]). Всѣ указанные примѣры непослѣдовательности Геласія въ изложеніи событій (съ которыми мы уже встрѣчались) произошли оттого, что онъ, пользуясь источниками, не подвергалъ ихъ критикѣ и сличенію, не опредѣлялъ ихъ взаимоотношенія.

Не опредѣливъ взаимоотношенія своихъ источниковъ, Геласій допусилъ, кромѣ непослѣдовательности въ изложеніи событій, новый недостакъ: онъ часто повторяется, одинъ и тотъ же фактъ передаетъ дважды. Такъ, передавъ въ началѣ 8-й главы II книги своей исторіи фактъ сожженія императоромъ жалобъ епископовъ другъ на друга по Руфину, Геласій далѣе въ концѣ 8-й главы передаетъ тотъ же самый фактъ по Ѳеодориту, принявъ измѣненный Ѳеодоритомъ разсказъ Руфина за совершенно новый. Передавъ на основаніи Созомена и Руфина краткій разсказъ о посрамленіи философа простымъ старцемъ [2]), Геласій далѣе [3]) очень пространно и подробно разсказываетъ о спорѣ философа Федона съ епископами, хотя этотъ послѣдній разсказъ въ сущности тождественъ съ первымъ краткимъ.

Наконецъ, какъ на недостатокъ исторіи Геласія, мы должны указать на неполноту. Геласій въ praefatio говоритъ, что

[1]) Gel. Cyz. II, c. 32, col. 1337.
[2]) Ibid. c. 13.
[3]) Ibid. c. 14—23.

онъ старался отыскать все, относящееся къ исторіи Никейскаго собора, чтобы составить исторію собора по возможности полную и обстоятельную. Дѣйствительно, его исторія подробнѣе и полнѣе другихъ повѣствованій о соборѣ. Но при всемъ томъ мы обвиняемъ Геласія за неполноту. Онъ не всѣми источниками воспользовался въ должной мѣрѣ; нѣкоторые документы онъ опустилъ, хотя несомнѣнно зналъ ихъ. Такъ онъ помѣстилъ въ своей исторіи [1]) только одно окружное посланіе Александра Александрійскаго и опустилъ другое—къ Александру Византійскому, хотя зналъ и это послѣднее. Изъ посланія Константина къ Александру и Арію Геласій приводитъ только часть, а рѣчь императора къ епископамъ при открытіи торжественныхъ засѣданій собора, которую приводитъ Евсевій [2]), Геласій опустилъ совсѣмъ. Правда, Геласій приводитъ рѣчь императора, но не ту, которую приводитъ Евсевій. Конечно, всѣ указанные нами пробѣлы въ исторіи Геласія не важны сами по себѣ; мы имѣемъ возможность пополнить ихъ изъ другихъ повѣствованій о соборѣ; но они важны для характеристики Геласіева произведенія. Геласій выдаетъ свое произведеніе за самое тщательное и подробное повѣствованіе о соборѣ и, однако, не помѣщаетъ въ немъ многихъ и важныхъ показаній; а это уже неисправность, неисполненіе своего обѣщанія.

Мы отмѣтили недостатки исторіи Геласія Кизическаго: недостатковъ этихъ очень много. Но мы не думаемъ отнимать всякое значеніе у произведенія Геласія, какъ источника исторіи Никейскаго собора. Перемѣшивая истину съ ложью, повторяя въ большинствѣ случаевъ то, что извѣстно изъ другихъ сказаній о соборѣ, или впадая въ легендарность, Геласій сообщаетъ, однако, нѣкоторыя и новыя достовѣрныя свѣдѣнія о соборѣ. Вотъ они:

1) Геласій указываетъ въ числѣ аріанствующихъ членовъ собора новое лицо, котораго не указываетъ никто изъ предыду-

[1]) Ibid. c. 3.

[2]) „Жизнь Константина". III, 12.

щихъ повѣствователей. Это новое лицо—Ѳеодотъ, епископъ Ираклійскій во Ѳракіи [1]), человѣкъ, по свидѣтельству Ѳеодорита, весьма ученый (ἐλλόγιμος διαφερόντως—eximiae doctrinae vir), написавшій комментарій на св. Евангелія [2]), а также толкованія и на нѣкоторыя другія книги свящ. Писанія, наконецъ—извѣстный, какъ знатокъ исторіи [3]).

2) Геласій приводитъ часть списка епископовъ, подписавшихся подъ опредѣленіями Никейскаго собора [4]). Всѣ дошедшіе до насъ списки перечисляютъ епископовъ по провинціямъ, начиная съ Египта и сосѣднихъ съ нимъ странъ, между тѣмъ у Геласія подписи епископовъ приведены, кажется, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были на подлинномъ экземплярѣ. Къ такому заключенію приводитъ то обстоятельство, что подписи епископовъ идутъ у Геласія въ порядкѣ, сообразномъ съ достоинствомъ и заслугами самихъ епископовъ.

3) Геласій свидѣтельствуетъ, что дисциплинарныя правила, или каноны соборъ издалъ по настоянію императора [5]). Этого показанія мы не встрѣчаемъ у другихъ повѣствователей о соборѣ, но сомнѣваться въ немъ мы не имѣемъ никакихъ основаній. Императоръ очень заботился о прекращеніи всякихъ несогласій и водвореніи между всѣми полнаго мира и единомыслія, а потому естественно желалъ, чтобы установлены были опредѣленныя постановленія по всѣмъ спорнымъ вопросамъ. Притомъ императоръ занималъ мѣсто предсѣдателя собора [6]), слѣдовательно, указывалъ и предметы для соборнаго обсужденія.

4) Геласій приводитъ въ своей исторіи символъ Никейскій

1) Gel. Cyz. II, c. 7, col. 1241.

2) Theod. Hist. eccles. II, c. 2 (по р. изд. гл. 3).

3) Ал. П. Лебедева „Изъ ист. вселен. собор. IV и V вв.“ стр. 82—83.

4) Gel. Cyl. II c. 27.

5) Gel. Cyz. II. c. 28.

6) „Жизнь Константина“. III, 10; Созом. I, 19.

съ анаѳематствованіемъ на Арія [1]) и каноны [2]). Геласіева редакція символа нѣсколько отличается отъ редакціи, сохраненной въ приложеніи къ сочиненію Аѳанасія „объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора". Такъ у Геласія послѣ слова „страдавшаго" вставлено слово „погребеннаго" (ταφέντα); послѣ словъ „восшедшаго на небеса" вставлено выраженіе „и сѣдящаго одесную Отца (καὶ καθεζόμενον ἐν δεξιᾷ τοῦ Πατρός); къ слову „церковь" въ анаѳематствованіи прибавлено слово „апостольская" (ἀποστολική). Каноны, приведенные Геласіемъ, не представляютъ никакихъ особенныхъ разностей съ другими списками.

Кромѣ новыхъ показаній о соборѣ, Геласій даетъ намъ и новые документы, относящіеся къ исторіи собора. Эти документы слѣдующіе:

1) *Рѣчь императора Константина къ собору* [3]). Въ подлинности этой рѣчи едва ли можно сомнѣваться. Содержаніе ея вполнѣ соотвѣтствуетъ свидѣтельству Евсевія [4]) о содержаніи рѣчей Константина вообще. Въ пользу подлинности этой рѣчи и ея произнесенія на соборѣ говоритъ и Ѳеодоритъ. Ѳеодоритъ въ подлинникѣ приводитъ только конецъ рѣчи, начало же онъ передаетъ лишь въ краткомъ изложеніи. Но и приведеннаго Ѳеодоритомъ вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что онъ имѣлъ туже рѣчь, какую и Геласій. Представленное Ѳеодоритомъ изложеніе содержанія рѣчи вполнѣ согласно съ рѣчью, приведенною Геласіемъ; а конецъ рѣчи, приведенный Ѳеодоритомъ въ подлинникѣ, дословно сходенъ съ концемъ рѣчи, приведенной Геласіемъ [5]). Труднѣе рѣшить вопросъ, въ какой моментъ соборной дѣятельности произнесена была эта рѣчь и въ какомъ отношеніи она на-

[1]) Gel. Cyz. II c. 26.

[2]) Ibid. c. 31.

[3]) Ibid. c. 7; Дѣян., I, стр. 90.

[4]) „Жизнь Константина." IV, гл. 29.

[5]) См. Ѳеод. I, 7 (Migne c. 6), Gel. Cyz. c. 7. col. 1241.

ходится къ рѣчи, сохраненной Евсевіемъ. Несомнѣнно, обѣ эти рѣчи произнесены въ разное время; когда же? Рѣчь, сохраненная Евсевіемъ, какъ видно изъ повѣствованія послѣдняго, была произнесена „въ день, назначенный для разрѣшенія недоумѣнія спорящихъ, когда каждый явился на засѣданіе собора съ своимъ мнѣніемъ“ [1]); притомъ она произнесена была на такихъ засѣданіяхъ собора, на которыхъ произошло окончательное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ [2]). Все это приводитъ къ тому заключенію, что рѣчь, сохраненная Евсевіемъ, произнесена была на торжественныхъ засѣданіяхъ собора. Но торжественнымъ засѣданіямъ собора предшествовали частныя, предварительныя совѣщанія, какъ объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Созоменъ. Вѣроятно на этихъ-то совѣщаніяхъ при началѣ ихъ, когда епископы только что собрались въ Никею, императоръ и сказалъ ту рѣчь, которую приводитъ въ своей исторіи Геласій. Къ этому моменту приводитъ насъ и самое содержаніе рѣчи. Геласіева рѣчь представляетъ изъ себя простую бесѣду, подобно тѣмъ, какія велъ Константинъ съ своими подданными; въ этой же рѣчи императоръ проситъ епископовъ принять его въ число своихъ членовъ: все это не гармонируетъ съ торжественными засѣданіями собора, гдѣ рѣчь должна быть по возможности кратка и гдѣ императору, занявшему предсѣдательское мѣсто, излишне было просить епископовъ, чтобы они приняли его въ число своихъ членовъ. Итакъ съ правомъ можно утверждать, что Геласіеву рѣчь императоръ произнесъ при началѣ предварительныхъ совѣщаній собора, послѣ того, вѣроятно, какъ сжегъ жалобы епископовъ другъ на друга. Признавши, что рѣчь Константина, сохраненная Геласіемъ, была произнесена на предварительныхъ совѣщаніяхъ, мы поймемъ и то, почему не приводитъ ее Евсевій, столь любившій въ подлинникѣ помѣщать всякіе документы вообще, рѣчи и посланія Константина въ особен-

[1]) „Жизнь Константина“. III, 10.
[2]) Ibid. III, 13—14.

ности. Евсевій въ своемъ повѣствованіи опустилъ предварительныя совѣщанія и описываетъ только одни торжественныя засѣданія; вслѣдствіе этого ему негдѣ было помѣстить ту рѣчь Константина, которую приводитъ Геласій, и онъ по необходимости долженъ былъ умолчать о ней.

2) *Посланіе императора Константина къ Өеодоту епископу Лаодикійскому*. Подлинность этого посланія не подлежитъ сомнѣнію: оно было цитовано Бенигномъ, епископомъ Гераклеи Пелагонійской, на 5-мъ вселенскомъ соборѣ (на 5-мъ засѣданіи) [1]. Написано это посланіе одновременно съ посланіемъ къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Өеогниса. Въ этомъ посланіи императоръ увѣдомляетъ Өеодота епископа Лаодикійскаго, сторонника аріанства, объ изгнаніи Евсевія Никомидійскаго и Өеогниса Никейскаго и совѣтуетъ ему извлечь для себя выгоду изъ этого примѣра: не употреблять богохульныхъ выраженій, навѣянныхъ аріанствомъ. Письмо это для исторіи Никейскаго собора имѣетъ то значеніе, что оно подтверждаетъ показаніе Филосторгія [2]) и отвергаетъ показаніе Сократа и самого Геласія о времени осужденія и изгнанія Евсевія и Өеогниса. Если бы Евсевій и Өеогнисъ присуждены были къ ссылкѣ на самомъ соборѣ, какъ утверждаютъ Сократъ и Геласій, то императору не зачѣмъ было бы извѣщать объ этомъ Өеодота Лаодикійскаго, который самъ былъ на Никейскомъ соборѣ [3]) и, слѣдовательно, зналъ бы причину и фактъ изгнанія. Очевидно, Евсевій и Өеогнисъ осуждены были на ссылку уже послѣ собора, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Филосторгій [4]).

[1]) Дѣянія вселен. соборовъ т. V стр. 167.

[2]) Сокращ. ист. Филосторгія у Фотія I, 10.

[3]) Өеодоритъ I, 5. (Minge c. 4) 7 (Minge c. 6); также см. списки епископовъ: Mansi. Sacr. Con. t. II, col. 693, 698. Pitra. Analecta sacra. 1883. t. IV, p. 459—464.

[4]) Кромѣ двухъ разобранныхъ документовъ у Геласія приводятся еще два посланія императора Константина: а) „къ арію и Аріанамъ“ (lib. III, Дѣян.

Мы кончили разборъ исторіи Геласія. Подводя итогъ сказанному, мы можемъ такъ формулировать свои выводы относительно этого произведенія. Исторія Геласія далеко не то, за что выдаетъ ее самъ авторъ. Съ одной стороны, она представляетъ собою сводъ показаній о Никейскомъ соборѣ, заимствованныхъ изъ болѣе раннихъ сказаній о соборѣ, заимствованныхъ безъ всякой критики и потому не всегда вполнѣ достовѣрныхъ. Эта часть исторіи Геласія, конечно, не можетъ имѣть никакого значенія, такъ какъ копія излишня при существованіи оригинала. Съ другой стороны, исторія Геласія содержитъ въ себѣ много баснословнаго, вымышленнаго, не имѣющаго подъ собой никакой исторической подкладки. Понятно, и эта часть не можетъ служить источникомъ исторіи собора. Если же выбросить изъ исторіи Геласія то, что заимствовано изъ дошедшихъ до насъ повѣствованій, и то, что заимствовано изъ источниковъ хотя новыхъ, но недостовѣрныхъ, то отъ этого обширнаго произведенія останется очень и очень немного: нѣсколько отрывочныхъ показаній и нѣсколько не особенно важныхъ документовъ. Но такъ какъ мы не имѣемъ подробныхъ и обстоятельныхъ повѣствованій о соборѣ, откуда можно бы было заимствовать все нужное, такъ какъ для воспроизведенія исторіи собора приходится собирать отрывочныя показанія, то нельзя пренебрегать и небольшимъ количествомъ данныхъ. Въ силу этого не должно совсѣмъ сторониться и отъ исторіи Геласія: ей можно отвести мѣсто, хотя и скромное, среди источниковъ исторіи Никейскаго собора.

„къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Θеогниса“ (lib. III, col. 1356.
I, 73) и 2) „къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Θеогниса“ (lib. III, col. 1356. Minge t. 85. У Миня приведена только 1-я часть посланія, которой нѣтъ у Θеодорита; у Манси приведено все: t. II col. 940—944; Дѣян. I, стр. 199: здѣсь посланіе приведено не все). Но такъ какъ эти посланія не имѣютъ прямаго отношенія къ исторіи собора (значеніе 2-й половины втораго посланія указано нами при разборѣ повѣствованія Θеодорита), то и разборъ ихъ считаемъ излишнимъ.

Слово Григорія, пресвитера Кесаріи Каппадокійской, о 318 святыхъ богоносныхъ отцахъ и благочестивѣйшемъ императорѣ Константинѣ [1]).

О личности самого Григорія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ того только, что онъ былъ пресвитеромъ Кесаріи Каподокійской, какъ значится въ заглавіи слова. Время жизни Григорія, а также время написанія слова о 318 отцахъ Никейскихъ неизвѣстно. По догадкамъ одни (напр. Vossius [2]) и др.) относятъ Григорія къ X вѣку, другіе (Bollandus [3])—къ началу VII вѣка, наконецъ, третьи [4])—къ началу VIII вѣка. Въ виду разногласія мнѣній постараемся приблизительно опредѣлить время жизни Григорія и время написанія имъ своего слова на основаніи самого содержанія разбираемаго нами документа. Говоря объ уваженіи и почитаніи мѣста собранія 318 отцевъ, Григорій между прочимъ передаетъ слѣдующее: „какъ много отцы Никейскіе потрудились и какъ много они заботились, объ этомъ можно заключать изъ того чуда, которое совершилось въ наше время (κατὰ τὴν ἡμετέραν γενέαν) въ Никеѣ. Когда ассиріяне, необразованные и дикіе, опустошили всю Римскую имперію... и все уничтожили съ варварскою необузданностью, Никея осталась совершенно невредимою отъ всякаго насилія вавилонянъ; никто въ ней ни изъ мужей, ни изъ женъ, даже изъ отроковъ не погибъ ни отъ огня,

1) Въ подлинникѣ это сочиненіе носитъ такое загласіе: „Γρεγορίου, πρεσβυτέρου Κεσαρείας Καππαδοκίας, λόγος εἰς τοὺς ἁγίους τιη' θεοφόρους πατέρας καὶ εἰς Κωνσταντῖνον τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα“. (Gregorii presbyteri Caesareae Cappadociae oratio in sanctos trecentem decem et octo deiferos Patres, et in Constantinum piissimum imperatorem). Первоначально это слово издано было только на латинскомъ языкѣ; съ греческимъ подлинникомъ оно было издано въ 1648 году: in novo auctario. Combefesis. Paris. Въ двухъ текстахъ оно находится у Биція: Concil. t. II и въ изданіи Миня: cursus petrologiae gr. ser. t. 111. Мы будемъ ссылаться на это послѣднее изданіе.

2) Vossius. De historicis graecis, lib. IV, p. 491.

3) Migne patrologiae curs. t. 35, gr. ser. col. 241.

4) Ibid.

ни отъ меча, хотя они часто и тайно и явно нападали на нее. Говорятъ, что гордый начальникъ ихъ войска... намѣревался оскорбить безстыднымъ рѣшеніемъ храмъ святыхъ отцевъ, намѣревался принести заклинательныя жертвы магіи; но ночными видѣніями и ему одному только въ продолженіи дня встрѣчающимися стращилищами удержанъ былъ отъ начинанія. Тогда, перемѣнивъ намѣреніе, храмъ тотъ, или лучше—обителя храма Христа, истиннаго Бога Нашего, почтилъ чествованіемъ и возженіемъ свѣчей. При этомъ онъ удержалъ все вавилонское войско отъ приближенія къ святому мѣсту и обнаружилъ по отношенію къ жителямъ Никеи кротость, вовсе несвойственную варварской жестокости, что послужило къ спасенію немалаго количества лицъ, живущихъ и внѣ Никеи; потомучто, если кто былъ захваченъ въ плѣнъ и хотя ложно утверждалъ, что онъ—житель Никеи, тотчасъ дѣлался свободнымъ“ [1]). Изъ приведенныхъ словъ видно, что во времена Григорія на восточные предѣлы Римской имперіи были нападенія какихъ-то варварскихъ народовъ. Григорій называетъ этихъ варваровъ ассиріянами и вавилонянами; но, конечно, это не болѣе, какъ ошибка или какое-либо фигуральное выраженіе. Подъ ассиріянами, несомнѣнно, нужно разумѣть восточные народы, нападавшіе и опустошавшіе Византійскую имперію, каковы были персы, сарацины, турки и др. Вѣроятнѣе подъ ассиріянами Григорія разумѣть персовъ, опустошавшихъ подъ предводительствомъ Хозроя восточные предѣлы Византійской имперіи и подступавшими даже къ самому Константинополю въ царствованіе императора Ираклія—въ началѣ VII вѣка. Ранѣе этого времени не было особенно опустошительныхъ нападеній на восточные предѣлы Византійской имперіи. А что авторъ разбираемаго нами произведенія подъ нападеніемъ ассиріянъ разумѣетъ не какое-либо позднѣйшее опустошеніе Византійской имперіи, въ пользу этого говоритъ упоминаніе его объ одномъ только первомъ вселенскомъ Ни-

[1]) Gregorii presbyteri oratio. Migne t. 111. col. 436 -437.

кейскомъ соборѣ и полное молчаніе о второмъ Никейскомъ седьмомъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ 787 году. Если бы Григорій описывалъ какое-либо другое нападеніе восточныхъ народовъ, бывшее послѣ 7-го вселенскаго собора, то онъ для восхваленія Никеи на ряду съ 1-мъ вселенскимъ соборомъ упомянулъ бы и о 7-мъ. Слѣдовательно, происхожденіе нашего слова нужно относить ко времени отъ начала VII до конца VIII вѣка. Точнѣе опредѣлить время написанія слова нельзя. Положимъ, авторъ о нашествіи варваровъ говоритъ, какъ о событіи современномъ ему („въ наше время"); но это свидѣтельство нельзя понимать слишкомъ буквально. Вѣроятнѣе намъ представляется то мнѣніе, которое относитъ написаніе слова къ началу VIII вѣка.

Поводомъ къ написанію слова была просьба Никейскаго епископа Өеофила. Самъ Григорій указываетъ на это обстоятельство, какъ на причину написанія разбираемаго нами произведенія. „Повинуясь по увѣщанію Апостола (Евр. 13, 17) начальническимъ приказаніямъ, Өеофилъ, забывая о своей неспособности и пренебрегая изящностью рѣчи, я послушался уважаемаго отца, предложившаго мнѣ кратко написать о собраніи 318 отцевъ въ Никеѣ, и передалъ ради его святой Никейской церкви, чтобы она имѣла письменныя сказанія о духовной борьбѣ тѣхъ, тѣлеснаго присутствія которыхъ она заслуженно удостоилась" [1]).

Въ качествѣ источника при составленіи слова о 318 отцахъ служила для Григорія прежде всего церковная исторія Өеодорита. Самъ Григорій не указываетъ на исторію Өеодорита, какъ на свой источникъ, но онъ очень много пользовался ею, перенося изъ нея въ свое произведеніе иное дословно, а иное передавая въ парафразѣ и разукрашивая риторическими фразами, подъ которыми, впрочемъ, легко видѣть оригиналъ. Отмѣтимъ заимствованія Григорія изъ исторіи Өеодорита. Послѣ введенія, гдѣ говорится о поводѣ къ написанію слова, Григорій разсказы-

[1]) Ibid. col. 420.

ваетъ о дѣйствіяхъ Константина въ пользу христіанъ, по унич- тоженіи тирановъ Максенція, Максимина и Ликинія, и о мирѣ христіанъ [1]). Этотъ разсказъ (не относящійся, впрочемъ, къ исто- ріи Никейскаго собора) заимствованъ Григоріемъ изъ 1-й гл. (по рус. изд. 2-й гл.) I кн. исторіи Θеодорита. Отличіе Гри- горія состоитъ только въ томъ, что онъ разукрасилъ риторикою простой разсказъ Θеодорита. О появленіи аріанской ереси и ея первоначальной судьбѣ Григорій опять говоритъ на основаніи Θео- дорита, разукрашивая показанія послѣдняго и отчасти измѣняя ихъ послѣдовательность [2]). О заботахъ Константина доставить со- бравшимся въ Никею епископамъ все нужное и о болѣе замѣча- тельныхъ епископахъ собора, замѣчательныхъ не по образованію, а по подвижничеству, Григорій разсказываетъ по Θеодориту, толь- ко опять разукрашиваетъ показанія послѣдняго и размѣщаетъ ихъ въ иномъ порядкѣ. Изъ епископовъ онъ указываетъ на Іакова Низибійскаго, Павла Неокесарійскаго и Пафнутія Египетскаго, на которыхъ указываетъ Θеодоритъ; отличительнымъ свойствомъ пра- вославныхъ членовъ собора поставляетъ, какъ и Θеодоритъ, испо- вѣдничество и мученичество [3]). О присутствіи на Никейскомъ со- борѣ аріанствующихъ епископовъ Григорій опять говоритъ на ос- нованіи Θеодорита, хотя и здѣсь не забываетъ своей риторики. Особенно бросается въ глаза сходство въ характеристикѣ аріан- ствующихъ членовъ у того и другаго автора: тотъ и другой ука- зываютъ на хитрость и коварство аріанъ, какъ на ихъ отличи- тельное свойство; одинъ (Θеодоритъ) называетъ ихъ людьми „ко- варными, подобными подводнымъ камнямъ“ (εὐαρίθμητοι, ὕπουλοι); другой (Григорій) — „волками„ (λύκους) въ стадѣ овецъ [4]). Со- гласно съ Θеодоритомъ (однимъ только Θеодоритомъ) Григорій

¹) Ibid. col. 420 – 421.

²) Ibid. col. 421 – 422; cf. Theod. Histor. eccl. I c. 1.

³) Greg. or. col. 425; cf. Theod. Hist. eccl. I, 6.

⁴) Greg. or. col. 425—428; cf. Theod. Hist. eccl. I, 6.

утверждаетъ, что привѣтственную рѣчь императору на соборѣ произносилъ Евстаѳій Антіохійскій [1]). О почетѣ, который оказывалъ Константинъ епископамъ, пострадавшимъ за исповѣданіе вѣры Христовой, Григорій говоритъ тоже самое, что и Ѳеодоритъ [2]). Вотъ болѣе или менѣе очевидныя заимствованія Григорія изъ церковной исторіи Ѳеодорита. Но, можетъ быть, и нѣкоторыя другія показанія Григорія составляютъ не что иное, какъ вольный парафразъ Ѳеодоритовыхъ показаній.

Другими намъ извѣстными повѣствованіями о соборѣ, кромѣ исторіи Ѳеодорита, Григорій, кажется, вовсе не пользовался. Но несомнѣнно онъ пользовался какими-то частными записями о Никейскомъ соборѣ, откуда буквально заимствовалъ нѣкоторые документы. Такъ, вѣроятно, изъ этихъ записей онъ заимствовалъ привѣтственную рѣчь Евстаѳія Антіохійскаго императору на соборѣ; изъ этихъ же записей, можетъ быть, онъ заимствовалъ и отрывокъ рѣчи императора Константина собору. Можетъ быть, изъ этихъ записей онъ сдѣлалъ еще какія-либо заимствованія.

Кромѣ письменныхъ сказаній обильнымъ источникомъ для Геласія служило мѣстное преданіе. Самъ Григорій не былъ жителемъ Никеи, но, какъ видно, хорошо зналъ ее; можетъ быть, даже онъ жилъ тамъ до своего пресвитерства въ Кесаріи и ознакомился съ преданіями, которыя, естественно, должны были храниться въ Никеѣ, какъ мѣстѣ собранія епископовъ. Такъ изъ преданія онъ заимствовалъ разсказъ о чудесной подписи къ символу Никейскому двухъ епископовъ — Хрисанфа и Музанія, умершихъ до окончанія собора. Григорій не говоритъ прямо, что онъ заимствовалъ этотъ разсказъ изъ преданія, но это ясно видно изъ его словъ, которыя онъ предпосылаетъ разсказу. „Послѣ изложенія и публичнаго чтенія символа вѣры, пишетъ Григорій, когда уже всѣ почти подписались, случилось нѣчто удивительное,

[1]) Theod. I, 6; conf. Greg. or. col. 428.

[2]) Theod. I, 10; conf. Greg. or. col. 433—436.

достойное того, чтобы передать памяти (θαυμαστοποιεῖταί τι μνήμης ἄξιον) для славы вѣрныхъ и для посрамленія невѣрныхъ“ [1]). Если Григорій находитъ нужнымъ записать для памяти этотъ случай, то, очевидно, онъ ранѣе хранился только въ устномъ преданіи. Изъ преданія же заимствовалъ Григорій показаніе о томъ, что Минофантъ Ефесскій, при видѣ посрамленія философа простымъ необразованнымъ старцемъ, былъ такъ устыженъ, что добровольно согласился съ вѣроизложеніемъ Никейскаго собра и анаѳематствовалъ Арія и его ученіе. Самъ Григорій указываетъ на преданіе, какъ на источникъ, откуда заимствовалъ онъ это показаніе [2]). Точно также изъ преданія Григорій заимствовалъ разсказъ о томъ, что въ средней части храма, въ который собрались Никейскіе отцы помолиться о благополучномъ возвращеніи въ свои епархіи, около средней апсиды, гдѣ стоялъ сонмъ епископовъ, открылись источники елея (ἐλαίου πηγάς). Какъ на источникъ этого разсказа Григорій указываетъ на свидѣтельство [3]) (μαρτιρεῖ), свидѣтельство, очевидно, преданія, иначе онъ обозначилъ бы лицо свидѣтельствующее. Изъ преданія Григорій заимствовалъ и разсказъ, который мы приводили выше, объ уваженіи, какое оказали Никеѣ ассиріяне (точнѣе—персы) при нападеніи на Византійскую имперію. Можетъ быть, преданіе было источникомъ и другихъ показаній Григорія, по крайней мѣрѣ источникомъ вспомогательнымъ, на основаніи котораго онъ разукрашивалъ показанія письменныхъ свидѣтельствъ.

Наконецъ, въ качествѣ источника служило для Григорія личное знакомство съ Никеею, личное наблюденіе. Какъ очевидецъ, онъ описываетъ помѣщеніе, назначенное императоромъ Константиномъ для засѣданія собора [4]). На основаніи также своего личнаго,

1) Greg. oratio. col. 432.

2) Ibid. col. 433.

3) Ibid. col. 436.

4) Ibid. col. 428.

такъ сказать, опытнаго знанія онъ говоритъ о нетлѣнныхъ мощахъ Леонтія Кесарійскаго, а на основаніи свидѣтельствъ (достовѣрныхъ) говоритъ о спокойной, сну подобной, смерти и нетлѣніи мощей прочихъ православныхъ отцевъ Никейскаго собора [1]).

Изъ обзора источниковъ, которыми пользовался Григорій, открывается, что очень значительная часть его повѣствованія заимствована изъ церковной исторіи Ѳеодорита. Конечно, заимствованныя показанія Григорія не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ у насъ есть оригиналъ. Но и новыя показанія Григорія въ большинствѣ случаевъ не могутъ имѣть значенія, потомучто ихъ нельзя признать за показанія достовѣрныя. Такъ чудесныя событія, по сказанію Григорія, имѣвшія мѣсто на соборѣ, какъ-то: открытіе источниковъ елея, подпись къ символу двухъ умершихъ епископовъ—не болѣе, какъ легенды, созданныя много времени спустя послѣ собора. Если бы эти событія или только подобныя имъ случились на соборѣ, то объ нихъ непремѣнно упомянули бы современники Никейскаго собора, особенно Евсевій Кесарійскій, и церковные историки. Однако никто изъ нихъ не говоритъ ничего подобнаго; не говоритъ объ этихъ событіяхъ даже Геласій Кизическій, столь ревностный собиратель всякихъ свѣдѣній о соборѣ и столь неразборчивый въ нихъ: знакъ, что сказанія Григорія о чудесахъ, бывшихъ на Никейскомъ соборѣ, есть плодъ среднихъ вѣковъ, когда, при упадкѣ просвѣщенія, пріобрѣли большой кредитъ басни и легенды. Равнымъ образомъ и другія показанія Григорія, не встрѣчающіяся въ болѣе раннихъ повѣствованіяхъ о соборѣ, не отличаются особенною достовѣрностью. Мы уже ранѣе, при разборѣ показаній Евстаѳія, говорили, что рѣчь, которую приписываетъ Григорій Евстаѳію, нельзя признать подлинною. Рѣчь императора, приводимая Григоріемъ, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что бы прямо говорило противъ ея подлинности; но за то она не представляетъ ничего новаго срав-

[2]) Ibid. col. 440.

нительно съ рѣчью, сохраненною Геласіемъ Кизическимъ [1]); она, вѣроятно, представляетъ изъ себя сокращенный варіантъ Геласіевой рѣчи, варіантъ—менѣе исправный, чѣмъ Геласіевъ, такъ какъ послѣдній засвидѣтельствованъ Θеодоритомъ. Показаніе Григорія о томъ, что императоръ Константинъ приглашалъ на соборъ чрезъ посланія не только епископовъ, но и свѣтскихъ лицъ высшаго ранга (οἱ ἐν τέλει—magistratus), также очень сомнительно, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой оно излагается у Григорія. На соборѣ вмѣстѣ съ императоромъ присутствовали и нѣкоторые государственные чиновники изъ наиболѣе приближенныхъ къ нему: объ этомъ очень опредѣленно говоритъ Евсевій Кесарійскій [2]); но присутствовали только одни приближенные императора, его друзья, которые были всегда съ нимъ и которыхъ не зачѣмъ было приглашать на соборъ посланіями. Между тѣмъ, по сказанію Григорія, Константинъ приглашалъ на соборъ государственныхъ чиновниковъ, какъ членовъ собора, наравнѣ съ епископами и такими же посланіями, какъ этихъ послѣднихъ [3]). Въ этомъ видѣ показаніе Григорія болѣе, чѣмъ сомнительно. Константинъ не позволялъ переносить дѣла вѣры на судъ свѣтскихъ государственныхъ чиновниковъ; онъ и себя сталъ считать членомъ собора не прежде, какъ испросилъ на то разрѣшеніе епископовъ [4]). Также сомнительно и то показаніе Григорія, что Минофантъ Ефесскій, при видѣ посрамленныхъ философовъ, искренно принялъ Никейское вѣроизложеніе и анаθематствовалъ Арія и его ученіе. Не говоря уже о томъ, что самый фактъ посрамленія философовъ очень сомнительной достовѣрности, мы сошлемся на Руфина и другихъ церковныхъ историковъ, которые положительно утверждаютъ, что аріанствующіе епископы подписались къ Никейскому символу

1) Gel. Cyz. II, c. 7. Migne t. 85.

2) „Жизнь Константина". III, 10.

3) Greg. oratio, col. 424.

4) Gel. Cyz. II, c. 7.

только рукою. Не думаемъ отдавать предпочтеніе Григорію, писателю VII или даже VIII вѣка, основывающему свои показанія на одномъ преданіи, предъ церковными историками начала V вѣка.

Мы указали недостатки слова Григорія Кесарійскаго, или точнѣе—несамостоятельность и недостовѣрность его показаній. Но оно имѣетъ и нѣкоторое значеніе для исторіи собора: въ немъ можно найти нѣкоторыя пополненія (правда, неважныя) тѣхъ свѣдѣній, какія мы получаемъ изъ болѣе раннихъ повѣствованій о соборѣ. Напр. Григорій подробнѣе, чѣмъ другіе повѣствователи, описываетъ мѣсто, гдѣ происходили засѣданія собора [1]); полнѣе также передаетъ опредѣленіе касательно празднованія Пасхи [2]).

Краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ писателей среднихъ вѣковъ.

Словомъ Григорія Кесарійскаго о 318 отцахъ кончается рядъ источниковъ (въ полномъ смыслѣ слова) исторіи Никейскаго собора: остается только нѣсколько краткихъ сказаній, или вѣрнѣе: замѣтокъ о Никейскомъ соборѣ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ авторовъ среднихъ вѣковъ. Эти замѣтки и по своей краткости и по своему очень позднему происхожденію не могутъ имѣть никакого значенія для исторіи Никейскаго собора; онѣ не могутъ даже считаться среди источниковъ исторіи собора. Авторы этихъ сказаній не имѣли подъ руками никакихъ новыхъ документовъ, благодаря которымъ ихъ сказанія могли бы возбудить къ себѣ интересъ историка, а сами по себѣ эти авторы, какъ жившіе нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Никейскаго собора, не могутъ быть авторитетными повѣствователями. Въ силу сказаннаго можно бы обойти молчаніемъ всѣ эти краткія повѣствованія о соборѣ. Но

[1]) Greg. oratio. col. 428.

[2]) Ibid. col. 432.

такъ какъ эти позднѣйшія сказанія, не доставляя никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи собора, крайне изобилуютъ всевозможными ошибками и анахронизмами, возбуждающими сомнѣніе въ достовѣрности несомнѣнно истинныхъ показаній, то мы считаемъ не лишнимъ ознакомиться для примѣра съ нѣкоторыми изъ этихъ позднѣйшихъ сказаній о соборѣ.

Сказаніе о Никейскомъ соборѣ, заимствованное изъ соборной книжки. („Oecumenica prima CCCXVIII patrum, cum aliis, praecipue arianorum, ab anno Christi 325 ad Damasi papae tempora. Ex libello synodico“ [1]). Сказаніе это очень кратко: оно перечисляетъ только болѣе замѣчательныхъ епископовъ, участвовавшихъ на Никейскомъ соборѣ, и опредѣленія собора. Но и при этой краткости въ сказаніи очень много ошибокъ. Такъ самое заглавіе сказанія заключаетъ въ себѣ уже анахронизмъ. По заглавію Никейскій соборъ продолжался съ 325 года до временъ папы Дамаса, т. е. до 367 года. Перечисляя членовъ собора (немногихъ), сказаніе опять впадаетъ въ анахронизмъ, вытекающій, впрочемъ, изъ предыдущаго: Витъ и Викентій, римскіе пресвитеры, называются легатами не только папы Силивестра, но и Юлія. Допускаетъ сказаніе и знакомую намъ ошибку въ томъ, что считаетъ Никейское вѣроизложеніе направленнымъ не только противъ Арія и еретиковъ предшествующаго собору времени—Савеллія, Павла Самосатскаго, но и противъ еретиковъ, появившихся послѣ собора, противъ Фотина. Наконецъ, авторъ сказанія приписываетъ Никейскому собору утвержденіе канона священныхъ книгъ ветхаго и новаго завѣтовъ. Самое отдѣленіе священныхъ книгъ отъ апокрифическихъ произошло, по сказанію, слѣдующимъ чудеснымъ образомъ. Отцы собора, собравъ всѣ книги и положивъ ихъ въ церкви около престола, обратились съ молитвою къ Богу, чтобы Онъ отдѣлилъ священныя книги отъ ложныхъ. Отдѣленіе дѣйствительно произошло: богодухновенныя книги

1) Mansi. Sacr. conc. collec. t. II, col. 748.

оказались вверху, а апокрифическія — внизу. Какъ мы знаемъ, никто изъ достовѣрныхъ писателей и историковъ не говоритъ, что Никейскій соборъ занимался пересмотромъ канона священныхъ книгъ. Можетъ быть, авторъ сказанія введенъ былъ въ заблужденіе извѣстнымъ свидѣтельствомъ бл. Іеронима о книгѣ Іудиѳь, которое мы разсматривали въ своемъ мѣстѣ, а можетъ быть, онъ смѣшалъ соборъ Никейскій съ Лаодикійскимъ и дѣйствіе этого послѣдняго, дѣйствительно занимавшагося пересмотромъ канона священныхъ книгъ, приписалъ собору Никейскому, окруживъ при этомъ соборное рѣшеніе чудесною обстановкою.

Сказаніе, заимствованное изъ письма Фотія. („Nicaena synodus ex epistola Photii ad Michaelem Bulgariae principem seu libello de septem conciliis oecumenicis") [1]). Это сказаніе не даетъ никакихъ новыхъ данныхъ для исторіи собора: въ немъ указывается число епископовъ собора (318), перечисляются поименно нѣкоторые члены собора, при чемъ указываются достоинства и добродѣтели каждаго изъ поименно перечисленныхъ членовъ собора и, наконецъ, излагается сущность аріанской ереси съ краткимъ, но сильнымъ опроверженіемъ ея. Не представляя ничего новаго, сказаніе однако не свободно отъ ошибокъ какъ уже извѣстныхъ намъ, такъ и новыхъ. Напр. сказаніе допускаетъ знакомую намъ ошибку Созомена, который считаетъ современниками Никейскаго собора не только папу Силивестра, но и Юлія. А вотъ новая ошибка: Александра Константинопольскаго это сказаніе называетъ предсѣдателемъ собора вмѣстѣ съ римскими папами. Не смотря на то, что вопросъ о томъ, кто изъ епископовъ былъ предсѣдателемъ на Никейскомъ соборѣ, не рѣшенъ, данное показаніе никакъ нельзя считать правильнымъ. На соборѣ присутствовали болѣе заслуженные и извѣстные епископы, чѣмъ Александръ Константинопольскій, какъ напр. Осія Кордубскій, Алек-

[1]) Mansi. Sacr. conc. collectio. t. II, 748—749.

[2]) Ibid. col. 752.

сандръ Александрійскій, Евстаѳій Антіохійскій. Вѣроятнѣе, который-нибудь изъ этихъ епископовъ и былъ предсѣдателемъ собора (если таковой только былъ), а не Александръ Константинопольскій.

Сказаніе изъ синоптическаго разсказа Нила, митрополита Родосскаго (Nicaena synodus ex Nili Rhodi Mitropolitae enarratione synoptica, seu libello de oecumenicis synodis) [2]). Это сказаніе очень кратко: оно указываетъ только нѣкоторыхъ членовъ собора и въ немногихъ словахъ излагаетъ сущность аріанской ереси. Но при всемъ томъ оно не свободно отъ ошибокъ. Въ немъ говорится, что соборъ Никейскій былъ въ 5815 году отъ сотворенія міра, въ 318 году отъ Рождества Христова и за 54 года до втораго вселенскаго Константинопольскаго собора: всѣ показанія не правильны.

Кромѣ указанныхъ и разобранныхъ нами повѣствованій о Никейскомъ соборѣ, существуетъ немало и другихъ сказаній, таковы: сказаніе изъ анонимнаго повѣствованія о 6-ти соборахъ (Nicaena synodus ex anonymo de VI synodis) [1]), сказаніе, заимствованное изъ втораго антирретика Никифора, архіепископа Константинопольскаго (S. Patris nostri Nicephoris, archiepiscopi Constantinopolitani ex secundo ejus antirretico: de sex synodis) [2]), греко-латинская исторія Никейскаго собора Михаила Глики, переводъ Михаила Пселла о вселенскихъ соборахъ, хронографія Ѳеофана и нѣкоторыя другія [3]). Точно также существуютъ краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ въ каноническихъ коллекціяхъ греческихъ, латинскихъ, арабскихъ и др. въ видѣ введенія къ Никейскимъ канонамъ. Но всѣ эти сказанія не имѣютъ никакого значенія для исторіи собора, какъ слишкомъ позднія и несамостоятельныя; всѣ эти сказанія представляютъ собою не болѣе, какъ компиляціи, составленныя на основаніи разсмотрѣнныхъ нами по-

[1]) Mansi. Sacr. cons. t. II, col. 752.
[2]) Combefesis. Nov. auctar. t. II, col. 604—605.
[3]) Эти сказанія перечислены у Манси. Sacr. conc. t. II, col. 751—752.

вѣствованій о соборѣ или же на основаніи темныхъ преданій, вслѣдствіе чего они изобилуютъ разными новыми легендами и баснями, а не новыми достовѣрными историческими показаніями. Въ силу сказаннаго мы находимъ излишнимъ разсматривать эти позднѣйшія сказанія, не имѣющія самостоятельнаго значенія, и считаемъ себя въ правѣ закончить обозрѣніе источниковъ исторіи перваго вселенскаго Никейскаго собора.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

ВВЕДЕНІЕ.—Значеніе и важность Никейскаго собора.—Важность и нужда критико-библіографическаго изслѣдованія источниковъ исторіи перваго вселенскаго собора.—Планъ и порядокъ изслѣдованія . . . 3—16

ГЛАВА I-я. **Акты Никейскаго собора.**—Существованіе актовъ Никейскаго собора въ смыслѣ опредѣленій и ихъ неполнота въ настоящее время.—Акты въ смыслѣ протоколовъ засѣданій собора. Свидѣтельства о существованіи такихъ актовъ; разборъ и опроверженіе этихъ свидѣтельствъ. Доказательство несуществованія актовъ въ смыслѣ протоколовъ (16—33).—*Сборники соборныхъ дѣяній*, ихъ составъ и значеніе, какъ источниковъ исторіи Никейскаго собора (33—40).—*Коптскіе тексты Никейскаго собора*. Краткая исторія ихъ постепеннаго открытія и ихъ содержаніе. Мнѣніе Ревилью о коптскихъ текстахъ. Разборъ коптскихъ текстовъ и мнѣнія Ревилью. Предположеніе о времени происхожденія текстовъ. Дѣйствительное значеніе текстовъ (40—73).—*Сирскіе акты Никейскаго собора*. Мнѣніе Питры объ этомъ документѣ. Содержаніе документа. Дѣйствительное значеніе сирскихъ актовъ (73—76).—*Преніе Аѳанасія съ Аріемъ на Никейскомъ соборѣ*. Характеръ этого памятника; его анахронизмы и ошибки. Предположеніе о времени происхожденія этого памятника (76—82) . . . 16—82

ГЛАВА II. **Сказанія о Никейскомъ соборѣ современниковъ и очевидцевъ его—Евсевія Кесарійскаго, св. Аѳанасія Александрійскаго и св. Евстаѳія Антіохійскаго.**—Важность сказаній о Никейскомъ соборѣ совре-

менниковъ его; практическая цѣль этихъ сказаній и необходимость критическаго обозрѣнія ихъ (82—84).—*Сказанія о Никейскомъ соборѣ Евсевія Кесарійскаго.* Краткія біографическія свѣдѣнія объ Евсевіи. Отличительныя черты въ воззрѣніяхъ Евсевія, наложившія своеобразный колоритъ на его повѣствованія о Никейскомъ соборѣ (84—91).—Сочиненіе Евсевія «*Жизнь Константина*». Время, поводъ и цѣль написанія сочиненія. Недостатки повѣствованія о Никейскомъ соборѣ, заключающагося въ «Жизни Константина». Достоинства и значеніе этого повѣствованія для внѣшней исторіи собора (91—104).—*Посланіе Евсевія къ кесарійцамъ.* Время, поводъ и цѣль написанія посланія. Неискренность и фальшь Евсевія какъ въ самой постановкѣ разсказа о дѣйствіяхъ собора, такъ и въ объясненіи Никейскаго символа и терминовъ, въ него внесенныхъ православными епископами. Достовѣрность исторической стороны посланія. Значеніе этого посланія, какъ источника исторіи Никейскаго собора (104—117).—*Извѣстія о Никейскомъ соборѣ св. Аѳанасія Александрійскаго.* Характеръ и направленіе жизни и дѣятельности Аѳанасія вообще, литературной въ частности (117—120).—Посланія Аѳанасія «объ опредѣленіяхъ Никейскаго собора» и «къ африканскимъ епископамъ». Время, поводъ и цѣль ихъ написанія.—Особенности показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ, вытекающія изъ полемическаго характера его сочиненій (121—141).—Отношеніе показаній Аѳанасія къ показаніямъ Евсевія Кесарійскаго (141—150).—Значеніе показаній Аѳанасія о Никейскомъ соборѣ (150—159).—*Сказаніе о Никейскомъ соборѣ св. Евстаѳія Антіохійскаго.* Характеръ и направленіе дѣятельности Евстаѳія противъ аріанства какъ всей вообще, такъ и литературной въ частности (159—161).—Отрывки сочиненій о Никейскомъ соборѣ, приписываемые Евстаѳію. Рѣчь на Никейскомъ соборѣ (у Григорія Кесарійскаго). Объясненіе текста кн. Притчей 8 гл. 22 ст. (у Геласія Кизич.). Отрывокъ изъ сочиненія Евстаѳія «о дѣяніяхъ Никейскаго собора» (въ церковной исторіи Ѳеодорита). Харак-

теръ этого отрывка, какъ сказанія о Никейскомъ соборѣ, и его значеніе для исторіи Никейскаго собора (161—173) , . . . 82—173

ГЛАВА III-я. **Сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ историковъ: латинскихъ—Руфина, Сульпиція Севера и греческихъ—Филосторгія, Сократа, Созомена и Ѳеодорита.**—Общій взглядъ на сказанія церковныхъ историковъ о Никейскомъ соборѣ (174—176).—*Сказанія о Никейскомъ соборѣ Руфина и Сульпиція Севера.* Біографія Руфина.—Время поводъ и цѣль написанія исторіи. Положеніе Руфина, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ.—Самобытность и оригинальность Руфинова повѣствованія. —Недостатки Руфинова повѣствованія; его значеніе (176—205).—Краткія замѣчанія о *Сульпиціи Северѣ* и его извѣстіяхъ о Никейскомъ соборѣ (206).—*Сказанія о Никейскомъ соборѣ Филосторгія и Сократа.*—Краткія свѣдѣнія о личности *Филосторгія* и его исторіи.—Характеръ повѣствованія Филосторгія объ аріанскихъ спорахъ вообще, о Никейскомъ соборѣ въ частности. Значеніе его показаній для исторіи Никейскаго собора (206—209).—Краткія свѣдѣнія *о Сократѣ* и его исторіи.—Источники Сократова повѣствованія о Никейскомъ соборѣ.—Недостатки Сократова повѣствованія. Достоинства.—Новыя свѣдѣнія, сообщаемыя Сократомъ о Никейскомъ соборѣ.—Значеніе для исторіи собора документовъ, сохраненныхъ Сократомъ (209—244).—*Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ Созомена.*—Краткія свѣдѣнія о Созоменѣ и его исторіи.—Источники, недостатки и значеніе Созоменова повѣствованія для исторіи собора (244—275).—*Повѣствованіе о Никейскомъ соборѣ бл. Ѳеодорита.*—Краткія свѣдѣнія о личности Ѳеодорита и его исторіи.—Источники, недостатки и достоинства Ѳеодоритова повѣствованія (276—293) . . 174—293

ГЛАВА IV-я. **Извѣстія и сказанія о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей второй половины IV, V и дальнѣйшихъ вѣковъ.**—Значеніе и важность извѣстій и сказаній о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей.—

Замѣчанія о краткихъ, отрывочныхъ извѣстіяхъ о Никейскомъ соборѣ церковныхъ писателей и о значеніи ихъ для исторіи Никейскаго собора (293—296).—*Извѣстія о Никейскомъ соборѣ съ Епифанія Кипрскаго.* Свѣдѣнія объ Епифаніи и его «Панаріи».—Положеніе Епифанія, какъ повѣствователя о Никейскомъ соборѣ.—Недостатки Епифаніевыхъ показаній о Никейскомъ соборѣ.—Значеніе этихъ показаній для исторіи Никейскаго собора (296—299). *Анонимное сочиненіе «дѣянія Никейскаго собора».*—Предположенія о личности и времени жизни автора.—Гипотеза о тождествѣ анонима съ пресвитеромъ Іоанномъ, цитируемымъ Геласіемъ Кизическимъ —Значеніе документа для исторіи Никейскаго собора (299—309).—*Исторія Никейскаго собора, составленная Геласіемъ Кизическимъ.* Свѣдѣнія о личности Геласія.—Поводъ, время и цѣль написанія его исторіи.—Источники исторіи.—Разборъ Геласіева свидѣтельства о книгѣ архіепископа Далматія.—Предположенія о личности и сочиненіяхъ пресвитера Іоанна —Зависимость Геласія отъ Евсевія, Руфина, Сократа, Созомена, Ѳеодорита и сочиненій Аѳанасія.—Недостатки Геласіева повѣствованія; его значеніе для исторіи Никейскаго собора (309—345).—*Слово Григорія, пресвитера Кесарійскаго.* Свѣдѣнія о личности Григорія.—Время, поводъ и цѣль написанія слова.—Источники слова.—Недостовѣрность и легендарность показаній Григорія о Никейскомъ соборѣ.—Значеніе слова для исторіи Никейскаго собра (346—354).—*Краткія сказанія о Никейскомъ соборѣ.* Замѣчанія о значеніи ихъ для исторіи собора. Частный разборъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сказаній.—Заключительныя замѣчанія о другихъ позднѣйшихъ сказаніяхъ о Никейскомъ соборѣ (354—358) 293—358

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣд. читать.*
11	11 св.	основаній, относиться	основаній относиться
25	4 сн.	Zw. Auf. I.	Zw. Aufl.
79	3 —	²)	¹)
—	1 —	³) Πνεῦμκ	²) Πνεῦμα
102	23 св.	grande	grand
116	1 сн.	⁵) Ibid. Ш. 13.	⁵) Ш. 13.
119	14 св.	μάντα μᾶλλον ἤχριστιανοὶ	πάντα μᾶλλον ἢ χριστιανοὶ
199	16 —	improbaliter	improbiter
200	7 —	ejus) [Arii]	ejus [Arii]
206	14 —	о числѣ, епископовъ онъ вѣроятно,	о числѣ епископовъ онъ, вѣроятно,
249	19 —	распоряженія	расторженія
251	8 —	мѣстамъ	мѣстахъ
253	7 —	обозначевіи	обозначеніи
354	13 —	⁵)	³)
—	16 —	⁶)	⁴)
299	13 —	сдѣлалъ	сдѣлавъ
344	1 сн.	арію и Аріанамъ	Арію и аріанамъ

30р
11851

М
35-16

Smirnov, K.

Obozrenie istočnikov istorii Pervago Vselenskago Nikejskago Sobora

Jaroslavl' 1888

4 Conc. 400 c
urn:nbn:de:bvb:12-bsb00071528-3